

ООО «Наука и образование»

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

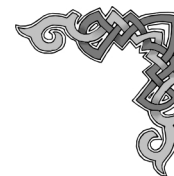

**№ 4
2018**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2018, № 4

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 2

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

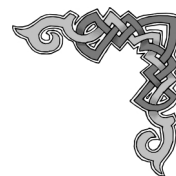
Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН по науке;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Karepova S. Gennadyevna, candidate of sociological sciences, the deputy director of Institute socially-political researches of the Russian Academy of Sciences on science;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

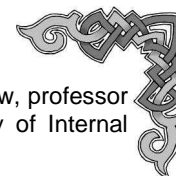
Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Kleshchina E. Nikolaevna, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Konovalev S. Ivanovich, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Ph.D, Professor, Dean of the Faculty of Law in the Kuban State Agricultural University, Head of International Private and Business Law Department at the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Markova-Murasheva S. Aleksandrovna, the doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

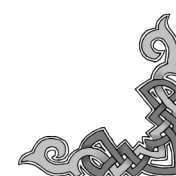
Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, chief researcher of the Ministry of Internal Affairs All-Russian research institute of Russia;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGТУ of N.E. Bauman;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, Doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, Doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimshikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

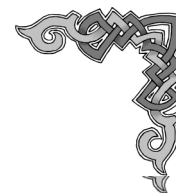
Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, the editor-in-chief «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Мельников Александр Борисович

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Афанасенко М.С., Гришай Ж.Г., Зенина Ю.М. Снижение конфликтности в обществе как функция образования и воспитания молодежи	17
Баштовой В.Ю., Гришай В.Н., Кириченко С.Н., Сыпачев С.В. Проблема неуставных отношения в современной российской армии	20
Беляков С.Г. Взаимовлияние установок социализации личности и системы публичного права	25
Бояринова И.В., Начкебия М.С. Социальный капитал как методологическая основа эффективности социальных сетей в региональном сообществе	29
Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Парадоксы толерантности и девиантное поведение молодежи	32
Гришай В.Н., Курносенко А.А., Костюк В.И. Этническая коррупция: социально-коммуникационные риски в условиях прогресса информационных технологий и интернета	38
Зенин К.А., Поляков О.В. Социальные основания для формирования информационного общества	42
Каменская А.О. Инновационное развитие как сфера ответственности бизнеса	45
Карнаушенко Л.В. Правовая культура российской молодежи (опыт социологического анализа)	49
Касьянов В.В., Мерзаканов С.А., Самыгин С.И. Еще раз о некоторых аспектах демографических прогнозов для российского общества на период до 2050 года	53
Ковров В.Ф., Хамитова Р.М. Организация досуга молодежи в условиях современной городской среды	57
Ли Чжунюань Государственное управление в условиях демографического старения общества	60
Макаров Ю.Н., Попова Т.В., Скворцов Д.В. Интернет как коммуникативный и социокультурный феномен	63
Макеева Е.А., Макеева И.А., Логинова Е.В. Студенческие отряды как объект государственной молодежной политики	66
Ростова А.Т., Кириченко С.Н. Социально-культурное проектирование межличностной коммуникации	69
Федорова Е.В. Разработка эффективных механизмов применения информационных ресурсов медиатизации для поддержания информационной безопасности на уровне государственной власти, политических и социальных структур	72
Хомякова Г.С. Управление репутацией в российской компании: основные подходы, стратегии и технологии её формирования	75
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Акберли Н.Н. Региональные органы исполнительной власти в российском государстве	81
Бацаев Б.Б. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера	84
Глинщикова Т.В. Компенсация как правовое основание национализации иностранных инвестиций	89

Григорьев С.Э. О направлениях патриотического воспитания в контексте реализации воспитательной функции права в федеральном и региональном законодательстве современной России	92
Григорьева А.Г., Леус М.В., Сушкова И.А. Согласование существенных условий договора и правовые последствия их отсутствия	96
Делегеоз Е.Г. Рассмотрение коллективных трудовых споров примирительной комиссией	101
Жинкин С.А. О целях правового воздействия в современной России	105
Исаков В.С., Шушакова Е.А. Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве	109
Кочеткова Т.Ю. О вещно-правовой и обязательственной природе исков о признании права собственности	113
Кравченко Е.В. Конституционное право граждан на получение квалифицированной юридической помощи в стадии возбуждения уголовного дела	118
Крамаренко В.О. Была ли необходимость в разработке гражданского уложения 1905 года?	122
Кубиков Д.М. Применения различных видов соглашений кредиторов о порядке удовлетворения имущественных требований к должнику	125
Максютов М.Ф. Объекты и субъекты прокурорского надзора за исполнением законов в сфере корпоративных закупок (вопросы теории и практики)	128
Мельниченко Н.Н. Преступления против археологического наследия: понятие и система (ст. 164, 190, 226 ¹ , 243, 243 ¹ , 243 ² , 243 ³ УК РФ)	133
Меретуков Г.М., Найденов А.С. Правовые и криминалистические аспекты установления причинно-следственной связи в ходе раскрытия и расследования преступлений	138
Никитин В.И. О видах и факторах отрицательной эффективности в праве	142
Нинциева Т.М. К вопросу о правовой природе актов гражданского состояния	144
Рамазанов А.К. Формы окончания производства по делу без вынесения решения в гражданском процессе	148
Рудакова С.В. Сущность теоретической модели пересмотра приговоров и иных судебных решений по уголовным делам	151
Слюсарев Д.С. Актуальные проблемы организационно-управленческих правоотношений	155
Стрельцов Н.В. Нормативное стимулирование правовой активности (федеральный и региональный аспекты)	158
Тарасенко Д.В. К вопросу о причинах и условия совершения половых преступлений в отношении несовершеннолетних	162
Товарова Е.В. Особенности предупреждения злоупотребления должностными полномочиями	166
Хадисов С.В. Особенности законодательного регулирования банкротства физических лиц	169
Хурум М.А. Социальная обусловленность криминализации деяний, связанных с получением и разглашением конфиденциальной информации, составляющей коммерческую тайну	172
Шарабанов С.В. Функции юридической ответственности в охранительном механизме правового регулирования	177

Шипицина В.В.	
Критерии дифференциации процессуальной формы: правовое и социальное значение	180
Шуренкова С.С.	
Применение медиации при разрешении конфликтов в мусульманских семьях	187
Яновский А.С.	
Исключение иных документов, полученных с нарушением УПК РФ в ходе досудебного производства	191

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андрианова Ю.В.	
Особенности классификации и оценки стоимости фиксированных материальных активов в соответствии с МСФО	197
Волков Л.В.	
Зарубежная практика государственно-частного партнерства	200
Гольман Т.И., Волкова Т.В., Апсите М.А.	
Управление рисками в современных социально-экономических условиях	203
Джолдошева Д.С.	
Тренды неравенства и бедности в Киргизской Республике и соседних государствах	206
Дружинин А.Е.	
Задачи опережающего обучения и сопровождающего тренинга в организационных изменениях	210
Кемайкин П.В.	
Перспективы развития социально-экономической политики Самарской области	213
Махова А.В., Авакьян О.А.	
Анализ доходов и расходов населения России за 2015–2016 гг.	217
Никитин В.В.	
Актуальные вопросы инновационных процессов в промышленном секторе экономики на современном этапе	221
Павлова И.М., Акбаров А.А.	
Учет эколого-экономического ущерба от загрязнения водных объектов в показателе ВВП	224
Романова А.И.	
Повышение квалификации персонала как главный источник роста качественной составляющей сферы строительных услуг	228
Темижева Г.Р.	
Оптимизация финансово-экономической деятельности предприятий региона	232
Юрьева И.В., Купрякова М.А., Савкина Ю.В.	
Инновации в наукоемких отраслях и их значение (на примере космической отрасли)	236

CONTENTS:

Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Maria S. Afanasenko, Jeanne G. Gryshai, Yulia M. Zenina Reduction of conflicts in society as function of education and upbringing of youth	17
Vladimir Y. Bashtovoy, Vladimir N. Grishay, Sergey N. Kirichenko, Sergey V. Sypachev The problem of non-statutory relations in the modern russian army	20
Sergey G. Belyakov The mutual influence of units of socialization and the system of public law	25
Irina V. Boyarinova, Maya S. Nachkebiya Social capital as a methodological basis for the effectiveness of social networks in the regional community	29
Anna V. Vereshchagina, Natalya K. Gafiatulina, Sergey I. Samygin Paradoxes of tolerance and deviant behavior of youth	32
Vladimir N. Gryshai, Andrey A. Kurnosenko, Vladislav I. Kostyuk Ethnic corruption: social communication risks in terms of the progress of information technologies and the internet	38
Konstantin A. Zenin, Oleg V. Polyakov The social basis for the development of the information society	42
Anna O. Kamenskaya Innovative Development as a Sphere of Business Responsibility	45
Leonid V. Karnaushenko Legal culture of Russian youth (experience of sociological analysis)	49
Valery V. Kasyanov, Sergey A. Merzakanov, Sergey I. Samygin Once again about some aspects of the demographic projections for Russian society for the period up to 2050	53
Vladimir F. Kovrov, Rita M. Khamitova Organization of youth leisure in the modern urban environment	57
Li Zhongyuan Public administration in the conditions of demographic aging of society	60
Yury N. Makarov, Tatyana V. Popova, Dmitry V. Skvortsov The internet as a communicative and socio-cultural phenomenon	63
Elena A. Makeeva, Inna A. Makeeva, Elena V. Loginova Student Groups as an Object of State Youth Policy	66
Antonina T. Rostova, Sergey N. Kirichenko Socio-cultural design interpersonal communication	69
Elena V. Fedorova Development of effective mechanisms for the use of media resources to maintain information security at the level of state power, political and social structures	72
Galina S. Khomyakova Reputation management in the Russian company: the main approaches, strategies and technologies of its formation	75
JURISPRUDENCE	
Nidzhat N. Akberli Regional executive authorities in the Russian state	81
Badrudi B. Batsaev Confiscation of property as a measure of criminal law	84
Tatiana V. Glinshchikova Compensation as a legal basis for the nationalization of foreign investment	89

Stanislav E. Grigoriev On the directions of Patriotic education in the context of realization of educational function of law in the Federal and regional legislation of modern Russia	92
Anna G. Grigorieva, Marianna V. Leus, Irina A. Sushkova Coordination of essential conditions contracts and legal consequences of their absence	96
Helen G. Delegeoz Consideration of collective labour disputes by the conciliation commission	101
Sergey A. Zhinkin About the purposes of legal influence in modern Russia	105
Vladislav S. Isakov, Ekaterina A. Shushakova Justice and equality in criminal legal proceedings	109
Tatiana Yu. Kochetkova About proprietary and contractual nature of the claims of acknowledgment of the right of ownership	113
Elena V. Kravchenko The constitutional right of citizens to receive qualified legal assistance in the stage of initiation of criminal proceedings	118
Vladimir O. Kramarenko Whether there was a need to develop the civil code of 1905?	122
Denis M. Kubikov Possibility of joint use of various types of creditor agreements on the procedure of satisfaction of property requirements to debtor	125
Marsel F. Maksutov Objects and subjects of prosecutor's supervision for execution in corporate procurement laws (Theory and Practice)	128
Nikolay N. Melnichenko Crimes against the archaeological heritage: the concept and the system (articles 164, 190, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3)	133
Gaysa M. Meretukov, Artem S. Naidyonov Legal and Criminalistic Aspects of Determining a Cause-Effect Relationship in the course of Detection and Investigation of crimes	138
Victor I. Nikitin On the types and factors of negative efficiency in the law	142
Tamila M. Ninawa On the legal nature of acts of civil status	144
Amir K. Ramazanov Forms of termination of proceedings without judgment in civil proceedings	148
Svetlana V. Rudakova The essence of the theoretical model revision sentences and other judicial decisions on criminal cases	151
Dmitry S. Slyusarev Key Issues of Organizational and Managerial Relations	155
Nikolay V. Streltsov Regulatory promotion of legal activity (Federal and regional aspects)	158
Denis V. Tarasenko On the causes and conditions of sexual offences committed against minors	162
Elena V. Tovarova Features of preventing abuse of official authority	166
Saikhan V. Khadisov Features of legal regulation of bankruptcy of physical persons	169
Mariette A. Hurum Social conditionality of criminalization of acts connected with the receipt and disclosure of confidential information constituting commercial secret	172
Sergey V. Sharabanov The functions of legal responsibility in the protective mechanism of legal regulation	177
Victoria V. Shipitsina Criteria of differentiation of procedural form: legal and social significance	180

Svetlana S. Shurenkova	
The use of mediation in the resolution of conflicts in muslim families	187
Anton S. Yanovsky	
Exclusion of other documents obtained against the RF Code of criminal procedure during the pre-trial process	191
ECONOMIC SCIENCES	
Julia V. Andrianova	
Features of classification and valuation of fixed assets in accordance with IFRS	197
Leonid V. Volkov	
Foreign experience of Public-private partnership	200
Tatiana I. Golman, Tatiana V. Volkova, Marina A. Apsite	
Risk management in modern socio-economic conditions	203
Dinara S. Djoldosheva	
Trends of inequality and poverty in the Kyrgyz Republic and neighboring countries	206
Andrey E. Druzhinin	
The objectives of anticipatory learning and follow-up training in organizational changes	210
Pavel V. Kemaikin	
Prospects for the development of social and economic policy of the Samara region	213
Anna V. Makhova, Olesya A. Avakyan	
The analysis of income and expenditure of the population in Russia between 2015 and 2016	217
Vladimir V. Nikitin	
Topical issues of innovative processes in the industrial sector of the economy at the present stage	221
Irina M. Pavlova, Abror A. Akbarov	
Accounting of ecological and economic damage from pollution of water bodies in the GDP indicator	224
Anna I. Romanova	
Personnel development as the main source of qualitative components growth of the construction services sphere	228
Galimat R. Temizhev	
Optimization of financial-economic activity of enterprises of the region	232
Irina V. Yureva, Marina A. Kupryakova, Yulia V. Savkina	
Innovations in knowledge-intensive industries and their importance (by the example of the space industry)	236

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Афанасенко Мария Сергеевна

соискатель кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права
Milena.555@mail.ru

Гришай Жанна Георгиевна

кандидат социологических наук, доцент, Эссентукский институт управления бизнеса и права
Milena.555@mail.ru

Зенина Юлия Михайловна

соискатель кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права
Milena.555@mail.ru

Maria S. Afanasenko

applicant of the Department of General humanitarian and natural Sciences disciplines, Essentuki Institute of management, business and law
Milena.555@mail.ru

Jeanne G. Gryshai

candidate of sociological Sciences, associate Professor, Essentuki Institute of management business and law
Milena.555@mail.ru

Yulia M. Zenina

applicant of the Department of Humanities and science disciplines, Essentuki Institute of management, business and law
Milena.555@mail.ru

**СНИЖЕНИЕ КОНФЛИКТНОСТИ
В ОБЩЕСТВЕ КАК ФУНКЦИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ
И ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. На сегодня в социологии имеется достаточно данных о структуре процессов социальной регуляции целенаправленных действий. Знания об основных закономерностях системного взаимодействия отдельных функциональных компонентов этих процессов открывают возможность для определения путей и для разработки и решения различных сторон проблемного поля управления образованием.

Ключевые слова: общество, молодёжь, социальная структура, социализация.

Одной из главных задач на пути к оценке индивидуальных социальных характеристик человека в образовании, его способностей к последующему успешному овладению конкретной профессией, являются выявление, изучение, а далее - построение типологии индивидуальных стилей коммуникативной регуляции людьми своей деятельности и поведения.

Конечно, применительно к задачам обучения и профессионального выбора значимыми являются не любые индивидуальные различия процесса социализации, фиксируемые в любой отдельной деятельности, а лишь особенности саморегуляции личности. Они характеризуют общий стиль, присущий данному человеку. Естественно, что общее понятие «стиль регуляции социальной активности» вовсе не исключает более частных определений регуляторного стиля общения, стиля регуляции

**REDUCTION OF CONFLICTS
IN SOCIETY AS FUNCTION OF
EDUCATION AND
UPBRINGING OF YOUTH**

Annotation. Today in sociology we have sufficient data on the structure of processes of social regulation and purposeful actions. Knowledge of the basic laws of the system interaction of individual functional components of these processes provides an opportunity to identify ways and to develop and solve various aspects of the problem field of education management.

Keywords: society, youth, social structure, socialization

трудовой или учебной деятельности. Сказанное предполагает, что тем самым в понятие «стиль социального регулирования» по отношению к моделированию управленческой коммуникации в образовании следует включать наиболее общие, сущностные характеристики индивидуальной предметной деятельности, общения, поведения. Следует специально отметить, что имеются в виду особенности лишь внутренней, собственно регуляторной социальной активности обучаемых. Она не находится в прямой связи с чисто внешней индивидуально-устойчивой, социально-динамической стороной социализации. Понятно, что стилевые особенности социализации, касаясь лишь ограниченного числа сущностных социальных характеристик, предполагают возможность определенной типологизации индивидуальных стилей социального регулирования в обучении и в последующем профессиональном становлении.

Таким образом, индивидуальный стиль целенаправленной социализации в системе обучения и профессиональной ориентации описывается такими особенностями существенных характеристик процессов обучения, которые устойчиво присущи данному человеку и проявляются в разнообразных видах и формах его социальной активности. Коммуникационные модели могут быть использованы для исследования процессов находящихся вне нашего контроля, но они недостаточны для понимания межличностного взаимодействия. Коммуникационные модели позволяют также проследить истоки формирования современного института образования, осуществить вероятный прогноз его развития. Их типология требует развёртывания специальных исследований, однако, следует предположить, что здесь наиболее вероятны варианты поиска в сферах социальных отношений, культуры, науки, политики и экономики.

Современный старшеклассник полон противоречий. С одной стороны – это уже, достаточно, взрослый и самостоятельный человек со своим взглядом на мир – человек, который старается анализировать каждый свой шаг, более ответственно подходить к решениям своих проблем. С него больше спрашивают. Даже глядя на него с точки зрения обучения, можно отметить, что его мотивы учения сильно отличаются от мотивов средних школьников. Старшеклассник имеет представление о том, зачем ему нужно образование. Но с другой же стороны, он, несмотря ни на что, в немалой степени и в разных отношениях зависит от учителей в школе и от родителей дома. В его обязанности входит беспрекословное подчинение преподавателям. Развитие учебного коллектива происходит под бдительным «надзором» классного руководителя и администрации школы. В такой ситуации трудно говорить о гармоничном развитии подростка.

Активность, которая присуща этому возрасту, часто направляется не в то русло, поскольку школа в этот период развития продолжает все решать за подростка, не давая ему возможности самостоятельно проявлять общественную активность, пресекая всякую его инициативу. Проблемы возникают в тех школах, где учителя полностью взяли на себя все обязанности по проведению школьных, и внешкольных мероприятий, лишив учащихся права участвовать в школьной жизни. Никакие воздействия учителя на учащихся не достигнут успеха, если они не затрагивают их мотивационной сферы.

Лишение учеников возможности проявить свои личностные качества приводит учителей к острым противоречиям в общении с ними, которые в дальнейшем затрудняют эффективное обучение подростков. Кто в большей степени виновен в возникновении конфликтных ситуаций, ученики или учителя? Говорить о виновности одних и невиновности других нельзя. Источником возникающих конфликтов являются обе стороны, и разрешение конфликтов зависит от того, как к нему относятся и те, и другие. При этом учащимся и педагогам следует знать, что неразрешенный конфликт – это тот фактор, который не позволяет улучшить качество обучения учащихся.

Всегда считалось, что уважение других можно заслужить. Отношения людей строятся на том, как к ним относятся другие. Перед педагогом стоит более трудная задача. От него требуется не только заслужить уважение учащихся, но и их любовь. Отношение детей к педагогу во многом зависит от любви педагога к ним. На этом строится авторитет учителя. Сравнивая высказывания об авторитете учителя, мы заметили: проблема эта вызывает живой интерес и у педагогов, и у учащихся. «Авторитет учителя крайне низок. Отношение людей к этой профессии раньше пользовалось уважением. Сейчас – нет» – гласит запись в одной из учительских анкет. За последнее время авторитет педагога сильно пошатнулся. Теперь у подростков уважением пользуются герои кино и видеобоевиков. Но не следует на этом заострять внимание, ждать, когда ребенок вырастет и поймет, насколько трудна работа учителя и станет относиться к нему с уважением, но при этом мало что делают, чтобы завоевать его, считая возраст основным признаком уважения к своей личности. Для подростка возраст не самый основной фактор оценки взрослого человека.

Авторитет учителя – это его помощник в обучении детей. На его счет следует отнести большую часть успешности в педагогической деятельности. Учитель, пользующийся авторитетом у школьников, оказывает на них сильное влияние. Ему больше верят, стараются подражать, у такого учителя на уроках тишина, все учащиеся внимательно слушают всё, что он им говорит, на уроке происходит обратная связь, дети стараются копировать его поведение, поступки по отношению к сверстникам. Авторитет нельзя приобрести как характеристику личности во время обучения в институте. Именно с момента работы в школе молодой специалист начинает завоевывать авторитет, и каким он будет, зависит только от него самого.

Вследствие различных ролевых позиций отношения между учителем и учениками не были и никогда не будут абсолютно равными. Однако в личностном плане они должны восприниматься и приниматься друг другом как равные партнеры совместной деятельности, каковой и является процесс обучения. В данном случае личностное равноправие педагогов и учащихся предполагает взаимную доверительность, искренность и правдивость в их отношениях друг к другу, во взаимопонимании и в безусловном взаимном принятии. Педагог, который объединяет все эти качества, будет пользоваться авторитетом и любовью учащихся.

Таким образом, главной особенностью подросткового периода, которую должен учитывать взрослый, является смена мировоззрения, значимых лиц и перестройка взаимоотношений с взрослыми. Потребность в самостоятельности, стремление освободиться от гиперопеки, контроля родителей и учителей наиболее велика в этом возрасте. Правила и порядки, установленные для них взрослыми, являются для него неприемлемыми. Подростки определяют для себя индивидуальные нормы поведения и общения,

которые чаще всего не вписываются в общепринятые. Все это делается для собственного самоутверждения среди сверстников и взрослых, которое является для старшеклассников особо значимым. Непонимание учителями и родителями этого стремления детей приводит к острым

Литература:

1. Дюркгейм Э. Социология её предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М. : Канон, 1995, С. 274.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Антология мировой политической мысли в 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. М. : Мысль, 1997, С. 32.
3. Ценность труда и трудовые ценности. Опрос ФОМа 16.01.2003. Официальный сайт ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd030131>

конфликтным ситуациям, вызывающим агрессивные реакции и формы поведения с обеих сторон. Для их предупреждения следует учитывать индивидуальные особенности конфликтующих сторон, включая и такое качество личности как агрессивность.

Literature:

1. Durkheim E. Sociology, its subject, method, purpose / per. s FR. A.B. Hoffmann. M. : Kanon, 1995, P. 274.
2. Weber M. Protestant ethic and the spirit of capitalism // anthology of world political thought in 5 t. T. II. Foreign political thought of the XX century. M. : Thought, 1997, P. 32.
3. The value of labor and labor values. Survey Thomas 16.01.2003. Official website of the FOM. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd030131>

Баштовой Владимир Юрьевич

кандидат социологических наук, доцент,
начальник военной кафедры,
Северо-Кавказский
федеральный университет
milena.555@mail.ru

Гришай Владимир Николаевич

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры экономики,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Кириченко Сергей Николаевич

кандидат социологических наук, доцент,
заместитель директора,
филиал ФГБУ ИАЦ Судебного
департамент в Ставропольском крае
milena.555@mail.ru

Сыпачев Сергей Владимирович

кандидат социологических наук,
доцент, заместитель руководителя
военного следственного управления
по Центральному военному округу
milena.555@mail.ru

**ПРОБЛЕМА
НЕУСТАВНЫХ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ АРМИИ**

Аннотация. Проблемой современной российской армии является ее криминализация, ярким проявлением которой выступают неуставные отношения в воинских коллективах. Авторами выявляются предпосылки формирования неуставных отношений на уровне дисфункциональности самого института армии, и, в частности, его функциональной сферы, ответственной за воспитание новобранцев. В статье проводится общий обзор внешних и внутренних факторов, определяющих криминализацию отношений в современной российской армии.

Ключевые слова: армия, неуставные отношения, криминализация армии, социальные институты, дисфункция института армии.

Одним из аспектов социальной деятельности военнослужащих является наличие строгой дисциплины и реализация системы командных отношений среди личного состава. Это предполагает построение иерархической системы властных отношений, в которой подчиненные должны беспрекословно выполнять приказы

Vladimir Y. Bashtovoy

candidate of sociological Sciences,
associate Professor,
the head of the military Department of
the North-Caucasian Federal University
milena.555@mail.ru

Vladimir N. Grishay

doctor of sociological Sciences,
Professor, Professor,
Department of Economics Essentuki
Institute of management, business and law
milena.555@mail.ru

Sergey N. Kirichenko

candidate of sociology, associate Professor,
Deputy Director of the branch of
Judicial Department in the
Stavropol region
milena.555@mail.ru

Sergey V. Sypachev

candidate of sociology, associate Professor,
Deputy head of the
military investigation Department of
the Central military district
milena.555@mail.ru

**THE PROBLEM OF
NON-STATUTORY RELATIONS
IN THE MODERN
RUSSIAN ARMY**

Annotation. The problem of the modern Russian army is its criminalization, a vivid manifestation of which are the unstable relations in military collectives. The prerequisites for the development of unstable relations at the level of dysfunctionality of the army Institute itself, and, in particular, its functional sphere, responsible for the education of recruits, are revealed. The article provides an overview of external and internal factors that determine the criminalization of relations in the modern Russian army.

Keywords: army, bullying, the criminalization of the army, social institutions, dysfunction of the institution of the army.

своего командира. Необходимость формирования безусловной практики подчинения приказам старших по званию определяется спецификой военной деятельности, при которой эффективность ведения боевых действий определяется слаженностью действий военнослужащих. В идеале речь идет о формировании отлаженного

социального механизма, при котором следование приказам является безусловным вне зависимости от личных предпочтений военнослужащих. Это имеет большое значение в силу того, что в ряде случаев эффективность боевых операций определяется готовностью солдат к совершению действий, опасных для жизни. В этом смысле определяющим фактором оптимального функционирования армии является преобладание коллективного аспекта над индивидуальным. Проявление личных предпочтений и установок в принятии решений представляется нежелательным. Вся совокупность социальных действий военнослужащих сводится, в идеале, к следованию Уставу и должностным инструкциям, а также беспрекословному подчинению приказам. Очевидно, что подобного рода модель взаимодействия существенно отличается от моделей, принятых в обществе вне системы ведомственных структур, поэтому чрезвычайно важным аспектом функционирования армии является вторичная социализация новобранцев, при которой реализуется момент вытеснения личных социальных установок системой уставных отношений, определяющей корректную в армейской среде систему взаимодействия. В масштабе отдельной личности подобного рода процесс связан с существенным внутренним конфликтом [3].

Обозначенный процесс реализуется в рамках взаимодействия новобранцев и носителей социальной модели, принятой в вооруженных силах. Данное взаимодействие сопряжено с немалой долей конфликтности, как в непосредственных формах проявления социальных противоречий, так и на уровне латентного возрастания уровня социальной напряженности. Подобная система отношений имеет высокий деструктивный потенциал, который зачастую находит выражение на уровне возникновения неуставных отношений в армии. Как отмечает Панченко А., социальный статус члена воинского коллектива (участника военизированной организации) содержит потенциальные ролевые конфликты, определяемые, прежде всего, противоречием между повседневными жизненными потребностями и жесткими нормами, порождаемыми институциональной средой таких организаций [5].

Фактически, на этом этапе обретают актуальность социальные притязания призывников, их гражданский статус, социальные установки и индивидуальное позиционирование с их последующим подавлением. При этом причиной конфликтов может являться как неготовность новобранцев к подчинению, так и разнообразные скрытые негативные факторы, к числу которых можно отнести социальное неравенство в обществе и связанную с ним напряженность, а также различного рода негативные стереотипы, распространенные в социальной среде. Так, одной из распространенных причин возникновения конфликтов в армейской среде является неприятие, основанное на предрассудках этнического или религиозного характера. В данном случае одной из причин актуализации конфликтности и, в частности, ее перехода на уровень силового противостояния, является то, что в армейской среде происходит устранение ряда сдерживаю-

щих факторов, не позволяющих проявляться накопленной социальной напряженности. Армия представляет собой специфическую социальную среду, обладающую собственным набором статусных критериев. Новобранцы, вне зависимости от их социального статуса в обществе, уравниваются в правах и возможностях, что приводит к изменению моделей коммуникации между представителями социальных групп, характеризующихся различным уровнем материального достатка. В результате распространенным становится явление, когда военнослужащие осуществляют «сведение социальных счетов».

Важным аспектом поведения военнослужащих является формализованная система институционально определенной коммуникации, которая воспринимается новобранцами в ходе их вторичной социализации. Однако наряду с институциональными формами поведения военнослужащих имеет место и неформальный уровень коммуникации, на основании которого формируется набор институционально предписанных форм девиантного поведения [5].

Формализованная система отношений между военнослужащими представляет собой непосредственный объект института контроля. Несмотря на длительную историю развития формальной структуры взаимодействия в российской армии, данная сфера может быть подвергнута глубокому реформированию в соответствии с целями и задачами, определяемыми государством. Инструментом воздействия в данном случае является правовая сфера, регламентирующая отношения в армейской среде. Однако контроль над деятельностью военнослужащих, связанной с командной структурой армии, не тотален. Существует развитая неформальная сфера взаимодействия, которая имеет большое значение в процессе осуществления воинской службы. Данная сфера связана с межличностной коммуникацией военнослужащих и при благоприятных условиях может способствовать формированию сильного сплоченного коллектива. Вместе с тем, именно в неформальной среде реализуются процессы деструктивного характера, негативно влияющие на состояние российских вооруженных сил и, в частности, на правовую обстановку в них.

В исследовательской практике данные деструктивные процессы получили наименование институционально предписанных, поскольку их возникновение, равно как и внутренняя специфика, в существенной мере определяется структурой института армии [1]. Для того, чтобы более отчетливо проиллюстрировать данный принцип, отметим, что социальная конфликтность имеет место и вне института армии, однако как насилие в армейской среде, так и неоправданная эксплуатация офицерами человеческих ресурсов рядового состава обладают собственной спецификой, связанной со структурой отношений, выстраиваемой в рядах военнослужащих. С одной стороны, имеют место предпосылки, делающие проявление социальной деструктивности более вероятным, с другой – особенности организации социальных отношений, определяющие специфическую форму ее проявления. Наконец, неко-

торые исследователи указывают на то, что ряд конфликтных ситуаций в армии, вытекающих в неуставные формы взаимоотношений, исходной своей точкой имеет реализацию функциональных запросов самого социального института, произведенную в форме, выходящей за рамки определенных Уставом способов коммуникации. То есть, фактически, в ряде случаев неуставные отношения выступают в качестве неформальной функции института армии. Рассмотрим обозначенные моменты по порядку.

Аналитически неуставные отношения в армии можно поделить на следующие основные группы деструктивных явлений:

- коррупционную деятельность командного состава;
- нарушение прав новобранцев со стороны старших по званию (эксплуатация рабочей силы солдат, побои и т. д.);
- конфликты между старослужащими и новобранцами;
- конфликты между равными по статусу военнослужащими, основанные на различных формах личной или групповой неприязни и влекущие за собой применение физического насилия;
- дисциплинарные нарушения.

Анализ первой группы неуставных отношений свидетельствует о том, что в данном случае статистика уровня распространения правонарушений коррупционного характера в армии и в обществе целом имеет схожие показатели. В данном случае структура армии представляет собой не столько причину возникновения правонарушений, сколько своеобразный их контекст. О влиянии институциональных характеристик армии на коррупцию в командном составе можно судить лишь косвенно: так, например, формирование стереотипов относительно неблагоприятных условий несения воинской службы определяет спрос на услуги по уклонению от призыва, а недостаток материальных средств в среде военнослужащих может служить в качестве статистического фактора повышения числа краж государственной собственности, количественного роста случаев растраты государственных средств и иных форм преступной деятельности.

Что касается нарушения прав военнослужащих со стороны старших по званию, здесь ситуация двойственная: речь идет как о направленной на достижение личных целей эксплуатации властных полномочий, так и о негативных формах реализации социальных функций армии. Так, идея «воспитания» новобранцев, связанная с преодолением трудностей, в гипертрофированном виде становится причиной организации мероприятий, представляющих угрозу для психологического и физического здоровья новобранцев. В первом случае, а именно в ситуации, когда имеет место эксплуатация военнослужащих, налицо искажение структуры взаимоотношений в армии, связанное с нецелевым использованием властных полномочий. Во втором случае речь

идет о нарушении командирами должностных инструкций и неадекватном исполнении институциональных функций армии.

Конфликты между старослужащими и новобранцами во многом связаны с реализацией рассмотренного выше процесса вторичной социализации. В данном случае важно то, что в армии реализуется деструктивный принцип насильственного подавления индивидуально-личностных характеристик личности военнослужащих, реализуемый под видом «воспитания». Процесс «обучения жизни» представляет собой реализацию деструктивной модели основанных на силе и детерминированных социальной традицией властных отношений, результатом которых становится возникновение специфических отношений в среде равных (по критерию воинского звания) военнослужащих. Во многом возникновение случаев дедовщины является следствием отсутствия четко определенной институциональной подсистемы, направленной на реализацию воспитательной функции. Как отмечает А. Балашов, «Переменный, многонациональный состав Армии и отсутствие в ней профессионального сержантского корпуса обуславливали существование в ней специфического института социального контроля – так называемых неуставных отношений («дедовщины») среди солдат разных годов призыва, выражавшихся в передаче старослужащими солдатами («дедами») молодым призывникам социальных норм и правил армейской жизни, в том числе посредством физического и психологического насилия над ними» [2]. В результате «дедовщина» восполняла пробел, социальную нишу и служила, в том числе важным инструментом социального контроля.

Следует отметить, что фактически, реализация неуставных отношений в данном случае преследует не только институционально обусловленную цель социализации, но и способствует фактической компенсации личной несвободы старослужащих, которую они испытывали на первоначальных этапах воинской службы. Процесс подавления индивидуальных потребностей и установок затрагивает область поведения, но не сферу ценностей и личных мотиваторов. И в этом смысле одной из серьезных мотивационных установок является стремление к обходу ограничений, накладываемых на человека структурой, в которую он вписан. В этом смысле использование личных ресурсов новобранцев открывает для старослужащих возможность к получению дополнительного свободного времени, а также способствует возникновению способов «обхода системы», примером чего является незаконное употребление спиртного на территории воинской части.

Формирование неформальных отношений в армейской среде – распространенная практика, причем ряд исследователей указывает не только на негативные, но и на положительные составляющие складывающейся практики социальных отношений. Это связано с тем, что рассматриваемая система отношений способствует психологической разрядке военнослужащих, а также позволяет раскрыть их потенциал в постановке и

достижении целей при условии наличия ограниченных ресурсов и возможностей. Здесь реализуется классический принцип функциональности социально отклоняющегося поведения: будучи на уровне последствий деструктивным явлением, оно одновременно способствует выполнению положительных социальных функций. Так, с точки зрения А. Панченко, положительное значение неформальных поведенческих моделей состоит в том, что специфическое взаимодействие нормы и не нормы поддерживает устойчивость и эффективность военизированной организации. Ее участники, с одной стороны, осваивают модели нормативного поведения, с другой – привыкают проявлять креативность в выполнении сложных, нестандартных задач в условиях крайне ограниченных ресурсов. Это снимает социальное напряжение в военной среде и тормозит проявление активных форм социального протеста [5]. Это не означает, что неуставные отношения являются нормой и не оправдывает их. Речь в данном случае скорее идет о том, что их существование обосновывается потребностями военнослужащих, не удовлетворяемыми в рамках уставных отношений. Подобного рода взаимосвязь позволяет сформировать принцип функционального замещения социальных девиаций, как способа борьбы с ними. Очевидно, что далеко не все потребности военнослужащих должны быть удовлетворены, поскольку некоторые из них напрямую противостоят функциональности института армии. Вместе с тем, выработанный теоретический принцип способствует возможной разрядке ситуации в отдельных ее аспектах.

Отдельного внимания заслуживает проблема двойственности оценки социального поведения с точки зрения официальной и неформальной систем взаимодействия в армии. Поскольку в нынешних условиях сформировалась развитая система неформальных отношений, во многих аспектах противоречащая официально прописанным в Уставе нормам, очевиден конфликт между рассматриваемыми моделями [4]. Поведение военнослужащего может быть безупречным с точки зрения соблюдения уставных норм, и одновременно рассматриваться в качестве отклоняющегося с позиции сложившейся системы неформальных отношений. И напротив, «правильное» поведение с позиции неформальной си-

Литература:

1. *Агранат Д.Л.* Институциональная девиация в военизированных организациях // ЗПУ. 2009. № 4. С. 75–80.
2. *Балашов А.И.* Российская армия: смена модели // Мир России. Социология. Этнология. 2014. № 4. С. 148–177.
3. *Карманов А.В.* Воинское обучение и воспитание в российской армии: поиск новой парадигмы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 3. С. 157–162.

стемы отношений является прямым нарушением юридически определенных уставных норм. Подобного рода ситуация является существенным основанием криминализации армии. Кроме того, нередкой является ситуация, когда причиной конфликта является принципиальное несогласие отдельных военнослужащих следовать неформальной модели. В данном случае чрезвычайно важным является эффективный контроль со стороны офицерского состава, поскольку, фактически, речь идет о возможности насильственного подавления конструктивной модели поведения.

После сокращения срока службы с двух лет до одного года произошло существенное сокращение числа зарегистрированных случаев «дедовщины», поскольку прервалась преемственность негативных социальных традиций. С другой стороны, нельзя однозначно судить о полном искоренении данного феномена в силу того, что он, как модель отношения, имеет глубокую укорененность в общественном сознании, в силу чего распространенным явлением становится неосознанное воспроизведение деструктивной модели.

Отметим, что оно невозможно на уровне одного лишь карательного пресечения неуставных отношений. Неформальные модели поведения настолько плотно укоренены в структуре российской армии, что их преодоление возможно только на системном уровне – через изменение структуры армии, как института, в частности – посредством формирования эффективных формализованных механизмов вторичной социализации, а также посредством реорганизации структуры быта военнослужащих. Отдельного внимания заслуживает проблема замкнутости института армии и, по сути, заинтересованности субъектов контроля в сокрытии происходящих нарушений. Одним из возможных путей разрешения проблемы в данном случае является разделение управляющих и контролирующих ведомств с целью более эффективного отражения текущей ситуации. В силу системного характера проблемы, ее разрешение частично может быть реализовано косвенно – посредством оптимизации смежных с армией социальных сфер и, в частности, снижения общего уровня социальной конфликтности, проявления которой в армии широко распространены.

Literature:

1. *Agranat D.L.* Institutional deviation in paramilitary organizations // LSS. 2009. № 4. P. 75–80.
2. *Balashov A.I.* the Russian army: the changing pattern // World of Russia. Sociology. Ethnology. 2014. № 4. P. 148–177.
3. *Karmanov A.V.* Military training and education in the Russian army: search for a new paradigm // Vestnik of Adyghe state University. Series 1: regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies. 2012. № 3. P. 157–162.

4. Макарова И.В. Конфликт и неформальная коммуникация // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 87–89.

5. Панченко А.М. Институционально предписанные формы девиантного поведения как часть социального статуса военнослужащего // Вестник МИЭП. 2011. № 2(2). С. 101–108.

4. *Makarova I.V.* Conflict and informal communication // Theory and practice of social development. 2012. № 12. P. 87–89.

5. *Panchenko A.M.* Institutionally prescribed forms of deviant behavior as part of the social status of a soldier // Bulletin of the MIEP. 2011. № 2(2). P. 101–108.

Беляков Сергей Григорьевич

кандидат социологических наук,
соискатель кафедры общегуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
Milena.555@mail.ru

Sergey G. Belyakov

candidate of sociological Sciences,
applicant of the Department of
General humanitarian and natural Sciences
Yessentuki Institute of management,
business and law
Milena.555@mail.ru

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ УСТАНОВОК СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ И СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

THE MUTUAL INFLUENCE OF UNITS OF SOCIALIZATION AND THE SYSTEM OF PUBLIC LAW

Аннотация. Правовая информация качественно изменяет масштабы и уровни коммуникации, а также возможности ролевого взаимодействия между людьми. Наряду с этим, алгоритм разработки и реализации перспектив развития социума, имеет ряд существенных недостатков. Среди них можно выделить: недостаточность профессиональной подготовки в среде юристов; отсутствие опыта использования соответствующих социальных технологий (в частности, исследования правовых норм в социологии); отсутствие или слабые степени учёта мнения населения о направлениях развития права и практики законотворчества.

Ключевые слова: правовая культура, социализация, правотворчество, правовые институты.

Annotation. Legal information qualitatively changes the scale and levels of communication, as well as the possibilities of people's role interaction. At the same time, the algorithm of development and realization of prospects of society, has a number of essential shortcomings. Here it is possible to distinguish: insufficiency of professional training among lawyers; lack of experience of use of the corresponding social technologies (in particular, researches of legal norms in sociology); absence or weak degrees of the account of opinion of the population on the directions of development of the law and practice of lawmaking.

Keywords: legal culture, socialization, law-making and legal institutions.

В традициях обществознания в течение длительного времени проблема исследования переживаний личностного кризиса актуализировала разработку теоретико-методологических основ применения технологий права и соответствующих отношений. В социологии культуры проблема переживания личностного кризиса, особенностей разработки и применения технологии кризисного вмешательства опирается на устойчивую теоретическую базу.

В целом, правовая социализация является результатом и характеристикой социального неравенства, отражает дифференциацию в сферах власти и экономики, даёт представление о социокультурном потенциале, критериях социального престижа в обществе. Установки правовой социализации отражают распределение социальных групп на иерархической шкале социальных статусов в зависимости от их демографической, профессиональной, поселенческой, этнической и классовой принадлежности. Ценности выступают связующим звеном между культурой организации и духовным миром личности, между организационным и индивидуальным бытием. Ценности правоотношений отражаются в сознании в виде ценностных ориентаций, которые включают в себя также широкий круг социальных ценностей, признаваемых личностью, но не всегда принимаемых ею в качестве собственных целей

и принципов, поэтому возможно как неполное, неадекватное отражение личностных ценностей в сознании, так и ориентация сознания индивида на ценности, не являющиеся реальными мотивами правового поведения.

Методология исследования неравенства экономических и социокультурных условий жизнедеятельности населения оформляется в аспекте нарастающих изменений структуры российского общества. Здесь важно то, что реальность юридически значимых конфликтов актуализирует теоретические исследования и ожидаемые практические рекомендации для формирования научных установок правоотношений. В традициях обществознания изучение проблем межкультурной коммуникации базировалось на достижениях разных областей гуманитарного знания: социологии, культурной антропологии, этнографии, социальной психологии, культурологии, религиоведения. Это объясняет междисциплинарный характер научного анализа правоотношений и обуславливает возрастающий научный статус соответствующих норм как составной части социальной коммуникации.

В системе норм права жизнедеятельность человека порождает субъектно-объектную множественность и цикличность процессов регулирования институциональных коммуникаций. Со-

циологи отмечают, что именно человеческие потребности и стремления, являются источником установок социализации. Социальное развитие, имея целью повышение качества жизни населения и рост возможностей для творческой самореализации личности, находит своё проявление как в развитии материальных объектов доступной инфраструктуры, так и в улучшении качества межличностных отношений между людьми, в гарантиях эффективности гражданских прав.

В информационном обществе значение имеет продвижение интернет-технологий в направлении реализации проектов и программ социализации для личности и группы. Данный тезис аргументирует идею о взаимовлиянии установок социализации личности и системы публичного права. Это закономерно предполагает вовлечение в процессы социализации институтов гражданского общества и представителей социальных групп.

Личность как субъект социальных отношений, прежде всего, характеризуется автономностью, определённой степенью независимости от общества, способностью противопоставить себя ему. Правовые установки личности, проявляемые в её отношении к окружающим, раскрываются как достаточное основание в функционально значимых построениях личностной типологии. Соответственно, эмпирически выделяемые типы поведенческой активности, значимо различаются по целому ряду характеристик правовой социализации.

В общем случае, социальная стратификация описывает социальное неравенство в обществе, деление социальных слоев по уровню доходов и образу жизни, по наличию или отсутствию привилегий (А.И. Кравченко).

Социологический анализ особенностей современного общества приводит к выводу о закономерном преобразовании норм культуры, из спонтанно складывающейся характеристики организации, в инструмент целенаправленного нормирования коммуникаций. На этом фоне развитие корпоративной культуры становится актуальным социализирующим фактором. Приобретая индивидуальный и личный опыт, работники формируют, сохраняют и изменяют свои смысловые системы, в которых отражены их отношения к различным явлениям – миссии организации, планированию, мотивационной политике, производительности, качеству труда. В любой организации работники должны участвовать в следующих процессах:

- 1) выделять из внешнего окружения важное и второстепенное для норм организации;
- 2) разрабатывать пути и способы измерения достигнутых результатов;
- 3) находить объяснения успеху и неудаче в достижении целей (Э.М. Коротков).

Группа выступает в качестве социальной ниши, обеспечивающей личности определенный уровень комфорта, но который обеспечивается лишь при соблюдении необходимых условий

бесконфликтного включения человека в группу; при соответствии личностных ожиданий и требований группы к возможностям личности.

Культура правоотношений в её информационном, организационном, социальном, экономическом, социально-психологическом, законодательном и профессиональном видовом разнообразии – это уровень материальных и духовных ценностей, достигнутый и развиваемый в ходе исторического развития общества. В то же время, организация коммуникаций предполагает правовые аргументы социализации, новые связи между индивидами и частями социума. Правовое самосознание личности трансформируется в жизненную позицию, которая представляет собой принцип поведения, основанный на мировоззренческих установках, социальных ценностях, идеалах и нормах личности, готовности к действию. Значение мировоззренческих и ценностно-нормативных факторов в жизни личности разъясняет диспозиционная теория саморегуляции социального поведения личности.

Социализация по основам права противоречива, многоаспектна и, вследствие этого, содержит позитивные и негативные характеристики, влияющие на жизнь людей. Так, в ряду проблем, связанных с трудностями социальной адаптации, люди отмечают невысокий уровень жизни, сложности с получением образования и трудоустройством. Но основным фактором, затрудняющим развитие социально активной и творческой части населения, остаётся ограниченное количество возможностей для самореализации личности.

Соответственно, в устоявшихся традициях, люди полагают, что власть их не понимает, не прислушивается к ним и не помогает преодолевать стоящие перед ними трудности. Социологическое сопровождение мероприятий социального планирования, как правило, не осуществляется.

Одним из наиболее серьезных препятствий социальному росту в России в настоящее время является слабая институциональная среда, в том числе, недостаточно высокий уровень защиты прав граждан. Подавляющее большинство наших сограждан уверены: современное российское общество устроено несправедливо. По имеющимся данным на это обстоятельство в разные периоды наблюдений указывали до 60 % респондентов из числа взрослого населения.

В современной российской социальной структуре появилась новая дифференциация – наемные работники (прежде всего, трудовые мигранты), статус которых неадекватен в силу их зависимости как от сектора занятости, отраслевой принадлежности предприятий, так и от региона проживания.

В социологии адаптивности возрастает значимость исследований по поиску оптимальных средств преодоления социальными субъектами кризисных состояний, созданию оптимальных условий осуществления каждым человеком, социальной группой ожидаемой роли, накопления ими потенциала развития и правовой культуры.

Проведённый анализ соотношения поведенческих установок с правами и обязанностями предоставляет возможность определить адекватное соотношение различных методов регулирования установок социализации. Исследование поведения в соотношении с нормами правовой культуры, позволяет выяснить, насколько согласованы нормы реального поведения, в механизмах комплексного решения проблем социального развития.

Выбор цели развития является одним из наиболее ответственных моментов в процессе выработки и принятия соответствующих решений.

В соответствии с выбранной целью формируется стратегия развития организации, тактика, разрабатываются прогнозы и планы действий, адаптационные программы, оцениваются результаты принятых решений и предпринятых действий. Обращение к проблеме механизмов комплексного социального планирования, предполагает наличие профессиональных ресурсов, специфической информации, а также базы для формирования и реализации оптимальной цели. Правовая аргументация коммуникации не является единственным направлением развития комплекса рациональных целей. Не должны противоречить друг другу цели, относящиеся к жизненным ценностям и координации конкурентной позиции по основаниям поддержания стабильности в обществе.

Правовая аргументация продуктивна для научного целевого подхода к решению проблем в этой сфере. Следует конкретизировать технологии выявления совокупности взаимосвязанных процедур, методов и средств их реализации. С учётом возможностей научного инструментария, в том числе, методов точных наук, а также новых понятий, таких, как «дерево целей», «декомпозиция», «коэффициент важности». Целевой подход в аргументации правоотношений по мнению ряда современных авторов, включает в себе значительное число различных методов и вариантов, направленных на обеспечение строгой целевой ориентации по исследуемому предмету (А.Н. Бабенко, В.А. Лапаева, Ю.М. Резник, П.С. Самыгин, О.В. Степанов, Д.Г. Солоцкий, Г.Г. Шиханцов). Как область социологического анализа, использование целевого подхода охватывает всю систему нормирования правоотношений – планирование, развитие, анализ и корректировку прилагаемых усилий.

Правовым основам формирования социокультурного института отводится возрастающая роль лишь в условиях уверенно развивающегося среднего класса, так как он представляет достаточно зрелую, стабильную часть населения, заинтересованную в успехе соответствующих реформ.

Адаптационной установкой той или иной культуры является приоритетность формирующих её базовых характеристик, указывающая на то, какие

принципы должны превалировать в случае возникновения конфликта между её разными составляющими. Здесь исходные установки исследования определяются тем, что в любой организации потенциально заложено множество субкультур. Фактически, любая из этих субкультур может стать доминирующей, т.е. собственно организационной культурой, если она целенаправленно поддерживается и используется властью как инструмент консолидации индивидуальных целей в направлении предпочитаемого развития.

В установках правовой социализации, субъект-объектное взаимодействие – это система прогрессивных для общества формальных и неформальных правил и норм деятельности, обычаев и традиций, индивидуальных и групповых интересов.

В сопоставлении уровней обязательного и последовательного соблюдения положений науки и практики, регулирующих фактическое обеспечение прав и свобод граждан мы выделяем следующие статистические признаки:

- уверенность в компетентности судопроизводства;
- риски по основаниям разночтений для понимания условий и гарантий социальных свобод и их юридического толкования;
- пределы достоверного статистического измерения и реализации фактических возможностей государства в обеспечении основных социальных прав;
- субъективные вмешательства в реализацию рассматриваемого процедурного порядка;
- недостаточная аргументация гарантий правового регулирования проблем в сфере действующего законодательства.

В ряде современных правоустанавливающих концепций, сопоставление норм приобретает форму координации совместных усилий, для которой актуальны вопросы самоуправления трудовых коллективов и внутрифирменных отношений, выполнения корпоративных правил с помощью лидеров неформальных групп. Социально ориентированное ожидание демократизации механизма государственного управления предполагает наличие взаимодополняющих противовесов: института государственной власти и института социального контроля. Отсутствие действенного гражданского контроля, как правило, формирует условия, при которых всякое изменение в обществе осуществляется путем административного вмешательства.

В перспективе рассматриваемой проблемы возникает необходимость исследования эффективности технологии кризисного вмешательства не только на уровне правовой социализации индивида, но и на уровне законодательства государства.

Литература:

1. *Грушевицкая Т.Г.* Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин; Под ред. А.П. Садохина. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 139.
2. *Тихомиров Ю.А.* Юридическая коллизия. М. : Норма, 1994. С. 21.
3. *Четвернин В.А.* Понятия права и государства. Введение в курс теории права и государства. М., 1998. С.63.

Literature:

1. *Grushevitskaya T.G.* the Foundations of intercultural communication : textbook for universities / T.G. Grushevitskaya, V.D. Popkov, A.P. Sadokhin; ed. by A. P. Sadohina. M. : YUNITI-DANA, 2002. P. 139.
2. *Tikhomirov Yu.A.* Legal conflict. M. : Norma, 1994. P. 21.
3. *Chetvernin V.A.* the concept of law and the state. Introduction to the course theory of law and state. M., 1998. P. 63.

Бояринова Ирина Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных технологий,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
boyarinova@bsu.edu.ru

Начкебия Майя Севериановна

старший преподаватель
кафедры социальных технологий,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
nachkebiya@bsu.edu.ru

**СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ
ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОСТИ
СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В
РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию социального капитала, имеющего существенное методологическое значение для исследования эффективности социальных сетей в региональном сообществе. Согласно данной методологии, социальная действительность предстаёт как среда, наделенная объективными различиями, связанными с разделением между акторами различных капиталов, т.е. определенные социальные отношения. По мнению авторов, социальный капитал рассматривается как структура отношений индивида с социальными субъектами различной природы (человеком, группой людей, организацией), опосредующую его способность к формированию других видов капиталов и ресурсов, обеспечивающих возможность реализации его потребностей и целей.

Ключевые слова: социальные сети, социальный капитал, социальные связи, социальные отношения, межличностные отношения, конвертация социального капитала, социальные ресурсы.

Ф ормирование и функционирование социальных сетей в региональном сообществе, с нашей точки зрения, является значимым и фактически малоисследованным социальным феноменом, имеющим принципиальное значение для социальных практик, качества жизни населения, для формирования новых социальных структур и отношений.

Социальная эффективность индивида во многом обуславливается его способностью формировать социальные сети и эффективно использо-

Irina V. Boyarinova

Candidate of Science (Sociology),
associate professor of the
Social Technologies Chair,
Belgorod State
National Research University
boyarinova@bsu.edu.ru

Maya S. Nachkebiya

senior lecturer of the
Social Technologies Chair,
Belgorod State
National Research University
nachkebiya@bsu.edu.ru

**SOCIAL CAPITAL AS
A METHODOLOGICAL BASIS
FOR THE EFFECTIVENESS OF
SOCIAL NETWORKS IN
THE REGIONAL COMMUNITY**

Annotation. The article is devoted to the study of social capital, which has a significant methodological significance for the study of the effectiveness of social networks in the regional community. According to this methodology, social reality appears as an environment endowed with objective differences related to the division between representatives of different capitals, i.e. certain social relations. According to the authors, social capital is considered as a structure of relations of an individual with social subjects of different nature (a person, a group of people, an organization), mediating his ability to form other types of capital and resources, providing the possibility of realization of his needs and goals.

Keywords: social networks, social capital, social relations, social relations, interpersonal relations, conversion of social capital, social resources.

вать их капитал для наращивания объема личного капитала.

В настоящее время, в процессе исследования социальных сетей особое методологическое значение имеет концепция социального капитала, разработанная Г.Беккером, П.М. Козыревой, Н.М. Лебедевым, Р. Патнэмом, В.В. Радаевым, Ф. Фукуямой [1]. Проблема социального капитала, интегративными показателями которого служат власть и влияние, подробно рассматривается в концепции поля П. Бурдьё [2]. Среди отече-

ственных исследователей следует отметить работы С.Ю. Барсуковой, Е.В. Реутова, Т.Ю. Сидориной [3].

По нашему мнению, социальный капитал как инструмент актуализации и наращивания личного капитала, определяет совокупность социальных связей и ресурсов, предоставляемых ими.

Согласно данной методологии, социальная действительность предстаёт как «пространство объективированных различий, связанных с распределением между агентами различных капиталов – определенных социальных отношений. Устойчивые сочетания капиталов оформляются в позиции социального пространства, через которые возможно определить социальные отношения». Капиталы (экономический, культурный, социальный, символический) – «продукты объективации социальных отношений, являющиеся условиями и предпосылками практик агентов» [4].

Социальный капитал в данной работе мы определяем как структуру отношений индивида с социальными субъектами различной природы (человеком, группой людей, организацией), опосредующую его способность к формированию других видов капиталов и ресурсов, обеспечивающих возможность реализации его потребностей и целей. Социальный капитал как «выстроенные человеком социальные связи» выступает в роли важнейшего адаптационного ресурса индивида.

При исследовании понятия «социальный капитал» нами были проанализированы научные труды П. Бурдьё. В его работах данное понятие трактуется как «ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства» [5]. В свою очередь, в работах Р. Патнэма «социальный капитал» был рассмотрен как «связи между индивидами – социальные сети и нормы взаимности, которые из этих сетей проистекают» [6]. В этих трактовках социальный капитал соответствует тем параметрам, которые определяет Дж. Коулман. А именно: в отличие от других видов капитала, он подходит к существующей структуре связей, которая возникает между акторами и среди них; облегчает определенные действия акторов внутри социальной структуры, «способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно» [7]. Речь идет о межличностных связях и отношениях, позволяющих объединить отдельные процессы жизнедеятельности. Например, бизнес-процессы требуют существенного ускорения, облегчения и «удешевления»; возникает необходимость содействия к «упрощенному» доступу общественно значимых благ (использование знакомств, блата); посредством практик взаимопомощи оказывать содействие адаптации населения к динамично изменяющейся ситуации; обеспечивать способность населения к консолидированным действиям и др.

Разделяя в целом такие взгляды, мы считаем целесообразным дополнить понимание социального капитала как структуры межличностных отношений «вертикальной» составляющей – отношениями с деперсонализированными структурами. Это видит-

ся необходимым хотя бы в силу того, что, включенность индивида в «вертикальные» отношения, способность к «освоению» этого типа социального капитала, также опосредует его адаптационный ресурс. В то же время, низкая возможность «освоения» этого типа капитала (например, в силу высокой бюрократизации, неэффективности формальных структур или низкого уровня доверия к ним со стороны граждан), обедняет возможности человека в реализации целей и потребностей, снижая его способность к адаптации.

Аналогичная позиция, хотя и не часто, но встречается в некоторых работах. Так, Е. Авраимова и Д. Логинов при определении алгоритма расчета социального капитала, в качестве одного из его уровней выделяют отношения, «в которые вовлечены все люди уже потому, что они являются гражданами государства и имеют возможность получить минимальную государственную социальную поддержку (пособие по безработице, субсидии по оплате коммунальных услуг и т.п.)» [8] – это можно отнести к капиталам вертикальных связей.

Исследуя проблему конвертации социального капитала, Н. Тихонова обращает внимание на подмену понятий: «капиталы» и «ресурсы». Обосновывая свою мысль, автор отмечает, что для нуждающихся россиян социальный ресурс – это не капитал, находящийся в свободном распоряжении и к которому можно обращаться по мере необходимости и использовать более эффективно, что позволит обеспечить увеличение их общего капитала, а это ресурс, который используется в определенной форме, и выбор данной формы часто зависит от того, кто предоставил помощь, а не от того, кто ее получил. Исходя из этого, она предлагает основания для дифференциации этих понятий:

- способности к увеличению, наращиванию (автор считает, что в первую очередь это касается способности социального капитала конвертироваться в экономический);

- возможности индивида диспонировать его – свободно распоряжаться как доступом к нему, так и его выбором[9].

Адаптационные возможности социального капитала мы рассматриваем с точки зрения его конвертации в другие капиталы и ресурсы. К таковым мы относим следующие: финансовые, материальные, трудовые, информационные, консультационные, эмоционально-психологические, а также – содействие доступу к социально-значимым возможностям (услугам здравоохранения, образования, социальной защиты и т.п.). Часть из них приоритетно характеризует «горизонтальный» социальный капитал, часть – вертикальный, часть – и, тот, и другой.

Таким образом, в нашем исследовании понятие «социальный капитал» операционализируется через горизонтальный и вертикальный типы социальных связей и отношений – социальные сети взаимопомощи, с одной стороны, и взаимодействие индивида с формальными структурами, с другой.

Литература:

1. *Putnam R.* Making Democracy Work. Civic Tradition in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993; Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М. : Московская школа политических исследований, 2002. С. 129–149.
2. *Бурдьё П.* Начала. М. : Socio-Logos, 1994; Бурдьё П. Структуры, габитус, практики // Современная социологическая теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.
3. *Барсукова С.Ю.* Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20–30; Реутов Е.В. Эффективность социальных сетей в региональном сообществе // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 79–87; Сидорина Т.Ю. Социальный капитал – индивидуальный или общественный (корпоративный) ресурс? // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 3. С. 319–334.
4. *Авраамова Е.* Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки / Е. Авраамова, Д. Логинов. Дата обращения 13.10.2017. URL: <http://www.789.ru/news/7275-276.html>
5. *Bourdieu P.* The forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education. Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986.
6. Цит. по: *Сидорина Т.Ю.* Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 3. С. 320.
7. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 124.
8. *Авраамова Е.* Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки / Е. Авраамова, Д. Логинов Дата обращения 13.10.2017. URL: <http://www.789.ru/news/7275-276.html>
9. *Тихонова Н.Е.* Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 24–25.

Literature:

1. *Putnam R.* Making Democracy Work. Civic Tradition in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993; Fukuyama F. Social capital // Culture matters. How the values promote social progress / ed. by L. Harrison and S. Huntington. Moscow: Moscow school of political studies, 2002. P. 129–149.
2. *Bourdieu P.* Nachala. M. : Social-Logos, 1994; Bourdieu p. Structures, habitus, practices // Modern sociological theory: Bourdieu, Giddens, Habermas. Novosibirsk, 1995.
3. *Barsukova S.Yu.* Reciprocal interaction. The nature, functions and specificity studies. 2004. № 9. P 20–30; Reutov E.V. the Effectiveness of social networks in the regional community // Sociological researches. 2011. № 1. P. 79–87; Sidorina T.Yu. Social capital-individual or public (corporate) resource? // Journal of social policy studies.- 2007. № 3. P. 319-334.
4. *Avraamova E.* Adaptive resources of the population: an attempt to quantify / E. Avraamova, D. Loginov. Date of appeal 13.10.2017. URL: <http://www.789.ru/news/7275-276.html>
5. *Bourdieu P.* the forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education. Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986.
6. Cyte. po: *Sidorina T.Yu.* Social capital of the organization and social policy of the Russian enterprise // Journal of social policy studies. 2007. № 3. P. 320.
7. *Coleman J.* Capital social and human // Social Sciences and modernity. 2001. № 3. P. 124.
8. *Avraamova E.* Adaptive resources of the population: an attempt to quantify / E. Avraamova, D. Loginov. Date of appeal 13.10.2017. URL: <http://www.789.ru/news/7275-276.html>
9. *Tikhonova N.Ye.* Social capital as a factor of inequality / / Social Sciences and modernity. 2004. № 4. P. 24–25.

Верещагина Анна Владимировна

доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет anrietta25@mail.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры моделирования социальных процессов, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет gafiatulina@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет samygin78_@yandex.ru

Anna V. Vereshchagina

Doctor of Sociology, Professor of department of the theoretical sociology and regional studies methodology, Southern Federal University anrietta25@mail.ru

Natalya K. Gafiatulina

Candidate of sociological science, associate professor of chair of modeling of social processes, Southern federal university gafiatulina@yandex.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology, Professor of department of judicial examination and criminalistics, Rostov state economic university (RINH) darya.maksimovich@gmail.com

ПАРАДОКСЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

■ ■ ■
Аннотация. В статье рассматривается внутренняя противоречивость понятия «толерантность», а также ограничения и вызовы, которыми сопровождается распространение универсальных принципов толерантности в современном глобальном мире. По итогам исследования авторами делается вывод о существовании различных моделей толерантности, а также о характере влияния толерантности на представления о девиантном поведении молодежи в современном обществе, анализируется проблема пересмотра границ между нормой и отклонением, что порождает проблему конструирования новых норм и форм девиации в молодежной среде.

Ключевые слова: толерантность, глобализация, либерализм, девиация, социальный контроль, молодежь, межкультурное взаимодействие, религия.

■ ■ ■
Не подлежит сомнению, что в современных гетерогенных обществах люди должны проявлять терпимость к различиям – иначе общество рискует превратиться в поле боя, разрываемое этническими, расовыми, религиозными, идеологическими, ценностными, моральными конфликтами. Но попытки анализа смыслового наполнения принципа толерантности неизбежно наталкиваются на вопрос о границах, за которыми применение принципа толерантности стано-

PARADOXES OF TOLERANCE AND DEVIANT BEHAVIOR OF YOUTH

■ ■ ■
Annotation. The article considers the internal contradiction of the concept of tolerance, as well as the limitations and challenges that accompany the spread of universal principles of tolerance in the modern global world. Based on the results of the study, the authors conclude that there are different models of tolerance, as well as the nature of the impact of tolerance on the ideas about the deviant behavior of young people in modern society, the problem of reviewing the boundaries between the norm and deviation is analyzed, which raises the problem of constructing new norms and forms of deviation in the youth environment.

Keywords: tolerance, globalization, liberalism, deviation, social control, youth, intercultural interaction, religion.

■ ■ ■
вится невозможным. Эти границы изменчивы, но, тем не менее, объективны, – они определяются историческим наследием и менталитетом, различные общества и различные культуры определяют их по-своему.

Статья 1 «Декларации принципов толерантности», принятой ЮНЕСКО в ноябре 1995, определяет толерантность следующим образом: «Толерантность означает уважение, принятие и

правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира.... Толерантность – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека. Проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими» [1].

Толерантность является, с одной стороны, одной из базовых ценностей современного либерализма, но с другой – внутренне противоречивым понятием, которое подвергается критике на протяжении практически всей истории своего существования.

В современном глобальном мире, где либеральные ценности приобретают универсальный характер, часто возникают парадоксальные ситуации, когда толерантное отношение к тем или иным формам поведения навязывается обществам, не взирая на их культурные особенности, препятствующие принятию той или иной формы поведения. Так, принцип уважения и терпимости к различиям становится на практике отрицанием значимости этих различий, поэтому рациональная реализация принципа толерантности должна сопровождаться поиском равновесия между новацией и традицией, нахождением компромисса между представителями разных культур. Иными словами, не существует какой-то универсальной модели толерантности, и, скорее, следует говорить о вариативности применения принципа толерантности в разных социокультурных контекстах.

Не следует также забывать о том, что задолго до того, как в рамках западных обществ сформировалось современное либеральное представление о толерантности, в рамках других обществ существовали свои модели поддержания мира и согласия между представителями различных групп, особенно религиозных и этнических.

Трагический опыт религиозных конфликтов, сопровождавший протестантскую Реформацию и приведший к осознанию необходимости веротерпимости, просто отсутствует в истории многих неевропейских обществ, где представители различных религий веками существовали бок о бок, если не на равноправной основе, то, по крайней мере, без преследований и уничтожения

«меньшинств» за религиозной инакомыслие. Соответственно, различный опыт межконфессиональных взаимодействий в истории разных народов способствовал формированию различных моделей толерантности, и этот фактор нельзя не учитывать в современной реальности по мере распространения принципов толерантности, сформировавшихся в западном обществе.

Помимо упомянутой проблематичности применения западной модели толерантности в рамках обществ с иным культурным наследием, существуют определенные трудности с реализацией этого принципа и в рамках самих западных обществ. Уважение к убеждениям одних групп или индивидов может приводить к невольной дискриминации других, когда опасения, связанные с предполагаемой угрозой привычному образу жизни порождают криминализацию неопасных, но непривычных форм поведения в молодежной среде, связанных, например, с демонстрацией религиозной символики. Подобные проблемы не отменяют необходимости реализации принципа толерантности, однако, напоминают о постоянно пересматриваемом и обсуждаемом характере социальных и культурных норм и необходимости общественного согласия для их эффективного функционирования. Если в обществе не существует нормативного фундамента для терпимого отношения к какой-либо форме поведения и общественного согласия по этому вопросу, реализация принципа толерантности превращается в символическое насилие, что противоречит самому духу толерантности.

На исходе XX – в нач. XXI вв. распространение толерантности как элемента универсальной ценностно-нормативной системы нередко вступает в противоречие не только с сохраняющимися культурными различиями, но также с логикой процесса десекуляризации.

Термин «десекуляризация» означает активизацию традиционных религий, их попытки влиять на политику, отстаивать свои позиции в публичном пространстве современных обществ. Светские государства оказываются в ситуации, когда им необходимо защищать и право верующих исповедовать ту или иную религию, и право атеистов на свободу высказываний, в том числе, высказываний на религиозную тематику. Активизация верующих в борьбе с оскорблениями своих чувств порождает новые проблемы в законодательной практике: ведь встать на одну сторону означает проявить нетерпимость к другой, при этом претензии обеих сторон равно справедливы в рамках современного либерального мировоззрения.

Активизация религий приводит и к обострению межконфессиональной полемики (и конкуренции). К толерантности нередко апеллируют представители новых и нетрадиционных религий, требуя такого же отношения к себе со стороны власти и общества, как и традиционные религии. Политика современных секулярных государств по отношению к новым религиям не слишком последовательна. Следуя принципам толерантности и свободы вероисповедания, гос-

ударство должно признать все религии равными. Однако на практике мы видим, что некоторые новые религии (например, саентология) подвергаются существенным ограничениям даже в демократических странах, хотя характер этих ограничений различен. За пределами же западного мира можно наблюдать регулярные вспышки насилия на религиозной почве, отзвуки этого насилия всё чаще достигают и западных обществ. Неизбежностью в современных условиях оказывается пресечение или ограничение государством деятельности религиозных групп, которые склонны к политическому радикализму во имя религиозных идеалов. Но применительно к нашей теме это означает отступление от принципов толерантности, избирательное их применение.

Таким образом, принцип толерантности не только несет в себе внутренние противоречия, но и сталкивается с новыми вызовами современного мира. При этом полный отказ от реализации принципов толерантности чреват нарастанием напряженности и конфликтности внутри современных обществ, становящихся всё более гетерогенными в культурном, религиозном и этническом плане.

Распространение толерантности влияет на представления о девиантности молодежи и устоявшиеся практики социального контроля. В отношении к молодежной девиантности также проявляется внутренняя противоречивость, присущая понятию толерантности. Толерантность предполагает, как было выше отмечено, «уважение наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности». Однако не было бы необходимости в принципе толерантности, если бы речь шла о нормативных проявлениях индивидуальности, поскольку поведение, соответствующее нормам, не проблематизируется окружающими и не вызывает негативной реакции, на преодоление которой и направлено требование толерантности. Таким образом, толерантность, нормализуя различия в практиках самовыражения, способствует в то же время признанию их девиантности, но требует признать эту девиантность нормальной и не реагировать на неё негативно. Переосмыслению подвергается само понятие девиантности. Однако, как уже было отмечено, принцип толерантности не может быть осуществлен со всей полнотой – этому препятствует сама сущность социального взаимодействия, подразумевающего наличие общих норм и нравственные ориентиры. Поэтому нормализация одних форм девиантности у молодых людей сопровождается маркированием других типов поведения как девиантных. При этом, зачастую, происходит инверсия: прежние формы девиантности превращаются в норму, прежние нормативные формы поведения – в девиантность. Наиболее заметна эта нормативная инверсия в области сексуального поведения и гендерного порядка. Практически все неформальные нормы, регулирующие отношения между мужчиной и женщиной, оказались отвергнуты как проявления патриархального гендерного порядка и превратились в девиацию. Коренным образом преобразилась система семейных ро-

лей, в молодежном сознании изменился смысл брака, благодаря чему возникли новые его формы – не только однополый брак, вокруг легализации которого продолжаются споры, но и различные формы кратковременного сожительства, уже не вызывающие осуждения. Изменения в этой сфере принимаются с некоторым сопротивлением даже в западных обществах.

В российском же обществе, согласно данным социологических опросов, по-прежнему гендерные стереотипы и установки сохраняют традиционный облик. Так, согласно результатам проведенного в марте Лавада-Центром социологического опроса по проблеме гендерных стереотипов, «гендерный портрет» россиян за последние 25 лет существенно не изменился: самыми ценными качествами у мужчин, как и прежде, считаются «ум», «умение заработать» и «порядочность», а у женщин таковыми признаются, по-прежнему, «хозяйственность» и «хорошая внешность» [2]. Столь же традиционным, согласно мнению опрошенных россиян в данном исследовании, является и разделение семейных ролей, и женщина, по-прежнему воспринимается как ответственная за ведение быта и хозяйства, а мужчина – за обеспечение финансового благополучия семьи. Особенно явно эти гендерные установки фиксируются среди семейных россиян, что объясняется, конечно же, их включенностью в семейный быт и реалиями семейной жизни, во многом подчиняющимся логике развития маскулинного общества, несмотря на эгалитаризацию семейных отношений и значительную либерализацию гендерных норм, особенно в молодежной среде.

Однако ситуация складывается таким образом, что вступление в семейную жизнь зачастую корректирует идеальные представления о семейных ролях и ценностях, сформировавшиеся у молодежи под влиянием глобальной культуры и либеральных ценностей западного мира, что сопровождается распадом молодых семей [3], и высокая динамика разводов среди молодых семей в России лишний раз демонстрирует противоречивое столкновение традиционного и современного (либерального) на почве семейных отношений.

Вместе с тем, при сохранении, в целом, традиционного гендерного порядка в России, наблюдается некоторое снижение значимости морально-нравственных качеств и ценностей (таких как «порядочность» и «верность»), что, по мнению экспертов, коррелирует с пониженной динамикой обеспокоенности проблемами морали и нравственности в российском обществе в сравнении с 1990-ми гг., когда, к примеру, четверть россиян кризис морали, культуры, нравственности в обществе считали важнейшей проблемой, тревожащей их, а в 2018 году доля обеспокоенных этими проблемами снизилась до 15–16 % [4].

Таким образом, за пределами западного мира кардинальное переосмысление традиционных гендерных порядков до сих пор кажется невыполнимым. Гендерные отношения и связанные с ними гендерные стереотипы относятся к наибо-

лее глубоким и древним слоям культуры, их изменение не может быть внезапным и бесконфликтным. Кроме того, они нередко переплетаются с религиозными предписаниями и запретами, и отмена прежних запретов мыслится некоторыми верующими как святотатство. Более того, в ряде регионов современного мира и российского, в том числе, наблюдается процесс архаизации, проявляющийся в сфере морали, культуры, семейных отношений. Так, можно в качестве примера привести распространение многоженства в ряде республик Северного Кавказа. Это явление, вновь появившееся в практике кавказских народов в процессе исламизации населения, весьма неоднозначно воспринимается самими жителями этих регионов, особенно женской частью населения, что формирует противоречивый фон динамики семейных отношений и служит фактором разрушения семей [5], и свидетельством порождения институционального кризиса молодой семьи [6].

Таким образом, столкновение новых и старых норм создает в обществах (особенно, молодёжных) конфликтные зоны и вместо укрепления толерантности может приводить к обратному эффекту, когда отстраненное безразличие к некоторым нетипичным для большинства формам поведения сменяется их активным и агрессивным отторжением, которое может сопровождаться насилием.

Ослабление традиционных норм связано не только с изменением гендерного порядка. В современных обществах пересматриваются многие нормы и меняются механизмы социального контроля. Так, пересматриваются традиционные нормы, регулирующие отношения родителей и детей. Эти отношения становятся всё более равноправными, проявления авторитарности по отношению к детям становятся отклоняющимся формами поведения, причем всё большую роль в осуществлении социального контроля внутри семьи играет государство в лице соответствующих служб, задачей которых становится защита прав детей. С одной стороны, это позитивный процесс, поскольку семейное насилие и нарушение прав детей действительно представляет собой сложную проблему, которую необходимо решать. С другой стороны, расширение контроля государства влечет за собой размывание границ приватности и в какой-то степени ослабляет семью и делает нормальным вмешательство в личную жизнь, ещё относительно недавно считавшееся недопустимым. Об упадке традиционной семьи много говорят и пишут консервативно настроенные идеологи и в западных обществах, и за их пределами [7].

Изменения коснулись также представлений о преступности и методах борьбы с ней. В данном случае сложно говорить о какой-то единой тенденции, однако можно привести некоторые общеизвестные и достаточно распространенные примеры – легализация проституции или легких наркотиков. С другой стороны, ужесточается отношение к курению, которое воспринимается как асоциальное поведение и превращается в новый тип девиации. Можно констатировать, что

усиление толерантности к одним типам отклонений и фактически их нормализация сопровождается стигматизацией и даже криминализацией других форм поведения, ранее считавшихся допустимой девиацией или вообще не воспринимаемых как девиация.

Так, стремление российского государства ограничить разжигание розни в отношении тех или иных социальных групп (стремление, находящееся вполне в русле утверждения толерантности) привело к практике уголовного преследования за те или иные некорректные высказывания, причем определить, насколько то или иное высказывание действительно «разжигает рознь», весьма затруднительно. В результате оценочные суждения могут стать основанием для уголовного преследования, а сам принцип терпимости к различным взглядам, очевидно, применяется избирательно. Конструирование новых форм молодёжной девиации отнюдь не сопровождается ростом толерантности к ним. Сходная ситуация наблюдается в сфере религии. Закон, внесенный в Госдуму РФ в 2012 году, ввел срок до года лишения свободы за «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих». За совершение таких действий «в местах, специально предназначенных для проведения богослужений» закон предусматривает до трех лет заключения. В результате, высказывания, показавшиеся неуважительными верующим, могут стать причиной уголовного наказания, а сами по себе «антирелигиозные» высказывания превращаются не просто в девиантное, но в преступное поведение.

Таким образом, толерантное отношение к верующим и стремление защитить их достоинство может иметь в качестве обратной стороны совсем не толерантное отношение к неверующим, публично высказывающим свои взгляды. Практика (и не только российская) показывает, что поводом для оскорбления могут служить не только антирелигиозные высказывания, но практически любые действия, как-то задевающие религиозные убеждения некоторых верующих.

Пересмотр представлений о норме и отклонении от неё затрагивает сферу психологии. Признавая нормальными формы поведения, ранее считавшиеся патологиями (к примеру, гомосексуализм), современная психология находит все новые формы психических отклонений. Так, Т. Шипунова отмечает: «В девиантологию и смежные с ней дисциплины из психологии прочно вошло понятие «аддикция». Термин «аддиктивное поведение» первоначально использовался для обозначения зависимости от наркотиков (девиантное поведение), однако в настоящее время под аддикцией понимают любую зависимость: от химических веществ (алкоголя, наркотиков, лекарств, табака); пищевых продуктов (булимия, анорексия); игр (лудомания, гэмблинг); секса; информации (телевизионная зависимость, компьютерный эскапизм, зависимость от социальных сетей); деятельности (трудоголизм); покупок (ониомания или шопомания); хобби (например, коллекционирование); религии (рели-

гиозный фанатизм); кумиров (фанатизм, идолопоклонство); роскоши, безудержного потребления (гламуризация или синдром павлина) и т.д.

К аддиктивному поведению относится также зависимость от проблем близких людей, известная под названием «созависимость», а также для всех желанное чувство – любовь» [8].

Весь этот комплекс новых отклонений, сливающихся с обыденными практиками, демонстрирует проблематичность понятия нормы в современных обществах и зыбкую границу между нормой и отклонением.

Нормативная неопределенность представляет собой не слишком благоприятную ситуацию для социального здоровья и социализации подростков и молодёжи [9], для которых поиск правильных поведенческих моделей является залогом успешной социальной адаптации. Неудивительно, что в современных условиях многие молодые люди испытывают трудности в психологическом духовном становлении, развитии, и прибегают к различным формам эскапистского поведения, которое может – в духе толерантности – признаваться нормальным, но не способствует достижению социального успеха [10]. Внушает опасения также тот факт, что для достижения жизненного успеха значительная часть современной российской молодежи (порядка 50 %), согласно эмпирическим данным, готова преступить некоторые моральные нормы и принципы, объясняя

Литература:

1. Декларация принципов толерантности. ЮНЕСКО. 1995. Статья 1. Электронный ресурс. URL: <http://school-sector.relarn.ru/prava/zakony/tolerance/1.htm>. Дата обращения 19.04.2018.
2. Гендерные стереотипы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2018/03/29/gendernye-stereotipy/print/>
3. *Верещагина А.В.* Молодая семья в России и проблемы ее адаптации: специфика социологического дискурса / А.В. Верещагина, С.И. Самыгин, А.С. Кикоть // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 21–25.
4. Гендерные стереотипы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2018/03/29/gendernye-stereotipy/print/>
5. *Загирова Э.М.* Отношение дагестанских народов к гражданскому браку (по результатам социологического исследования) // Logos et Praxis. 2017. Vol.16. № 2. С. 121–126.
6. *Гафиатулина Н.Х.* К вопросу об институциональном кризисе молодой семьи: проблемы формирования социального здоровья / Н.Х. Гафиатулина, А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 60–64.

это тем, что мир изменился, стал жестоким и, чтобы добиться в нем успеха, приходится иногда переступать через принципы морали, с которыми зачастую оказываются несовместимыми с достижением успеха в жизни [11].

В конечном итоге, требование толерантности применяется по отношению лишь к тем различиям, которые на современном этапе развития, преимущественно, западной культуры, считаются нейтральными и неопасными. Но речь не может идти об абсолютной ценностной нейтральности. Наоборот, за современным принципом толерантности стоит формирующаяся система ценностей, исходящая из приоритета ценности индивидуального выбора и отторгающая посягательства на личную свободу и комфорт. Тем не менее, толерантность, как мы показали выше, отнюдь не подразумевает беспредельной индивидуальной свободы, поскольку толерантное отношение к некоторым формам поведения сопровождается конструированием новых запретов и новых форм девиантности. Процесс утверждения толерантности можно, таким образом, рассматривать как элемент процесса перестройки нормативного порядка современных обществ, который отнюдь не везде осуществляется бесконфликтно. Безоговорочное принятие толерантности возможно лишь в тех случаях, когда принимается система ценностей, элементом которой является этот принцип, сам по себе не являющийся ценностно нейтральным.

Literature:

1. Declaration of Principles of Tolerance. UNESCO. 1995. Article 1. Electronic resource. URL: <http://school-sector.relarn.ru/prava/zakony/tolerance/1.htm>. Date of circulation 04/19/2018.
2. Gender stereotypes [Electronic resource]. URL: <https://www.levada.ru/2018/03/29/gendernye-stereotipy/print/>
3. *Vereshchagina A.V.* Young family in Russia and the problems of its adaptation: the specificity of sociological discourse / A.V. Vereshchagina, S.I. Samygin, A.S. Kikot // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. № 11. Pp. 21–25.
4. Gender stereotypes [Electronic resource]. URL: <https://www.levada.ru/2018/03/29/gendernye-stereotipy/print/>
5. *Zagirova E.M.* Attitude of the Dagestani peoples to a civil marriage (based on the results of a sociological survey) // Logos et Praxis. 2017. Vol. 16. № 2. Pp. 121–126.
6. *Gafiatulina N.Kh.* On the issue of the institutional crisis of a young family: the problems of the formation of social health / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Vereshchagina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. № 10. Pp. 60–64.

7. *Лежнина Ю.П.* Институт семьи в России: на пути трансформации // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 2. С. 70–90.

8. *Шипунова Т.В.* Толерантность и социальный контроль девиантности: современные тенденции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12., 2010. Вып. 2. С. 36.

9. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье и социализация российской студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 175–180.

10. *Муллахмедова С.С.* Духовное развитие личности в условиях модернизации российского общества / С.С. Муллахмедова, Д.С. Шихалиева и др. Махачкала : ДГТУ, 2017. 189 с.

11. *Петухов В.В.* Российская трансформация и общественная мораль // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 28–40.

7. *Lezhnina Yu.P.* The Family Institute in Russia: on the Transformation Way // Sociological Science and Social Practice. 2016. № 2. Pp. 70–90.

8. *Shipunova T.V.* Tolerance and social control of deviance: current trends // Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 12., 2010. Issue 2. P. 36.

9. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and socialization of the Russian student youth // Social and humanitarian knowledge. 2014. № 11. Pp. 175–180.

10. *Mullahmedova S.S.* Spiritual development of the personality in the context of the modernization of Russian society / S.S. Mullahmedova, D.S. Shikhalieva et al. Makhachkala : DGTU, 2017. 189 p.

11. *Petukhov V.V.* The Russian Transformation and Social Morality // Sociological Research. 2015. № 12. With. 31. Pp. 28–40.

Гришай Владимир Николаевич

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры экономики,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
vngprof@gmail.com

Курносенко Андрей Анатольевич

кандидат социологических наук, доцент,
Главное управление экономической
безопасности и противодействия
коррупции МВД России
vngprof@gmail.com

Костюк Владислав Иванович

соискатель кафедры общегуманитарных и
естественнонаучных дисциплин,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
vngprof@gmail.com

Vladimir N. Gryshai

doctor of sociological Sciences, Professor,
Professor Department of Economics,
Essentuki Institute of management,
business and law
vngprof@gmail.com

Andrey A. Kurnosenko

candidate of sociological Sciences,
associate Professor, the head of the
Main Directorate for economic security and
combating corruption of the MIA of Russia
vngprof@gmail.com

Vladislav I. Kostyuk

applicant of the chair of
General Humanities and natural Sciences,
Essentuki Institute of management,
business and law
vngprof@gmail.com

**ЭТНИЧЕСКАЯ КОРРУПЦИЯ:
СОЦИАЛЬНО-
КОММУНИКАЦИОННЫЕ РИСКИ
В УСЛОВИЯХ ПРОГРЕССА
ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ И ИНТЕРНЕТА**

**ETHNIC CORRUPTION:
SOCIAL COMMUNICATION RISKS
IN TERMS OF THE PROGRESS OF
INFORMATION TECHNOLOGIES
AND THE INTERNET**

■ ■ ■

Аннотация. В статье отмечается, что проблема этнической коррупции проявляется весьма остро в условиях современной России, однако, ее опасные последствия значительно усиливаются вследствие роста социальной значимости Интернета и информационно-компьютерных технологий. Факты этнической коррупции, искажаемые, гипертрофируемые интернет-коммуникаторами, способны формировать не только деструктивные коммуникативные, но и социальные эффекты (вплоть до массовых выступлений населения, погромов, столкновений на межэтнической почве).

Ключевые слова: коррупция, этническая коррупция, коммуникация, информация, информационно-компьютерные технологии, Интернет, социальные последствия, риски, межэтнические столкновения.

■ ■ ■

Annotation. The article notes that the problem of ethnic corruption is very acute in the conditions of modern Russia. However, its dangerous consequences are greatly enhanced by the growing social importance of the Internet and information and computer technology. The facts of ethnic corruption, distorted, hypertrophied by Internet communicators, can form not only destructive communicative, but also social effects (up to the mass protests of the population, pogroms, clashes on ethnic grounds).

Keywords: corruption, ethnic corruption, communication, information, information and computer technologies, Internet, social consequences, risks, interethnic clashes.

■ ■ ■

Одной из серьезных системных социальных проблем современного российского общества является коррупция. Данное негативное явление принимает самые разнообразные формы, глубоко проникает в экономическую и социальную подсистемы общества. Под коррупцией исследователи понимают преступную деятельность в политике, государственном управлении, судопроизводстве, внешней торговле и других

■ ■ ■

сферах, состоящую в использовании должностными лицами доверенных им прав и властных возможностей в целях личного обогащения [1].

Стоит отметить, что коррупция прямо или косвенно затрагивает деятельность основных социальных институтов российского общества. Особенно опасна коррупция в аспекте ее негативно-го влияния на сознание людей, прежде всего,

подрастающего поколения. Потенциал коррупции и коррупционных практик в аспекте трансляции криминальных установок весьма высок. Эпоха постиндустриального общества с ее развитой информационно-коммуникационной составляющей лишь усиливает данный эффект.

Коррупция, несомненно, является социальным порождением, то есть определенной формой общественных взаимоотношений, сформировавшихся с выделением властных структур. Это система отношений, пронизывающих общество, но отнюдь не являющаяся основой его функционирования, без которой оно не могло бы обходиться. Коррупция не только создает угрозу для нормального функционирования общества и государства, подрывает нравственные устои, но и усугубляет кризисные явления в политике, экономике, социальной сфере, снижая индекс доверия населения к управленческим структурам [2].

М.В. Артемьева указывает, что коррупция оказывает разлагающее влияние на все сферы жизни общества: экономику, социальную сферу, политику. Негативные последствия, порождаемые этим явлением, не только препятствуют прогрессивному, поступательному развитию общества, но и представляют серьезную угрозу интересам национальной безопасности страны [3].

Именно принимая во внимание опасные социальные последствия коррупции, наука и практика стремятся максимально локализовать данное явление, не допустить или значительно ограничить его попадание в медиа среду, в публичное коммуникационное пространство. Однако это не всегда удается, в том числе, и по причине значительной вариативности и динамичности коррупции, ее возможностей мимикрировать под влиянием социальной динамики, а также контрдействующих мероприятий со стороны государства и общества, именно поэтому облик «классической» коррупции (начала XX в., в частности) уже редко встречается в реальной практике.

Исследователи отмечают, что «коррупция не сводится к примитивному взяточничеству, особенно в условиях рыночной экономики, свободной торговли и демократии. Лоббизм, фаворитизм, протекционизм, взносы на политические цели, традиции перехода политических лидеров и государственных чиновников на должности почетных президентов корпораций и частных фирм, инвестирование коммерческих структур за счет госбюджета, перевод государственного имущества в акционерные общества, использование связей преступных сообществ и т.д. являются завуалированными формами коррупции» [4].

Д.В. Мирошниченко справедливо отмечает, что опасность коррупции заключается в том, что она, в целом, отрицает авторитет власти, ее компетенцию в управлении обществом. Особую опасность коррупция приобретает в правовом государстве, при котором отрицание авторитета прав и свобод человека, выраженное в причинении им ущерба, представляет собой уничтожение самого авторитета власти, а значит – ведет к ее вырождению. Таким образом, власть как объ-

ект коррупционного посягательства терпит ущерб в двух аспектах: в аспекте силы (принуждения), поскольку данное право может быть отчуждено; в аспекте авторитета власти в силу подрыва оснований ее компетентности (несоответствие действий власти принципам ее осуществления) и, как результат, социальной коммуникации [5].

В современном российском обществе коррупция зачастую принимает системный характер. Элементы социального контроля уже не реагируют на коррупцию как «кинородное тело», настолько данное явление проникло в социум, срослось с его ключевыми структурными элементами. Именно на этот аспект проблемы обращает внимание Х.В. Дзуцев. Как эмоционально, но справедливо отмечает исследователь, «коррупция сопровождает людей от рождения до смерти. Они платят за все: за рождение (в роддоме надо заплатить врачам, и это несмотря на то что во всей России действует родовый сертификат), за смерть, за поступление ребенка в детсад родители платят безработно 10–25 тысяч рублей заведующей детсадом, за поступление в институт, за сдачу ЕГЭ, за устройство на работу, за должность, за любую услугу чиновника. Последний в свое время тоже заплатил за свою должность, а ранее – за образование и теперь вправе использовать купленный ресурс для получения дохода. Каждый человек включен в коррупционную машину в качестве какой-либо детали и обеспечивает стабильную работу этой машины» [6].

В ситуации тотального проникновения коррупции в социальную жизнь перед каждым человеком встает нелегкий моральный выбор – идти наперекор большинству и не принимать коррупцию или интегрироваться в коррупционные практики. В первом случае человек рискует «в одиночку противостоять коррупции, втянув в это противостояние свою семью, без единого шанса на победу. В результате население все меньше возмущается колоссальными хищениями бюджетных средств – это стало нормой. И теперь для многих вопрос стоит в том, как к этой «кормушке» подключиться» [7].

Становится очевидным, что в последние годы не только журналисты, общественные деятели, но и ученые, представители системы социального управления начинают отстаивать мысль (вольно или невольно) о непобедимости коррупции, практической бесполезности любых попыток кардинально изменить ситуацию в положительном аспекте. Не в последнюю очередь это происходит вследствие феномена этнической коррупции – одной из самых опасных разновидностей данного типа социальных отклонений.

Стоит отметить, что этническая коррупция резко обостряет социальное, экономическое и политическое (принадлежность к власти) неравенство людей. Не случайно в ходе публичных дискуссий общественных деятелей звучат подобные оценочные суждения, серьезно влияющие на общественное сознание, особенно маргинальных, люмпенизированных слоев населения: «огромные массы, прибывающие в Россию нелегалов

порождают на ее территории родовые-племенные общины, которое благодаря своей сплоченности начинают оттеснять коренное население, используя уже при этом букву закона» [8]. Такие «вариации» коррупционных практик несут в себе особую опасность для современного полиэтнического российского общества, продуцируют скрытые конфликты, социальную напряженность.

Этническая коррупция представляет собой сложную, системную проблему, непосредственно связанную с общим состоянием и тенденциями развития коррупции в России. Рассматривать этническую коррупцию как некий феномен, существенно отличающийся от общей проблемы коррупции, на наш взгляд, нецелесообразно. В этой связи оптимальным теоретико-методологическим и методико-процедурным инструментом анализа коррупции является социологический подход, для которого характерен всесторонний, системный анализ общества, рассмотрение проблемы этнической коррупции в единстве ее взаимосвязей с другими элементами.

Стоит обратить внимание на то, что этническая коррупция характеризуется более тяжелыми (чем коррупция в «традиционном облике») последствиями: речь идет о провоцировании межэтнической напряженности, конфликтов, снижении уровня доверия к федеральной власти, допустившей такое положение. Ситуация значительно усугубляется резким имущественным разрывом наиболее богатой и наиболее бедной прослойки российского общества, в результате чего у бедных слоев могут наблюдаться установки этнической ксенофобии, экстремизма, радикализма.

Необходимо принимать во внимание и социально-коммуникационный контекст, в котором развивается этническая коррупция, оказывая влияние на социальные институты, структурные элементы, процессы. В частности, в последние годы все более отчетливо заметен тот факт, что глобальная компьютерная сеть в новых условиях становится не только ключевым игроком медиарынка, но и инновационной социальной средой, где происходят взаимодействия акторов, опосредованные компьютерно-коммуникационными технологиями [9].

Как отмечают исследователи, на первый план в современном постиндустриальном обществе выходит глобальная компьютерная сеть Интернет. Ее важной функциональной характеристикой является генезис симуляционных структур, созданных по аналогии с традиционными коммуникативными элементами, но, вместе с тем, отличающихся от них (блог – некий аналог дневника; форум – дискуссионной площадки и т.д.). Этот же эффект можно зафиксировать в отношении самотрансляционных механизмов анонимной недостоверной информации, которые были интегрированы в электронную коммуникационную среду и «виртуализировались». Интернет представляет собой масс-медиа нового поколения, способное органично интегрировать вертикальные и горизонтальные коммуникативные потоки и оказывать серьезную конкуренцию традиционным масс-медиа [10].

Однако сложность современной ситуации заключается в том, что Интернет в корне изменяет характер и направленность не только информационно-коммуникационных потоков, но и шире – все социальных действий и взаимодействий. В настоящее время любое социальное явление, феномен, процесс – напрямую зависят от того, как они будут «подаваться» общественному мнению в СМИ, Интернете. Очевидно, что элементы массовой медийной системы могут как «затенять» проблемы, так и, наоборот, гипертрофировать их, обострять. Здесь следует обратить внимание на возможности глобальной сети Интернет, особенно, его непрофессионального, стихийного сегмента коммуникаторов. Во многом бесконтрольное распространение информации представителями обыденного, неспециализированного сознания в блогах, на форумах, в социальных сетях интернет-среды создает риски распространения дезинформации, провокационных сообщений, радикальных идей, призывов к социальной агрессии, экстремизму. К сожалению, явление этнической коррупции, сложное и неоднозначное само по себе, выступает неким «раздражителем» для интернет-комментаторов. Это ухудшает и без того сложную социальную обстановку в обществе, так как этническая коррупция, став объектом активности представителей обыденного сознания в глобальной компьютерной сети, «обрастает» атрибутивными характеристиками, опасными сами по себе и мало связанными с содержательной сутью самого социального феномена. Как следствие, в российском обществе формируется тревожная ситуация с высокими рисками появления виртуальных последствий этнической коррупции, которые по силе воздействия на массовое сознание, могут быть сопоставимы с традиционными.

Таким образом, по итогам рассмотренной нами проблемы можно сделать следующие выводы. Этническая коррупция, безусловно, представляет собой весьма сложную проблему современного российского общества. Особенно опасна этническая коррупция в субъектах РФ, где компактно проживают представители нескольких этносов, при этом только один из этносов узурпирует властные полномочия посредством инструментов этнической коррупции. В таких условиях представители других этносов, «обиженных», «ущемленных» в результате этнических коррупционных практик, могут стремиться взять жизненный реванш. И, к сожалению, едва ли не универсальным инструментом подобных действий выступает Интернет – самое демократическое и свободное медиа современного российского общества. Здесь каждый желающий может на «всенародное обсуждение» представить свою версию причин и проявлений этнической коррупции. Едва ли не самое неприятное в данной ситуации то, что интернет-коммуникаторы зачастую приводят различные примеры из жизни, якобы связанные с этнической коррупцией, однако проверить достоверность фактов практически не представляется возможным. Проблема как раз и заключается в том, что интернет-коммуникаторы, по сути, оперируя сообщениями в форме фактов, вполне могут распространять слухи и дезинформацию, оказывать мощное информационно-психологическое воздействие на

сознание интернет-аудитории, направляя его в нужное для себя русло.

Именно в силу вышеизложенного представляется возможным констатировать, что социально-коммуникационные риски в условиях прогресса информационных технологий и Интернета затрагивают, в том числе, и этническую коррупцию. Глобальная сеть способна исказить действительность, обострять реакции людей, формировать желание мести, жизненного реванша. И если раньше люди обсуждали на кухне социаль-

Литература:

1. *Артемьева М.В.* Коррупция и коррупционные преступления // Юридическая наука. 2011. № 1.
2. *Бугаевская Н.В.* Формы проявления коррупции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 3–2.
3. *Артемьева М.В.* Коррупция и коррупционные преступления // Юридическая наука. 2011. № 1.
4. *Бутадаров С.М.* Понятие коррупции в российском законодательстве и юридической литературе // Современное состояние и проблемы развития российского законодательства: Материалы регион. научно-практической конференция / отв. ред. И.Ю. Остапович. Горно-Алтайск, 2010. С. 157–160.
5. *Мирошниченко Д.В.* Рождение коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4.
6. *Дзутцев Х.В.* Социально-экономическая и политическая ситуация в Республике Дагестан // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 1.
7. *Дзутцев Х.В.* Социально-экономическая и политическая ситуация в Республике Дагестан // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 1.
8. URL: <http://www.apn.ru/opinions/article22233.htm> (дата обращения 12.08.2016).
9. *Кубякин Е.О.* Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни : дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2012. С. 20.
10. *Куликов Е.М.* Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2014.

ные, экономические, политические темы, то сейчас аудитория подобного по характеру и направленности обсуждения может составлять тысячи или миллионы человек. Принимая во внимание рассмотренный нами аспект проблемы этнической коррупции, становится очевидным необходимость усиления профилактики этнической коррупции, более тесной и интенсивной работы с подрастающим поколением, в том числе – в аспекте формирования правовой культуры и правового сознания молодежи, ослабления позиций криминалитета, организованной преступности.

Literature:

1. *Artemyeva M.V.* Corruption and corruption crimes // Jurisprudence. 2011. № 1.
2. *Bugayevskaya N.V.* Corruption manifestation forms // News of the Tula state university. Economic and jurisprudence. 2013. № 3–2.
3. *Artemyeva M.V.* Corruption and corruption crimes // Jurisprudence. 2011. № 1.
4. *Butadarov S.M.* Concept of corruption of the Russian legislation and legal literature // Current state and problems of development of the Russian legislation: Materials region. scientific and practical conference / отв. edition I.Yu. Ostapovich. Gorno-Altaysk, 2010. Page 157–160.
5. *Miroshnichenko D.V.* Corruption birth//Current problems of economy and right. 2011. № 4.
6. *Dzutsev H.V.* A social and economic and political situation in the Republic of Dagestan // Scientific notes of the Russian state social university. 2011. № 1.
7. *Dzutsev H.V.* A social and economic and political situation in the Republic of Dagestan // Scientific notes of the Russian state social university. 2011. № 1.
8. URL: <http://www.apn.ru/opinions/article22233.htm> (date of the address 12.08.2016).
9. *Kubyakin E.O.* Youth extremism in the conditions of globalization of the information and communication environment of public life : yew. ... Dr.s соc. sciences. Krasnodar, 2012. P. 20.
10. *Kulikov E.M.* Rumors as an element of network communication in Internet space of modern Russia: yew. ... Dr.s соc. sciences. Krasnodar, 2014.

Зенин Константин Анатольевич

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Поляков Олег Владимирович

соискатель кафедры общегуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
milena.555@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются социальные основания для формирования информационного общества. Достаточно дискуссионная ситуация сложилась и вокруг интеграции России в пространство глобального информационного общества. Часть исследователей «автоматически» считают Россию интегративным элементом информационного общества, другие же указывают на факт ее значительного отставания в сфере информационно-компьютерных технологий от ведущих стран «большой семерки» и, как следствие, несоответствию основным критериям (социальным, экономическим, технологическим, политическим) принадлежности к информационному обществу.

Ключевые слова: информационное общество, социокультурное пространство, социум.

Рассмотрим применительно к современной России социальные основания для формирования информационного общества, выражающиеся в наличии определенных социальных, экономических, культурных, политических индикаторов. В научной литературе в качестве социальных оснований информационного общества выделяют:

1. Техничко-технологические показатели.
2. Социально-экономические показатели.
3. Политические показатели.
4. Интеллектуальные показатели [1].

М. Кастельс и Э. Киселева полагают, что Россия несколько отстает в развитии информационно-коммуникационных технологий и, соответственно, характеризуется определенным «запаздыванием» в процессе интеграции в структуры информационного общества. Авторы отмечают: «для крупного

Konstantin A. Zenin

PhD (sociology), associate Professor,
chair of civil law,
Essentuki Institute of management,
business and law
milena.555@mail.ru

Oleg V. Polyakov

the applicant of the chair of General
humanitarian and natural Sciences,
Essentuki Institute of management,
business and law
milena.555@mail.ru

THE SOCIAL BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SOCIETY

Annotation. The article discusses the social grounds for the formation of the information society. Quite a debatable situation has developed around the integration of Russia into the space of the global information society. Some researchers «automatically» consider Russia an integrative element of the information society, while others point to the fact of its significant lag in the field of information and computer technology from the leading countries of the «big seven» and, as a consequence, non-compliance with the basic criteria (social, economic, technological, political) belonging to the information society.

Keywords: information society, social space, society.

промышленного производителя, каким являлась советская Россия, наиболее прямой дорогой к информационной эпохе было бы улучшение ее информационно-технологических отраслей и развитие отечественных производителей полупроводников, компьютеров, телекоммуникационного оборудования и потребительской электроники. Однако российская электронная промышленность сильно отстала от технологического уровня электронной промышленности США, Европы и Восточной Азии в 1980-х гг., и в первой половине 1990-х годов она потерпела крах» [2].

А.Д. Еляков оценивал объективное состояние современного российского общества с точки зрения использования в России информационно-компьютерных технологий (ИКТ), анализировал позиции в движении страны к информационному обществу. Ситуация оказалась неоднозначной. Так, по количеству пользователей Интернет на

100 человек населения Москва, Омская область, Санкт-Петербург, Республика Мари-Эл в десятку раз превосходили некоторые южные и юго-восточные регионы страны. Наблюдаются напряжения во всех ощутимых точках цифрового развития страны, как следствие – всеобщий и глубокий двухсторонний разрыв: внешний – между развитыми государствами планеты и Россией в среднем, внутренний – между центром и большинством регионов, между лидерами и аутсайдами, компьютерным оснащением федеральной и местной властей. За последние несколько лет ситуация стала улучшаться, но слишком медленно [3].

Следует подчеркнуть, что понятие «информационное общество», возникнув в 1960–1970-х гг., пережило значительную эволюцию к началу XXI века. Проблема современной науки заключается в том, что в то время, как социологических концепций информационного общества становится всё больше, они по-прежнему не удовлетворяют ни теоретиков, ни практиков ввиду слишком общего характера своих построений и выводов, когда слабость результатов прогнозирования оборачивается нарастанием пессимизма в оценках происходящего и в ожиданиях будущего.

Проблемы концептуального понимания информационного общества особенно хорошо заметны на примере России. В научной литературе не сформировано более менее адекватной позиции большинства исследователей по поводу того, относить ли состояние современной России к информационному обществу. И если предположить, что Россия исключена из глобального информационного пространства, это ставит под сомнение адекватность самой концепции, так как страна, занимающая около 20 % территории Земли, не может быть «исключением, подтверждающим правило». В случае, если мы все таки относим Россию к глобальному информационному обществу, нам необходимо разобраться во множестве противоречий и нестыковок по сравнению с «классическими» моделями информационного общества. Одна из таких проблем – информационное неравенство (как по линии «Россия – технологически развитые страны», так и по линии «Москва/Санкт-Петербург и российская провинция»).

Российский социум в начале XXI в. постепенно интегрируется в глобальное социокультурное пространство, и это ведет к проявлению индикаторов изменений в различных сферах, в том числе коммуникативной, социальной, культурной, экономической. Происходит генезис особой социальной реальности, основывающийся на стремительности имеющих место социальных изменений. В новых условиях видоизменяется и проблематика социального неравенства. Являясь одной из ключевых – как в аспекте институционализации социальных явлений, процессов в социуме, так и удовлетворения потребностей и интересов людей, данная проблематика, казалась бы, утрачивает свою остроту в новом веке. Современное общество (как бы его ни именовали: «постиндустриальное», «информационное») периодически сталкивается с разнообразными

напряжениями системы, возникающими вследствие тенденций дезорганизации в функционировании тех или иных значимых социальных институтов и подсистем. Учитывая основное целеполагание социума, вполне обоснованным выглядит то обстоятельство, что он представляет собой системную целостность, интегральный элемент современного мира. Социальная реальность интегрирует в единое целое совокупность институтов, подсистем, организаций, нацеленных на поддержание в стабильном состоянии уровня жизни, потребления, благосостояния людей, в первую очередь – незащищенных слоев населения, борьбу с социальным неравенством. Следует отметить, что проблемы, связанные с проявлениями социального неравенства, затрагивают в первую очередь самые маргинальные, депривированные, материально необеспеченные слои населения, социальные настроения, жизни – и мироощущение которых по определению далеки от нормальных. Социальная ситуация обостряется, когда речь идет не о стабильном обществе, а об испытывающем кризисные явления.

Стоит отметить, что трансформации, связанные с проявлениями научно-технического прогресса, ведут к появлению нового типа социального неравенства – информационного. Не всегда эти процессы соответствуют концепции классической «глобальной деревни» канадского социолога М. Маклюэна [4], скорее напротив более уместно вести речь о росте в социуме неопределенности и риска, что возникает в результате ускорения происходящих социальных трансформаций. Другой социолог, Д. Белл, подметил особый вектор социальных изменений: «в экономике приоритет перешёл от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни, в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений во всё большей степени зависит от достижений теоретического знания» [5].

Таким образом, во второй половине XX в. в технологически развитых странах мира наметились предпосылки безусловного и необратимого перехода социума к новой форме своего существования. Эту форму в социологической литературе, как правило, именуют как «постиндустриальное», «информационное», «глобальное».

Социальными последствиями генезиса информационного общества можно считать то, что реальная картина социальных изменений, которая четко стала вырисовываться в начале XXI в., не соответствует теоретическим построениям большинства ученых, специализировавшихся на данной предметной области.

Кроме того, в качестве социальных последствий становления информационного общества целесообразно рассматривать риск и дезорганизацию, возникших вследствие высоких скоростей социальных изменений. В этой ситуации неизбежно возникают противоречия между инерционным функционированием социальных инсти-

тутов и подсистем и высокими скоростями социальных преобразований.

В российском обществе проявляется собственная специфика, заключающаяся в существовании на протяжении десятилетий резкого социального (экономического, финансового) расслоения. Не сумев преодолеть последствия данного расслоения (о чем свидетельствует очень высокий «децильный коэффициент» – 17), наше общество столкнулось уже с инновационным неравенством, основанным на неодинаковом владении и освоении информационно-компьютерными технологиями и Интернетом. Эта ситуация создает дополнительные риски и источники напряжения для российского общества начала XXI в.

Стоит также отметить, что среди широкого спектра социальных последствий генезиса информа-

ционного общества выделяется то обстоятельство, что реальная картина социальных изменений, которая четко вырисовывается в начале XXI в., не соответствует теоретическим построениям большинства ученых, специализировавшихся на исследовании постиндустриального, информационного общества. Кроме того, в настоящее время очевидно, что переход от индустриальной к постиндустриальной стадии общественного развития не приводит к возникновению бесклассового и социально бесконфликтного общества. Социальное напряжение, конфликты переходят в информационную сферу, часто становятся элементом виртуальной, информационно-компьютерной среды, отнюдь не утрачивая свою актуальность и значимость в социальной системе. Это формулирует контуры новой социальной проблемы, ранее не известной науке и практике.

Литература:

1. *Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации. М., 2002.
2. *Кастельс М.* Россия в информационную эпоху / М. Кастельс, Э. Киселева // Мир России. 2001. № 1. С. 13.
3. *Еляков А.Д.* Российское общество в информационном измерении // Социс. 2009. № 7. С. 86–89.
4. *Маклюэн М.* Война и мир в глобальной деревне. М., 2012.
5. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 156.

Literature:

1. *Sokolov A.V.* General theory of social communication. M., 2002.
2. *Castells M.* Russia in the information age / M. Castells, E. Kiseleva // World of Russia. 2001. № 1. P. 13.
3. *Elakov A.D.* Russian society in the information dimension // Sotsis. 2009. № 7. P. 86–89.
4. *McLuhan M.* War and peace in the global village. M., 2012.
5. *Bell D.* the Coming of post-industrial society. Experience of social forecasting. M., 1999. P. 156.

Каменская Анна Олеговна

аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва
anna_tikhnv@mail.ru

Anna O. Kamenskaya

Postgraduate student, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow
anna_tikhnv@mail.ru

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК СФЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

Аннотация. Инновации несут в себе одновременно большие возможности и непредсказуемые риски. Бизнес как главный производитель инноваций должен нести ответственность за их воздействие на общество. В статье раскрываются теоретические аспекты понятия «социальная ответственность бизнеса» в контексте инновационного развития. Рассматривается исторический опыт внедрения инновационных процессов и механизмов в деятельность автомобильной компании. Выдвигается гипотеза о первостепенной важности перехода к новой модели самоорганизации бизнеса в целях обеспечения высокого качества жизни человеческого сообщества в условиях повышенной рискогенности.

Ключевые слова: социальная ответственность, альтруизм, эгоизм, инновация, риск, устойчивое развитие.

Введение

Сегодня в мире существует ряд нелинейных тенденций, которые ведут к усложнению старых и появлению принципиально новых глобальных опасностей. Космополизация мира, технологический прогресс и информационная революция создали невиданные ранее перспективы развития различных сфер и одновременно спровоцировали появление рисков, которыми важно эффективно управлять. Государства уже неспособны в одиночку нести ответственность за благополучие своих граждан, а также всего мирового сообщества. Новые социокультурные реалии вовлекают всех акторов в решение глобальных проблем. Справедливо будет предположить, что крупные корпорации, все более активно стремящиеся получить властные полномочия для участия в международной политике, должны нести и некую ответственность за благосостояние общества, на которое распространяется их влияние.

На сегодняшний день существует несколько концепций социальной ответственности бизнеса (СОБ), преимущественно они появились в конце XX века. Среди крупнейших отцов-теоретиков СОБ следует выделить М. Фридмена [9], Г. Бозана, Д. Вуда и П. Друкера. Современные реалии

INNOVATIVE DEVELOPMENT AS A SPHERE OF BUSINESS RESPONSIBILITY

Annotation. Innovations simultaneously can give great opportunities and pose an unpredictable risk for the society. The business as the main producer of innovations should be responsible for their impact on society. Some theoretical aspects of the concept of «corporate social responsibility» in the context of innovative development are contained in the article. The experience of introduction of innovative processes and mechanisms in the activity of the automobile company is considered. A hypothesis about the paramount importance of the transition to a new model of self-organization of business in order to ensure the high quality of life of the human community in conditions of increased risk is advanced.

Keywords: social responsibility, altruism, egoism, innovation, risk, sustainable development.

изучают ученые-исследователи социологического и управленческого знания С.А. Кравченко, А.В. Носкова, Н.Н. Зарубина, Ю.А. Благоев, Б.Л. Цветкова, Р. Рейч.

Основные концепции социальной ответственности бизнеса

Различные теории СОБ можно объединить в несколько альтернативных подходов, возникших в результате дебатов о цели организации. Сторонники теории «корпоративного эгоизма» считают организацию исключительно экономическим явлением, главной задачей которой является увеличение прибыли акционеров. Бизнес должен нести юридическую ответственность и никакую иную.

По мнению приверженцев данной теории, существует жесткая дифференциация социальных сфер. Предпринимательство, власть, органы социальной защиты, должны играть каждый свою роль для устойчивого развития общества, социальная ответственность переносит на бизнес ряд функций, традиционно реализуемых другими акторами. Это ведет к появлению новых рисков для стабильности установленного порядка, «поскольку дает слишком большую власть

над обществом в руки представителей бизнеса, не избранным демократическим путем и не имеющих обязательств перед обществом» [2 с. 300]. Таким образом, сферы деятельности власти, общества и бизнеса должны быть четко разграничены, а попытки навязать бизнесу социальную ответственность несправедливы и безнравственны.

Заметим, что в современных условиях такой подход все более неприменим к успешным практикам ведения бизнеса. М. Вебер в «Политике как призвание и профессия» пишет, что *политика* – «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себя заключает» [6 с. 653]. Государства уже не являются доминирующими участниками политики, их теснят транснациональные корпорации (ТНК), которые нельзя отнести к экономическим структурам одной конкретной страны. Статистика говорит сама за себя: сравнив наиболее успешные экономики мира и корпорации, можно отметить, что список ста из них больше чем на половину составляют ТНК. В небольших странах компании могут латентно влиять на исход выборов в богатых ресурсами странах, а также на законодательскую деятельность. Для обозначения влияния, которое компании оказывают на власть появился термин «*международный корпоративный лоббизм*». Некоторые механизмы даже институционализированы, например, Всемирный экономический форум, Деловой консультативный совет при АТЭС, «Бизнес-20», в которых принимают участие крупные компании стран-членов «Группы двадцати» (G20). Корпоративные гиганты активно участвуют в выработке повестки дня, общаются с мировыми лидерами и явно или косвенно влияют на международные политические процессы. На это есть объективные причины, потому что ТНК становятся крупнейшими землевладельцами (Daewoo, Loius Dreyfus, Glencore), что дает им рычаги влияния одинаково на власть и на общество, крупнейшие IT-компании имеют доступ к личным данным пользователей их информационных сервисов, ТНК меняют мировую экономику, в частности формируют цены на нефть. Более того, частные военные компании подрывают монополию правительств стран на легитимное насилие, что по М. Веберу является одним из главных признаков государства. Так, компания Turphon заявила о создании эскадры для защиты торговых судов от пиратов, Blackwater разработали собственные бронетранспортеры, а численность «сотрудников» частной военной компании G4S сравнима с армией Пакистана [4].

На этом фоне значение социально ответственных бизнес-практик неуклонно растет, а корпорациям навязывается концепция «*корпоративного альтруизма*». Его сторонники предлагают во имя общественного блага отказаться от жажды личной выгоды, что коренным образом противоречит самой сути предпринимательской деятельности. Компании-последователи этой теории пытаются интегрировать социальную ответственность в привычные бизнес-практики, ис-

пользуют ее в качестве маркетингового механизма влияния на потребителей и других заинтересованных групп или выдают за СОБ то, что они и так *обязаны* делать в соответствии с законодательством. Они попросту скрывают под маской альтруизма свои прагматические расчеты, направленные на улучшение имиджа и получение одобрения от властей. «Происходит подмена целей, результатов деятельности социально ответственных предпринимателей на символы и знаки» [7]. Например, Macdonalds использует более гуманные способы забоя скота, которые одновременно сократили случаи получения производственных травм, крайне дорогостоящих для работодателя, и позволили получать больше мяса. Wal-Mart перешли на «зеленую» упаковку для своей продукции – прозрачный пластик из кукурузного сахара, который в разы дешевле упаковки, сделанной из пластика на основе нефти. Starbucks предоставляет своим сотрудникам, работающим неполный рабочий день, медицинскую страховку, потому что это позволяет уменьшить текучесть кадров.

Подход «*разумного эгоизма*» видится верной альтернативой первым двум. Всем индивидам от природы свойственен эгоизм. По наблюдениям Г. Спенсера, люди, пренебрегающие собственными интересами, в большей степени склонны к депрессии и несчастью, следовательно, они не способны к продуктивному альтруистическому поведению [3]. Во главе корпораций стоят индивиды, ответственные за принятие решений, и ими движет эгоизм. Здоровый (разумный) эгоизм позволит бизнесу оставаться успешным и прибыльным, именно такое предприятие сможет эффективнее управлять социальными бизнес-практиками. Американский ученый П. Друкер, считает, что, игнорируя ограничения экономической эффективности во имя социальных обязательств, компания вскоре столкнется с серьезными проблемами. «Но игнорировать проблемы общества они не могут, поскольку в нашем обществе организаций нет больше никого, кто будет ими заниматься» [1]. А долго существовать в нездоровой среде ни одна организация не сможет. В этом контексте важно уметь балансировать, уметь объективно выявить возможные внутренние и внешние риски и вовремя устранить их. При этом, рекомендуется не брать на себя лишнюю ответственность за социальные проблемы, решение которых может отрицательно сказаться на репутации компании или ее доходах. Правильнее всего для компании будет направить свою социально-ответственную политику на решение тех общественных проблем, которые входят в круг ее компетенций, так бизнес не будет воспринимать социальные проблемы как обузу, а увидит в них возможность инновационного развития собственного предприятия и всей отрасли. «Именно бизнес должен превратить изменение в инновацию, т.е. в новый бизнес» [1 с. 304].

Инновации как сфера социальной ответственности бизнеса

Инновация представляет собой *новшество*, которое делает существующую систему значи-

тельно более эффективной. Это может быть прибыльное использование новых технологий, видов продукции и услуг, организационно-технических и социально-экономических решений производственного, финансового и административного характера. В истории есть множество примеров эффективных инновационных решений. Перед Первой Мировой войной компания Ford Motor начала выплачивать работникам 5 долларов в день вместо принятых в то время 15 центов. Такой шаг был весьма рискованным, однако, реальные затраты на рабочую силу настолько сократились, что несмотря на подорожание используемых материалов, в течение нескольких лет компания смогла существенно увеличить прибыль. В последствии это социально-ответственное нововведение изменило всю экономику труда США, заложило основу для появления среднего класса и вместе с тем помогла компании получить господство на рынке.

В том же 1914 году в компании Ford был введен принцип, в соответствии с которым на службу нанимались люди с физическими недостатками. Форд отвергал мнение, что «не способные к труду, должны ложиться бременем на общество и содержаться на счет общественной благотворительности» [8]. Новшеством в управление трудовыми ресурсами стало уравнивание в возможностях и обязанностях инвалидов со здоровыми работниками. Проведя тщательный анализ, Форд выяснил, что из более 7882 различных функций 670 работ могут выполняться безногими, 2637 людьми с одной ногой, 2 – безрукими, 715 – однорукими, 10 – слепыми [8]. Таким образом, Форду удалось сохранить основную цель фабрики - производство, при этом обеспечить людей с ограниченными возможностями стабильной заработной платой. Такой подход, в отличие от «слепой» материальной помощи благотворителей, возвращает человеку веру в собственные силы, повышает уровень лояльности работников внутри организации, решает проблему доверия, что в перспективе приносит пользу всей организации и обществу в целом.

Тем не менее, последствия любого новшества амбивалентны, инновации тесно связаны с рискогенностью. Процесс превращения социальной проблемы в бизнес-идею может оказаться бесконечной погоней по замкнутому кругу. Этот феномен можно проследить на примере создания автомобиля. Идея создания «экипажа без лошади» служила целью «переложить трудную, суровую работу фермера с человеческих плеч на сталь и железо» [8]. Новаторы того времени справились со своей задачей, что повлекло за

Литература:

1. Друкер Питер Ф. Менеджмент / Ф. Друкер Питер, Макьярелло, А. Джозеф.; Пер. с англ. М. : ООО «И.Д. Вильямс», 2010. 704 с.
2. Зарубина Н.Н. Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе : учебное пособие. М. : Логос, 2012. 392 с.

собой возникновение новых сложностей и нового запроса общества – сделать автомобиль безопасным и экологичным. Сегодня автомобиль может самостоятельно «думать» о безопасности водителя и пассажира, крупные концерны соревнуются с друг другом по экологичности выпускаемых ими машин, однако любой виток этого развития будет сопряжен с новыми рисками. Имеющиеся тенденции и сопутствующие риски должны быть тщательно проанализированы руководителями предприятий. По мнению, российского социолога С. А. Кравченко, выходом из ловушки опасности, может стать гуманистический поворот [5 с. 54].

Социально-ответственной инновацией современных компаний должна стать пересмотренная система производства продукта или услуги. Уже на этапе разработки нового продукта следует помнить о так называемом «эффекте бабочки», необходимо отдавать отчет в долгосрочных последствиях нововведения и нести за них ответственность перед обществом. С учетом опыта можно предположить, что управлять негативными последствиями точек бифуркации станет все сложнее. Для того, чтобы минимизировать риски при переходе в высокотехнологичное будущее, необходимо, на основе тщательного анализа существующих тенденций, обеспечить сопряженность технологий с глубокой гуманностью. Более эффективно управлять трансформацией научных достижений в коммерческие проекты. Необходимо тщательно учитывать их воздействие на общество, культуру, экономику и окружающую среду.

Заключение

В новых реалиях бизнес должен стать более ответственным за то влияние, которое он оказывает на социум. Невозможным представляется дальше оправдывать эгоистические установки бизнеса или скрывать их за альтруистическими мотивами. Организации обязательно брать на себя ответственность за все проблемы мирового сообщества. Достаточно, чтобы корпорации стремились устранить или свести к минимуму негативные влияния своего производства, а также пытались превратить социальную проблему в бизнес-возможность для осуществления качественного инновационного прорыва в той отрасли, к которой они относятся. В ином случае, добровольное желание бизнеса оказывать социальную помощь в сферах, выходящих за рамки его полномочий, вызывает подозрения, так как это уже не ответственность, а жажда власти, пришедшая на смену жажде наживы.

Literature:

1. Druker Petter F. Management / F. Druker Petter, Makyarello, A. Joseph; The lane with English M. : LLC «I.D. Williams», 2010. 704 pages.
2. Zarubina N.N. Sotsiologiya's mark of economic life: the problem analysis in global prospect : manual. M. : Lagos, 2012. 392 pages.

3. *Каменская А.О.* Интерпретация понятий «альtruизм» и «эгоизм» в теориях классиков социологии // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 81–87.

4. Корпоративные войны. Власть // Коммерсант.ru URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2184633? SubfolderId=90141>

5. *Кравченко С.А.* Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия : учебное пособие. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. социологии. М.: МГИМО-Университет, 2016. 431с.

6. М. Вебер Избранные произведения / Ю.Н. Давыдова, П.П. Гайденко, М. Прогресс, 1990. 808 с.

7. *Носкова А.В.* Социальная ответственность российского бизнеса в условиях импортозамещения / А.В. Носкова, Е.А. Панфилова // Вопросы управления. 2016. № 2 (20). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-rossiyskogo-biznesa-v-usloviyah-importozamesheniya>

8. *Форд Г.* Моя жизнь, мои достижения // Наука и техника. URL: <http://n-t.ru/ri/fr/mz.pdf>

9. *Friedman M.* The Social Responsibility of Business is to Increase Its Profits The New York Times Magazine, September 13, 1970. URL: <http://faculty.wvu.edu/dunnc3/rprnts.friedman.dunn.pdf>

3. *Kamenskia A.O.* Interpretation of the concepts «altruism» and «egoism» of theories of classics of sociology//Social policy and sociology. T. 15. 2016. № 6 (119). P. 81–87.

4. Corporate wars. Power // Kommersant.ru of URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2184633? subfolderId=90141>

5. *Kravchenko S.A.* Sociological diagnostics of risks, uizvimost, trust : Manual. Mosk. state. in-t междунар. relations (un-t) M-va иностр. affairs of Dews. Federations, каф. sociology. M. : MGIMO University, 2016. 431 pages.

6. M. Weber The chosen works / Yu.N. Davydova, P.P. Gaydenko, M. : Progress, 1990. 808 pages.

7. *Noskova A.V.* Social responsibility of the Russian business in the conditions of import substitution / A.V. Noskova, E.A. Panfilova // Questions of management. 2016. № 2 (20). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-rossiyskogo-biznesa-v-usloviyah-importozamesheniya>

8. Ford G. My life, my achievements//URL Science and technology. URL: <http://n-t.ru/ri/fr/mz.pdf>

9. *Friedman M.* The Social Responsibility of Business is to Increase Its Profits The New York Times Magazine, September 13, 1970. URL: <http://faculty.wvu.edu/dunnc3/rprnts.friedman.dunn.pdf>

Карнаушенко Леонид Владимирович
 доктор исторических наук, профессор,
 начальник кафедры
 теории и истории права и государства,
 Краснодарский университет МВД России
 karnl@mail.ru

Leonid V. Karnaushenko
 Doctor of History, professor,
 Head of Chair of
 theory and History of Law and State,
 Krasnodar University of the Russian MIA
 karnl@mail.ru

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

LEGAL CULTURE OF RUSSIAN YOUTH (EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

Аннотация. Правовая культура – один из ключевых элементов формирования мировоззрения подрастающего поколения, в том числе и относительно различных социально-правовых феноменов. Именно правовая культура, укоренившись в структурах сознания молодежи, позволяет достичь стабильности, предсказуемости социальных действий и взаимодействий данной социальной группы, препятствовать девиантному поведению, оптимизировать процесс социализации и воспитания. С учетом значимости правовой культуры молодежи в целях обеспечения преемственности и смены поколений становится очевидной роль социологических исследований, как теоретических, так и эмпирических, позволяющих устанавливать и поддерживать эффективную обратную связь управленческих структур и молодежи.

Ключевые слова: общество, право, правовая культура, молодежь, молодежное сознание, социальные действия и взаимодействия, социализация, воспитание.

Annotation. Legal culture is one of the key elements in shaping the worldview of the younger generation, including the relatively different social and legal phenomena. It is legal culture, rooted in the structures of consciousness of young people, allows to achieve stability, predictability of social actions and interactions of this social group, to prevent deviant behavior, to optimize the process of socialization and education. Taking into account the importance of the legal culture of young people for the purpose of ensuring continuity and change of generations, the role of sociological research, both theoretical and empirical, allowing to establish and maintain effective feedback of management structures and young people becomes obvious.

Keywords: society, law, legal culture, youth, youth consciousness, social actions and interactions, socialization, education.

Усвоение молодежью правовой культуры составляет сущность одного из ключевых социальных процессов, от эффективности которого зависят векторы развития социума. Основной стабильности существования любой социальной системы выступают социокультурные, аксиологические, мировоззренческие основы духовной жизни, позволяющие добиться осознанного, целенаправленного соблюдения населением требований социальных норм, прежде всего, норм права. При надлежащем уровне развития индивидуального, группового и массового сознания институт государства, как ключевой элемент социума, значительно усиливает свое влияние, прежде всего, на подрастающее поколение, нуждающееся в соответствующем социально-управленческом воздействии. Среди различных инструментов влияния государства на подрастающее поколение одним из самых эффективных выступает правовая культура. Формирование правовой культуры позволяет добиться добровольного, осознанного следования нормам права.

Исследователи отмечают, что «правовая культура представляет собой разновидность общей культуры, состоящей из духовных и материальных ценностей, относящихся к правовой действительности. Правовая культура – это проявление прогрессивного, социально полезного и ценного в правовых явлениях правоотношения» [5, с. 204–210].

А.А. Жигулин указывает на то, что именно правовая культура является «результатом взаимодействия субъектов, в процессе которого создаются регулирующие эталоны поведения в виде правовых норм, а ее существование – как форма социального взаимодействия, воспроизводящего старые и продуцирующего новые эталоны правового поведения» [3, с. 45].

В.А. Медведев предлагает понимать по правовой культурой «обусловленную экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность общей культуры, представляющую собой меру освоения и испол-

зования накопленных человечеством правовых ценностей, передаваемых в порядке преемственности от поколения к поколению» [4, с. 8].

В свою очередь, Н.Ю. Гурьянов отмечает, что правовая культура представляет собой «качественное состояние правовой жизни общества и отражение общего правового состояния личности. Правовая культура предстает в виде комплекса регулятивов и ценностей, на основе которых выстраивается реально существующий в обществе правопорядок, а также как процесс и результат творческой деятельности человека в сфере права, характеризующийся созданием и утверждением правовых ценностей» [2, с. 9–14].

Ряд исследователей справедливо обращает внимание на тесную взаимосвязь правовой культуры с историческими условиями существования общества. Именно исторический контекст разветвления правовой культуры накладывает свой отпечаток на ее внутреннее содержание, возможности влияния на сознание и поведение людей, на общее восприятие права людьми.

А.З. Шефруков отмечает, что «закономерностью развития правовой культуры является то, что она всегда является «слепком» определенной исторической эпохи» [7, с. 153–155]. Вместе с тем, даже в современном постиндустриальном обществе, где классовая борьба не является острой, имеет место соперничество, конкуренция различных социальных групп, стремящихся осуществлять политический контроль над обществом, захватить и удерживать политическую власть. Каждая из таких групп характеризуется и различным правопониманием, что, безусловно, накладывает отпечаток на состояние правовой культуры, на особенности трансляции ее содержания в процессе социализации и воспитания.

Исследователи обращают внимание на то, что «на формирование правовой культуры общества и отдельной личности оказывают влияние правовая культура общества в предыдущую эпоху, национальные особенности народа и его исторические традиции. Одновременно с этим на правовую культуру оказывают влияние другие общества со своей культурой, правом, правовыми отношениями и правосознанием» [7, с. 153–155].

Вместе с тем, по мнению О.Н. Братусевой, «правовая культура гармонична только при условии, когда ее материальная составляющая выступает выразителем и носителем адекватных определенному типу духовной правовой культуры психологических и идеологических черт, определяемых правовым менталитетом. В этой связи привнесение в национальную правовую культуру любых элементов извне, не согласующихся с правоментальными установками и ценностями, влечет за собой возникновение внутренних противоречий, снижение степени системности правовой культуры» [1, с. 9].

Безусловно, состояние правовой культуры непосредственно связано с духовной культуры общества, элементом которого и выступает правовая культура. В этой связи становится очевидным, что

кризисные тенденции системы культуры непосредственно отражаются и на правовой культуре, а в первую очередь, на успешности усвоения молодежью правовых ценностей, идей и т.п.

Как отмечает И.В. Староверова, «низкий уровень правовой культуры современной молодежи порождает проблемы, как общие для населения страны, так и специфические, в ее собственной среде. Особенно болезненно эти проблемы проявляются среди молодежи, находящейся на этапе социального старта и потому наиболее подверженной внешним влияниям. Учитывая преимущественно групповой характер поведения этой части молодежи, представляется несомненной актуализация исследований состояния и проблем повышения ее правовой культуры» [6, с. 5].

В целях более подробного анализа проблемной ситуации было проведено эмпирическое исследование молодежи. География исследования – Краснодарский край, общее число опрошенных – 622 человека, в возрасте от 16 до 28 лет; метод сбора первичной информации – формализованное интервью.

Вопрос: «Каково Ваше отношение к законам?»

Большинство респондентов выразили свое отношение к законам следующим образом: положительно к ним относятся 57,3 % респондентов (ответы положительное и скорее положительное). В то же время демонстрируют негатив по отношению к законам 36,9 % (ответы отрицательное и скорее отрицательное). Затруднились ответить 5,8 % респондентов. Как показало проведенное исследование, более трети опрошенных молодых людей продемонстрировали негативное отношение к законам. С учетом возможной доли социально приемлемых вариантов ответа, таких респондентов может в реальности быть еще больше. Подобное распределение ответов косвенно свидетельствует о наличии серьезных проблем, в том числе, и в правовой культуре участников исследования, что накладывается на такие негативные явления, как криминализация сознания, коррупция, серьезные позиции организованной преступности в российском обществе.

Вопрос: «Как Вы оцениваете уровень своих правовых знаний?»

Больше половины респондентов (54,6 %) оценили свой уровень правовых знаний как средний, еще 24,6 % полагают, что их правовые знания высокие. В то же время, низкий уровень своих правовых знаний отметили 11,5 % опрошенных. Следует также заметить, что затруднились ответить на данный вопрос 9,3 % участников исследования, что косвенно подтверждает устойчивое нежелание части опрошенных давать содержательные ответы на данный вопрос. С учетом психологии молодых респондентов, высокой доли затруднившихся ответить на данный вопрос, целесообразно предположить, что в сфере правовых знаний молодежи имеются достаточно серьезные проблемы, связанные с общим кри-

зисным состоянием института среднего образования в нашей стране.

Вопрос: «На ваш взгляд, в какой мере современные российские законы соответствуют морально-нравственным принципам?»

Как полагают опрошенные, современные российские законы в целом соответствуют морально-нравственным принципам, об этом говорят 53,7 % респондентов (ответы полностью соответствуют и скорее соответствуют). Вместе с тем, почти половина респондентов придерживаются противоположной точки зрения, полагая, что имеет место несоответствие законов и морально-нравственных принципов – 40,9 % (ответы полностью не соответствуют и скорее не соответствуют). Кроме того, затруднились ответить 5,4 %. Существенная дифференциация мнений опрошенной молодежи по поводу «моральности» законов демонстрирует достаточно серьезную проблему в их восприятии, так как почти каждый второй респондент, считая законы аморальными, формирует для себя и соответствующие стратегии реагирования на нормы права. В таком контексте восприятия норм права так называемая «аморальность» может быть компенсирована их несоблюдением, игнорированием, что косвенно свидетельствует о серьезных проблемах с правовым воспитанием и социализацией подрастающего поколения россиян.

Вопрос: «Как Вы оцениваете уровень своей правовой информированности?»

Становится очевидным, что большинство молодых людей оценивает свой уровень правовой информированности как средний (61,8 %). Вместе с тем, почти каждый пятый молодой человек полагает, что у него низкий уровень правовой информированности (18,3 %). Несколько меньшая доля опрошенных – 15,6 %, – убеждены в том, что у них, напротив, высокий уровень правовой информированности. Также затруднились ответить 4,3 % участников исследования. Следует подчеркнуть, что мнения молодежи существенно разделились при ответе на данный вопрос, что свидетельствует о серьезной дифференциации молодежной среды по данному аспекту оценки.

Вопрос: «Кто/что оказало на Вас влияние при усвоении правовых норм, ценностей и т.п.?»

По мнению респондентов, наибольшее влияние на усвоение ими правовых норм, ценностей имеют СМИ (37,6 %). Достаточно высока роль друзей и знакомых в данном процессе (29,5 %). На третьем месте по степени распространенности следует ответ «школа» (24,1 %). Роль семьи при усвоении правовых норм и ценностей молодежь оценивает весьма невысоко, лишь 14,2 % участников исследования дали подобные ответы. Кроме того, другие варианты предложили 8,7 % респондентов, а затруднились ответить 2,5 % участников исследования. Проведенное исследование показало наличие существенной проблемы, влияющей на деформацию правовой культуры и, в целом, детерминирующей низкий и

средний уровень интегрированности молодежи в социально-правовую систему российского общества. В последние годы существенно снижается влияние традиционных институтов правовой социализации, прежде всего, школы, а также семьи. Одновременно возрастает значимость стихийной социализации, осуществляемой посредством СМИ. Подобная ситуация в сфере социальных коммуникаций, ответственных за трансляцию правовых знаний молодежи, осуществление ее общей информированности, приводит к проблемам, в том числе, и с правовой культурой подрастающего поколения.

Вопрос: «Осведомлены ли о проблеме криминализации сознания?»

Большинство молодых респондентов не осведомлены о проблеме криминализации сознания (55 %, ответы не осведомлен и скорее не осведомлен). В то же время знают о данной проблеме 36,9 % (ответы осведомлен и скорее осведомлен). Весьма высокая доля молодежи, кто затруднился дать ответ на вопрос – 8,1 %. Как показало исследование, более половины респондентов не знают и не ощущают проблему криминализации сознания, данное явление выглядит обыденным, само собой разумеющимся в их представлениях. Отсутствие осознания проблемной ситуации усугубляет ее протекание и затрудняет поиски эффективного решения, так как заинтересованность наблюдается лишь у ученых и представителей системы государственного управления, в то время как у самой молодежи подобные установки не преобладают.

Вопрос: «Есть ли в Вашем окружении люди, отрицающие нормы права, негативно настроенные по отношению к законам?»

Большинство опрошенной молодежи, по их утверждениям, не имеет в окружении людей, отрицающих нормы права, негативно настроенных по отношению к законам (64,9 %). В то же время такие знакомые есть у 23,7 % респондентов. Затруднились ответить на данный вопрос или, возможно, просто не знают о подобном криминальном статусе людей в своем окружении, 11,4 % участников исследования. Как показало исследование, порядка четверти опрошенных имеют знакомых с криминализированным сознанием; стоит предположить, что данный показатель несколько занижен вследствие опасений части опрошенных давать откровенные ответы незнакомым социологам.

Таким образом, теоретический и эмпирический анализ проблемы позволяет прийти к следующим выводам. Прежде всего, стоит отметить, что в условиях современного российского общества наблюдаются трансформации основных социальных институтов и подсистем, ответственных за правовую социализацию молодежи. Одновременно усиливается роль стихийных инструментов социализации, прежде всего, СМИ и Интернета, предлагающих нередко «альтернативные» картины правовой реальности, близкие скорее к криминальному, чем законопослушному мышлению.

Интеграция молодежи в пространство правовой культуры осложняется социально-возрастными характеристиками данной группы, создающих риски отклоняющейся правовой социализации вследствие юношеского максимализма, инфантилизма, склонности к самоутверждению с преобладающими эмоционально-чувственными реакциями. Период пубертации приводит к формированию алогичных реакций на рациональные, формализованные нормы права. Именно поэтому для молодежи критически важна система правового воспитания, а также эффективное функционирование агентов правовой социализации. Однако, как показало проведенное эмпирическое исследование, именно этот аспект современной российской действительности может быть отрицательно оценен и вызыва-

Литература:

1. *Братусева О.Н.* Правовые культуры : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
2. *Гурьянов Н.Ю.* Правовая культура: сущность, структура, социальные функции : дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2007.
3. *Жигулин А.А.* Понятие правовой культуры и ее сущностные характеристики // Научно-исследовательские публикации. 2013. № 2.
4. *Медведев В.А.* Правовая культура российского общества: особенности и тенденции развития : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.
5. *Сангинов К.* Формирование правовой культуры молодежи: сущность и проблемы // Ученые-записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (36).
6. *Староверова И.В.* Правовая культура молодежи на этапе социального старта : дис. ... канд. соц. наук. М., 2010.
7. *Шефруков А.З.* Динамика правовой культуры // Новые технологии. 2008. № 5.

ет серьезные опасения. Состояние правового мышления, правовой культуры, правового воспитания современной российской молодежи также выглядит достаточно тревожно. В этой связи актуальность приобретают социально-управленческие модели, опирающиеся на количественные и качественные прикладные социологические исследования, целью которых должна стать согласованная, верифицированная на практике позиция науки и практики по поводу стратегических и тактических действий относительно правового воспитания и правовой социализации российской молодежи в XXI в. в условиях фрагментированной реальности, информационной перегрузки, свойственной глобальному постиндустриальному обществу, куда интегрируется Россия.

Literature:

1. *Bratuseva O.N.* Legal culture : dis. ... kand. the faculty of law. sciences. M., 2009.
2. *Guryanov N.Y.* Legal culture: essence, structure, social functions : dis. ... kand. philos. sciences. Cheboksary, 2007.
3. *Zhigulin A.A.* the Concept of legal culture and its intrinsic characteristics // research paper. 2013. № 2.
4. *Medvedev V.A.* Legal culture of Russian society: features and tendencies of development : dis. ... kand. the faculty of law. sciences. Kazan, 2004.
5. *Sanginov K.* Formation of youth legal culture: essence and problems // Scientists notes of Khujand state University. academician B. Gafurov. Humanities. 2013. № 3 (36).
6. *Staroverova I.V.* Legal culture of young people in the stage of social start : dis. ... kand. soc. sciences. M., 2010.
7. *Shefrukov A.Z.* Dynamics of legal culture // The new technology. 2008. № 5.

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Мерзаканов Сергей Айтчевич

Кандидат социологических наук,
заведующий кафедрой гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин, филиал
ФГБОУ «Российский государственный
гидрометеорологический университет»
в г. Туапсе Краснодарского края
gend_merzakanov@bk.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор
кафедры управления персоналом,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
darya.maksimovich@gmail.com

**ЕЩЕ РАЗ О НЕКОТОРЫХ
АСПЕКТАХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ПРОГНОЗОВ
ДЛЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
НА ПЕРИОД ДО 2050 ГОДА**

Аннотация. Изучение демографических процессов предполагает обязательное прогнозирование, и в данной статье представлено практическое обобщение демографических прогнозов для российского общества на период до 2050 года. Демографическое положение в России оценивается прогнозистами как острокритическое. Авторы считают, что данная проблема должна расцениваться как одна из важнейших в разработке стратегического планирования развития России в XXI веке.

Ключевые слова: демографический прогноз, вероятный сценарий, Россия, население, российское общество, демографическое положение.

Демографические процессы в российском обществе весьма многоаспектны и включают в себя показатели демографической ситуации, в числе которых: воспроизводство населения и смена поколений; количество и качество населения; характер и темпы роста населения, естественный прирост (изменение уровней рождаемости и смертности); специфика половозрастной и семейной структуры; частота заключения и расторжения браков; миграция и урбанизация.

Будучи воплощенными в таком значительном количестве аспектов, данные процессы находят-

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
head of chair of history of
Russia Kuban state University
culture@kubsu.ru

Sergey A. Merzakanov

Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Department of
Humanities and Science Disciplines
branch of the Russian State
Hydrometeorological University in Tuapse,
Krasnodar Territory
gend_merzakanov@bk.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology, Professor of department
of judicial examination and criminalistics,
Rostov state economic university (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

**ONCE AGAIN ABOUT SOME
ASPECTS OF THE DEMOGRAPHIC
PROJECTIONS FOR RUSSIAN
SOCIETY FOR THE PERIOD
UP TO 2050**

Annotation. The study of demographic processes presupposes mandatory forecasting, and this article presents a practical summary of the demographic projections for Russian society for the period up to 2050. The demographic situation in modern Russia is estimated by the forecasters as acute. The authors believe that this problem should be regarded as one of the most important in the development of strategic planning for Russia's development in the 21st century.

Keywords: demographic forecast, probable scenario, Russia, population, Russian society, demographic situation.

ся в тесном и непосредственном взаимодействии с общественным развитием. Можно утверждать, что они напрямую зависят от общественного развития и, в свою очередь, оказывают на него воздействие, облегчая или затрудняя социально-экономические преобразования, сужая или расширяя социально-политические возможности конкретного общества. По этой причине демографические процессы в России изучаются систематически – они играют серьезную роль в социально-экономической и политической сферах жизнедеятельности государства и общества. Изучение демографических процессов предпо-

лагает обязательное прогнозирование демографического положения населения (на макросоциальном и на мезосоциальном уровнях).

Что же представляет собой демографический прогноз?

Отвечая на поставленный вопрос, необходимо подчеркнуть, что демографический прогноз – это научно обоснованное предвидение основных параметров движения населения и будущей демографической ситуации: численности, половозрастной и семейной структур населения, рождаемости, смертности, миграции, качественных и количественных характеристик населения [1]. С целью социального и экономического планирования необходимо знать перспективную численность половозрастного и семейного состава населения, а также его качественные характеристики, его потенциальную профессионально-образовательную структуру.

Результат демографического прогноза выражается, как правило, в форме перспективного исчисления населения – расчета численности половозрастной структуры населения, построенного на некоторых гипотезах в отношении вероятной динамики тех или иных характеристик рождаемости и смертности. Такого рода расчеты проводятся обычно в нескольких вариантах, наиболее вероятный, претендующий на точное предвидение будущего хода воспроизводства населения, вариант перспективных исчислений, может считаться демографическим прогнозом.

Демографические прогнозы имеют свои методические особенности (в зависимости от того, на каком уровне они разрабатываются – на общественном – макросоциальном или региональном – мезосоциальном). Достоверность демографических прогнозов зависит:

- во-первых, от точности исходной информации;
- во-вторых, от обоснованности гипотез об изменении демографических процессов под воздействием целого комплекса социально-экономических условий;
- в-третьих, от продолжительности периода, на который делается прогноз [1].

Необходимо заметить, что демографический прогноз проводится с опорой на концептуальные теоретические знания и анализ общих закономерностей развития народонаселения, на учет ключевых тенденций воспроизводства российского населения на ближайшую перспективу. Среди тенденций современные демографы, социологи и политологи указывают на следующие: снижение смертности и увеличение средней продолжительности жизни, сохранение определенной дифференциации развития различных регионов, обусловленного экономическими, социокультурными и этническими факторами, дальнейшее развитие урбанизации [2].

Демографический прогноз позволяет определить количество и структуру потенциальных трудовых ресурсов в будущем, а также оценить возмож-

ные потребности различных социально-демографических групп населения в разнообразных услугах и товарах. Кроме того демографический прогноз актуализируется при реализации оценки развития социальной сферы, что впоследствии применяется при разработке соответствующих государственных программ социального обеспечения и повышения общего уровня жизни населения в региональном или федеральном масштабе. Например, он помогает с высокой степенью точности определить число пенсионеров, их семейное состояние и материально-экономическое благополучие.

На этом основании следует упомянуть о постоянно увеличивающейся потребности в осуществлении прогнозов, предназначенных для характеристики семейной структуры населения. Семья, с одной стороны, постоянный потребитель производимых товаров и социальных услуг, с другой – важнейший показатель общего роста численности населения страны. Именно поэтому сфера демографического прогнозирования предполагает такой аспект, как расчет числа одиноких людей, молодых семей, неполных семей, заключения брачных союзов и разводов [3].

Разработка стратегии развития общества также строится на результатах демографических прогнозов – особенно в этой ситуации важны среднесрочные и долгосрочные прогнозы, позволяющие охватить широкий временной период и обеспечить возможность принятия масштабных решений. Так, на результатах демографического прогноза базируются программы развития промышленного и сельскохозяйственного производства, социальной инфраструктуры, медицины и здравоохранения, территориального перераспределения населения, динамики доходов, уровня жизни и занятости населения.

Каков же анализ существующих на сегодняшний день демографических прогнозов для российского общества на период до 2050 г.?

В рамках международной политики значительная роль принадлежит демографическим прогнозам, сделанным сотрудниками ООН, так как результаты этих расчетов необходимы при выработке международной стратегии развития, в принятии решений относительно социально-экономических и политических задач. Как мы уже отмечали в одной из статей, посвященных компаративному анализу миграционно-демографических процессов в двух крупных субъектах Юга России, согласно прогнозу ООН, Россия переживает серьезный демографический кризис и «в начале XXII в. население РФ может сократиться по наихудшему сценарию до 53 млн человек. В более оптимистичном прогнозе этой же организации сообщается о 116 млн., а в среднем прогнозе – 80 млн человек» [4]. Причем в соответствии с прогнозом ООН, к 2025–2045 гг. Россия потеряет 11 млн. человек, главным образом по одной причине – алкоголизма большей части населения [5].

Современные специалисты в области демографии (Е.М. Андреев, А.И. Антонов, В.Н. Архан-

гельский, А.В. Верещагина, А.Г. Вишневецкий, И.А. Гундаров, С.В. Захаров, Короленко А.В., В.М. Медков и др.) однозначно указывают на серьезный демографический кризис, в котором оказалась Россия. В качестве наиболее очевидных характеристик демографического кризиса они отмечают: невысокую рождаемость и высокую смертность, отрицательный естественный прирост и вытекающее из него долговременное сокращение численности населения, а также демографическое старение и отток населения из восточных районов России.

Исходя из факта наличия демографического кризиса, можно сказать, что известные прогнозы на ближайшие десятилетия для российского социума в целом не отличаются оптимизмом. В рамках данной статьи проанализируем демографический прогноз до 2050 г., выполненный А.Г. Вишневецким и Е.М. Андреевым. Данные авторы пишут о том, что основная задача данного прогноза состоит в попытке проследить траектории изменений с использованием 12 различных, но вероятных сценариев. По сути своей эти сценарии подразделяются на три группы [6]:

– первая группа включает в себя сценарии с нулевой нетто миграцией. Эти сценарии дают возможность оценить изменение численности населения только на основе анализа его естественного движения – рождаемости и смертности. Следуя логике данных сценариев, естественный прирост населения в России в предстоящие 50 лет будет отрицательным, следовательно, уменьшится и численность российского населения.

– вторая группа предполагает сценарии с неизменной численностью населения на протяжении всего периода 2000–2050 гг. Заметим, что данные сценарии демонстрируют положительный естественный прирост населения (увеличивающийся посредством миграционного фактора), т.е. тот, каким ему следует быть, чтобы на период до 2050 г. российское общество оставалось демографически стабильным и антикризисным.

– третья группа отсылает нас к сценариям с растущей численностью российского населения. Данные, получаемые с помощью этих сценариев, позволяют оценить уровень миграции в Россию, требуемый для возрастания численности населения страны.

В результате, по мнению А.Г. Вишневецкого и Е.М. Андреева к 2050 г. российское население сократится на 25 млн чел., причем это произойдет в двух направлениях: в направлении снижения естественной рождаемости и в направлении снижения возраста смертности. Авторы полагают, что даже приток мигрантов не сможет в корне переломить кризисную ситуацию в России [6].

Резюмируя анализ сценариев, представленных А.Г. Вишневецким и Е.М. Андреевым, можно обобщить результаты их демографического прогноза: очень мала вероятность того, что к 2050 г.

в развитых странах осуществится внезапный поворот в сторону повышения рождаемости и российское общество сможет продемонстрировать подобный этим странам уровень социально-экономического развития. Напротив, можно предположить, что через 30–35 лет низкий уровень рождаемости останется прежним. Наихудший вариант развития событий, по данным Кадуриной Н.В., предполагает следующие показатели: российское население в 2050 г. составит порядка 86,5 млн человек. Рост рождаемости до двух детей на одну женщину при неизменной смертности повысил бы численность приблизительно на 8 млн человек – до 94,5 млн, однако, такой рост представляется мало вероятным [7].

Явная невозможность поддерживать хотя бы постоянную численность российского населения за счет только баланса рождений и смертей заставляет обратиться к такому важному фактору демографической динамики, как миграция. Для роста численности населения РФ необходим интервал от 76 млн до 118 млн человек (от 1,5 до 2,4 млн чел. в год) [7].

Отсутствие роста рождаемости может повлечь за собой проблемы даже в стабилизации численности населения: так, в 2020 г. потребуется суммарный коэффициент рождаемости 3,03; в 2025 г. – 3,41; в 2030 г. – 3,58; в 2035 г. – 3,77; в 2040 г. – 4,12; в 2045 г. – 4,53 и в 2049 г. – 4,80 ребенка на одну женщину [8]. Однако главная проблема состоит в том, что большинство женщин, независимо от семейного статуса, предпочитает иметь одного ребенка (этот факт не сможет повлиять даже на стабилизацию демографического положения). Причем прогнозисты не предполагают серьезных изменений в данном направлении. Кроме того, рождение одной женщиной 4–5-ти детей в принципе исключено: по экономическим причинам, жилищно-бытовым условиям, а также по причине отсутствия у современных женщин необходимого количества энергии и жизненных сил для воспитания большого количества детей и ухода за большой семьей [9].

Проанализируем еще один известный прогноз, сделанный сотрудниками ООН для России до 2025 г. Численность населения к 2020 г. достигнет 134,8 млн, а к 2025 г. – снизится до 131,4 млн человек. Доля детей в возрасте до 15 лет к 2020 г. составит 15,9, а к 2025 г. начнет снижаться до 15,2 млн человек; причем доля пожилых людей в возрасте до 60 лет неуклонно возрастает с 22,9 до 24,9 млн человек. Т.е., по прогнозу ООН также логично снижение общей численности населения России [10].

С точки зрения демографической политики исполнение таких прогнозов, бесспорно, не может принести ничего хорошего стране: население будет стареть, в нем будут превалировать женщины, что, так или иначе, повлияет на участие России в мировых экономических процессах, снизит ее внешнеполитический рейтинг, качество рабочей силы также заметным образом понизится и повлечет за собой снижение качества производства.

Именно отсутствие равновесия в российских демографических процессах, кризис рождаемости обусловили принятие Правительством РФ в 2007 г. «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». В рамках данной концепции на уровне государства производится материальная поддержка малоимущих или неполных семей – им выдаются разовые выплаты, детские пособия, жилищные субсидии, «материнский капитал» на второго ребенка. Однако необходимо помнить, что выплаты «материнского капитала» будут производиться до 31.12.2021 года – по окончании действия этой программы, вероятно, следует ожи-

Литература:

1. *Денисенко М.Б.* Демография. М. : Инфра-М, 2010. 424 с.
2. *Касьянов В.В.* Демографическая безопасность региона: проблемы новых рисков (на примере Краснодарского края) // научное обеспечение регионального развития: материалы международной конференции. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2015. С. 121–126.
3. *Гафиятулина Н.Х.* К вопросу об институциональном кризисе молодой семьи: проблемы формирования социального здоровья / Н.Х. Гафиятулина, А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 60–64.
4. *Касьянов В.В.* Компаративный анализ потенциала городов Краснодар и Ростов-на-Дону в начале XXI века / В.В. Касьянов, М.Ю. Попов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 2.
5. Россия потеряет 11 млн человек к 2025 году, если не бросит пить // Время новостей. 5 октября 2009.
6. *Вишневецкий А.Г.* Население России в первой половине нового века / А.Г. Вишневецкий, Е.М. Андреев // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 7–10.
7. *Кадурина Н.В.* Демографический прогноз на ближайшие десятилетия для России // Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России: материалы научно-практ. конф. Ростов н/Д., 2014. С. 622–632.
8. *Синельников А.* Можно ли сразу остановить убыль населения в России / [Электронный ресурс] URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=1087
9. *Верещагина А.В.* Благополучное детство как основа социального здоровья молодых поколений: индикаторы социологического измерения [Электр. ресурс] / А.В. Верещагина, Н.Х. Гафиятулина // Инженерный вестник Дона. 2016. Т. 40, № 1 (40). URL: <http://ivdon.ru/en/magazine/archive/n1y2016/3527>
10. Демографический прогноз ООН для России до 2025 года / URL: <http://www.xserver.ru/user/demru/>

дать существенного демографического спада. При том, что многие специалисты выражают сомнение в дееспособности подобных программ, по нашему мнению, при длительном действии они помогут ослабить негативные последствия демографического кризиса.

Даже самые оптимистичные из нынешних прогнозов демографического будущего России сигнализируют о необходимости сильной демографической политики, направленной на повышение рождаемости, и внимание к немаловажному фактору демографической динамики – миграции с целью стабилизации численности населения России.

Literature:

1. *Denisenko M.B.* Demography. M. : Infra-M, 2010. 424 p.
2. *Kasyanov V.V.* Demographic security of the region: problems of new risks (by the example of the Krasnodar Territory) // scientific support of regional development: materials of the international conference. Rostov-on-Don: SFU, 2015. Pp. 121–126.
3. *Gafiatulina N.Kh.* On the issue of the institutional crisis of a young family: the problems of the formation of social health / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Vereshchagina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. № 10. Pp. 60–64.
4. *Kasyanov V.V.* A Comparative Analysis of the Potential of the Cities of Krasnodar and Rostov-on-Don at the Beginning of the 21st Century / V.V. Kasyanov, M.Yu. Popov, S.I. Samygin // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2018. № 2
5. Russia will lose 11 million people by 2025, if not quit drinking // News time. October 5, 2009.
6. *Vishnevsky A.G.* Population of Russia in the first half of the new century / A.G. Vishnevsky, E.M. Andreev // Issues of Economics. 2007. № 1. Pp. 7–10.
7. *Kadurina N.V.* Demographic forecast for the coming decades for Russia // Socio-political aspects of demographic processes in modern Russia: materials of scientific and practical. Conf. Rostov n/D., 2014. Pp. 622–632.
8. *Sinelnikov A.* Is it possible to immediately stop the population decline in Russia / URL: <http://demographia.ruwww.xserver.ru/user/demru/>
9. *Vereshchagina A.V.* Safe childhood as the basis of social health of young generations: indicators of sociological measurement [Electronic resource] / A.V. Vereshchagina, N.Kh. Gafiatulina // Engineering bulletin of the Don. 2016. Т. 40, № 1 (40). URL: <http://ivdon.ru/en/magazine/archive/n1y2016/3527>
10. The UN Demographic Project for Russia until 2025 / URL: <http://www.xserver.ru/user/demru/>

Ковров Владимир Федорович

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии и работы
с молодежью, специальность социология,
Башкирский государственный университет
kovrov@bk.ru

Хамитова Рита Махмашарифовна

студентка 3 курса направления подготовки
организация работы с молодежью,
Башкирский государственный университет
hamitova999@bk.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные для социологии и организации работы с молодежью вопросы организации досуга молодых людей в условиях города. Обосновывается положение, что социализирующей макросредой в городском досуге выступает городская инфраструктура. Акцентируется внимание на то, что городская инфраструктура меняет образ и качество досуговой деятельности молодых людей. Отмечается, что национальная и обоснованная городская инфраструктура дает возможность максимально и эффективно содействовать удовлетворенности личности молодого человека в его самореализации, определяющие его самочувствие и настроение. Доступность досуговой инфраструктуры для молодых считается одним из главных критериев для удовлетворения потребностей.

Ключевые слова: молодежь, досуг, городская среда.

В жизнедеятельности молодых людей досуговая сфера считается одной из приоритетных, так как оказывает значительное влияние на процесс социализации молодежи. К важнейшим особенностям проведения молодежью досуга относится, как макро- так и микросреды. Макросреда включает те факторы, которые непосредственно оказывают воздействие на микросреду. Микросреда, в свою очередь, включает в себя те факторы, которые действуют внутри личности, это ее запросы и требования.

На современном этапе развития российского общества досуговая деятельность молодых людей также переживает нарастающие тенденции трансформации досуговых практик под влиянием новых экономических, политических, социокультурных ценностей [5].

Vladimir F. Kovrov

Candidate of sociology, associate Professor,
Department of sociology and work with youth,
specialty Sociology,
Bashkir state University
kovrov@bk.ru;

Rita M. Khamitova

Student of the 3rd course of the direction of
preparation organization of work with youth,
Bashkir state University
hamitova999@bk.ru

ORGANIZATION OF YOUTH LEISURE IN THE MODERN URBAN ENVIRONMENT

Annotation. The article deals with topical issues of sociology and organization of work with young people, the organization of leisure of young people in the city. The article substantiates the position that the socializing macro environment in urban leisure is the urban infrastructure. Changes in the socio-economic and political spheres, the impact of globalization on the leisure of urban youth are shown. The attention is focused on the fact that the urban infrastructure changes the image and quality of leisure activities of young people. Rational and reasonable urban infrastructure makes it possible to maximize and effectively contribute to the satisfaction of the individual young person in his / her health, determining his / her well-being and mood. Access to leisure facilities for young people is considered to be one of the main criteria for meeting needs.

Keywords: youth, leisure, urban environment.

Мир молодого человека можно считать креативной городской средой, так как соответствует его запросам, также создает определенный тип молодого человека, как «новое поколение» [3].

Социализирующей макросредой в городском досуге выступает городская инфраструктура. Она позволяет молодым людям включаться в досуговую сферу, создавая для этого определенные условия, призвана обеспечивать доступность досуговой деятельности и разнообразие досуговых возможностей для эффективного развития потенциала личности и ее социализации [2, с. 29].

Рациональная и обоснованная социальная инфраструктура дает возможность максимально и эффективно содействовать удовлетворенности лич-

ности в его самореализации, определяющие его самочувствие и настроение. Следовательно, под инфраструктурой досуга молодежи нужно понимать совокупность материально-вещественных элементов, создающие условия для организации досуга молодых людей в городской среде.

Изменения в социально-экономической и политической сферах, а также процессы глобализации определяют новый образ организации городского пространства. Во-первых, изменяется роль, функции, содержание не только городской среды, но и меняются роли и функции городских районов, во-вторых, изменяется и восприятие города, он стремится трансформироваться в мегаполис.

В городской среде деятельность культурных учреждений на сегодняшний день приобретает особую значимость. В рамках культурных учреждений создается широкий круг видов досуговой деятельности, необходимых для становления личности.

Основным направлением культурно-досуговых учреждений в городском пространстве является создание условий, которые будут удовлетворять возрастающие духовно-культурные потребности и формированию мотивов поведения, требующих определенных организационных усилий. Социальная обусловленность досуговой деятельности напрямую связана с жизнедеятельностью молодых людей, с их личностным смыслом бытия, то есть на основе взаимодействия социального и индивидуального в систему культурно-досуговой деятельности можно включить все культурные учреждения и СМИ, инструменты, которые будут обеспечивать условия для проведения досуга [4, с. 85].

Деятельность культурных учреждений позволяют выявить внутренние механизмы действия отдельных компонентов вскрыть их единство и связь. Досуговая деятельность носит разносторонний характер, соответствует разнообразию потребностей, интересов и запросов членов общества, ее общественные функции реализуются, прежде всего, в деятельности культурных учреждений по месту жительства. Например, создаются различные любительские клубы, клубы по интересам, танцевальные и вокальные кружки и др.

К сожалению, современная молодежь городов все меньше испытывают свою привязанность к социокультурной системе города, в связи со свободным перемещением во времени и пространстве городской системы [1, с. 109].

Города с благоприятным территориальным месторасположением, стабильной финансово-экономической ситуацией, высочайшим уровнем жизни населения и развитой торгово-развлекательной промышленностью, как правило, считается основой для развития досуговых практик молодежи [4, с. 121].

У городской молодежи появляется все больше возможностей для выбора форм досуговой деятельности. Как и другое общественное явление

досуговая инфраструктура имеет свою историю становления. Перемены, которые произошли в досуговой сфере молодежи, связаны с появлением его новых форм и элементов инфраструктуры.

В настоящее время, в соответствии с реалиями информационного общества, выделяют несколько видов досуговой инфраструктуры. Во-первых, по времени проявления могут быть традиционный и новый тип. Во-вторых, по включенности в медиа среду, это медийный и не медийный. В-третьих, по типу местности, городской и сельский [2, с. 31]. На наш взгляд, для городской молодежи характерен типичный городской медийный досуг нового типа.

Традиционный тип досуговой инфраструктуры включает в себя: досуговые учреждения общего назначения, например, стадионы, театры, кино-театры, кафе, спортклубы и др.; образовательные и социализирующие объекты, это различные детские музеи, художественные и спортивные школы, летние лагеря и т.д.

К новому типу досуговой инфраструктуры города, можно отнести следующих объектов: рестораны быстрого питания, ночные клубы, фитнес-центры, торгово-развлекательные комплексы, развлекательные центры, различные молодежные организации и объединения, детско-юношеские центры и др.

Второй тип досуговой инфраструктуры связан с медийным пространством. Большое количество применяемой в процессе досуговой деятельности продуктов цифровой и средств связи, позволяет подразделить пространство молодежного досуга на медийный и немедийный. Медийное направление молодежного досуга сегодня означает сферу, в которой в процессе досуговой деятельности применяются какие-либо технические средства, к примеру, телевизоры, телефоны, компьютеры, при помощи которых удовлетворяются сразу несколько функций – общения, развлечения.

Обзор немедийного городского досугового пространства показывает, что сама по себе городская среда, в отличие от сельской, является мощным фактором социализации. Потому что множество учебных заведений находятся в городе, где средой обитания молодых людей становится преимущественно городская среда. Также, городская среда отличается от сельской местности, во-первых, своей конкурентоспособностью с точки зрения организации досуга для молодых людей, во-вторых, именно в городской местности сосредоточены инновационные технологии, наукоемкие производства, которые обеспечивают включенность молодежи во многие сферы жизнедеятельности [2, с. 31–32].

Доступность досуговой инфраструктуры для молодых считается одним из главных критериев для удовлетворения потребностей. Многие молодые люди перемещаются с одной точки в другую, для проведения досуга, а многие не готовы постоянно выезжать, например, в центр города

для проведения досуга. В связи с этим необходимо создавать объекты досуга, которые находились бы неподалеку от места проживания и учебы молодежи. Также нужно обращать внимание на то, чтобы была доступная информация при выборе форм досуговой деятельности.

Как правило, участие молодых людей в различных досуговых мероприятиях определяется числом знакомств, так как, если молодой человек имеет знакомых, тем больше вероятность того, что он будет посещать музеи, театры, выставки, кинотеатры. Городская инфраструктура меняет образ и качество досуговой деятельности моло-

дых людей. Формирование социокультурного пространства молодых людей должны проводиться в условиях, которые будут обеспечивать благоприятную и комфортную среду, для приобщения молодежи к культуре, способствовать эффективной социализации молодых людей, но и предоставлять широкие возможности для ее гармоничного развития.

Следовательно, грамотно организованная досуговая инфраструктура должна как контролировать, так и предупреждать негативные проявления среди молодых людей и наполнять их разумным и приятным содержанием.

Литература:

1. *Григорьева Н.В.* Молодежный досуг в условиях современного города // История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 109–113.
2. *Коленькова М.А.* Досуговая инфраструктура столичного региона: типология и социализирующее влияние на молодежь / М.А. Коленькова, А.В. Чаевич // Маркетинг услуг и территорий. 2016. № 9. С. 28–40.
3. *Пашков А.С.* Образ жизни населения крупного города: опыт комплексного социального исследования. Л. : Знание, 2010. 284 с.
4. *Фатов А.В.* Проблемы досуговой деятельности молодежи и пути их преодоления // Закон и право. 2006. № 10. С. 85–87.
5. *Цветкова Г.* Образ жизни россиян: динамика социальной инфраструктуры // Безопасность Евразии. 2002. № 1. С. 283–311.

Literature:

1. *Grigorieva N.* Youth leisure in a modern city // History. Political science. Sociology. 2013. № 2. P. 109–113.
2. *Kolesnikova M.A.* Leisure infrastructure in the capital region: typology and socializing influence on youth / M.A. Kolesnikova, A.V. Chevich // Marketing services and territories. 2016. № 9. P. 28–40.
3. *Pashkov A.S.* the Way of life of the population of a large city: a comprehensive social studies. L. : Knowledge, 2010. 284 p.
4. *Fatov A.V.* problems of leisure activity of youth and ways of their overcoming. / Law and law. 2006. № 10. P. 85–87.
5. *Cvetkova G.* the Way of life of Russians: the dynamics of social infrastructure // Security of Eurasia. 2002. № 1. Pp. 283–311.

Ли Чжунюань

аспирантка кафедры социологии,
Московский государственный институт
международных отношений
(университет) МИД России
nzm8628@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена проблеме государственного управления в условиях демографического старения общества. Раскрыты понятия «демографическое старение», «демографическая политика». Показано влияние демографического старения на изменение социально-экономических институтов общества. Определены основные направления демографической политики, раскрыты механизмы государственного управления демографическими процессами.

Ключевые слова: государственное управление, старение, демографическая угроза, демографическая политика.

Демографическое старение населения, определяемое как рост абсолютного количества и удельного веса лиц пожилого возраста, является закономерным процессом, который в значительной степени определяет развитие общества, государственных институтов, системы государственного управления в XXI веке. Если в начале XX века процесс старения затрагивал лишь развитые страны, то сегодня практически во всех государствах наблюдается увеличение доли пожилых людей. Так, согласно данным ООН, в мире в середине XX века проживало 214 млн людей старше 60 лет, в 2000 году – 590 млн, прогноз численности пожилых людей к 2025 году составляет 1100 млн.

Старение населения, как по темпам, так и по степени выраженности происходит в разных странах мира неравномерно. В начале и в середине XX века наиболее интенсивным старение населения наблюдалось в странах Западной Европы, США и Японии. В настоящее время самыми «демографически старыми» странами являются Италия, Греция, Германия, Япония, Швеция, в силу неравномерного действия различных факторов и причин старения – снижения рождаемости, в результате которого уменьшается доля детей среди всего населения, а доля старых людей возрастает; увеличения средней продолжительности жизни, а также неблагоприятных социально-экономической и политической ситуации, и связанных с ними высокой смертности населения.

Li Zhongyuan

Aspirant Department of Sociology,
Moscow State Institute of
International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of Russia
nzm8628@mail.ru

PUBLIC ADMINISTRATION IN THE CONDITIONS OF DEMOGRAPHIC AGING OF SOCIETY

Annotation. Article is devoted to a problem of public administration in the conditions of demographic aging of society. Concepts demographic aging, population policy are opened. Influence of demographic aging on change of social and economic institutes of society is shown. The main directions of population policy are defined, mechanisms of public administration are opened by demographic processes.

Keywords: public administration, aging, demographic threat, population policy.

Демографическое старение общества продуцирует ряд изменений в экономических и социальных институтах: трансформирует трудовой потенциал, меняет соотношение экономически активной и неактивной части населения, формирует новые вызовы для экономического и социального развития общества. Старение населения в силу своих масштабов становится одним из факторов изменения социальной структуры общества. Под воздействием данного процесса складываются иные пропорции между разными слоями населения, меняются их размещение по территории, степень однородности, типичные средние параметры, такие как размер, устойчивость, мобильность, модели поведения, ценности и другое. Увеличение доли лиц пожилого возраста предъявляет более высокие требования к системе расселения, транспорту, связи. Новые требования предъявляются в сфере коммунального, бытового, культурного обслуживания, то есть ко всем элементам социальной инфраструктуры, что обуславливает новые вызовы к государственному управлению в условиях демографического старения общества.

Государству принадлежит решающая роль в управлении демографическими процессами. Демографическая политика определяется как «целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования воспроизводства населения, призванная сохранить или изменить тен-

денции динамики его численности и структуры» [2, с. 54]. Для улучшения демографической ситуации в стране необходимы определенные управленческие решения в сфере воспроизводства населения, направленные на увеличение рождаемости, снижение смертности и оптимизации миграции, составляющие содержание демографической политики.

Приоритетным направлением государственной политики во многих развитых странах является увеличение рождаемости. Наиболее результативные меры демографической политики зарубежных стран следующие: единовременные и ежемесячные пособия на ребенка, декретные пособия и отпуска, налоговые льготы для родителей, инвестиции в доступность и качество учреждений и услуг по уходу за детьми, меры по увеличению доступности жилья, система поддержки матерей на рынке труда [2, с. 60–61]. В РФ государственное управление в сфере повышения рождаемости проводится преимущественно за счет предоставления социально-экономических льгот населению: материнского (семейного) капитала, содействия внедрению региональной системы предоставления материнского (семейного) капитала, предоставления родовых сертификатов, разработки мер по предоставлению на безвозмездной основе земельного участка под строительство жилого дома при рождении третьего или последующего ребенка [1]. Исследователи отмечают, что экономические меры имеют незначительный, краткосрочный эффект в стимулировании рождаемости [4]. Это обстоятельство еще раз обуславливает необходимость учета как объективных, так и субъективных факторов, детерминирующих репродуктивное поведение населения, которое является одним из основных факторов воспроизводства населения.

Важным направлением государственной политики в условиях старения населения является стимулирование занятости пожилых людей, разработка и реализация специальных мер, позволяющих пожилым людям продолжать трудовую активность. Созванная ООН в 2002 году вторая всемирная ассамблея по проблемам старения приняла так называемый Мадридский международный план действий по проблемам старения и его Стратегию осуществления. Среди приоритетных направлений действий названы «продление периода активной трудовой жизни и поддержание работоспособности пожилого населения» (UN, 2002). В 2012 г. под эгидой ООН была проведена специальная Конференция по проблемам старения, где Рабочая группа представила обобщающий доклад о реализации Мадридского плана действий на рынке труда для пожилых людей. Рядом государств в сфере государственного управления были приняты антидискриминационные законодательства, корректировка пенсионного законодательства, облегчающая трудоустройство лиц, достигших пенсионного возраста, реализация мер экономического характера: субсидии работодателям, принимающим на работу нетрудоустроенных работников пожилого возраста, содействующим предпринимательству среди лиц пожилого возраста (ЕЭК

ООН, 2012). В Норвегии в 2011 г. реализована пенсионная реформа, предусматривающая гибкий выход на пенсию в возрасте от 62 до 75 лет, с возможностью получения пенсии и заработка и дополнительных накоплений к будущей пенсии (OECD, 2013). Ряд стран увеличивают продолжительность трудового стажа, необходимого для получения досрочной пенсии. Например, в Нидерландах трудовой стаж увеличен до 40 лет (OECD, 2004d), пенсионная реформа 2005 года в Финляндии установила так называемое «пенсионное окно» с 63 до 68 лет, в диапазоне которого пожилой человек сам выбирает возраст выхода на пенсию. Таким образом, проблемы трудовой активности пожилых людей должны найти достойное отражение в комплексной государственной политике в области старения.

В сфере государственного управления в условиях старения общества возникает необходимость разработки механизмов социального управления демографическими процессами, эффективность которого во многом обусловлена порядком взаимодействия различных структурных элементов управленческого процесса: исполнительная власть, законодательная власть, общественные организации, бизнес. А.В. Яйтаковой определены механизмы государственного управления демографическими процессами:

- механизм социального партнерства предполагает совместную деятельность в решении обозначенных проблем, как органов государственной власти, так и институтов общественности, научно-исследовательских центров, бизнес сообщества;
- механизм информационного обеспечения предполагает проведение активной популяризации государственных идей и мер, разрабатываемых и реализуемых в рамках утвержденных демографических программ, не только традиционными способами, но и с привлечением волонтерских движений, ресурсных центров, фондов и т.д.;
- механизм разработки и внедрения социально-инновационных технологий предполагает разработку инновационных технологий в сфере социального управления в рамках научно-исследовательских, научно-методических центров при профильных ведомствах;
- механизм дифференцированного подхода должен содействовать реализации принципа дифференцированного подхода в социальном управлении демографическими процессами.

Отсутствие четкого определения демографических процессов, в качестве объекта социального управления, как в федеральном, так и региональном законодательстве в РФ, по мнению А.В. Яйтаковой, приводит к отсутствию механизмов управления, в том числе взаимодействия субъектов управления [3, с. 61–62]. Далее автором указывается, что в целях достижения ожидаемых результатов важными инструментами управления являются социально-технологическое обеспечения, мониторинг, контроль и оценка управления демографическими процессами.

Таким образом, эффективность государственного управления в условиях демографического старения общества обусловлена его нормативно-правовым, организационным, социально-технологическим обеспечением, которые имеют свою специфику, определяемую особенностями

Литература:

1. Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2011–2015 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 10.08.2011 № 367-р (ред. от 01.07.2014).
2. *Сучков А.Н.* Воспроизводство населения в современной России: анализ и перспективы: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.03. М., 2015. 190 с.
3. *Яйтакова Аруна Васильевна.* Демографические процессы как объект регионального социального управления: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.08. Москва, 2016. 200 с.
4. *Toledano E.* The effect of child allowances on fertility / E. Toledano, R. Frish, N. Zussman, D. Gottlieb // *Israel Economic Review*. 2011. Vol. 9, № 1. P. 103–150.

конкретного государства и региона, и отражает характер взаимодействия государственных институтов на основе системообразующих компонентов управленческой деятельности в рамках реализации мероприятий в области государственной демографической политики.

Literature:

1. About the approval of the plan of measures on realization in 2011–2015 of the Concept of population policy of the Russian Federation until 2025: order of the Government of the Russian Federation of 10.08.2011 № 367-r (edition of 01.07.2014).
2. *Suchkov A.N.* Reproduction of the population in modern Russia: analysis and prospects: thesis ... candidate of sociological sciences: 22.00.03. M., 2015. 190 pages.
3. *Yaytakova Arouna Vasilyevna.* Demographic processes as object of regional social government: thesis ... candidate of sociological sciences: 22.00.08. Moscow, 2016. 200 pages.
4. *Toledano E.* The effect of child allowances on fertility / E. Toledano, R. Frish, N. Zussman, D. Gottlieb // *Israel Economic Review*. 2011. Vol. 9, № 1. P. 103–150.

Макаров Юрий Николаевич

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ессентукский институт управления, бизнеса и права, председатель Октябрьского районного суда г. Ставрополя 2277321@gmail.com

Попова Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела по исследованию проблем отраслевого управления, научно-исследовательский центр Академии управления МВД России Milena.555@mail.ru

Скворцов Дмитрий Владиславович

кандидат юридических наук, доцент, докторант, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт Milena.555@mail.ru

**ИНТЕРНЕТ
КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ И
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

Аннотация. Особенности функционирования общества начала XXI века создали условия для технико-технологических и социальных изменений, связанных с ростом социальной значимости Интернета. Уникальной характеристикой Интернета как социотехнической среды начала XXI в. стали возможности «копирования» характеристик физической реальности и последующий перенос их в среду электронно-компьютерной, виртуальной реальности. Новый тип реальности, созданной в опоре на интернет-коммуникацию, априори обладает рядом характеристик, значительно усложняющих или делающих практически невозможным социальный контроль над ней.

Ключевые слова: социализация, информация, социология, интернет, индивидуальность, молодежь.

Международная компьютерная сеть – это новое СМИ, общедоступное средство массовой коммуникации, площадка экономических и политических операций, место проведения досуга и даже религиозных действий. Интернет развивается как саморегулирующаяся социальная система, при этом он выполняет функцию социализации, как информационный ресурс, в котором можно черпать знания о мире, и как соци-

Yury N. Makarov

candidate of sociological sciences, associate professor, associate professor of all-humanitarian and natural-science disciplines, Yessentuki institute of management, business and right, chairman of October district court of Stavropol 2277321@gmail.com

Tatyana V. Popova

Candidate of Law Sciences, associate professor, head of department of a research of problems of branch management, research center of Departments of MIA Academy of Russia Milena.555@mail.ru

Dmitry V. Skvortsov

Candidate of Law Sciences, associate professor, doctoral candidate, Nevinnomyssk state humanitarian and technical institute Milena.555@mail.ru

**THE INTERNET AS
A COMMUNICATIVE AND
SOCIO-CULTURAL PHENOMENON**

Annotation. The peculiarities of the society in the early twenty-first century has created the conditions for technological and social change associated with increasing social significance of the Internet. Unique characteristics of the Internet as a socio-technical environment of the early twenty-first century was the possibility of "copying" the characteristics of physical reality and then moving them into their electronic computer, virtual reality. A new type of reality, created in support of Internet communication, a priori has a number of characteristics that significantly complicate or make it almost impossible to social control over it.

Keywords: socialization, information, sociology, Internet, individuality, youth.

альная структура, взаимодействие в которой похоже на тренажер реальной жизни» [1].

Необходимо подчеркнуть, что во многих странах существуют серьезные ограничения на функционирование сети, то есть на государственном уровне осуществляется запрет на доступ к отдельным сайтам (СМИ, аналитическим, порнографическим) или ко всей сети. Одним из приме-

ров может служить реализованный в КНР проект «Золотой щит» – система фильтрации трафика на интернет-канале между провайдерами и международными сетями передачи информации [2].

Поскольку Интернет сначала развивался стихийно, то только на этапе превращения его в глобальную сеть государства стали проявлять интерес к его функционированию. Пока возможности цензуры ограничены, так как ещё ни одно государство в мире не решилось полностью отключить внутренние сети от внешних. В то же время многие информационные ресурсы официально подвергаются цензуре публикуемой ими информации в зависимости от проводимой политики и собственных внутренних правил [3].

В аспекте перечисленных проблем социологический анализ Интернета дифференцируется на несколько направлений. Представляется необходимым охарактеризовать их более подробно в рамках данного исследования.

Первое. Анализ последствий вхождения в жизнь общества Интернета, инновационной коммуникации, свойственной постиндустриальному, информационному обществу. В этой связи социологическая наука уделяет внимание сравнительному анализу ситуации, имевшей место до момента появления Интернета и положению дел, зафиксированному после развития компьютерной интернет-коммуникации.

Второе. Анализ дисфункций Интернета, угрожающих негативными последствиями не только для виртуальной реальности, ее перспектив, но и «физическому» социуму в целом. В числе индикаторов дисфункциональности Интернета мы можем отметить:

- террористические и экстремистские угрозы, а также целенаправленная вербовка новых членов объединений, в первую очередь – подростков и молодежи, учитывая их лабильное сознание;
- активность криминалитета, организованной преступности;
- распространение непроверенных, недостоверных, провокационных сообщений (слухи, сплетни, дезинформация);
- целенаправленную манипуляцию, программирование сознания и поведения интернет-аудитории со стороны агрессивных субъектов коммуникативного процесса;
- информационную перегрузку интернет-аудитории, информационная энтропия в целом (засилье рекламы, агитационных материалов агрессивного, навязчивого характера).

Третье. Анализ характеристик массовой аудитории глобальной сети. При этом необходимо уделять внимание определенным сегментам аудитории, охарактеризовать критерии ее дифференциации. Необходимо принимать во внимание тот факт, что аудитория информационных сайтов и социальных сетей, например, существенным образом различается, соответственно, меняются принципы и критерии ее сегментации.

Четвертое. Анализ структуры интернет-коммуникации. Глобальная сеть дифференцируется на два значительных сегмента: формальную и неформальную. Соответственно, дифференцируются и принципы подачи информации, особенности аудитории. Характер влияния на социальные процессы существенно различаются и требуют дополнительного социологического анализа.

Отдельного внимания заслуживает Рунет (русскоязычный сегмент Интернета). Среди весьма значительного числа исследований по проблемам развития русского сектора Интернет практически нет работ, в которых это явление рассматривалось с позиций анализа его вклада в процесс интеллектуализации общества. В частности, нет пока каких-либо значимых и обширных исследований в этой области. Между тем, в настоящее время ощущается острая нужда в разработке этого информационно-социологического направления.

В значительной степени нерешёнными остаются вопросы специфики проведения социологических исследований в условиях современной информационной среды, в целом, а также - анализа достоверности результатов подобных исследований.

Углубление социологического анализа процессов развития российского сектора Интернет позволит выработать научно обоснованные рекомендации по развитию концепции и программы исследования Интернет, внести вклад в предотвращение опасных социальных последствий развития Интернет, в формирование и реализацию государственной политики развития глобальной компьютерной сети.

Таким образом, Интернет можно рассматривать как коммуникативный и социокультурный феномен XXI века. Его появление и бурное развитие в конце XX века существенно изменило ситуацию в обществе. Глобальная информационная компьютерная сеть стала неким симбиозом формальной и неформальной коммуникации, инновационным СМК планетарного масштаба. Все это позволяет рассуждать о хороших перспективах Интернета в ближайшем будущем. Глобальная сеть вполне может стать самым популярным СМК на нашей планете.

Интернет позволяет реализовывать насущную социальную потребность самоинформирования социума. Это особенно важно в современных условиях «информационного шума», коммуникативной перегрузки, когда различные социальные акторы, элитарные группы стремятся оказать пропагандистское, рекламное, манипулятивное, агитационное воздействие на многомиллионные аудитории. Проблема заключается в том, что люди, оказавшись «мишенью» агрессивного коммуникативного воздействия, давно приспособили к этому, адаптировались, научились «пропускать мимо ушей» не вызывающую доверия информацию. Однако люди хотят альтернативного, неангажированного медиа, в ситуации, когда традиционные СМИ испытывают влияние

контролирующих их индивидов, групп, классов. Именно поэтому Интернет с каждым годом набирает популярность и в российском обществе,

Литература:

1. *Силаева В.Л.* Интернет как социальный феномен // Социс. 2008. № 11. С. 101–107.
2. *Нигматуллина Г.Ф.* Культура российских интернет-сообществ в условиях становления информационного общества : дис. ... канд. соц. наук. Тюмень, 2011.
3. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/189>

особенно – его неформальные, неофициальные, не ангажированные ресурсы, к которым относятся блоги и социальные сети.

Literature:

1. *Silaeva V.L.* Internet as a social phenomenon // Sotsis. 2008. № 11. P. 101–107.
2. *Nigmatullina G.F.* Culture of Russian Internet communities in the conditions of information society formation : Diss. ... kand. soc. sciences'. Tyumen, 2011.
3. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/189>

Макеева Елена Александровна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства
elenamea82@yandex.ru

Макеева Инна Александровна

учитель иностранных языков,
МБОУ гимназия «САН» г. Пензы
innamia88@yandex.ru

Логинава Елена Валерьевна

студент,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства
elenamea82@yandex.ru

СТУДЕНЧЕСКИЕ ОТРЯДЫ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу основных направлений деятельности студенческих строительных отрядов, их роли в системе социализации и самореализации молодежи. Особое внимание авторами уделено истории становления и развития движения студенческих строительных отрядов в Пензенской области.

Ключевые слова: студенческие отряды, молодежная политика, социализация.

Формирование и развитие любого государства, так или иначе, связано с интеграцией молодого поколения в общественно-политическую и социокультурную деятельность страны. Студенческая молодежь является большой социально-демографической группой с особыми условиями труда, досуга, системой ценностных представлений и интересов. Студенческая молодежь включается в общественную жизнь не только через учебную деятельность, но и путем проявления различных форм собственной активности, путем выбора способов социального взаимодействия. Участие студентов в социально-экономическом развитии страны, производственная практика, социализация и самореализация молодежи все это различными способами и методами реализовывалось и реализуется в жизни студенческих отрядов.

Летом 1959 года начинается история возникновения массового движения студенческих отрядов в России. Именно тогда впервые студенты-физики Московского государственного института имени В.М. Ломоносова (МГУ) направились покорять Северо-Казахстанскую область. Они построили по-

Elena A. Makeeva

candidate of historic science,
associate professor of the
department of history and philosophy,
Penza State University of
Architecture and Construction
elenamea82@yandex.ru

Inna A. Makeeva

a teacher of foreign languages,
gymnasium «SUN», Penza
innamia88@yandex.ru

Elena V. Loginova

Student,
Penza State University of
Architecture and Construction
elenamea82@yandex.ru

STUDENT GROUPS AS AN OBJECT OF STATE YOUTH POLICY

Annotation. The article is devoted to the analysis of the main tendencies of student building groups' activities, their role in the system of youth socialization and self-realisation. In the article special attention is given to the history of formation and development of student building groups' movement in the Penza region.

Keywords: student groups, youth policy, socialization.

рядка 16 объектов. Так, за летний период они смогли построить двенадцать жилых домов, коровник, две птицефермы и крольчатник.

Кроме того, в это время формируются ударные стройки комсомола. На участки строительства съезжалась активная молодежь со всей страны. Советские юноши и девушки строили Байкало-Амурскую магистраль, Саяно-Шушенскую ГЭС, возводили заводы «КАМАЗ» и «ВАЗ», осваивали целинные и залежные земли – строительство жилых зданий, школ, детских садов и промышленных помещений, организация летних лагерей.

Постепенно движение стало приобретать массовый характер. В 1960 году в газете «Комсомольская правда» было размещено предложение секретарей комитетов комсомола четырех высших учебных заведений о создании строительных отрядов для работы на целине.

В 1962 году в 128 совхозах работали порядка десяти тысяч студентов из таких городов, как Ленинград, Киев и Москва. В ходе работы построили более девятисот строительных объек-

тов. Первый Устав студенческих строительных отрядов был принят в 1962 году.[2].

В 1963 году строительные отряды насчитывали 19 тысяч молодых людей из 87 университетов страны. Появляются педагогические отряды и начинает работать инженерная служба. Главной целью таких организаций являлась профессиональная подготовка студентов к работам на целине.

В середине 1960-х годов «бойцы» студенческих отрядов получали награды. Движение студотрядов приобретает большой размах. Совместным трудом студентов из Москвы, Иркутска и Харькова была построена железная дорога Абакан-Тайшет протяженностью свыше 640 км. Сейчас она носит название «трасса мужества».

К 1966 году в отрядах состояло 100 тысяч человек. В этот период порядка двух тысяч молодых людей помогали с ликвидацией последствий разрушительного землетрясения в городе Ташкенте. В этом же году в связи с частым строительством дорожно-транспортных комплексов был сформирован Центральный штаб студенческих отрядов при Министерстве транспортного строительства СССР и Центральный штаб отряда «Энергия» – занимавшийся вопросами электрификации сел. Итоговым событием в Кремлевском дворце стал первый Всесоюзный слет студенческих отрядов.

В 1967 году появились различные направления отрядов. Так, студенты-физики из МГУ организовали стройотряд по восстановлению и благоустройству Соловецкого музея-заповедника. Летом 1969 года стройотряд Пензенской области имени 50-летия Октября, готовя достойную встречу 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, принял участие в сельском строительстве региона. За период каникул студенты построили шестьдесят три производственных и сельскохозяйственных объекта, шесть сельских школ, четыре административных здания, 72 км электролиний, пионерский лагерь в Кабардинке, межколхозный пансионат «Тарханы». Областным отрядом было освоено свыше 1 млн. рублей капиталовложений.

Расцветом движения студотрядов во всех регионах страны можно считать 1970 год. Например, в Пензенской области был сформирован строительный отряд общей численностью 1651 человек. Затем к 1975 году численность составила 2150 человек.

Летом 1980 года студотряды Советского Союза помогали в возведении объектов к «Олимпиаде-80».

В 1981 году бойцы Пензенского студотряда «Строитель» участвовали в сооружении памятника и установке памятника Т-34 в областном краеведческом музее в память о танковой колонне.

Развитию отрядного движения способствовала и массовая поддержка со стороны студентов. Благодаря отрядам молодые люди получали не только необходимый уровень профессиональ-

ных навыков, но также площадку для реализации своих творческих качеств. Так, в 1959 г. – 39 тыс. человек, 1965 г. – 40 тыс. человек, 1970 г. – 209 тыс. человек, 1980 г. – 822 тыс. человек, 1985 г. – 830 тыс. человек [1].

Однако 1993 год стал поворотным для студотрядов. В связи с самороспуском коммунистической партии и комсомола практически все существующие отряды прекратили свою работу.

В начале 2000-х годов ситуация в стране начинает меняться. Постепенно количество работы в различных отраслях экономики становится больше, следовательно, требовались кадры на производство. Так, в регионах страны точно начинают образовываться студенческие отряды, штабы. Но движение пока не имело помощи со стороны государственной власти. Тем самым назревала необходимость объединить усилия.

В 2003 году Министерством образования Российской Федерации были проведены мероприятия по развитию движения. Датой возрождения студотрядовского движения считается 9 июля 2003 года, когда в Правительственной комиссии по делам молодежи приняли решение о создании Координационного совета по поддержке деятельности движения. В Пензенской области был создан Штаб студенческих отрядов. Его руководителем был назначен Владимир Размоскин.

За лето 2003 года в Пензенской области было создано 32 студенческих отряда, в которых трудились 1645 студентов. Юноши и девушки участвовали в реализации губернаторской программы «Дом молодой семьи», работали в строительной компании «Термодом», АК «Домостроитель». Ребята из педагогических отрядов работали вожатыми в лагерях Краснодарского и Пензенского края. Также были сформированы оперативные отряды, которые сотрудничали с РОВД. Работали и сельскохозяйственные отряды, которые оказали огромную помощь компании «Башмаковский хлеб», совхозу «Пугачевское» и другим организациям [4].

Росту количества отрядов в большей мере содействовала организация целой череды форумов и слетов, которые вызвали интерес со стороны общественных и государственных органов власти. Первый слет проходил 27–28 ноября 2003 года в г. Екатеринбурге. На нем было выдвинуто решение о формировании единой организации, которая бы охватывала все регионы страны. И 17 февраля 2004 года в г. Москве прошел Всероссийский форум студенческих отрядов. На форум съехались порядка 5800 человек из 83 субъектов России, на котором присутствовали также и представители министерств и ведомств РФ, органов по делам молодежи субъектов РФ, общероссийских и региональных общественных организаций и учреждений. 17 февраля 2004 года следует считать датой возрождения движения современных студенческих отрядов.

Однако, несмотря на большой интерес со стороны федеральных и региональных органов власти, движение испытывало ряд трудностей.

Во-первых, движение студенческих отрядов не имело единого терминологического и юридического понятия. Также отсутствовала система защиты прав и интересов бойцов студотрядов. В связи с этим были внесены соответствующие поправки в закон «Об образовании» и в закон «О высшем послевузовском профессиональном образовании».

18 сентября 2009 года Государственная дума РФ одобрила эти поправки, а также приняла новый законопроект. Он предусматривал, что студенты образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования на законном уровне имеют право создавать студенческие отряды. Такой возможностью могут воспользоваться молодые люди, которые в свободное от учебы время хотят работать в различных отраслях строительства и сельского хозяйства.

Так, на базе Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (ПГУАС) было создано 3 студенческих отряда. Первым из них стал педагогический отряд «Колорит». На 2018 год общая численность ребят в отряде составляет 56 человек. Ежегодно летом бойцы работают вожатыми и воспитателями в детских лагерях. В 2017 году они отправились в санаторий «Вита» поселок Витязево в городе Анапе. Бойцы студенческого педагогического отряда «Колорит» оказывают поддержку школам в организации внеурочной деятельности, регулярно организуют мероприятия с учащимися школ [3].

В 2012 году в ПГУАС был создан строительный отряд «Спектр». Общими силами студентов и

бойцами отряда были возведены и реконструируемы объекты к 350-летию города Пензы. Кроме того, отряд трудился на всероссийской стройке в г. Екатеринбурге и г. Бованенко. 2014 году связан с освоением всероссийской студенческой стройки в городе Москве. Ребята в составе 12 человек участвовали в возведении крупной транспортной развязки. В 2016 году отряд поехал на самую масштабную в их истории стройку под эгидой ВВС «Мирный атом» в г. Озерске Челябинской области. Бойцы работали на объекте ФГУП ПО «Маяк». В 2018 году «Спектр» был признан лучшим отрядом в регионе.

Строительный отряд «Сириус» появился в феврале 2017 года. Уже в самый первый год своего существования ребята отправились на студенческую стройку «Санкт-Петербург». Не так давно в Пензенском государственном университете архитектуры и строительства был создан первый в регионе вузовский штаб.

Сегодня движение студенческих отрядов набирает обороты. Это уже 240 тысяч человек из 72 регионов России. Отряды вожатых, проводников, энергетиков, путинные, сервисные, оперативные отряды – все они представляют достаточно важную для государства структуру. Студотряды помогают формированию активной гражданской позиции, патриотизма у молодежи, содействуют личностному росту и самореализации молодых людей в различных сферах. Молодежь получает не только дополнительный заработок, но и находит свое место в трудовом коллективе, в жизни общества и страны.

Литература:

1. История студенческих отрядов с 1959 до 1991 г. URL: <http://www.shtabso.ru/13.html> (дата обращения: 21.03.2018).
2. Комсомол и высшая школа: документы и материалы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ по работе вузовского комсомола (1918–1968). М., 1968.
3. *Макеева Е.А.* Взаимодействие школы и университета в системе успешной социализации личности / Е.А. Макеева, И.А. Макеева // Гуманитарные. Социально-экономические и общественные науки. 2017. № 5. С. 30–32.
4. Пензенское региональное отделение МООО «Российские Студенческие Отряды» URL: <http://rso58.ru/> (дата обращения: 24.03.2018).

Literature:

1. History of student groups since 1959 till 1991. URL: <http://www.shtabso.ru/13.html> (date of access: 21.03.2018).
2. Komsomol and high school: documents and materials of congresses, conferences of CC ALCYU about work of university komsomol (1918–1968). M., 1968.
3. *Makeeva E.A.* School and University Cooperation in the system of personal successful socialization / E.A. Makeeva, I.A. Makeeva // Human Sciences. Socio-economic and Social Sciences. 2017. № 5. С. 30–32.
4. Penza Regional Department YAPO «Russian Student Groups» URL: <http://rso58.ru/> (date of access: 24.03.2018).

Ростова Антонина Тимофеевна

кандидат физико-математических наук,
доцент, доцент кафедры физики,
электротехники и электроэнергетики,
Институт сервиса, туризма и дизайна
(филиал), Северо-Кавказский
федеральный университет в г. Пятигорске
rostova_1177@mail.ru

Antonina T. Rostova

candidate of physical and mathematical
Sciences, associate Professor, associate
Professor of the Department of physics,
electrical engineering and power engineering,
Institute of service, tourism and design
(branch), North Caucasus Federal
University in Pyatigorsk
rostova_1177@mail.ru

Кириченко Сергей Николаевич

кандидат социологических наук, доцент,
заместитель директора,
филиал ФГБУ ИАЦ Судебный
департамент в Ставропольском крае
Milena.555@mail.ru

Sergey N. Kirichenko

candidate of sociological Sciences, associate
Professor, Deputy Director of the branch,
Federal state budgetary institution IAC
Judicial Department in Stavropol territory
Milena.555@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

SOCIO-CULTURAL DESIGN INTERPERSONAL COMMUNICATION

Аннотация. Авторами выделена структура (специфические особенности, черты и характер) межличностной коммуникации, определены основные источники её формирования. В рамках статьи рассматриваются основные преимущества и возможности социологического моделирования. Среди первоочередных - экономия усилий и выявление ошибок на ранней стадии проведения исследования, а также возможность замены детального исследования объекта выборочным.

Ключевые слова: межличностная коммуникация, поколение, общество, социологическое моделирование.

Annotation. The structure (specific features, traits and character) of interpersonal communication is highlighted, the main sources of its formation are determined. The article considers the main advantages and opportunities of sociological modeling. Among the priorities - saving efforts and identifying errors at an early stage of the study, as well as the possibility of replacing a detailed study of the object selective.

Keywords: interpersonal communication, generation, society, sociological modeling.

Социально-культурное проектирование с полным основанием можно отнести к категории сложных наукоемких технологий, интегрирующих в себе методы целого ряда наук и одновременно располагающее проектными средствами социологии культуры. Как уже отмечалось выше, в процессе социально-культурного проектирования необходимо всесторонне продиагностировать проблемы, определив одновременно их источники и характер, найти и проработать различные варианты решений рассматриваемой проблемы с учетом имеющихся ресурсов. Оценив возможные последствия реализации каждого из вариантов, выбрать наиболее оптимальное решение и оформить его в виде проекта. Наконец, разработать механизмы внедрения проекта в социальную практику и материально-технические, финансовые, правовые условия, обеспечивающие его реализацию. Манипулятивные механизмы коммуникации, как рентгеном, «высвечиваются» при работе в рамках семиосоци-

опсихологической парадигмы, разработанной отечественным ученым Т.М. Дридзе. Одно из ключевых понятий здесь – это интенциональность коммуникатора, определяемая как «равнодействующая мотивов и целей общения и взаимодействия людей» [1].

Динамизм общественной и культурной жизни вызвал значительное усложнение структуры и содержания отношений людей друг с другом, с природным и искусственным окружением. Это выражается как в объективных показателях (в количественном увеличении качественно различных предметов, научных идей, художественных образов, образцов поведения и взаимодействия), так и в субъективной плоскости – в уровне психической и социальной напряженности, которым сопровождается такого рода усложнение. Наиболее существенными проблемами, отражающими характер социокультурного окружения людей и не имеющими пока эффек-

тивных средств решения, являются: массовая неосвоенность имеющихся в культуре инноваций; расхождение между запросами различных членов общества и возможностями их удовлетворения; отсутствие технологических средств обобщения и интегрирования нового социокультурного опыта.

Особенностью манипуляции как коммуникативной стратегии является сокрытие, «вуалирование» подлинной интенциональности, путем, например, выпячивания интенции «все плохо», широко используемой сегодня в целях воздействия, или же – также часто встречаемой интенцией гипертрофированной нейтральности, создающей впечатление объективности и полной беспристрастности коммуникатора [2].

Обратимся к некоторым основным чертам постмодерна, выделенным З. Бауманом, одним из создателей социологии постмодерна в книге «Признаки постмодерна»: – плюрализм культур, который распространяется на буквально все: традиции, идеологии, формы жизни и т.д.; – постоянно происходящее изменение; – отсутствие каких-либо властных универсалий; – доминирование средств массовой информации и их продуктов; – отсутствие основной реальности, ибо все, в конечном счете, представляет собой символы [3].

Социокультурное проектирование – это специфическая технология, представляющая собой конструктивную, творческую деятельность, сущность которой заключается в анализе проблем и выявлении причин их возникновения, выработке целей и задач, характеризующих желаемое состояние объекта (или сферы проектной деятельности), разработке путей и средств достижения поставленных целей.

В качестве объекта социокультурного проектирования выступает сложное образование, включающее в себя накладывающиеся друг на друга подсистемы: социум и культуру. Расхождение, противоречие между реальной картиной и идеальными представлениями проектировщика о норме (задаваемой, в свою очередь, конкретной культурой и социумом) составляет проблемное поле формирования и реализации социокультурных проектов. Проект в таком случае является средством сохранения или воссоздания социальных явлений и культурных феноменов, соответствующих (как количественно, так и качественно, содержательно) сложившимся нормам. При этом следует отметить потенциальное многообразие проектных решений одной и той же проблемной ситуации. Что обусловлено как различными представлениями об идеальном состоянии культуры и социума (или их отдельных проявлений), зависящими от ценностной позиции проектировщика, его понимания сущности данных феноменов, так и вариативностью способов воссоздания (возрождения, реконструкции, сохранения) социальной и культурной целостности. В этой связи ведущими целевыми ориентациями проблемно-целевого проектирования являются: создание условий для развития социокультурного субъекта (личности, общности, общества в целом), самореализации человека в

основных сферах его жизнедеятельности путем оптимизации его связей с социокультурной средой, разрешения или минимизации проблем, характеризующих неблагоприятные обстоятельства его жизнедеятельности, активизации совместной деятельности людей по поддержанию культурной среды в пригодном для жизни состоянии, ее конструктивному изменению собственными усилиями; обеспечения благоприятных условий для саморазвития культурной жизни посредством стимулирования механизмов самоорганизации, осмысленного сочетания и поддержки исторически сформировавшихся и новых социокультурных технологий, элементов, явлений.

В условиях конкретного региона, в зависимости от характера и интенсивности проблем и имеющихся ресурсов, те или иные составляющие социокультурной среды могут выступать в качестве приоритетных направлений культурной политики и социокультурного проектирования. Предметы потребления являются частью знаковой системы. Поэтому можно утверждать, что когда люди потребляют предметы, они потребляют и знаки. То, что мы потребляем, зачастую не является предметами в собственном смысле слова, а лишь знаками. «Потребление... – пишет Ж. Бодрийяр, – является систематическим актом манипуляции знаками... чтобы стать предметом потребления, предмет изначально должен стать знаком» [4].

На основе этого суждения социологом делается далеко идущий вывод, подтверждающий постулат о «конце социального»: люди перестают различаться по социальному происхождению или положению. Основой их дифференциации становятся потребляемые ими знаки. Более того, через потребление конкретных знаков, мы уподобляемся тем, кто потребляет сходные знаки, и, напротив, становится отличными от тех людей, кто данные знаки не потребляет.

Причем, именно код контролирует, какие предметы люди потребляют, что они делают. Индивидам может казаться, что, имея деньги, они могут приобрести все, что угодно, все, что они могут захотеть. Но дело-то в том, что они могут захотеть лишь то, что потребляет группа, к которой они принадлежат, точнее, то, что диктует характерный для данной группы код сигнификации. В этом-то весь смысл потребительского общества: людям кажется, что они полностью свободны в потреблении, но в действительности код сигнификации ограничивает их свободу.

Социокультурная среда жизнедеятельности (человека, социальной группы, региона) является ключевой в технологии социокультурного проектирования в силу того, что она поддается изменению, преобразованию. Оказывая решающее воздействие на развитие и формирование личности, среда в то же время изменяется, преобразуется под влиянием творческой активности человека, благодаря которой потенциалы среды становятся реальными возможностями развития личности, условиями ее самореализации. Следовательно, в рамках социально-культурной программы можно поменять условия формирования

и реализации образа жизни, изменив ситуацию путем:

а) реализации потенциалов среды (во всех ее областях) – предметных, информационных, ценностных и др.;

б) изменения связей и отношений человека со средой (расширение его взаимодействий с историко-культурным наследием, установление более тесных и продуктивных контактов с природой, социальным окружением, искусством и т.д.);

в) совершенствования деятельности соответствующих учреждений (или создания новых – в

зависимости от характера проблем, имеющихся ресурсов, целей проекта), что создаст дополнительные условия гармонизации и оптимизации образа жизни.

Реализуя потенциалы среды, изменяя связи и отношения человека со средой его обитания, совершенствуя деятельность учреждений или создавая новые, программа, в результате, должна обеспечить рост качественных параметров образа жизни человека, создать дополнительные возможности для развития и самореализации личности. В этом и заключается основной смысл и целевая установка технологии социокультурного проектирования.

Литература:

1. *Дридзе Т.М.* Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Книга 1. М., 2003. С. 72.

2. *Адамьянц Т.З.* К диалогической коммуникации: от воздействия – к взаимодействию. М., 2004. С. 52.

3. *Bauman Z.* Intimations of Postmodernity. London : Routledge, 2002. P. 158.

4. *Baudrillard J.* Selected Writings. Stanford: Stanford University Press. 2004. P. 22.

Literature:

1. *Drive T.M.* Two new paradigms for social cognition and social practice // Social communication and social control in concentric and semicolonialism paradigm. Book 1. M., 2003. P. 72.

2. *Adamant T.W.* To Dialog of communication: from impact to interaction. M., 2004. P. 52.

3. *Bauman Z.* hints at postmodernism. London : Routledge, 2002. P. 158.

4. *Baudrillard J.* Selected Works. Stanford : Stanford University Press. 2004. R. 22.

Федорова Елена Васильевна

кандидат политических наук, доцент,
Дальневосточный федеральный
университет
sunshine_russia@mail.ru

Elena V. Fedorova

Candidate of political Sciences,
associate Professor,
Far Eastern Federal University
sunshine_russia@mail.ru

РАЗРАБОТКА ЭФФЕКТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ МЕДИАТИЗАЦИИ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА УРОВНЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

DEVELOPMENT OF EFFECTIVE MECHANISMS FOR THE USE OF MEDIA RESOURCES TO MAINTAIN INFORMATION SECURITY AT THE LEVEL OF STATE POWER, POLITICAL AND SOCIAL STRUCTURES

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социологического изучения феномена медиатизации. В частности, рассматривается разработка эффективных механизмов применения информационных ресурсов медиатизации для поддержания информационной безопасности на уровне государственной власти, политических и социальных структур. Объясняется роль медиа в современном обществе. Приводятся основные теоретические подходы к изучению феномена медиатизации, доказываются влияние социальных медиа на общественные процессы.

Ключевые слова: медиатизация, социальные медиа, современное общество, информационное общество, социология медиа.

Annotation. The article deals with the peculiarities of sociological study of the phenomenon of mediatisation. In particular, the development of effective mechanisms for the use of information resources of media to maintain information security at the level of state power, political and social structures is considered. The role of media in modern society is explained. The main theoretical approaches to the study of the phenomenon of mediatisation are given, the influence of social media on social processes is proved.

Keywords: mediatisation, social media, modern society, information society, sociology of media.

Медиатизация как институциональный процесс формируется в период расцвета радио и массовой пропаганды. Исследование данного процесса происходит в разнообразных плоскостях, затрагивая следующие отрасли науки: лингвистику, социологию, политологию, коммуникативистику и прочие. Следует заметить, что к концепту «медиатизация» на сегодняшний день присутствует неоднозначное отношение в науке. Так, большой вклад в разработку этой категории внесли представители скандинавского направления исследования политических коммуникаций и СМИ Дж. Стрембек и Ф. Эсер. По их мнению, медиатизация представляет собой процесс, характеризующийся возрастанием влияния масс-медиа на разнообразные сферы общества.

Известные социологи К. Асп, С. Хьярвард, Дж. Маццолени, В. Шульц дают аналогичное определение медиатизации, при этом акцентируют внимание на усилении СМИ и доминирова-

нии медиа логики в коммуникативной практике. В свою очередь, отечественные исследователи массовых коммуникаций, при обращении к концепту «медиатизация», определили данный концепт как «процесс конструирования, сохранения и трансляции определенных медиадискурсов в современную цифровую медиасреду». В частности, – советский и американский физик-теоретик. И.М. Дзялошинский (род. 1 февраля 1931, Москва) подчеркнул, что в процессе медиатизации социальные институты становятся субъектами медиапространства, конструируя медиадискурсы. Итак, под медиатизацией понимается «исторический процесс, который сопровождает все этапы информационной революции по причине того, что данный процесс проникает во все сферы общественной жизнедеятельности».

Медиатизация современного общества проявляется в виртуализации публичной политики, в появлении множества новых микро-субъектов общественных коммуникаций (блоги, сообще-

ства, YouTube каналы и др.), информационных продуктов и стратегий («умная толпа»), в основе чего заложены принципы медийной логики, а также современные цифровые и наукоемкие технологии.

Медиатизация управления распределением ресурсов в обществе становится важным процессом, который регулирует интеграцию информационных и коммуникационных технологий в современном обществе.

«Новые СМИ или Новые медиа (англ. New media) – термин, который в конце XX века стали применять для интерактивных электронных изданий и новых форм коммуникации производителей контента с потребителями. Понятие создано для обозначения отличий от традиционных медиа, таких как, например, газеты. Иными словами, этим термином обозначают процесс развития цифровых и сетевых технологий и коммуникаций».

Помимо этого, понятие «новые медиа» объединяет в себе как цифровые аналоги традиционных средств массовой информации, так и ресурсы и инструменты современного цифрового медиасредства (в частности, мобильные телефоны, планшеты, электронные книги, сетевые игры, волоконно-оптическую связь и прочие).

Доктор политических наук Д.Г. Балуев к новым СМИ относит «все современные цифровые средства передачи данных», при этом подчеркивая близость категории «новые СМИ» с концептом «социальные медиа».

Так, социальные медиа входят в структуру новых медиа, реализуя именно социальный аспект выстраивания коммуникаций через применение информационных инструментов. Как отмечает кандидат политических наук М.Ю. Павлютенкова, социальные сети как один из видов социальных медиа направлены на создание межличностных и групповых коммуникаций [2, с. 75]. Таким образом, социальные медиа рассматриваются как цифровой ресурс, направленный на создание социальных коммуникаций и сетевого взаимодействия между разными факторами коммуникативного процесса. Медиатизация современного политического процесса, а именно интеграция медиа логики и информационных технологий в сферу управления распределением ресурсов, имела ряд практических последствий. Так, интеграция в государственное управление цифровых технологий привела к разработке системы предоставления электронных государственных услуг для населения.

М.Ю. Павлютенкова указывает, что в современном мире важной тенденцией развития государственного управления развитых стран становится создание «электронного правительства», которое не является дополнением или аналогом традиционного правительства, за данным заимствованным термином кроется сформировавшееся в западной научной литературе, в документах международных организаций сущностное описание использования информационно-ком-

муникационных технологий в государственном управлении [2, с. 90–91].

Цели и задачи формирования в РФ электронного правительства показаны ниже на рисунке 1 и 2.

Рисунок 1 – Цели формирования «электронного правительства»

Так, изначально создание электронного правительства было направлено на техническую модернизацию системы госуправления под влиянием информационно-коммуникационных технологий, впоследствии функционал электронного правительства был расширен до интерактивного взаимодействия с гражданами страны для реализации цели оказания услуг через сеть «Интернет».

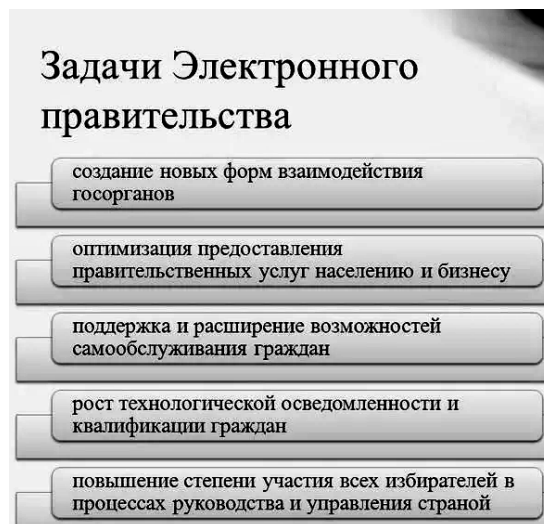

Рисунок 2 – Задачи электронного правительства

В заключение стоит отметить, что проблема информационного мониторинга, защиты персональных данных, поддержания информационной безопасности требует разработки эффективных механизмов применения информационных ресурсов медиатизации, как на уровне государственной власти, так и в рамках отдельных политических и социальных структур.

Литература:

1. *Дукин Р.А.* Медиатизация современного общества: влияние социальных медиа // Теория и практика общественного развития. № 2. 2016. С. 24–26
2. *Павлютенкова М.Ю.* Электронное правительство в России: концептуальные подходы и практика реализации // PolitBook, 2013. № 2. С. 90–105. С. 90–91.

Literature:

1. *Dukin R.A.* Mediatization of modern society: the influence of social media // Theory and practice of social development. № 2. 2016. P. 24–26
2. *Pavlyuchenkova M.Y.* E-government in Russia: conceptual approaches and practice of implementing // PolitBook, 2013. № 2. Pp. 90–105. С. 90–91.

Хомякова Галина Сергеевна
аспирант кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов
khomyakova_galina@mail.ru

Galina S. Khomyakova
Postgraduate Student,
Department of Sociology,
Peoples' Friendship University of Russia
khomyakova_galina@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ РЕПУТАЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ КОМПАНИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ, СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ ЕЁ ФОРМИРОВАНИЯ

REPUTATION MANAGEMENT IN THE RUSSIAN COMPANY: THE MAIN APPROACHES, STRATEGIES AND TECHNOLOGIES OF ITS FORMATION

Аннотация. Современные эксперты сходятся во мнении, что отменная репутация делает компанию наиболее привлекательной для инвесторов по сравнению с компаниями, не обладающими таковой, повышает ее капитализацию, позволяет ей добиться роста финансовых результатов хозяйствования, обеспечить более устойчивую позицию на рынке, а также новые возможности для выхода на иные товарные рынки.

На сегодняшний день в штатном расписании компаний до сих пор не введена должность директора по корпоративной репутации. Рассматривая западный опыт организации бизнеса, мы видим, что забота о корпоративной репутации признается одной из наивысших прерогатив руководства компаний.

Ключевые слова: репутация, гудвилл, публик рилейшнз, имиджология, общественные коммуникации.

Annotation. Modern experts agree that the excellent reputation makes the company the most attractive for investors in comparison with companies that do not have it, increases its capitalization, allows it to achieve growth in financial performance, provide a more stable market position, as well as new opportunities to enter the market.

To date, the position of director for corporate reputation has not yet been introduced in the company's staffing list. Considering the Western experience of business organization, we see that concern for corporate reputation is recognized as one of the highest prerogatives of company management.

Keywords: reputation, goodwill, public relations, image management, public communications.

В современном экономическом сообществе на первый план выходят социальные факторы, становящиеся главными двигательными факторами развития компаний, действующих на рынке, в частности, репутация организации, бренд, имидж, качественная стратегия и вопросы их формирования. Современные потребители при выборе товара все больше ориентируются не только на соотношение цены и качества товара, но и на респектабельность, известность, искренность, приемлемость социальной группой и других социальные характеристики товаров и услуг, имеющих на рынке.

Так, репутация в настоящее время становится одной из наиболее важных составляющих нематериальных активов современной корпорации и на первый план выходят стратегии и технологии управления репутацией организации. В любой современной крупной компании существуют отделы, которые занимаются общественными отношениями, а именно PR (public relations).

Практика Public Relations на предприятиях представляет собой одновременно искусство и социальную науку, позволяющие анализировать тен-

денции, предсказывать их последствия, консультировать руководство организаций, и претворять в жизнь планируемые заранее программы действий, служащие интересам как организаций, так и общественности.

Так, мероприятия сферы PR используются с целью формирования благоприятного отношения к предприятию-продавцу (производителю товара) со стороны возможных клиентов, широких масс публики на самых разных уровнях общественности, вплоть до уровня правительства.

Таким образом, репутация организации как явление отвечает требованиям классического определения термина «институт» в социологии, и наиболее подходящими методами ее исследования являются социологические методы.

Компания не может достигнуть высоких результатов своего развития на рынке без осуществления процесса управления репутацией и формирования ее имиджа, которое выступает стратегическим орудием предприятия в борьбе за рынок и высокие результаты деятельности компании на нем. Следует отметить, что репутация является результа-

том соединения производственно-торговой, социально-благотворительной, кадровой и психологической видов деятельности компаний.

Управление репутацией - одно из наиболее острых направлений современного менеджмента. Ни одно, даже самое благополучное предприятие не застраховано от скандала. А любая негативная информация, будь то претензии потребителей, происки конкурентов, ошибки или пристрастия контролирующих структур или последствия природных катаклизмов, способны нанести существенный вред компании. Сформировав положительную репутацию фирмы, можно существенно повысить ее устойчивость, защитить ее членов от возможной потери работы [3, с. 6].

Методы исследования репутации организации представлены по объектам в таблице 1.

Репутационную стратегию любой компании можно образно разделить на следующие части:

- 1) подстратегия формирования репутации;
- 2) подстратегия поддержания репутации,
- 3) подстратегия защиты репутации (так называемое проведение антикризисных мероприятий в области управления репутацией).

Данные стратегии и мероприятия, предусмотренные внутри каждой из данных подстратегий, изображены на рисунке 1.

Таблица 1

Методы анализа репутации по объектам исследования

Метод анализа	Сотрудники организации	Общественность	Регуляторы	Журналисты
Контент-анализ СМИ	+	+	+	+
Фокус-групповое исследование	+			
Опрос экспертов	+		+	+

Рисунок 1 – Подстратегии управления репутацией компании в рамках единой стратегии формирования репутации

Мероприятия по управлению репутацией можно подразделить на осуществляемые в рамках организации и вне ее.

К первым следует отнести: разработку общей философии организации, или концепции ее действий на рынке; создание корпоративного кодекса поведения; формирование имиджа первых лиц компании и моделей поведения сотрудников.

К мероприятиям по управлению репутацией, проводимым вне самой корпорации, относятся следующие:

- 1) выстраивание благоприятных взаимоотношений с партнерами;
- 2) проведение рекламной кампании;
- 3) построение отношений с клиентами, СМИ и т.д.

В зависимости от стратегических приоритетов компании на данном этапе развития ее репутационная стратегия может меняться. Поскольку любой бизнес начинается с поиска клиентов и продвижения новой продукции на рынке, то первоначальный выбор объекта коммуникаций обычно делается в пользу продукции, со временем частично или полностью перемещаясь к ко-

манде, достижениям или, в случае с финансовыми структурами, финансовым показателям. Первое, что нужно сделать при планировании деятельности в сфере репутационного менеджмента – выбрать верную репутационную стратегию. Эксперты выделяют пять стратегий управления репутацией компании в зависимости от ее основы. Так, сложившаяся с минимальным участием компании (или без него) репутация всегда имеет один или несколько объектов, на которые в основном и направлено оценочное мнение заинтересованных групп. Такими объектами могут выступать: руководство; сотрудники; продукция или услуги компании; достижения; финансовые показатели [3, с. 7].

Выделяются четыре важнейшие целевые группы, существенно влияющие на определение состояния репутации:

- нормативные (акционеры, Совет директоров);
- функциональные (сервисные организации);
- диффузные группы (журналисты) и потребители [2, с. 15].

Результаты осуществления грамотного управления репутацией представлены на рисунке 2.

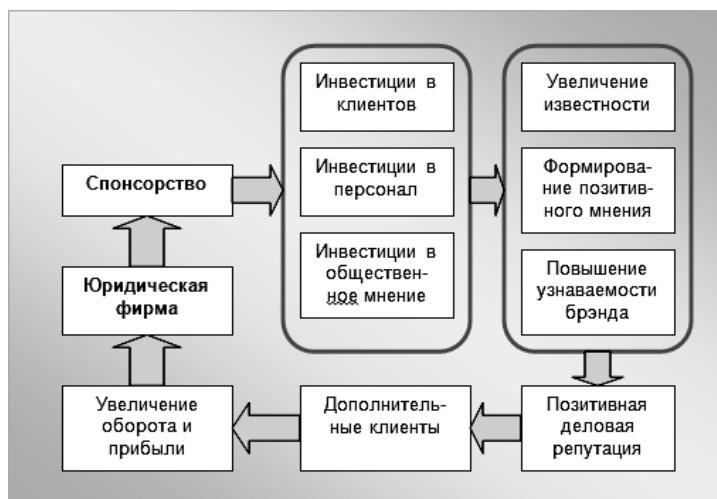

Рисунок 2 – Результаты управления репутацией

В заключение рассмотрим факторы негативного характера, влияющие на формирование репутации организации на рынке (рис. 3). Таким образом, мы рассмотрели основы построения страте-

гии формирования благоприятной репутации. В заключение стоит отметить, что стратегия формирования репутации (имиджа) подлежит постоянному мониторингу в целях ее корректировки.

Рисунок 3 – Факторы негативного характера, влияющие на репутацию фирмы

Литература:

1. Малахов Ф.В. Методика оценки состояния репутации организации; журнал «Экономика, социология, право». М. : июль 2009.
2. Олейник И. Плюс/Минус репутация. Российский опыт репутационного менеджмента / И. Олейник, А. Лапшов. М., 2003. С. 11, 13.
3. Тендит К.Н. Основы репутационного менеджмента : учеб. пособие. Комсомольск-на-Амуре : ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013. 85 с.

Literature:

1. Malakhov F.V. Methodology for assessing the reputation of the organization; Journal «Economics, sociology, law», M. : July 2009.
2. Oleinik I. Plus / Minus reputation. Russian experience of reputation management / I. Oleinik, A. Lapshov. M., 2003. С. 11, 13.
3. Tendit K.N. Fundamentals of Reputation Management : Textbook. Allowance. Komsomolsk-on-Amur : FGBOU VPO «KnAGTU», 2013. 85 p.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Акберли Ниджат Намик оглы

аспирант,
 профиль административное право
 и административный процесс,
 Северо-Западный институт управления
 (филиал), Российская академия народного
 хозяйства и государственной службы при
 Президенте Российской Федерации
 Akberli92nidzhat@mail.ru

Nidzhat N. Akberli

Graduate student,
 profile administrative law and
 administrative process,
 Northwest institute of management (branch),
 Russian Presidential Academy of National
 Economy and Public Administration
 Akberli92nidzhat@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

REGIONAL EXECUTIVE AUTHORITIES IN THE RUSSIAN STATE

Аннотация. В статье отмечается, что основными проблемами современного федеративного развития в условиях переходного периода остаются конституционное равноправие и фактическая разностатусность субъектов Российской Федерации, функционирование механизмов бюджетного федерализма и соотносимость экономических реформ в субъектах и в России в целом с принципами федеративного развития.

Annotation. The main problems of modern federal development in the conditions of the transition period remain constitutional equality and the actual diversity of the subjects of the Russian Federation, the functioning of the mechanisms of budgetary federalism and the correlation of economic reforms in the subjects and in Russia as a whole with the principles of federal.

Ключевые слова: исполнительная власть, органы исполнительной власти, региональные органы государственной власти, субъекты Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Keywords: executive power, executive authorities, regional government bodies, constituent entities of the Russian Federation, executive authorities of the subjects of the Russian.

Система органов исполнительной власти в Российской Федерации, а так же и в ее субъектах, предопределяется с учетом федеративного устройства РФ. В федеративном государстве фактически не имеются тенденции его организации и функционирования, что не выступало бы в ступень федеративных взаимоотношений. Следовательно, последующее подробное исследование структуры и специфики реформирования и формирования системы исполнительной власти в регионах РФ недопустимо вне ознакомления с проблемами федеративных взаимоотношений в РФ [1, с. 24].

прошедшем, но даже не утративших собственной значимости в наши дни. Федеративные взаимоотношения в РФ в значительной степени уникальны, они никак не сводятся только лишь к построению национально-государственного устройства (то, в чем было различие советской модели федерализма) либо территориального (присущего большинству государствам). Стремление повторять опыт Соединенных Штатов Америки, Германии и иных стран не привели к успешным результатам, так как не соответствовали российским реальностям и противоречили интересам развития и совершенствования государства [6, с. 35]. Асимметричность, которая имеет место быть в нынешних конституционных положениях федеративной организации РФ, выразилось как сложная структура и как прошлое государства. В случае, если посмотреть назад и применять ретроспективный подход к исследованию процесса тенденции усовершенствовании государственного устройства России, можно взглянуть в российском естественноисторическом процессе равно как устои централизма и унитаризма, так и образы, и устои регионализма, самоуправления а также федерализма. Данные направления взаимодействовали и бились друг с другом, которые имели отражения в разных композициях различных веков и эпох времени. Стремление центробежных и центростреми-

В настоящее время РФ можно причислить к уникальному «постсоциалистическому» виду федерации: юная мультинациональная федерация с фундаментальными внутренними народными и общественно-финансовыми отличиями, получившая в наследство асимметрию и применение в общегосударственном устройстве принципа и использование в государственном устройстве принципа национально-территориальной автономии и диспропорциональности в балансе государственной и народной тождественностью граждан от своих исторических предшественников. Система отношений «центр – регионы» формировалась в процессе воздействия признаков и обстоятельств, свойственных для России в

тельных факторов и причин, компоненты асимметрии в государственном устройстве и управлении, общественные и общинные устои представлялись основой, на которой, начиная с XIX столетия формировались основные положения федеративных взаимоотношений в России. Российскую империю все время выделяла разностатусность разных регионов и народов, она представлялось формой территориальной организации крупного геополитического пространства, которая предоставляла и гарантировала обществу мир, единство и согласие среди людей, народов и национальностей. Непосредственно по этой причине, если вести речь о РФ, о ее нынешних качествах и особенностях, не возможно никак не принимать во внимание факт, который имело место быть к концу XIX и начало XX веков: в унитарной Российской империи выражалась тенденция к многовариантности политико-административного статуса регионов. Любопытно-то обстоятельство, что чем позднее вступал в состав России тот либо другой национальный регион, тем в большей степени предусматривались и сохранялись в его статусе характерные свойства и специфика местного самоуправления. Центральная власть в Российской империи должна была придерживаться и руководствоваться имперской идеей, а так же признавать самостоятельность определенных регионов и народов. В советский период противостояние высококачественных особенностей федерализма и унитарности между собой вошло в новейший этап. Общеизвестно то, что в СССР декларированное федеративное устройство представляло собой систему, которая была целенаправленна на решение национального вопроса, но в отличии от предыдущего исторического периода создание федеративных взаимоотношений строилось на национально-территориальном принципе, и никак не считалось итогом общего объединения ранее существовавших в прошлом национальных государств. Наоборот, согласно инициативе центра были сформированы государственные образования как отдельные составные части Федерации, многие из которых затем принимали участие в формировании союзного государства. РСФСР, входившая в состав СССР была громадной квазифедерацией, где жили больше ста семидесяти национальностей и народов. В 1990 году, еще при существовании Советского Союза, автономные республики на протяжении шести месяцев объявили собственную независимость. В 1991 году, равно как и федеративные республики, автономные образования принимали участие в создании новейшего союзного (соглашения) договора как субъекты Федерации. 12 июня 1991 года Россия объявила о своей собственной независимости в рамках Советского Союза [3, с. 23; 4, с. 133]. Конституция СССР была отвергнута, как не соответствовавшая целям последующего федеративного (усовершенствования) развития. Несмотря на то, что посредственно в сфере федеративности Основной Закон Советского Союза был наиболее содержательным и важным, нежели принятая Конституция 1993 года. Получив суверенитет РФ (в прошлом РСФСР) сохранила федеративную форму территориально-политической организации и в общих чертах бы-

лое административно-территориальное (разделение). От 12 декабря 1993 года Конституция сохранила субъекты федерации, которые были унаследованы из советской эпохи: республики, края и области, города федерального значения, автономную область, автономные округа – равноправные субъекты РФ. Невозможно не выделить отличительную черту нынешнего федеративного устройства: автономные округа в соответствии с Конституцией РФ считаются равноправными по отношению к иным субъектам Федерации при том, что они имеют право вступать в состав края или области. Однако Основной Закон не обозначил формы взаимоотношений между автономным округом и краем или областью, в которое они вступают, что привело к осложнению проблемы сложносоставных субъектов Федерации. В 1993 г. шесть субъектов Федерации включали в собственный состав восемь иных «равноправных субъектов РФ» Данное беспрецедентное обстоятельство доводило и доводит до сей поры к различным неблагоприятным результатам, с которыми стараются справиться в рамках нынешней федеративной реформы. В Конституции РФ говорится о том, то что в отношениях с федеральными органами государственной власти все без исключения субъекты РФ между собой равноправны. Вместе с этим республики сохранили права, каких не имеется у краев и областей. Республики владеют статусом государства и кроме этого имеют права на конституцию, а также на второй официальный язык помимо русского языка. Статус высшего должностного лица в республиках различается не только по своему названию, еще и что немаловажно – по объему полномочий. Но на этом не заканчивается асимметричность нынешних федеративных взаимоотношений, которая была упомянута выше [7, с. 87]. Асимметрия «постсоциалистических» федераций заключается, в частности, в сосуществовании «национальных» и «обычных» регионов, в строительстве федерации, в тоже время, снизу, равно как реакции на требования, в первую очередь, «национальных» субъектов, и сверху, как политического плана верхов. Применяя асимметричные взаимоотношения как способ борьбы с сепаративными и регионалистскими тенденциями, российское руководство не один раз уравнивало на не безопасной границы стремительной и хаотичной модификации централизованной федерации в бесформенную договорную конфедерацию: к примеру так было во время подготовки Федеративного договора, и уже после его подписания в 1992–1993 гг., в то время как, регионам в обмен на лояльность, преданность хаотично выдавали льготы и когда регионы объявляли себя республиками, однако, центристские тенденции на порядок оказались мощнее. Современный период российского федерализма считается переходным шагом к провозглашенному Конституцией РФ демократическому, федеративному правовому государству. Переходность обуславливается стадией завершенности экономических политических преобразований в государстве. Такой период отличается неустойчивостью характера федеративных взаимоотношений. Переходность российского федерализма выражается в не завершенности социально-политических

процессов и нехватке возможности реструктурирования внутренней системы, результатом чего же считаются множественные противоречия в структуре государственной власти и управления

Литература:

1. *Бакушев В.* Административная реформа: траектория пути // Российская Федерация сегодня. 2002. № 1. С. 24–25.
2. *Бобылев А.И.* Исполнительная власть в России: теория и практика ее осуществления / А.И. Бобылев, Н.Г. Горшкова, В.И. Ивакин. М. : Право и государство, 2003. С. 73–76.
3. *Игнатюк Н.А.* Спровоцированное изменение законодательства о полномочиях органов исполнительной власти в Российской Федерации // Федерализм. Теория. Практика. История. 2005. № 2. С. 23–27.
4. *Петров Н.* Формирование региональной идентичности в современной России. В сб.: Центр и региональные идентичности в России. СПб., М., 2003. С. 133.
5. Региональные интересы в современной России. М., 2003. С. 42–43.
6. *Старовойтов А.А.* Административно-правовое регулирование организации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (вопросы теории и практики). СПб., 2005. С. 35.
7. *Старовойтов А.А.* «Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность»: материалы Международного научного форума. СПб. : Изд-во СЗАГС. 2003. С. 87–89.

[5, с. 42]. Следует отметить, что вопрос о разграничении предметов ведения и полномочий – это вопрос о власти и стабильности федеративных отношений в стране [2, с. 73].

Literature:

1. *Bakushev V.* Administrative reform: the path of the path // Russian Federation today. 2002. № 1. P. 24–25.
2. *Bobylev A.I.* Executive power in Russia: theory and practice of its implementation / A.I. Bobylev, N.G. Gorshkova, V.I. Ivakin. M. : Right and the State, 2003. P. 73–76.
3. *Ignatyuk H.A.* Provoked Change in Legislation on the Powers of Executive Bodies in the Russian Federation // Federalism. Theory. Practice. History. 2005. № 2. P. 23–27.
4. *Petrov H.* Formation of regional identity in modern Russia. In the collection: Center and regional identities in Russia. St. Petersburg. M., 2003. P. 133.
5. Regional interests in modern Russia. M., 2003. P. 42–43.
6. *Starovoitov A.A.* Administrative and legal regulation of the organization and activities of executive bodies of the subjects of the Russian Federation (theory and practice). St. Petersburg, 2005. P. 35.
7. *Starovoitov A.A.* «System of state power and governance in Russia: history, traditions and modernity»: materials of the International Scientific Forum. SPb. : Publishing house of the SZAGS. 2003. P. 87–89.

Бацаев Бадруди Бесланович
адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии,
Краснодарский университет МВД России,
капитан полиции
milena.555@mail.ru

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. Статья посвящена конфискации имущества как иной мере уголовно-правового характера. В ней аргументирована позиция, что всестороннее исследование уголовно-правового института конфискации имущества является необходимым условием практического его применения, что влияет на дифференциацию уголовной ответственности и эффективность противодействия преступности.

Ключевые слова: конфискации имущества, иные меры уголовно-правового характера, цели наказания, уголовный кодекс РФ

Конфискация имущества – одна из древнейших мер уголовно-правового воздействия, которая была известна законодательству Древней Греции и Римской империи.

В уголовном законодательстве Древней Руси она рассматривалась в качестве дополнительного наказания к потоку, то есть изгнанию из общины. Первоначальное своё развитие в русском уголовном праве изгнание – ссылка, отмечает А.И. Сидоркин, получает, главным образом, в законодательных памятниках, заимствованных из Византии. Главное же отличие назначения изгнания – ссылки в собственно русском законодательстве (Русской Правде) от сборников церковно-светского права византийского происхождения, использовавшихся в судах Древней Руси наряду с Русской Правдой заключается в применении дополнительного наказания в виде разграбления имущества [1].

Применение потока – изгнания, являлось страшным для преступника наказанием, которое вместе с разграблением дома ставило преступника и его семью на край гибели. В Русской Правде наказание в виде потока и разграбления предусматривалось за совершение особо тяжких посягательств (за убийство без ссоры – «свады», за кражу коня, поджог гумна, дома и др.).

Разграбление представляло собой не что иное, как полную, без каких-либо исключений конфискацию имущества виновного в преступлении.

Badrudi B. Batsaev
adjunct of the Department of criminal law
and criminology,
Krasnodar University of the Ministry of
internal Affairs Russia, police captain
milena.555@mail.ru

CONFISCATION OF PROPERTY AS A MEASURE OF CRIMINAL LAW

Annotation. The Article deals with the confiscation of property as another measure of criminal legal character. It reasoned position that a comprehensive study of criminal-legal Institute of confiscation of property is a necessary condition for its practical implementation, which affects the differentiation of criminal responsibility and the effectiveness of combating crime.

Keywords: Confiscation of property, and other measures of criminal-legal nature, the purpose of punishment, the criminal code of the Russian Federation.

Следует однако отметить, что фискальный характер уголовного наказания в IX–XIX веках олицетворяло другое имущественное наказание – вира, трансформировавшаяся в последующем в штраф (денежное взыскание). Например, ст. 44 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. гласила, что денежные взыскания определяются также по мере вины, в большем или меньшем количестве, на основании особенных постановлений о каждом подвергающем взысканию сего рода преступлении или проступке [2].

В этом законодательном акте, как и в последующем Уголовном Уложении России 1903 г., конфискация допускалась в качестве уголовно-правовой меры. Хотя в Уложении 1845 г. предусматривалась такая мера, как прекращение прав собственности в качестве составляющей наказания в виде лишения всех прав состояния, соединённое со ссылкой в каторжные работы или со ссылкой на поселение. В ст. 32 Уложения, в частности, было закреплено: «Вследствие потери права собственности, всё прежнее имущество осуждённого в каторжные работы или ссылку на поселение, со дня постановления и объявления ему окончательного о том приговора, поступает к его законным наследникам, точно так же как поступило бы вследствие естественной его смерти». Как видно, в этой норме предусматривалось изъятие имущества виновного в преступлении не в пользу государства, а в интересах его законных наследников. Поэтому несмотря на определённую схожесть с конфискацией имущества оно таковым признаваться не может.

В то же время, в ряде статей Уложения 1845 г. (ст. ст. 352, 402 и др.) предусматривалось изъятие вещей, предметов, добытых посредством преступления, имущества тайных организаций. А Устав уголовного судопроизводства 1864 г. допускал возможность изъятия предметов, признанных вещественными доказательствами.

В уголовно-правовой литературе того времени проблема юридической природы конфискации имущества обсуждалась достаточно активно. Н.С. Таганцев писал, что изъятие различных предметов в зависимости от того, находятся ли они в свободном обращении или запрещены к обороту, имеет неодинаковую природу: «Конфискация первого рода должна иметь все свойства наказания, конфискация второго рода – характер полицейской меры» [3]. Иначе говоря, он различал конфискацию как уголовно-правовую меру и отобрание предметов в качестве вещественных доказательств

Если вплоть до XX в. российский законодатель довольно сдержанно относился к конфискации имущества с точки зрения её фискальной функции, то в советский период она стала рассматриваться в качестве орудия, одной из острых форм репрессии в отношении представителей «эксплуататорских» классов. В период установления советской власти конфискация по существу являлась формой экспроприации частной собственности. Она помогала обращать основные средства и орудия производства в общую собственность, в корне подрывая материальную основу существования «буржуазных элементов», не признавших новую власть и оказавших ей упорное сопротивление.

Конфискация применялась в отношении тех, кто обвинялся в саботаже. В 1917 г. СНК издал несколько декретов и постановлений о конфискации их имущества. Были, в частности, изданы: Декрет СНК от 7 декабря 1917 г. «О конфискации и объявлении собственности Российской Республики всего имущества Акционерного общества Богословского Горного Округа», Постановление СНК от 15 декабря 1917 г. «О конфискации имущества Русско-Бельгийского металлургического общества», Декрет СНК от 27 декабря 1917 г. «О конфискации всего имущества акционерного общества Сергинско-Уфалейского горного округа», Декрет СНК «О конфискации всего имущества акционерного общества Кыштымского горного округа», Декрет СНК от 27 января 1918 г. «О конфискации фабрики Товарищества Ивано-Вознесенской ткацкой мануфактуры», Декрет СНК от 19 февраля 1918 г. «О конфискации Первого русского завода Рентгеновских трубок» и др. [4].

Впервые в перечень видов наказаний частичная или общая конфискация имущества или секвестр были включены в Инструкции НКЮ от 29 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний».

В дальнейшем сфера применения конфискации имущества была расширена. В соответствии с

Постановлением Совета Рабочей и Крестьянской Обороны от 3 июня 1919 г. «О мерах к искоренению дезертирства» она могла назначаться лицам, уклоняющимся от мобилизации и дезертировавшим из рядов Красной Армии.

Среди видов наказаний конфискация имущества указывалась в Положении о Революционных Военных трибуналах от 20 ноября 1919 г. и в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г.

В дальнейшем, 16 апреля 1920 г. был издан Декрет СНК «О реквизициях и конфискациях», специально посвященный регулированию конфискации имущества. В ст. 3 было дано определение конфискации имущества: «Конфискацией считается принудительное отчуждение государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и обществ». В этом Декрете она рассматривалась в качестве не только уголовного наказания, но и административной меры.

Нельзя не отметить, что в этом акте предусматривалась возможность конфискации имущества, находившегося в «обладании» обществ, то есть юридических лиц. В определении не раскрывалось, принадлежало ли имущество, подлежащее конфискации, частным лицам или обществам на праве собственности или нет.

Дальнейшее развитие регламентация конфискации имущества получила в УК РСФСР 1922 г. В ст. 32, закрепившей перечень видов наказаний, она была указана на пятой позиции, вслед за такими видами наказания, как: а) изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно; б) лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой; в) принудительные работы без содержания под стражей; г) условное осуждение.

Все они рассматривались законодателем в качестве более строгих по сравнению с рассматриваемым видом наказания. В то же время «конфискация имущества – полная или частичная» была признана более строгим видом наказания, чем штраф (п.«е»), поражение прав (п.«ж»), увольнение от должности (п.«з»), общественное порицание (п.«и») и возложение обязанности загладить вред (п.«к»).

Если в Общей части УК 1922 г. не определялся порядок назначения конфискации имущества, то в нормах его Особенной части она предусматривалась в качестве либо основного, либо (чаще всего) дополнительного вида наказания. Из 200 статей этого Кодекса конфискация предусматривалась в 55 статьях (около 28 %). Она, в частности, была включена в 10 санкций за контрреволюционные преступления, 15 санкций за преступления против порядка управления, 13 – за хозяйственные преступления и 8 – за воинские преступления [5].

Законодательное определение конфискации в основном воспроизводило положения о ней УК РСФСР 1922 г. Хотя были в нём и новые моменты. Согласно ст.40 УК РСФСР 1926 г. конфискация имущества состоит в принудительном и без-

возмездном отчуждении в пользу государства всего или точно определённого судом имущества осуждённого, являющегося его личной собственностью или долей в общей собственности.

Конфискации не подлежат необходимые для осуждённого и его семьи предметы домашнего обихода и служащие средством существования орудия мелкого кустарного, ремесленного или сельскохозяйственного производства.

Оставляемые в распоряжении осуждённого и членов его семьи предметы питания и денежные суммы не могут по своей оценке в общей сложности быть ниже среднего трехмесячного заработка рабочего данной местности на каждого члена семьи.

Инвентарь, необходимый для профессиональной работы осуждённого, может быть конфискован лишь в случаях, когда суд постановит о лишении осуждённого права заниматься соответствующей профессией.

Как видно, УК РСФСР 1926 г. несколько смягчил репрессивный характер конфискации имущества по сравнению с первыми послереволюционными годами, когда, как и в Древней Руси и средние века, конфискации подвергалось всё, без какого-либо исключения, имущество осуждённого [6].

В ст. 41 данного УК предусматривалось, что «при конфискации имущества государство не отвечает по долгам и обязательствам осуждённого, если таковые возникли после принятия следственными властями мер сохранения имущества и без их согласия».

В отношении же претензий, подлежащих удовлетворению за счёт конфискованного имущества, государство отвечало лишь в пределах активов, причём, в первую очередь удовлетворялись претензии получателей заработной платы и алиментов, а равно органов социального страхования, во вторую – на покрытие недоимки по государственным и местным налогам и сборам, в третью – других государственных органов и в четвёртую – все остальные (ч. 2 ст. 41).

Кроме того, специальная конфискация предусматривалась в ст. 73 УПК РСФСР 1922 г., а затем в ст. 69 УПК РСФСР 1923 г.

Значительной вехой в регламентации конфискации имущества стали Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые 25 декабря 1958 г., УК РСФСР 1960 г., воплотивший, а в ряде случаев развивший их положения, касающиеся регламентации наказаний.

В ст. 30 Основ определялось: «Конфискация имущества состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осуждённого.

Конфискация имущества может быть назначена только за государственные и тяжкие корыстные преступления в случаях, указанных в законе. Порядок применения конфискации имущества,

перечень не подлежащих конфискации предметов, необходимых для самого осуждённого и лиц, находящихся на его иждивении, а также условия и порядок удовлетворения из конфискованного имущества претензий по обязательствам осуждённого устанавливаются законодательством союзных республик».

Кроме того, ч. 2 ст. 21 Основ конфискация имущества была отнесена к наказаниям, которые могли назначаться только в качестве дополнительных.

В ст. 35 УК РСФСР 1960 г. были воспроизведены положения ст. 30 Основ. Однако в ней были указаны и новые моменты. В ч. 1 этой статьи было зафиксировано, что если конфискуется часть имущества, то суд должен указать, какая часть имущества конфискуется или перечислить конфискуемые предметы. Согласно ч. 2 не подлежали конфискации предметы, необходимые для осуждённого и лиц, находившихся на его иждивении, согласно перечню, данному в приложении к УК. Кроме того, ч. 3 ст. 35 УК 1960 г. (в ред. Указа ПВС РСФСР от 17 апреля 1973 г.) предусматривала, что конфискация имущества могла назначаться только в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР, а за корыстные преступления – также в случаях, предусмотренных Особой частью УК. Тем самым, была более или менее чётко определена сфера применения конфискации имущества.

Конфискация, включая и 11 санкций, содержащих специальную конфискацию, то есть изъятие орудий, средств преступления, либо предметов и ценностей, добытых преступным путём, была предусмотрена в 40 санкциях первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. В последующем их число возросло к концу 80-х годов до 84 (что составляло более 20 % от всех санкций). Причем, в 42 санкциях предписывалось обязательное её применение. По состоянию на 1 июля 1996 г. в этом Кодексе было 53 санкции с конфискацией имущества [7].

В середине 1980-х годов конфискация применялась в 83 % случаев, когда она могла быть применена по закону, участились случаи назначения конфискации с основными наказаниями, не связанными с лишением свободы, укоренилась «практика фиктивных конфискации» (т.е. вынесения приговоров о конфискации при отсутствии подлежащего ей имущества [8]). Этому способствовало не только широкое представительство конфискации в санкциях УК 1960 г., но и руководящие разъяснения высших судебных инстанций. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 сентября 1953 г. (в ред. от 14 марта 1963 г., 24 июня 1968 г. и от 29 августа 1980 г.) «О судебной практике по применению конфискации имущества» отмечалось, что «суды иногда неосновательно не применяют конфискацию имущества, когда назначение такого дополнительного наказания по закону является обязательным, не всегда обсуждают вопрос о её применении, когда в санкции статьи она указана в качестве возможной дополнительной меры» [9]. В п. 3 данного постановления разъяснялось, что

«необнаружение имущества к моменту постановления приговора само по себе не является препятствием для назначения этого дополнительного наказания, поскольку имущество, подлежащее конфискации, может быть выявлено при исполнении приговора». В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 20 августа 1980 г. «О практике назначения судами дополнительных наказаний» также подвергалась критике деятельность тех судов, которые не обсуждали вопрос о назначении дополнительных наказаний, в том числе и конфискации имущества.

Определённый прогресс в регламентации конфискации имущества как вида уголовного наказания был достигнут с принятием УК РФ 1996 г. Однако нельзя не отметить, что его авторы остались в плену советской идеологии, полностью не отошли от подхода к ней как средству экспроприации «награбленного», полученного за счёт трудящихся, поскольку они не отказались от полной конфискации имущества, в том числе и такого, которое было получено законным путём.

В ст.52 УК РФ 1996 г. было предусмотрено:

1. Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осуждённого.

2. Конфискация имущества устанавливается за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершённые из корыстных побуждений, и может быть назначена судом только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса.

3. Не подлежит конфискации имущество, необходимое осуждённому или лицам, находящимся на его иждивении, согласно перечню, предусмотренному уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации».

Виды такого имущества были предусмотрены в Перечне имущества, не подлежащего конфискации по приговору суда, закреплённом в приложении к УИК РФ.

Недостатком, причём, весьма существенным, на наш взгляд, следует признать то, что УК РФ 1996 г., вслед за советскими уголовными кодексами, вновь предусмотрел конфискацию всего или части имущества осуждённого, в том числе и законно приобретённого. Данное положение закона шло в разрез с экономическими закономерностями развития российского общества, поскольку в таком виде в условиях рыночной экономики она вновь стала зримо олицетворять стремление государства к экспроприации частной собственности.

Кроме того, авторы УК РФ проявили определённую непоследовательность, которая проявилась в том, что они не предусмотрели её за совершение целого ряда преступлений, составы которых содержат в качестве квалифицирующего признака совершение соответствующих преступлений из корыстных побуждений. Например, квалифицирующим признаком убийства законодатель

признал его совершение из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряжённое с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п.«з» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Если за последние (ст. 162, ч. ч. 2 и 3 ст. 163, ст. 209 УК) конфискация была предусмотрена, то санкция за убийство не содержала данный вид наказания. То же самое можно сказать о санкциях за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершённого по найму (п.«г» ч. 2 ст. 111), истязание (п.«ж» ч. 2 ст. 117), похищение человека (п.«з» ч. 2 ст. 126 и др.)

В УК РФ имелось 42 санкции, которые предусматривали конфискацию имущества, в том числе 14 санкций с обязательным дополнительным наказанием и 28 факультативных санкций. Этот вид наказания предусматривался за учинение отдельных тяжких или особо тяжких преступлений в сфере экономики, против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, а также против государственной власти, интересов государственной службы.

ФЗ РФ от 8 декабря 2003 г. конфискации имущества была декриминализована и удалена из перечня видов наказаний и соответствующих санкций Особенной части УК РФ.

Отказ законодателя от конфискации имущества нельзя, на наш взгляд, оценить однозначно. С одной стороны, он обоснованно отказался от советского наследия в трактовке конфискации и определении её социальной направленности, то есть от конфискации (полной или частичной) имущества обвиняемого, приобретённого им в соответствии с законом, с другой же – инициаторы такого решения, как говорится, «выплеснули вместе с водой и ребёнка», поскольку не предусмотрели в УК РФ конфискацию орудий, средств, предметов преступления, имущества, денег, иных ценностей, приобретённых преступным путём, доходов от них, а также имущества и других ценностей, используемых или предназначенных для совершения преступления. Этим самым была исключена возможность применения конфискации в отношении того имущества и доходов от него, которые были приобретены в результате преступных махинаций в процессе приватизации в псевдорыночных условиях 90-х годов прошедшего столетия, и, одновременно, государство фактически отказалось от одного из наиболее эффективных рычагов сдерживания, противостояния коррупции, организованной и экономической преступности.

Несмотря на ошибочность отказа от конфискации, понадобилось почти три года, чтобы вернуть её в УК РФ в качестве иной меры уголовно-правового характера. Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» конфискация имущества была вновь вклю-

чена в УК РФ. Этим же законом были внесены соответствующие изменения и в УПК РФ (ст. ст. 81,82 и др.)

Проведённый анализ регламентации конфискации имущества в истории российского уголовного законодательства наводит нас на некоторые выводы. Во-первых, законодательное регулирование конфискации всегда связано с основным постулатом любого общества – правом собственности. Во-вторых, регулирование конфискации имущества в Уголовном Уложении России 1903 г. отвечало общепринятым в цивилизованном мире взглядам на конфискацию имущества, которые

Литература:

1. *Сидоркин А.И.* Генезис наказаний, связанных с лишением и ограничением свободы в русском уголовном праве. Казань, 2004. С. 183.
2. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6 Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 262.
3. *Таганцев Н.С.* Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций, Т. 2. СПб., 1994. С. 83.
4. *Данилов Н.А.* Конфискация имущества в России и других странах: проблемы, история, перспективы / Н.А. Данилов, А.Э. Козловская // Исполнительное право. 2007. № 3. С. 18.
5. *Мухин М.С.* Институт конфискации имущества и перспективы его совершенствования // Уголовный процесс. 2005. № 2. С. 42.
6. *Степановичев А.В.* Проблемы правового регулирования применения конфискации имущества. М., 2000. С. 36.
7. Уголовное право России. Часть Общая // под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2000. С. 361.
8. Уголовное право России. Часть Общая // под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2000. С. 362.
9. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1987. С. 480.

отражены в уголовном законодательстве современных государств Европы и других континентов. В-третьих, после Октябрьской революции в 1917 г. властные структуры в России переориентировали социальное назначение конфискации имущества, превратив её в орудие экспроприации частной, а затем и личной собственности. В-четвёртых, предусмотрев в 2006 г. конфискацию только орудий, средств совершения преступления, имущества, добытого преступным путём, доходов от него, а также денег, иных ценностей, предназначенных для преступной деятельности, российский законодатель окончательно порвал с советским прошлым в этом вопросе.

Literature:

1. *Sidorkin A.I.* Genesis of the punishments connected with deprivation and restriction of freedom in the Russian criminal law. Kazan, 2004. P. 183.
2. Russian legislation of the X–XX centuries. T. 6 Legislation of the first half of the 19th century. M., 1988. P. 262.
3. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law. General part. Course of lectures, T. 2. SPb., 1994. P. 83.
4. *Danilov N.A.* Confiscation of property in Russia and other countries: problems, history, prospects / N.A. Danilov, A.E. Kozlovskaya // Executive right. 2007. № 3. P. 18.
5. *Mukhin M.S.* Institute of confiscation of property and prospect of his improvement // Criminal trial. 2005. № 2. P. 42.
6. *Stepanishchev A.V.* Problems of legal regulation of application of confiscation of property. M, 2000. P. 36.
7. Criminal law of Russia. A part the General // under the editorship of L.L. Kruglikov. M, 2000. P. 361.
8. Criminal law of Russia. A part the General // under the editorship of L.L. Kruglikov. M, 2000. P. 362.
9. Collection of Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR. M., 1987. Page 480.

Глинщикова Татьяна Вадимовна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного
частного и предпринимательского права,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
glinshikowa@yandex.ru

Tatiana V. Glinshchikova
candidate of jurisprudence, doцент,
associate professor of international
private and entrepreneur law of
Kuban state agrarian
university of I.T. Trubilin
glinshikowa@yandex.ru

КОМПЕНСАЦИЯ КАК ПРАВОВОЕ ОСНОВАНИЕ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

COMPENSATION AS A LEGAL BASIS FOR THE NATIONALIZATION OF FOREIGN INVESTMENT

Аннотация. статья посвящена проблеме защиты прав и интересов субъектов инвестиционной деятельности. Участие России в ВТО должно привести к изменению международно-правового режима осуществления инвестиций с участием Российской Федерации. В связи с этим, возникает необходимость исследования категории «компенсация» как основного принципа обеспечения законности национализации иностранной собственности. Решение проблем, связанных с определением размера и условий выплаты компенсации зависит от уяснения международно-правового режима иностранных инвестиций и его реализации в практической деятельности субъектов инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: инвестиции, иностранный инвестор, национализация, экспроприация, международное законодательство, убытки, компенсация.

Annotation. The article is devoted to the problem of protection of rights and interests of subjects of investment activity. Russia's participation in the WTO should lead to a change in the international legal regime for investment with the participation of the Russian Federation. In this regard, there is a need to study the category of «compensation» as the main principle of ensuring the legitimacy of the nationalization of foreign investment. Solving the problems associated with determining the size and terms of payment of compensation depends on the clarification of the international legal regime of foreign investment and its implementation in the practical activities of investment activity subjects.

Keywords: investment, foreign investor, nationalization, expropriation, international legislation, losses, compensation.

Принятие решения о вложении капитала на территории зарубежного государства нередко сопровождается озабоченностью иностранного инвестора правовой неопределенностью, связанной с осуществлением и порядком проведения национализации. Основной проблемой при национализации иностранных инвестиций является компенсация убытков в ходе осуществления иностранной инвестиционной деятельности на территории другого государства.

Стандарт выплаты компенсации в результате принудительного изъятия иностранной собственности в течение длительного времени вызывал наибольшее количество споров. В законодательстве и научной юридической литературе неоднозначно решен вопрос, касающийся обязанности государства выплачивать компенсацию в случае экспроприации иностранной собственности. Представители развивающихся государств полагают, что в международном праве отсутствуют убедительные доказательства, позволяющие утверждать об обязанности государств-реципиентов предоставлять иностранным лицам компенсацию в случае изъятия их

имущества. В большинстве развивающихся стран данный вопрос лежит в плоскости компетенции внутреннего права. В свое время, ученые социалистических стран указывали на право государства на национализацию без выплаты соответствующей компенсации. В частности, Л.А. Лунц писал, что в отношении компенсации должен применяться национальный режим, поскольку в том случае, когда безвозмездно национализируется имущество, как отечественных граждан, так и иностранных лиц международное право не нарушается [1, С. 37]. Следует признать, что требования иностранных инвесторов о выплате компенсации не всегда удовлетворялись государствами, принимающими иностранный капитал.

Сторонники другого подхода, напротив, ссылаясь на международные стандарты, утверждают об обязанности государств выплатить быструю, эффективную и адекватную компенсацию за изъятые имущество. По мнению М. Вольфа, выплата компенсации является обязательным условием в случае принудительного изъятия имущества в общественных, публичных интересах [2, С. 559].

Правовым основанием выплаты компенсации может стать не только международный договор, но и национальный закон. Однако, несмотря на то, что национализация является суверенным правом государства, которое закреплено в Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 г., в настоящее время не достаточно оснований для утверждения о существовании самостоятельного принципа компенсации при национализации [3].

Таким образом, сфера действия правила, касающегося компенсации при национализации распространяется на государства, которые его признают. Данное правило не должно обязывать другие страны, не признавшие его в качестве правовой нормы.

Проблемы на практике могут возникнуть и в связи с определением размера и сроков выплаты компенсации. Формулу о незамедлительной, достаточной и действительной компенсации предложил К. Халл, который на тот момент являлся Государственным секретарем США в рамках спора между США и Мексикой в связи с национализацией нефтяных месторождений, находившихся в собственности американских компаний.

Положения, касающиеся условий выплаты компенсации в случае национализации собственности иностранного инвестора, занимают центральное место в двусторонних соглашениях государств о взаимном поощрении и защите капиталовложений. В частности, в большинстве соглашений используется формула Халла о быстрой, адекватной и эффективной компенсации. Однако, А.А. Данельян справедливо отмечает, что не все соглашения о взаимном поощрении и защите капиталовложений, которые Российская Федерация подписала с другими государствами, полностью соответствуют классической западной доктрине о национализации. В частности, договоры с Австрией, Великобританией, Испанией, Италией, Южной Кореей не предусматривают, чтобы национализация сопровождалась быстрой, адекватной, эффективной компенсацией [4, С. 27].

В тоже время, следует отметить, что формулировка Халла является весьма расплывчатой и неопределенной, что создает сложности при разрешении инвестиционных споров. Так, в двусторонних инвестиционных договорах отсутствует единообразие в отношении сроков, предусмотренных для выплаты компенсации. В частности, в Соглашении, заключенном Российской Федерацией с Великобританией устанавливается двухмесячный срок для выплаты компенсации, с Италией, Францией – один месяц. В со-

глашении с Китаем идет речь о выплате компенсации без необоснованной задержки [5]. Но не только сроки выплаты компенсации, но и начало отсчета этих сроков регулируются двусторонними инвестиционными договорами по-разному.

В Типовом соглашении Российской Федерации о поощрении и взаимной защите капиталовложений не установлен конкретный срок выплаты компенсации. Говорится только о том, что компенсация должна выплачиваться без задержки (п. 2 ст. 4 Типового соглашения) [6]. Представляется, что в Типовом соглашении необходимо установить определенный срок для выплаты компенсации. Его продолжительность может составить месяц или два. Конкретизировать следует и момент, с которого должна выплачиваться компенсация: со дня вступления в силу акта о национализации имущества или со дня определения размера компенсации.

В формулировке Халла также не раскрывается содержание слов адекватная и эффективная компенсация. В соответствии с Руководством МБРР по обращению с прямыми иностранными инвестициями компенсация расценивается как адекватная, если она основана на справедливой рыночной стоимости изъятого имущества, которая определяется непосредственно перед экспроприацией (п. 3 Раздела 4). Эффективной считается компенсация, если она выплачивается в той валюте, в которой инвестор осуществил вложения, либо в валюте, признанной Международным валютным фондом свободно конвертируемой (п. 7 Раздела 4) [7].

Однако Руководство МБРР является рекомендательным актом. Поэтому содержание фразы «адекватная и эффективная компенсация» необходимо максимально полно раскрыть в двусторонних инвестиционных соглашениях. В большинстве соглашений предусмотрено, что компенсация должна быть осуществлена в свободно конвертируемой валюте и соответствовать реальной стоимости капиталовложения непосредственно в момент их принудительного изъятия.

Таким образом, несмотря на то, что в настоящее время стандарт Халла о быстрой, адекватной и эффективной компенсации получил закрепление в международных двусторонних и многосторонних инвестиционных соглашениях, данное правило в них сформулировано недостаточно четко и полно. Представляется, что в настоящее время содержание двусторонних инвестиционных договоров нуждается в изменении в целях обеспечения международно-правовой защиты интересов всех субъектов инвестиционной деятельности.

Литература:

1 Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. Т. 2: Международное частное право. Особенная часть. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Юрид. лит., 1975.

Literature:

1. Lunts L.A. The course of private international law: in 3 volumes. Volume 2: International private law. The special part. Ed. 2 nd, revised. and additional. M. : Jurid. lit., 1975.

2. *Вольф М.* Международное частное право / под ред. и с предисл. проф. Л.А. Лунца. М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1948.

3. Хартия экономических прав и обязанностей государств (Принята резолюцией 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1974 г.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rights_and_duties (дата доступа 1.04.2018).

4. *Данельян А.А.* Принудительное изъятие иностранных инвестиций: проблемы компенсации // Право и экономика. 2014. № 1.

5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (Заключено в г. Пекине 09.11.2006 г.) // СЗ РФ. 2009. № 46. Ст. 5421.

6. О заключении соглашений между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений: Постановление Правительства РФ от 09.06.2001 г. № 456 (ред. от 17.12.2010 г.) // СЗ РФ. 2001. № 25. Ст. 2578.

7. World Bank Guidelines on the Treatment of Foreign Direct Investment [Электронный ресурс] // URL: <http://italaw.com/documents/WorldBank.pdf> (дата обращения 05.04.2018).

2. *Wolf M.* International Private Law / Ed. and with the pref. prof. LA Lunts. Moscow : Gos. publishing house inostr. lit., 1948.

3. Charter of Economic Rights and Duties of States (Adopted by Resolution 3281 (XXIX) of the UN General Assembly on December 12, 1974) [Electronic resource] // URL: http://www.un.org/en/documents/decl_conv/conventions/rights_and_duties (access date 04/01/2018).

4. *Danelyan A.A.* Forced withdrawal of foreign investments: problems of compensation // Law and Economics. 2014. № 1.

5. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the promotion and mutual protection of investments (concluded in Beijing on November 9, 2006) // SZ RF. 2009. № 46. Art. 5421.

6. On the conclusion of agreements between the Government of the Russian Federation and the governments of foreign states on the encouragement and mutual protection of investments: Resolution of the Government of the Russian Federation № 456 of 09.06.2001 (Edited from 17.12.2010) // SZ RF. 2001. № 25. Art. 2578.

7. World Bank Guidelines on the Treatment of Foreign Direct Investment // URL: <http://italaw.com/documents/WorldBank.pdf> (circulation date 05/04/2018).

Григорьев Станислав Эрикович
соискатель кафедры теории
и истории государства и права
юридического факультета,
Кубанский государственный университет
Milen.555@mail.ru

О НАПРАВЛЕНИЯХ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА В ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена направлениям патриотического воспитания в законодательстве РФ и ее субъектов. Выделение и реализация таких направлений должно стать фактором более дифференцированного и эффективного воспитательного воздействия, фактором более полного осуществления воспитательной функции права в современном законодательстве.

Ключевые слова: воспитание, функция, патриотическое, виды.

Правовое воспитание – сложная и многоаспектная система. В содержание правового воспитания как процесса формирования правовой культуры личности в литературе включают следующие структурные компоненты: информирование о праве (информационный); формирование отношения к праву (оценочный); воспитание установки на правомерное поведение (регулятивный); воспитание чувства необходимости правомерного поведения (когнитивный); организация деятельности субъектов правового воспитания в рамках государственных и общественных институтов (организационный) [5; 11]. Все эти компоненты, как нам представляется, должны стать предметом научной и практической оценки. В то же время, и реализация воспитательной функции права отнюдь не сводится к правовому воспитанию, не меньшую роль играют и другие его виды, прежде всего духовно-нравственное и патриотическое.

Как справедливо отмечает В.А. Медведев, правовое воспитание должно носить деятельностный характер. Это значит, что оно, прежде всего, есть один из видов государственной деятельности, которой отводится не менее важное место в юридической практике государства наряду с правотворческой и правореализационной деятельностью [6; 14]. И существенное место в ре-

Stanislav E. Grigoriev
applicant, Department of theory
and history of state and law
law faculty,
Kuban state University
Milen.555@mail.ru

ON THE DIRECTIONS OF PATRIOTIC EDUCATION IN THE CONTEXT OF REALIZATION OF EDUCATIONAL FUNCTION OF LAW IN THE FEDERAL AND REGIONAL LEGISLATION OF MODERN RUSSIA

Annotation. The article is devoted to the Patriotic education in the legislation of the Russian Federation and its subjects. The selection and implementation of such directions should be a factor in more effective and differentiated educational impact, factor more the full implementation of the educational function of law in modern law.

Keywords: education, feature, Patriotic, types.

лизации воспитательной функции занимает регламентация общественно полезной деятельности по развитию патриотизма и патриотического сознания.

В этом контексте важнейшей формой осуществления воспитательной функции права в современных условиях становится патриотическое воспитание. В целом ряде субъектов РФ приняты законы, посвященные патриотическому воспитанию. Действует федеральная Программа патриотического воспитания на 2016–2020 годы, которой предшествовали другие Программы, существуют такие программы и в субъектах РФ. Это представляется очень актуальным в связи с проявлениями кризиса общей и правовой культуры, идеологическим кризисом, конфликтом ценностных систем в современном российском обществе.

В законодательстве субъектов РФ выделяются различные направления патриотического и духовно-нравственного воспитания, что весьма значимо в плане дифференцированной и эффективной реализации воспитательной функции права. Например, в Законе Московской области № 114/2015-ОЗ «О патриотическом воспитании в Московской области» от 25.06.2015 г. выделены следующие «направления деятельности в сфере патриотического воспитания»:

- нормативное правовое регулирование в области патриотического воспитания;
- научное и методическое обеспечение функционирования системы патриотического воспитания;
- проведение мероприятий, направленных на разъяснение законодательства и правоприменительной практики;
- проведение мероприятий, направленных на повышение роли русского языка как государственного языка Российской Федерации;
- создание социальных, правовых, организационных условий для воспитания духовно богатой личности с высокими нравственными устоями, активной гражданской позицией, а также формирование у детей и молодежи ценностных ориентиров и нравственных норм, уважительного отношения к традициям и истории России;
- расширение содержания патриотического воспитания посредством включения в него программ и иных компонентов культурно-исторической, духовно-нравственной направленности на основе современных научно обоснованных достижений в области социально-гуманитарных наук;
- реализация общественно значимых инициатив граждан в области патриотического воспитания;
- организация и проведение мероприятий, связанных с днями воинской славы России и памятными датами России и Московской области, праздничных салютов, дней и месячников, посвященных Дню защитника Отечества;
- пропаганда подвигов, героизма и мужества защитников Отечества в целях воспитания уважения к истории народа, гордости за страну и чувства ответственности за собственные поступки;
- сохранение и восстановление исторической преемственности поколений, воспитание уважения к старшим;
- осуществление мониторинга в области патриотического воспитания, создание банка данных о наиболее эффективных программах патриотического воспитания и внедрение передового опыта в практику воспитательной работы;
- организация издания и распространения литературы, способствующей формированию чувства патриотизма;
- организация в средствах массовой информации теле-, радиопередач по патриотической и правовой тематике;
- организация и проведение фестивалей и курсов патриотической направленности;
- формирование уважительного и доброжелательного отношения к другому человеку, его мнению, мировоззрению, культуре, языку, вере, гражданской позиции, к истории, культуре, религии, традициям, языкам, ценностям народов России;

– учреждение грантов за достижения в области патриотического, в том числе военно-патриотического, и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи;

– установление и благоустройство памятников, обелисков, стел, других мемориальных сооружений, объектов и организация выставок, увековечивающих дни воинской славы России;

– иные направления деятельности, предусмотренные законодательством [1; с. 5–6].

Вместе с тем, в связи с выделением указанных направлений возникает ряд возражений. В частности, вряд ли можно считать обеспечение деятельности по патриотическому воспитанию направлением такой деятельности. То же самое касается «создания социальных, правовых, организационных условий». Требуется конкретизации используемый термин «духовно богатая личность». Кроме того, нравственные нормы не «формируются» у конкретных лиц, а носят общественный характер, личность может не сформировать нормы, а лишь солидаризироваться с ними. Непонятно также, как может «расширение содержания патриотического воспитания» быть направлением патриотического воспитания. Вызывает возражения и оборот «научно обоснованные достижения в области ... наук». Кроме того, смешаны собственно направления и инструменты их реализации. Забавным выглядит такое направление, как «организация праздничных салютов». Наконец, осуществление мониторинга является средством контроля за осуществлением патриотического воспитания, а не его направлением.

Несколько более обоснованно выделены направления патриотического воспитания в Законе Нижегородской области «О патриотическом воспитании граждан в Нижегородской области» от 01.08.2016 г. № 102-З. Среди этих направлений:

- 1) совершенствование нормативного правового обеспечения, научного и методического сопровождения системы патриотического воспитания;
- 2) развитие форм и методов работы по патриотическому воспитанию с учетом динамично меняющейся ситуации, возрастных особенностей граждан и необходимости активного межведомственного, межотраслевого взаимодействия и общественно-государственного партнерства;
- 3) развитие военно-патриотического воспитания граждан, повышение престижа военной службы и федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью, совершенствование подготовки граждан в Нижегородской области к службе в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации;
- 4) создание условий для развития волонтерского движения;
- 5) информационное обеспечение патриотического воспитания, создание условий для освещения событий и явлений патриотической направленности средствами массовой информации [2; с. 7–8].

Учитывая серьезные расхождения в выделении направлений патриотического воспитания в региональном законодательстве, неопределенность в выборе критериев выделения этих направлений, можно обратиться к тому, как эти направления уже выделяются на уровне правительств соответствующих регионов, и выделяются зачастую гораздо более обоснованно. Так, распоряжение Совета министров Республики Крым от 20.10.2016 г. № 1257-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации на территории Республики Крым государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 30.12.2015 г. № 1493» [3; 1–17] включает целый ряд мероприятий, которые объединены в разделы и подразделы. Полагаю, что эти разделы и подразделы, включающие группы соответствующих мероприятий, можно считать направлениями патриотического воспитания, что важно и в контексте реализации воспитательной функции права. Эти разделы и подразделы таковы:

1. Научно-исследовательское и научно-методическое сопровождение патриотического воспитания граждан

1.1. Исследования и разработка новых методик и проектов нормативных правовых документов в сфере патриотического воспитания.

1.2. Подготовка и повышение квалификации работников сферы патриотического воспитания.

1.3. Республиканские научные и научно-практические форумы и конференции, развитие экспертной поддержки патриотического воспитания.

2. Совершенствование форм и методов работы по патриотическому воспитанию граждан.

2.1. Мероприятия гражданско-патриотической направленности.

2.2. Мероприятия, направленные на повышение уважения граждан к символам России и выдающимся россиянам.

2.3. Мероприятия историко-патриотической направленности.

2.4. Мероприятия, посвященные памятным датам российской истории.

2.5. Мероприятия культурно-патриотической направленности, в том числе организация конкурсов и фестивалей.

3. Военно-патриотическое воспитание детей и молодежи, развитие практики шефства воинских частей над образовательными организациями.

3.1. Военно-патриотическое воспитание молодежи.

3.2. Мероприятия, направленные на развитие и поддержку российского казачества.

3.3. Мероприятия, направленные на совершенствование поисковой работы и благоустройство памятных мест и воинских захоронений.

3.4. Мероприятия спортивно-патриотической направленности.

4. Развитие волонтерского движения как важного элемента системы патриотического воспитания молодежи.

4.1. Мероприятия, направленные на поддержку инициатив общественных объединений и граждан по реализации волонтерских проектов и развитию системы гражданско-патриотического воспитания граждан Российской Федерации.

5. Информационное обеспечение патриотического воспитания граждан.

5.1. Создание фильмов, теле- и радиопередач, направленных на патриотическое воспитание граждан России.

5.2. Мероприятия, связанные с изданием материалов, направленных на развитие патриотического воспитания.

5.3. Информирование граждан о мероприятиях Программы в сети Интернет, реализация интернет-проектов патриотической направленности.

6. Организация участия ветеранов в мероприятиях патриотической направленности.

Итак, мы видим фактически направления патриотического воспитания, к тому же привязанные к конкретным мероприятиям и их группам.

Правовое воспитание в его различных направлениях следует сосредоточить на формировании в правосознании граждан России таких компонентов, как:

а) знание системы основных правовых предписаний, правильное понимание и уяснение их содержания и значения;

б) глубокое внутреннее уважение к праву, закону, законности и правопорядку;

в) умение самостоятельно применять правовые знания на практике;

г) привычка поведения в точном соответствии с полученными правовыми знаниями;

д) прочный и устойчивый духовный правовой иммунитет к совершению любых нарушений правовых норм [4; с. 48].

Результатом реализации воспитательной функции права является формирование личности, в том числе в ценностном плане, совершенствование ее мировоззрения, определение путей активного, деятельностного достижения личных целей. Одна из главных целей правового воспитания – выработка у гражданина здорового чувства права, прогрессивного юридического мировоззрения; подготовка социально активного члена общества, обладающего высокой не только правовой, но и общей культурой, высокой нравственностью и чувством патриотизма.

Литература:

1. Закон Московской области № 114/2015-ОЗ «О патриотическом воспитании в Московской области» от 25.06.2015 г. // [www.mosoblduma.ru / Zakoni Zakon_Moscovskoj_oblasti/ item/ 43103](http://www.mosoblduma.ru/Zakoni Zakon_Moscovskoj_oblasti/item/43103)
2. Закон Нижегородской области «О патриотическом воспитании граждан в Нижегородской области» от 01.08.2016 г. № 102-З // [http: docs.pravo.ru/ document/ view/ 85999938/ 98878061](http://docs.pravo.ru/document/view/85999938/98878061)
3. Распоряжение Совета министров Республики Крым от 20.10.2016 г. № 1257-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации на территории Республики Крым государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 30.12.2015г. № 1493» [http rk.gov.ru/ rus/ file/ pub_311122.pdf](http://rk.gov.ru/rus/file/pub_311122.pdf)
4. *Баранов П.П.* Актуальные проблемы теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания : учеб. пособие / П.П. Баранов, В.В. Русских. Ростов-на-Дону : СКАГС, 1999.
5. *Долгополов О.А.* Организация правового воспитания в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004.
6. *Медведев В.А.* Правовая культура российского общества: особенности и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.

Literature:

1. The law of Moscow region № 114/2015-OZ «About Patriotic education in Moscow region» from 25.06.2015 // [www.mosoblduma.ru / Zakoni Zakon_Moscovskoj_oblasti/ item/ 43103](http://www.mosoblduma.ru/Zakoni Zakon_Moscovskoj_oblasti/item/43103)
2. The law of Nizhny Novgorod region «About Patriotic education of citizens in Nizhny Novgorod region» from 01.08.2016, № 102-Z // [http: docs.pravo.ru/ document/ view/ 85999938/ 98878061](http://docs.pravo.ru/document/view/85999938/98878061)
3. The Council of Ministers of the Republic of Crimea of 20.10.2016, № 1257-R «On approval of action plan for implementation on the territory of the Republic of Crimea of the state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020», approved by decree of the Government of the Russian Federation from 30.12.2015 № 1493 // [http rk.gov.ru/ rus/ file/ pub_311122.pdf](http://rk.gov.ru/rus/file/pub_311122.pdf)
4. *Baranov P.P.* Actual problems of the theory of legal consciousness, legal culture and legal education: textbook / P.P. Baranov, V.V. Russkih. benefit. Rostov-on-don : SKAGS, 1999.
5. *Dolgoplov O.A.* the Organization of legal education in modern Russia : Avtoref. dis. ... Cand. the faculty of law. sciences'. Ryazan, 2004.
6. *Medvedev V.A.* Legal culture of Russian society: features and tendencies of development: Avtoref. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Kazan, 2004.

Григорьева Анна Германовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
Кубанский социально-экономический
институт
Grigoreva-AG@mail.ru

Леус Марианна Владимировна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры общетеоретических
и государственно-правовых дисциплин,
Кубанский социально-экономический
институт
marianna_leys@mail.ru

Сушкова Ирина Александровна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
Кубанский социально-экономический
институт
suskowa@mail.ru

СОГЛАСОВАНИЕ СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ ОТСУТСТВИЯ

■ ■ ■
Аннотация. в статье проанализирована категория «существенных условий» с точки зрения их влияния на судьбу договора, дана характеристика понятию «существенных условий», оценено его использование в законодательстве и в ходе преддоговорного урегулирования, затронуты вопросы содержания понятия «предмета договора» как его существенного условия и рассмотрены правовые последствия отсутствия соглашения по существенным условиям договора.

Ключевые слова: заключение договора, существенные условия, предмет договора, признание договора незаключенным.

■ ■ ■
Вопросы заключения договора всегда были многогранны и вызывали пристальный интерес и с практической, и теоретической точки зрения. Относительно простая схема, заложенная в конструкцию ст. 432 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1], включающая существенные условия договора и требуемую законом форму в качестве минимально необходимого состава для возникновения договорных отношений, всегда имела массу нюансов.

Во-первых, само определение существенных условий, как неоднократно отмечалось в литературе [2], является неоднозначным. Гражданский

Anna G. Grigorieva

candidate of historical sciences,
associate professor of civil law and process,
Kuban social and economic institute
Grigoreva-AG@mail.ru

Marianna V. Leus

candidate of historical sciences,
associate professor of general-theoretical
and state and legal disciplines,
Kuban social and economic institute
marianna_leys@mail.ru

Irina A. Sushkova

Candidate of Law Sciences,
associate professor of civil law and process,
Kuban social and economic institute
suskowa@mail.ru

COORDINATION OF ESSENTIAL CONDITIONS CONTRACTS AND LEGAL CONSEQUENCES OF THEIR ABSENCE

■ ■ ■
Annotation. The article analyzes the category of «material conditions» from the point of view of their influence on the fate of the treaty, describes the notion of «material conditions», estimates its use in legislation and pre-contract settlement, touches on the content of the concept of «subject matter» as its essential condition and examined legal consequences of the lack of agreement on the material terms of the contract.

Keywords: conclusion of the contract, essential conditions, subject of the contract, recognition of the contract as not concluded.

■ ■ ■
кодекс РФ называет в качестве такового условие о предмете, а также условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или, и условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (п. 1 ст. 432 ГК РФ).

При этом, к нашему сожалению, нельзя сказать, что сам законодатель формально и строго относиться к формулированию соответствующих условий для договоров отдельных видов. Так, словосочетание «существенные условия договора» во второй части Гражданского кодекса прямо употребляется всего в нескольких нормах– ста-

тях 489,558, 587, 842, 860.1. 942 ГК РФ. Только одна из указанных статей – 942 так и называется «Существенные условия договора страхования» и содержит полный перечень условий, по которым сторонами должно быть достигнуто соглашение. В остальных же присутствует лишь указание на обязательность включения в условия договора того или иного условия. При этом полный перечень существенных условий должен быть определен как минимум с учетом общей нормы 432 ГК РФ.

То есть формулирование условий, которые принято считать существенными для тех или иных договоров производится различными способами, часто требующими системного логического толкования. Так, статья 554 ГК РФ дает определение предмета в договоре продажи недвижимости, посредством описания данных, позволяющих определенно установить недвижимое имущество, подлежащее передаче покупателю. А, например, п. 3 ст. 455 ГК РФ предлагает следующую формулировку: «условие договора купли-продажи о товаре считается согласованным, если договор позволяет определить наименование и количество товара». При том, что даже не все правоведы готовы отождествлять условие о товаре в договоре купли-продажи с условием о предмете договора [3].

Даже сам термин «предмет» всегда порождает значительное количество споров и мнений. В свое время Г.Ф. Шершеневич обращал внимание на то, что «содержание договора, или, как неправильно выражается наш закон, предмет договора ... есть то юридическое последствие, на которое направлена согласная воля двух или более лиц» [4]. По мнению Д.И. Мейера, «предметом договора всегда представляется право на чужое действие» [5]. Следует отметить, что в ст. 1528 Свода законов гражданских (т. X, ч. I) дореволюционной России подчеркивалось, что «договор составляется по взаимному согласию договаривающихся лиц. Предметом его могут быть или имущества или действия» [6].

Анализируя современное видение проблемы, можно актуализировать, по нашему мнению, три основные позиции: 1) когда под предметом договора подразумеваются действия, которые должен совершить должник, и объект, на который эти действия направлены [7]; 2) О.С. Иоффе, М.И. Брагинский выделяют в договоре юридический объект – действия и материальный объект – вещь или иное благо, на которое направлено поведение [8]; 3) В.В. Витрянский считает, что действия (бездействия) являются предметом всякого гражданско-правового договора, и выделяет в ряде договоров сложный предмет, состоящий из нескольких объектов [9].

Полагаем справедливым мнение Е.Е. Шевченко, что в широком смысле «предметом» охватывается весь набор показателей того, по поводу чего заключается договор, юридически закрепляются его главные потребительские и стоимостные характеристики. В широком понимании оно включает в себя данные о предмете, как таковом, количественные и качественные его

характеристики, а по возмездным договорам, как правило, и цену [10]. А значит, определение предмета договора и оценка факта согласованности его сторонами на практике никогда не будет бесспорным.

Дополнительные сложности вызывает тот факт, что определение тех или иных условий в качестве существенных могут приносить стороны, так как рассмотренная уже норма статьи 432 ГК РФ дает им такую возможность. Насколько очевидным образом обозначат стороны важность для них определенных условий и их существенный характер, зависит только от них. В связи с чем, хочется посоветовать использовать на стадии преддоговорного урегулирования, тексте оферт, иной переписке терминологию, максимально отражающую действительную волю стороны по обязательному согласованию конкретного условия.

Неоднократно оценку спорных ситуаций в этой области давали суды. Пункт 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 отмечает: «Если в ходе переговоров одной из сторон предложено условие о цене или заявлено, о необходимости ее согласовать, то такое условие является существенным для этого договора (пункт 1 статьи 432 ГК РФ). Он не может считаться заключенным до тех пор, пока стороны не согласуют названное условие или сторона, предложившая условие о цене или заявившая о ее согласовании, не откажется от своего предложения» [11].

Основное негативное последствие отсутствия соглашения сторон по одному из существенных условий договора состоит в том, что такой договор может быть признан по требованию одной из сторон (или даже по инициативе суда) незаключенным.

Наиболее ярко общий подход судов при рассмотрении споров в отношении незаключенных договоров выражен в одном из судебных решений: «Вопрос о незаключенности договора ввиду неопределенности его предмета следует обсуждать до его исполнения, поскольку неопределенность этого условия может повлечь невозможность исполнения договора. Соответственно, в качестве обстоятельств, подтверждающих наличие или отсутствие согласования сторонами договора его существенных условий, и, в частности, предмета договора, могут выступать действия сторон, связанные с последующим исполнением договора (ст. 431 ГК РФ)». Как при этом пояснил суд, по общему правилу исполнение стороной обязательств по договору, выраженное в той или иной форме, подтверждает тот факт, что у стороны не возникает сомнений относительно наличия самого договора, а значит, и наличия предмета исполняемого обязательства [12].

В другом случае суд указал, что «незаключенный договор, равно как и недействительный, не влечет правовых последствий в виде возникновения у его сторон прав и обязанностей, предусмотренных договором» [13].

Вместе с тем анализ судебно-арбитражной практики свидетельствует о том, что возможность признания договора незаключенным в реальном имущественном обороте используется в основном недобросовестными должниками в целях защиты от требований кредиторов о применении мер договорной ответственности за нарушение обязательств [14, С. 134].

Этот недостаток правового регулирования был зафиксирован в Концепции, а в законопроекте, разработанном на основе Концепции, были предложены меры по его устранению. Концепция развития гражданского законодательства в п. 7.2 раздела «Общие положения о договоре. Заключение договора» [15, С. 121] предусматривала несколько направлений совершенствования законодательства в отношении незаключенности договора. Прежде всего, это касалось вопросов об установлении принципиальной возможности предъявления иска о признании договора незаключенным как самостоятельного средства правовой защиты.

Возможность признания договора незаключенным очень часто, в том числе и судебная практика, рассматривают как самостоятельный способ защиты прав и законных интересов и, соответственно, предмет спора. Сам вопрос о квалификации категории «признание договора незаключенным» в качестве способа защиты прав непосредственно связан с наличием факта нарушения права как такового. По мнению М.А. Егоровой, незаключенный договор, будучи расцененным в качестве несуществующей сделки, не может приводить к возникновению, изменению или прекращению прав и обязанностей у его сторон. Отсутствие юридического существования прав логически делает невозможной и их защиту [16, С. 34–36].

На практике не исключены ситуации, когда требование о признании договора незаключенным может быть предъявлено до момента начала исполнения по такому договору.

Полагаем совершенно справедливым мнение А.Я. Курбатова, что такой подход является принципиальной ошибкой. Признание договора неза-

ключенным не является самостоятельным способом защиты. Неслучайно такое требование отсутствует в перечне способов защиты, предусмотренном в ст. 12 ГК, а также не упоминается в качестве такового в иных законах. Признание договора незаключенным – это возможность для суда выйти из правового тупика в тех случаях, когда он не может установить, о чем договорились стороны. Соответственно, это делается судом по своей инициативе в рамках разрешения спора, возникшего из договора. Решение этого вопроса носит промежуточный характер и относится к категории правовой оценки доказательств и квалификации юридических фактов. Отсюда также следует, что никаких отдельных процессуальных особенностей у порядка применения этой меры быть не может [17, С. 60–65].

Однако велика вероятность, что признание договора незаключенным именно как способа защиты очень скоро будет закреплено на законодательном уровне. На рассмотрении Государственной Думы находится проект Федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», включающий, в том числе статью 446.1. – «Оспаривание заключенного договора». Согласно п. 1 указанной статьи «Договор, при заключении которого сторонами не было достигнуто соглашение по условиям, определяющим предмет договора, признается судом по требованию одной из сторон договора незаключенным». В этой же норме содержится отсылка к правилам о неосновательном обогащении для отношений, связанных с исполнением этого договора, в случае признания его судом незаключенным [18].

Таким образом, при общей теоретической сомнительности подобного рода правового явления, можно согласиться с тем, что следование законодателя за веяниями судебной практики является оправданным и появление нормативной базы по проблемным вопросам позволит избежать участникам оборота ряда спорных ситуаций.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СПС КонсультантПлюс, 2018.

2. Брагинский М.И. Договорное право. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М. : Статут, 1997. С. 254–255 и др.; Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М. : Статут, 2016. 431 с.; Шевченко Е.Е. Заключение гражданско-правовых договоров: проблемы теории и судебно-арбитражной практики. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 66.

3. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М. : Статут, 2016. 431 с.

Literature:

1. The civil code of the Russian Federation (part one) from 11/30/1994 N 51-FZ (an edition from 12/29/2017) // Union of Right Forces Consultant-Plus, 2018.

2. *Braginsky M.I.* Contract law. General provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. M. : Statute, 1997. Page 254–255, etc.; Vitryansky V.V. Reform of the Russian civil legislation: intermediate results. M. : Statute, 2016. 431 p.; Shevchenko E.E. Conclusion of civil contracts: problems of the theory and judicial and arbitration practice. M. : Infotropik Media, 2012. P. 66.

3. *Vitryansky V.V.* Reform of the Russian civil legislation: intermediate results. M. : Statute, 2016. 431 pages.

4. *Цит. по: Брагинский М.И.* Договорное право: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М. : Статут, 1998. С. 10.
5. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Ч. 2. М., 1997. С. 161.
6. *Брагинский М.И.* Договорное право. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М. : Статут, 1997. С. 117.
7. *Гавзе Ф.И.* Обязательственное право (общие положения). Минск, 1968. С. 26.; Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М. : Статут, 2015. С. 30.
8. Советское гражданское право / Под ред. О.С. Иоффе, Ю.К. Толстого, Б.Б. Черепыхина. Т. 1. Л. : Изд-во ЛГУ, 1971. С. 168–172; Брагинский М.И. Общее учение о хозяйственных договорах. Минск : Наука и техника, 1967. С. 138–139.
9. *Витрянский В.В.* Существенные условия договора в отечественной цивилистике и правоприменительной практике // Вестник ВАС РФ. 2002. N 6. С. 78–79.
10. *Шевченко Е.Е.* Заключение гражданско-правовых договоров: проблемы теории и судебно-арбитражной практики. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 68.
11. Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 // СПС Консультант Плюс, 2018.
12. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 октября 2012 г. N 18АП-9086/2012 по делу N А07-2212/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 сентября 2009 г. по делу N А66-6790/2006 // СПС «КонсультантПлюс».
14. *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М. : Статут, 2016. С.134.
15. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А.Л. Маковского. М. : Статут, 2009. С. 121.
16. *Егорова М.А.* Признание договора незаключенным как способ защиты гражданских прав // Гражданское право. 2014. N 3. С. 34–36.
17. *Курбатов А.Я.* Признание договоров незаключенными как следствие невосполнимости и их существенных условий // Цивилист. 2011. N 3. С. 60–65.
18. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект Фе-
4. *Tsit. on: Braginsky M.I.* Contract law: General provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. M. : Statute, 1998. P. 10.
5. *Meyer D.I.* Russian civil law. P. 2. M., 1997. P. 161.
6. *Braginsky M.I.* Contract law. General provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. M. : Statute, 1997. P. 117.
7. *Gavze F.I.* Liability law (general provisions). Minsk, 1968. P. 26.; Ukrainians of V. A. General provisions on obligations: manual. M. : Statute, 2015. P. 30.
8. The Soviet civil law / Under the editorship of O.S. Ioffe, Yu.K. Tolstoy, B.B. Cherepykhin. T. 1. L. : LIE publishing house, 1971. P. 168–172; Braginsky M.I. The general doctrine about economic contracts. Minsk : Science and technology, 1967. P. 138–139.
9. *Vitryansky V.V.* Essential terms of the contract in domestic civil law and law-enforcement practice//the Bulletin of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation. 2002. N 6. Page 78–79.
10. *Shevchenko E.E.* Conclusion of civil contracts: problems of the theory and judicial and arbitration practice. M. : Infotropik Media, 2012. P. 68.
11. The review of jurisprudence on the disputes connected with recognition of contracts un concluded: Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation from 2/25/2014 № 165 // Union of Right Forces Consultant Plus, 2018.
12. The resolution of the Eighteenth arbitration Court of Appeal of October 1, 2012 N 18AP-9086/2012 in the matter of N A07-2212/2012 // Union of Right Forces ConsultantPlus.
13. The resolution of the Fourteenth arbitration Court of Appeal of September 2, 2009 in the matter of N A66-6790/2006 // Union of Right Forces ConsultantPlus.
14. *Vitryansky V.V.* Reform of the Russian civil legislation: intermediate results. M. : Statute, 2016. P. 134.
15. Concept of development of the civil legislation of the Russian Federation / вступ. Art. of A.L. Makovskiy. M. : Statute, 2009. P. 121.
16. *Egorova M.A.* Recognition of the contract un concluded as way of protection of the civil rights // Civil law. 2014. N 3. Page 34–36.
17. *Kurbatov A.Ya.* Recognition of contracts un concluded as a result of irretrievability and their essential conditions // the Civilian. 2011. N 3. P. 60–65.
18. About modification of parts the first, the second, third and fourth the Civil code of the Russian Federation and also in separate acts Russian Federat ii: proyekt of the Federal law N 47538-6 (the edition

дерального закона N 47538-6 (ред., принятая ГД
ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // СПС Консультант-
Плюс, 2018.

accepted by the State Duma of Federal Assembly of
the Russian Federation in the I reading 4/27/2012) //
Union of Right Forces ConsultantPlus, 2018.

Делегеоз Елена Геннадьевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета
delegeozy@yandex.ru

Helen G. Delegeoz

candidate of history,
associate Professor of Civil law Department,
East-Siberian branch
Russian state University of justice
delegeozy@yandex.ru

РАССМОТРЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ ПРИМИРИТЕЛЬНОЙ КОМИССИЕЙ

CONSIDERATION OF COLLECTIVE LABOUR DISPUTES BY THE CONCILIATION COMMISSION

Аннотация. В статье рассматривается процедура рассмотрения коллективного трудового спора примирительной комиссией. Обозначены признаки коллективного трудового спора и момент его возникновения. Автором проведен анализ правового статуса примирительной комиссии и ее членов. Рассмотрен порядок работы примирительной комиссии на уровне организации (предприятия). Представлен перечень гарантий, предусмотренных для участников коллективного трудового спора, и их нормативное закрепление. Также рассматривается вопрос ответственности сторон при уклонении от рассмотрения спора примирительной комиссией и применения мер по защите интересов сторон возникшего коллективного трудового спора.

Annotation. The article deals with the procedure of consideration of a collective labor dispute by the conciliation Commission. Signs of collective labor dispute and the moment of its occurrence are designated. The author analyzes the legal status of the conciliation Commission and its members. The order of work of the conciliation Commission at the level of the organization (enterprise) is considered. The list of guarantees provided for participants of collective labor dispute and their normative consolidation is presented. The issue of liability of the parties in case of avoidance of the dispute by the conciliation Commission and the application of measures to protect the interests of the parties to the collective labor dispute is also considered.

Ключевые слова: примирительная комиссия, коллективный трудовой спор, работники, работодатель, представительный орган работников, собрание работодателей.

Keywords: conciliation commission, collective labor dispute, employees, employer, representative body of employees, employers' meeting.

В статье 37 Конституции РФ предусмотрены не только индивидуальные, но коллективные споры в трудовых правоотношениях [1]. Данное право реализуется в соответствии с нормами федерального законодательства. Законодательное определение в ст. 398 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) термина коллективный трудовой спор позволяет выделить его отличительные признаки [7, с. 22]:

в случае невозможности урегулирования споров. Не считается коллективным трудовым спором несогласие одной из сторон (работодателя или работников) с решением органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации об установлении минимума необходимых работ (услуг) организации (филиала, представительства), которые провели забастовку. Незаконная забастовка также не относится к коллективным трудовым спорам. День начала коллективного трудового спора является дата сообщения или не предоставления в соответствии со статьей 400 Трудового кодекса работодателем (его представителем) решения об отклонении всех или части требований работников (их представителей) [7, с. 22]. Поэтому перед созданием примирительной комиссии сторонам необходимо выяснить относится ли разногласия к коллективному трудовому спору.

- сторонами спора являются работники (их представители) и работодатели (их представители);
- предмет спора – установление и изменение условий труда (включая заработную плату), заключение, изменение и выполнение коллективных договоров, соглашений, а также отказ работодателя учесть мнение выборного представительного органа работников при принятии локальных нормативных актов;
- работники (их представители) должны заявить о своих требованиях либо провести коллективные переговоры.

Примирительная комиссия – это временный орган по рассмотрению коллективного трудового спора. Она рассматривает коллективные трудовые споры по поводу установления и изменения условий труда, включая заработную плату, заключения, изменения и выполнения коллективного договора, соглашений, а также в связи с

Разногласия между сторонами не всегда образуют коллективный трудовой спор. Он возникает

отказом работодателя учесть мнение выборного, представительного органа работников при принятии актов, содержащих нормы трудового права, в организациях. Рассмотрение коллективного трудового спора в комиссии по примирению является обязательным этапом на период рассмотрения коллективного трудового спора и, по сути, является первым и обязательным этапом его урегулирования. Примирительную комиссию формируют представители сторон коллективного трудового спора на равных правах [5, с. 106]. Срок формирования комиссии зависит от уровня социального партнерства. Если коллективный спор между работодателем и работниками (локальный уровень социального партнерства), согласительная комиссия создается в срок до 2 рабочих дней с момента начала коллективного трудового спора. Если спор выходит за рамки местного уровня (происходит на обоих уровнях социального партнерства), период создания согласительной комиссии продлевается до 3 дней с момента начала коллективного трудового спора. Моментом начала коллективного трудового спора считается [7, с. 23]:

- на уровне организации – день письменного сообщения решения работодателя (его представителя) об отклонении всех или части требований работников (их представителей) или несообщение работодателем (его представителем) по истечении 3 рабочих дней со дня получения требований работников своего решения, а также дата составления протокола разногласий в ходе коллективных переговоров по заключению или изменению коллективного договора;
- на уровне выше организации – день письменного сообщения решения представителей работодателей (объединений работодателей) об отклонении всех или части требований профессиональных союзов (их объединений) или несообщение представителями работодателей (объединений работодателей) по истечении 1 мес. со дня получения требований от профессиональных союзов (их объединений) своего решения, а также дата составления протокола разногласий в ходе коллективных переговоров по заключению или изменению соглашения. Примирительная комиссия является отправной точкой в решении коллективного трудового спора, регламентированная трудовым законодательством. Правовую основу примирительной комиссии составляют такие нормативные акты как Конституция РФ, Трудовой кодекс РФ, Рекомендации МОТ об организации работы по рассмотрению коллективного трудового спора примирительной комиссией.

При направлении требования работодателю или его представителям, дату отправки следует отражать в журнале или в других формах регистрации документов, так же можно поставить подпись на втором экземпляре документов. Работодатель обязан уведомить представительный орган работников в письменной форме о принятом решении в течение 3 рабочих дней с даты получения требований. Интересы работников в области рассмотрения коллективных трудовых споров между работниками и работодателями

представляют первичная профсоюзная организация или иные представители, избираемые работниками. Представителем работодателя при рассмотрении трудовых споров между работниками и работодателями, является руководитель организации или уполномоченные им лица в соответствии с законодательством Российской Федерации, учредительными документами, локальными нормативными правовыми актами. Интересы работодателей представляют соответствующие объединения работодателей.

Примирительная комиссия состоит из 2–5 человек от каждой стороны спора, количество определяется исходя из сложности и уровня коллективного трудового спора. Все члены комиссии должны быть ознакомлены с вопросом спора и быть способными найти решение. Создание комиссии осуществляется совместным документом, подписанным обеими сторонами спора. При этом регламент работы примирительной комиссии устанавливается самой комиссией [9, с. 210]. В ходе рассмотрения коллективного трудового спора сторонам следует представить членам комиссии материалы и документы, необходимые для обсуждения всех возможных вариантов разрешения коллективного трудового спора. Решение примирительной комиссии, принятое с согласия сторон, заносится в протокол заседания комиссии по рассмотрению коллективного трудового спора с участием представителей сторон и подписывается представителями сторон и членами комиссии. Протокол, является обязательным документом при рассмотрении коллективного трудового спора. Он закрепляет конкретные договоренности о том, что спор разрешен. Если при рассмотрении коллективного трудового спора в примирительной комиссии было принято решение лишь по некоторым вопросам или не достигнуто вовсе, составляется протокол разногласий, а также сторонами составляется акт, в котором должны быть отражены дальнейшие намерения одной из сторон (например, приглашение посредника или создание трудового арбитража). Члены примирительной комиссии на время участия в разрешении коллективного трудового спора освобождаются от основной работы с сохранением среднего заработка на срок не более 3 мес. в течение 1 года. Отдельные работники могут неоднократно привлекаться к рассмотрению споров в составе примирительных комиссий. При этом общая продолжительность их участия в разрешении коллективных трудовых споров не должна превышать 3 мес. в году. Члены примирительной комиссии имеют право [10, с. 266]:

- запрашивать и получать от сторон необходимые документы и сведения по существу коллективного трудового спора;
- при необходимости проводить совместные или отдельные заседания сторон в период рассмотрения спора;
- предлагать собственные возможные варианты разрешения конфликта;
- подписывать решения, принятые сторонами спора при их участии.

Срок рассмотрения примирительной комиссией коллективного спора зависит от уровня социального партнерства. В случае локального коллективного трудового спора примирительная комиссия обязана рассмотреть его в течение трех рабочих дней с даты учреждения комиссии. Другие уровни социального партнерства обязывают примирительную комиссию рассмотреть спор в течение 5 рабочих дней. Также стороны коллективного трудового спора не имеют права уклоняться от создания примирительной комиссии и участия в ее работе. Кроме того, работодатель должен создать необходимые условия для работы примирительной комиссии:

- предоставить помещение для заседаний комиссии, оборудованное соответствующим образом (отопление, освещение, средства связи и оргтехника);
- информационное обеспечение, необходимое для рассмотрения выдвинутых работниками требований;
- гарантии членам примирительной комиссии не ниже тех, что предусмотрены законом.

На основании ст. 401 Трудового кодекса, ни одна из сторон коллективного трудового спора не имеет права уклоняться от участия в примирительных процедурах. Кроме того, стороны коллективного трудового спора не имеют права, уклоняться от создания примирительной комиссии и участия в ее работе. Кроме того, работодатель обязан создавать необходимые условия для работы комиссии. В статье 416 Трудового кодекса сказано, что представители работодателя, при уклонении от получения требований работников и участия в примирительных процедурах, в том числе, предоставления помещения для проведения собрания по выдвижению требований, объявлению забастовки или отказа в его (ее) поведении могут быть привлечены к административной ответственности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях [9, с. 210].

Решение, принятое на заседании комиссии не должно ухудшать положение работников, установленное законодательством РФ. Если такой факт имеется, то решение подлежит отмене или

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 05.02.2018). Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

обжалованию в судебном порядке. Соглашение, составленное сторонами на заседании примирительной комиссии является по своей сути сделкой, заключенной между сторонами, это позволяет реализовать права работников в приказном порядке.

В случае уклонения работодателя или его представителя от получения требований работников и от участия в примирительной процедуре, в том числе предоставления помещения для проведения собрания работников с целью выставить требования или блокирования выполнения такого собрания, влечет наложение административного штрафа в размере от 1000 до 3 000 рублей (ст. 5.32 КоАП РФ). В случае если работодатель отказался от участия в создании или работе примирительной комиссии, другая сторона коллективного трудового спора имеет право потребовать проведения переговоров по урегулированию коллективного трудового спора с участием посредника не позднее следующего рабочего дня после дня предъявления указанного требования. В случае уклонения работодателя или его представителей от примирительной процедуры, представительный орган работников вправе обратиться в трудовой арбитраж для урегулирования коллективного трудового спора. В судебной практике много примеров того, что при уклонении работодателя или его представителей от процедуры примирения или от принятого на такой процедуре решения, такие иски подлежат удовлетворению. Например, решение Пушкинского городского суда по делу 2-1292/2014, решение Углергского городского суда по делу 2-208/2014 [3;4].

Исходя из выше сказанного следует, что рассмотрение коллективного трудового спора примирительной комиссией является первоначальным и обязательным этапом в восстановлении нарушенных прав работников. Законодатель дает возможность сторонам урегулировать конфликт во внесудебном порядке. Возможно, это обуславливается загруженностью судов или в предоставлении возможности сторонам самостоятельно, без вмешательства государства восстановить нарушенные права, тем самым прививать работникам и работодателям тягу к изучению и соблюдению закона, повышая правовую культуру.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, taking into account the amendments of 30.12.2008 № 6-FKZ, from 30.12.2008 № 7-FKZ, from 05.02.2014 № 2-FKZ, from 21.07.2014 № 11-FCL). Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. St. 4398.
2. The labour Code of the Russian Federation from 30.12.2001 № 197-FZ (as amended on 05.02.2018). Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (part 1). St. 3.

3. Решение Пушкинского городского суда по делу 2-1292/2014 [электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/law/> (Дата обращения 14.03.2018 г.).
4. Решение Углегорского городского суда по делу 2-208/2014 [электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/law/> (Дата обращения 14.03.2018 г.).
5. *Коропятник П.А.* Этапы разрешения коллективных трудовых споров в Российской Федерации / П.А. Коропятник, А.С. Тимохина // Наука сегодня: задачи и пути их решения. 2017. С. 106–107.
6. *Крапивина Г.М.* Защита прав работников и работодателей: уклонение от участия в примирительных процедурах // Отечественная юриспруденция. 2017. № 1 (15). С. 23–25.
7. *Семенихин В.В.* Рассмотрение коллективного трудового спора примирительной комиссией // Бухгалтер и закон. 2013. № 2. С. 22–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rassmotrenie-kollektivnogo-trudovogo-spora-primiritelnoy-komissiyey> (дата обращения: 21.04.2018).
8. *Филиппова И.А.* Рассмотрение трудовых споров в России, Казахстане, Франции и Германии // Государство и право. 2016. № 4 (73). С. 93–96.
9. *Шароватова С.С.* Понятие трудовых споров и порядок их разрешения // Правовое регулирование деятельности хозяйствующего субъекта: Материалы 13-й международной научно-практической конференции (Ответственный редактор: А.А. Павлушина). 2014. С. 209–212.
10. *Янкин Г.Н.* Особенности разрешения коллективных трудовых споров // Аллея науки. 2016. № 4. С. 265–277.
3. Decision Pushkin city court in the case 2-1292 / 2014 [electronic resource]. URL: <https://rospravosudie.com/law/> (circulation date 14.03.2018).
4. Uglegorsk city court decision in the case 2-208 / 2014 [electronic resource]. URL: <https://rospravosudie.com/law/> (circulation date 14.03.2018).
5. *Koropatnyk P.A.* Steps to resolve collective labor disputes in the Russian Federation / P.A. Kuropyatnik, A.S. Timokhina // Science today: challenges and solutions. 2017. P. 106–107.
6. *Krapivin G.M.* protection of the rights of employees and employers: increased evasion from participation in reconciliatory procedures // Domestic law. 2017. № 1 (15). P. 23–25.
7. *Semenikhin V.V.* Consideration of collective labor dispute conciliation Commission // Accountant and law. 2013. № 2. P. 22-24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rassmotrenie-kollektivnogo-trudovogospora-primiritelnoy-komissiyey> (date accessed: 21.04.2018).
8. *Filippova I.A.* consideration of labor disputes in Russia, Kazakhstan, France and Germany // State and law. 2016. № 4 (73). P. 93–96.
9. *Sharovатов S.S.* Concept of labor disputes and the procedure for their resolution // Legal regulation of the economic entity: Materials of the 13th international scientific and practical conference (Executive editor: A.A. Pavlushina). 2014. P. 209–212.
10. *Yankin G.N.* Especially the permission of collective labour disputes // walk of science. 2016. № 4. P. 265–277.

Жинкин Сергей Алексеевич

доктор юридических наук,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

Sergey A. Zhinkin

doctor of law head of the Department
of theory and the history of the state and law,
Kuban state University
Milena.555@mail.ru

О ЦЕЛЯХ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ABOUT THE PURPOSES OF LEGAL INFLUENCE IN MODERN RUSSIA

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы определения целей правового воздействия в современной России. Важнейшие из этих целей связаны с формированием личности, развитием ее правовой культуры, социально-правовой активности, социально значимых качеств.

Ключевые слова: правовое воздействие, цели, личность.

Annotation. The article deals with some topical issues of definition of the purposes of legal influence in modern Russia. The most important of these goals are associated with the formation of the individual, the development of its legal culture, social and legal activity, socially significant qualities.

Keywords: legal impact, goals, personality

Сегодня отечественные ученые говорят о том, что сущность права имеет множество проявлений и может быть множество путей ее постижения [6, с. 5], а современная российская теория права должна работать над концепцией, которая объясняла бы право как многогранный, но единый феномен, существующий на разных социальных уровнях и в разных сферах. Поэтому правовое воздействие, его цели, пути его оптимизации должны изучаться с позиций не только воздействия государства, государственной политики и ее ориентиров, но и с точки зрения личностной, мировоззренческой, ценностной.

Формулирование целей правового воздействия должно подчиняться определенным критериям. Цели должны не только касаться успешного развития общества, его экономической и политической сфер, государства и его политики, но и содействовать развитию личности посредством права, развитию способностей человека и его социально значимой активности. Фактически это и есть главные цели, для реализации которых необходимо осуществлять правовое воздействие на социальную жизнь.

Если попытаться дать краткое определение, то цель правового воздействия – это тот результат, к которому стремятся органы государства и институты гражданского общества в ходе регламентации поведения личности и отношений в различных сферах общественной жизни. Эти результаты могут носить измеримый либо неизмеримый характер.

Проведем классификацию целей правового воздействия.

Прежде всего, эти цели могут быть разделены на социальные, связанные с общесоциальными, неюридическими результатами правового регулирования (экономическими, политическими, культурными) и собственно-юридические. Первые связаны с изменениями в социальной жизни, вторые – с правомерным поведением субъектов права.

Среди социальных целей следует выделить наиболее важные на современном этапе исторического развития, их можно было бы назвать «стратегическими». «Стратегические» социальные цели – это, например, гармоничность общественной жизни, снижение уровня неконструктивной социальной конфликтности при сохранении конструктивной конкурентной среды, оптимизация системы общественных отношений.

Развитие личности, как нам представляется, выступает главной целью правового воздействия на современном этапе развития российской правовой системы. В этом плане заслуживает поддержки и дальнейшей разработки трактовка сущности права как нормативного и институционального механизма (средства) защиты личности, ее собственности, достоинства и свободы от произвола любого другого индивида, общества или государства.

В отечественной литературе ценность права иногда рассматривают в соотношении с личностью, ее развитием и социально значимой деятельностью. В частности, указывается, что свободные индивиды – «материя», носители, суть и смысл права и государства. Там, где отрицается свободная индивидуальность, личность, право-

вое и государственное значение физического лица, там нет и не может быть права и государства, действительно правовых норм и отношений в социальной жизни людей [4, с. 43–44]. Важнейшая социальная цель правового воздействия в этом контексте – осуществление конструктивной самореализации личности, развитие ее способностей в социально полезных формах, предоставление ей возможности для социально полезной деятельности.

Логически вытекающей из этого социальной целью правового воздействия, важным критерием его эффективности, как представляется, является именно развитие социально полезной деятельности.

Социально полезная деятельность в своем правовом преломлении «выражается в правильном выборе юридических средств, их умелом использовании, преодолении возможных противоречий, коллизий между правовыми средствами в процессе осуществления правомочий в сфере диспозитивного регулирования. Специальные юридические действия в составе правовой активности выражаются нередко в институционных правовых формах и установлениях (договоры и специальные протоколы, соглашения по их реализации, письменные формы и условия сделок, юридически оформленные кредитные отношения, жалобы и заявления и др.), которые являются в этом качестве средствами автономного, индивидуального регулирования» [8, с. 15].

Стимулирование общественно полезной деятельности и ее введение в определенные рамки целесообразно было бы назвать «социально-поведенческой» целью правового воздействия.

Другой социальной целью правового воздействия, на мой взгляд, является рационализация правовой жизни и социальной жизни вообще, из чего вытекает требование рационализации и оптимизации социальных процессов, и в первую очередь юридической деятельности, юридических процедур и отношений. Естественно, должны быть выработаны четкие критерии такой «рационализации» и «оптимизации».

Еще одна актуальная для сегодняшнего дня социальная цель правового воздействия – достижение и обеспечение общественного баланса, в том числе баланса общественных, государственных, групповых и индивидуальных интересов. Еще в советской литературе отмечалось, что основная цель социального регулирования – добиться соответствия между поведением личности и действиями людей, их интересами, целями и задачами, вытекающими из наличествующих в данном обществе объективных закономерностей [5, с. 20]. Это особенно важно в связи с теми кардинальными социальными изменениями, которые происходят в современной России и на которые влияют как глобальные, так и внутренние факторы.

По мнению В.А. Четвернина, полезным для любой системы, в том числе социальной, является то, что делает ее более устойчивой и конкурен-

тоспособной. Что касается социальных систем, то для них полезными и целесообразными являются те формы жизнедеятельности, которые позволяют максимально удовлетворять потребности максимального числа отдельных членов общества при минимальных затратах [9, с. 64]. Полагаю, повышение устойчивости и конкурентоспособности общества, максимальное удовлетворение социальных потребностей можно рассматривать как значимые цели правового воздействия.

Следующая социальная цель правового воздействия – обеспечение эффективного участия граждан в управлении государством, в государственных и общественных делах, что в целом преломляется в эффективную регламентацию взаимодействия личности, общества и государства посредством правовых инструментов.

В контексте необходимости обеспечения эффективного взаимодействия личности, общества и государства, права, некоторые авторы упоминают о так называемой интерактивной политике. Так, Л.Е. Лаптева указывает, что интерактивная политика соответствует этапу развитого гражданского общества, представляющего собой сферу организованного экономического, политического и идеологического плюрализма. Существующая организация власти и управления осознается и воспринимается обществом, прежде всего как средство достижения вытекающих в его недрах целей, что декларируется в документах конституционного типа [1, с. 80].

В любом случае следует учитывать, что какие бы теории мы не использовали, во всех концептуальных подходах преобладает общая идея о движении к большей свободе личности, более высокой степени саморегуляции человеческого поведения, меньшей зависимости от унитарных государственных или социально-культурных норм [10, с. 5]. Обеспечение действенного взаимодействия государства с его правовым воздействием и гражданского общества с его саморегулирующими началами нуждается в связи с этим как в научном осмыслении, так и в практическом преломлении в современном российском законодательстве.

В зависимости от особенностей развития общества и задач государства и права на соответствующем историческом этапе можно выделять и другие более частные социальные цели правового воздействия в современной России.

Перейдем к рассмотрению специально-юридических целей правового воздействия.

К специально-юридическим целям относятся юридическое нормирование поведения людей и социальных процессов, упорядочение общественных отношений, установление и реализация субъектами своих субъективных прав и исполнение юридических обязанностей. При этом необходимо, во-первых, чтобы реализация субъективных прав не превращалась в злоупотребление правом, а, во-вторых, чтобы обязанности исполнялись в надлежащем виде, в стро-

гом соответствии с законодательством федерального и регионального уровней.

При этом, одной из важных юридических целей правового воздействия в современной России является, на мой взгляд, формирование системы юридически значимого саморегулирования, достижение сбалансированности между правовым воздействием и саморегулированием гражданского общества.

В современных условиях следует поддержать тезис о том, что концепция правовой упорядоченности общественных отношений должна предусматривать определенный простор для самоорганизационных правовых начал, складывающихся в обществе под воздействием социально-правовой активности личности и преимущественно воспроизводящихся правовых обычаев и традиций российского общества [3, с. 9–10].

Представляется целесообразным в этом контексте концептуально осмыслить и нормативно разработать такой аспект правового воздействия, как установление правовых рамок саморегулирования. Саморегулирование «существует не изолированно, а в общем контексте средств воздействия на общественные и иные процессы – государственного, международно-правового, смешанного, стихийного. Поэтому поиск условий, сфер, содержания и пределов саморегулирования должен избегать как чрезмерной централизации и бюрократического вмешательства в дела организаций, так и сепаратизма, патологии независимости в корпоративных интересах. На разных уровнях и в различных сферах экономической, социальной и иной жизни формы и степень саморегулирования бывают неодинаковы. Отсюда и различная мера его сочетания с государственными актами, программами и другими «внешними» регуляторами» [7, с. 95].

Важнейшее направление совершенствования правового воздействия и его важная, но недо-

Литература:

1. *Лаптева Л.Е.* К вопросу о построении моделей взаимоотношения между обществом и государством // *Право и общество: от конфликта к консенсусу.* СПб., 2004.
2. *Меленчук И.С.* Государственная власть и личность. Автореф. дисс. канд. юрид.наук. Ростов-на-Дону, 2006.
3. *Пакус О.М.* Юридические технологии обеспечения российского национального правопорядка. Автореф. на соиск. уч. степ.канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2006.
4. *Право и культура.* М., 2009.
5. *Ручка А.А.* Социальные ценности и нормы. Киев, 1976.
6. *Самигуллин В.К.* Право и неправое. // *Государство и право.* 2002. № 3.
7. *Тихомиров Ю.А.* Право и саморегулирование // *Журнал российского права.* 2005. № 9.

статочно обсуждаемая и недооцененная цель – обеспечение эффективного правового, в том числе воспитательного, ценностного, воздействия на сами органы государственной власти. Ведь именно правовая концептуализация государственной власти «характеризует последнюю в качестве универсально-регулятивного средства обеспечения единства, целостности и органичного функционирования российского общества; упорядочения общественных отношений, а также главного гаранта защиты прав, свобод и законных интересов российских граждан» [2, с. 13]. Эффективность правового воздействия на органы государственной власти должна стать предметом отдельных научных исследований.

Классификации целей правового воздействия в современной России, на мой взгляд, могут быть проведены и по другим основаниям, например:

- 1) По территории действия: на глобальные, государственные, региональные, локальные.
- 2) По времени действия: на постоянные, временные и чрезвычайные.
- 3) По действию по кругу лиц: на касающиеся деятельности всего общества, социальных групп либо отдельных государственных органов, должностных лиц и организаций.

Итак, верное определение целей правового воздействия является не только предпосылкой его оптимизации, но и важным фактором развития юридической науки и практики. Без определения таких целей правовое воздействие на современном историческом этапе будет осуществляться хаотично, «вслепую». Кроме того, необходима координация этих целей с ориентирами формирования личности, потребностями развития общества и его различных сфер, с задачами государственной политики в современной России.

Literature:

1. *Lapteva L.E.* On the issue of building models of relations between society and the state // *Law and society: from conflict to consensus.* SPb., 2004.
2. *Melenchuk I.S.* State power and personality. Abstract. Diss. kand. the faculty of law.sciences'. Rostov-on-don, 2006.
3. *Pakus O.M.* Legal technologies of ensuring the Russian national law and order. Abstract. on competition of a scientific degree. Uch step.kand. Jus. sciences'. Rostov-on-don, 2006.
4. *Law and culture.* M., 2009.
5. *Ruchka A.A.* Social values and norms. Kyiv, 1976.
6. *Samigullin V.K.* Right and wrong. // *State and law.* 2002. № 3.
7. *Tikhomirov Yu.A.* Law and self-regulation // *Journal of Russian law.* 2005. № 9.

8. Турбова Я.В. Правосознание в структуре юридической деятельности. Автореф. дисс. канд. юриднаук. СПб., 2000.

9. Четвернин В.А. Общество и государство: либертарно-юридическая интерпретация // Право и общество: от конфликта к консенсусу. СПб., 2004.

10. Ядов В. Личность в условиях модернизации // Человек. 1991. № 3.

8. *Turbova Ya.V.* legal Consciousness in the structure of legal activity. Abstract.Diss.kand.ridnaun. SPb., 2000.

9. *Chetvernin V.A.* Society and state: liberal-legal interpretation // Law and society: from conflict to consensus. SPb., 2004.

10. *Yadov V.* Personality in the conditions of modernization // Chelovek. 1991. № 3.

Исаков Владислав Сергеевич

студент 3-го курса
юридического факультета,
Алтайский государственный университет
vladislav.isakov.97@mail.ru

Шушакова Екатерина Альбертовна

студент 3-го курса
юридического факультета,
Алтайский государственный университет
kate.2319@yandex.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И РАВЕНСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В данной статье анализируются понятия «справедливость» и «равенство» в контексте основополагающих принципов уголовного процесса. С помощью примеров из судебной практики авторами было установлено, что данные нравственно-правовые категории оказывают существенное влияние на результаты правоприменительной деятельности. Авторами подчеркнута важность решения задачи по определению места анализируемых понятий в системе принципов уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: справедливость, равенство, уголовное судопроизводство, приговор, суд, следователь, следственные действия, уголовно-процессуальная деятельность, уголовная ответственность.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в главе 2 предусматривает основные принципы уголовного судопроизводства [1]. Главное их назначение заключается в том, что они определяют смысл и основное содержание уголовно-процессуальной деятельности. Однако, несмотря на количественное и качественное содержание всех перечисленных в УПК РФ принципов, не хватает таких, которые бы наиболее полно позволили достичь решения задач, стоящих перед отечественным уголовным процессом. Речь идёт, прежде всего, о принципах равенства и справедливости.

Рассмотрим понятие «справедливость» через призму уголовно-процессуальной деятельности. Существует ряд международных актов, в которых делается акцент именно на процессуальном аспекте категории «справедливость»:

- Всеобщая Декларация прав человека, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская Конвенция);
- Международный пакт о гражданских и политических правах и другие.

Vladislav S. Isakov

student of the 3-rd course of law department,
Altai State University
vladislav.isakov.97@mail.ru

Ekaterina A. Shushakova

student of the 3-rd course of law department,
Altai State University
kate.2319@yandex.ru

JUSTICE AND EQUALITY IN CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

Annotation. In this article the concepts «justice» and «equality» in the context of the fundamental principles of criminal trial are analyzed. By means of examples from jurisprudence it has been established that these moral and legal categories have significant effect on results of law-enforcement activity. Authors have emphasized importance of the solution of a task of definition of the place of the analyzed concepts of the system of the principles of criminal legal proceedings.

Keywords: justice, equality, criminal legal proceedings, sentence, court, investigator, investigative actions, criminal procedure activity, criminal liability.

Так, в ст. 6 Европейской Конвенции напрямую закреплено право на «справедливое судебное разбирательство», где критерии справедливости осуществления уголовного судопроизводства определены через следующие процессуальные моменты – разумный срок рассмотрения дела, наличие независимого и беспристрастного суда и т.д. [2].

Однако справедливость в российском уголовно-процессуальном праве рассматривается с позиции одной из характеристик судебного приговора. Так, в ч. 2 ст. 6 УПК РФ указано, что «назначение виновным справедливого наказания, в той же мере отвечает назначению уголовного судопроизводства», а в соответствии с ч. 1 ст. 297 УПК РФ «приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым» [1]. Больше упоминаний о категории «справедливость» в тексте уголовно-процессуального закона не обнаружено.

Из анализа приведённых норм следует, что понятием «справедливость» охватывается лишь материально-правовая сторона уголовно-процес-

суальной деятельности. Причём, субъектом данной деятельности выступает исключительно суд, который путём толкования и применения закона в ходе судебного разбирательства решает вопрос о назначении лицу наказания, отвечающему требованиям справедливости и разумности. На наш взгляд, в содержании справедливости должны быть отражены и иные процессуальные аспекты, которые охватывает уголовное производство. Неслучайно Л.А. Зашляпин обратил внимание на то, что недопустимо пренебрегать анализом используемых процессуальных средств в ходе уголовного производства на предмет их справедливости [3, с. 98].

Чтобы понять значение справедливости для уголовно-процессуальной практики обратимся к производству такого следственного действия как эксгумация. Согласно ч. 3 ст. 178 УПК РФ, при необходимости извлечения трупа из места захоронения следователь выносит постановление об эксгумации, что в обязательном порядке доводится до сведения родственников покойного. В свою очередь, родственники умершего имеют право возразить против проведения данного следственного действия [1]. Такой отказ со стороны близких умершего объясняется тем, что зачастую в их представлении эксгумация – это действие, посягающее на семейные и моральные ценности. Однако отсутствие положительного ответа на постановление об эксгумации не является препятствием для её проведения, поскольку окончательное решение принимает суд. На последнем этапе изучения постановления об эксгумации очень важно, чтобы суд не только проверял содержание документа на соответствие нормам закона, но и оценивал изложенные следователем доводы с точки зрения их справедливости.

К сожалению, в основном суды осуществляют проверку соблюдения формальных условий при выдаче разрешения на проведение эксгумации, не уделяя внимание вопросу соразмерности проводимого следственного действия нанесённому моральному вреду. Например, постановлением от 7 августа 2012 г. Березовский городской суд Свердловской области удовлетворил ходатайство следователя о разрешении на эксгумацию К.. Несмотря на то, что отец умершей К. назвал данное следственное действие не иначе как издевательством над трупом, суд, признав постановление законным и обоснованным, дал действиям следователя иную оценку [4]. Однако всегда ли будет справедливым постановление об эксгумации, даже если оно полностью соответствует требованиям закона? Насколько пределы вмешательства в семейную жизнь отвечают справедливости и одновременно пропорциональны целям, стоящим перед уголовным судопроизводством?

Однозначного ответа на поставленные вопросы дать невозможно, что объясняется существованием внутреннего убеждения судьи. Тем не менее, нельзя отрицать и право судьи следовать соображениям справедливости при исследовании различных действий и решений, принимаемых на стадии досудебного производства. Такую

ситуацию можно проследить в апелляционном постановлении Московского областного суда от 30 ноября 2017 г.. Так, Подольский городской суд Московской области, не принимая во внимание просьбу бабушки погибшего об оставлении праха, постановлением от 20 октября 2017 года дал разрешение на проведение эксгумации для изъятия из захоронения Б. бутылочки для детского питания, которая по предположениям следователя и являлась орудием убийства Б.. Суд апелляционной инстанции, отменяя первоначальное постановление, обосновал свою позицию тем, что эксгумация при таких обстоятельствах «может повлечь неоправданное вмешательство в права близких родственников погибшего на уважение семейной жизни» [5].

Следовательно, справедливость как нравственная и в то же время как правовая категория играет не последнюю роль при использовании уголовно-процессуальных норм в правоохранительной деятельности.

Что касается понятия «равенство», то оно также не получило детального закрепления в УПК РФ. О принципе равенства упоминается лишь в ст. 244 УПК РФ, в содержании которой речь идёт о равенстве сторон обвинения и защиты в ходе судебного разбирательства. Отсюда следует, что реализация положений равенства на досудебных стадиях производства по уголовному делу невозможна [1].

На современном этапе развития российского законодательства суть понимания равенства сводится к равенству всех перед законом, что отражено в ч. 1 ст. 19 Конституции РФ [6]. Соблюдение этого принципа обуславливает верховенство закона, а также неотвратимость наступления ответственности для участников любых общественных отношений. Однако в рамках уголовно-процессуальной деятельности произошло ограничение возможности применения анализируемого принципа.

По нашему мнению, отсутствие юридического закрепления равенства участников уголовно-процессуальных отношений перед законом является существенным недостатком действующего УПК РФ. Если обратить внимание на УПК РСФСР 1960 г. – то в ст. 14 рассматриваемый принцип равенства существовал наряду с другими руководящими началами [7]. Видимо, отказ законодателя от дальнейшего следования началам равенства объясняется новыми представлениями о статусе лиц, подвергающимся уголовному преследованию.

Так, в главе 52 УПК РФ закреплены категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам [1]. Именно подобного рода изъятия из общего порядка привлечения к уголовной ответственности поставили под сомнение необходимость определения места категории «равенство» в системе принципов уголовного судопроизводства.

Анализ положений главы 52 УПК РФ свидетельствует о том, что с каждой его последующей ре-

дакцией список лиц, обладающих служебных иммунитетом, постоянно дополнялся. Предлагается, что расширение данного списка в дальнейшем будет нецелесообразным, поскольку подобное явление приведёт к существенному нарушению конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Наоборот, необходимо оговорить все исключения из общих правил осуществления производства по уголовному делу на уровне Конституции РФ.

Такое предложение объясняется двумя причинами. Во-первых, в Конституции РФ изначально были указаны четыре категории лиц, которые обладают неприкосновенностью при привлечении к уголовной ответственности: Президент РФ (ст. 91), члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы РФ (ст. 98) и судьи (ст. 122) [6]. Вместе с тем, законодатель, установив дополнительные исключения и для других должностных лиц, вышел за пределы своей компетенции, поскольку положения Конституции РФ не предполагают возможность расширения круга привилегированных субъектов путём принятия иных нормативно-правовых актов.

Во-вторых, установление особого порядка уголовного производства существенно затрудняет работу органов дознания и предварительного следствия по возбуждению уголовных дел в отношении данной категории лиц. Приведём несколько примеров из судебной практики. Так, постановлением от 17 января 2014 года Замоскворецкий районный суд г. Москвы возвратил

прокурору уголовное дело в отношении депутата Государственного Совета Удмуртской Республики, обвиняемого в мошенничестве [8]. Постановлением от 6 октября 2017 года Сургутский городской суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры также счёл необходимым вернуть прокурору уголовное дело в отношении члена участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса, обвиняемого в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью [9]. Во всех ситуациях общей причиной отказа в продолжении судебного разбирательства является возбуждение уголовного дела ненадлежащим должностным лицом, что фактически расценивается как неустранимое нарушение и одновременно как препятствие для рассмотрения уголовного дела судом по п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ [1].

Из приведённых выше примеров следует, что особый порядок возбуждения уголовного дела в качестве процессуального барьера может оказать значительное влияние на общий ход уголовного судопроизводства, а в итоге – и на своевременное привлечение к уголовной ответственности.

Таким образом, справедливость и равенство представляют собой цель уголовного судопроизводства, а также наполняют своим содержанием всю систему уголовно-процессуальных институтов. Именно поэтому дискуссия об определении места данных нравственно-правовых категорий среди других принципов уголовного процесса остаётся по-прежнему актуальной.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (ред. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
3. *Зашляпин Л.А.* Справедливые процедуры использования вопросов в допросах // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции (20–21 марта 2015 г.) В 2-х ч. Часть II. СПб. : Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», 2016. С. 97–104.
4. Об удовлетворении ходатайства о разрешении на эксгумацию: Постановление Березовского городского суда Свердловской области от 07.08.2012 // Сайт справочно-правовой системы РосПравосудие [Электронный ресурс]. Электр. дан. Заглавие экрана. URL: <https://rospravosudie.com/court-berezovskij-gorodskoj-sud-sverdlovskaya-oblast-s/act-106046005/> (дата обращения 05.04.2018).
5. Апелляционное постановление Московского областного суда от 30.11.2017 по делу № 22К-

Literature:

1. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: the federal law from 18.12.2001 № 174-FL (an edition from 19.02.2018) // the Collection of the legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (p.1). Art. 4921.
2. Convention on protection of human rights and fundamental freedoms: it is concluded in Rome 04.11.1950 (an edition from 13.05.2004) // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2001. № 2. Art. 163.
3. *Zashlyapin L.A.* Fair procedures of use of questions in interrogations // Justice and equality in criminal legal proceedings: the collection of articles on materials of the All-Russian scientific and practical conference (on March 20–21, 2015). In 2 h. Part II. SPb. : VO northwest branch FGBOU «Russian state university of justice», 2016. P. 97–104.
4. About the satisfaction of the petition for permission to exhumation: Berezovsky's resolution of city court of Sverdlovsk region from 07.08.2012 // Website of the legal-reference Rospravosudiye system [An electronic resource]. Elektr. it is given. Title of the screen. URL: <https://rospravosudie.com/court-berezovskij-gorodskoj-sud-sverdlovskaya-oblast-s/act-106046005/> (date of the address 05.04.2018).
5. The appeal resolution of the Moscow regional court from 30.11.2017 on the case No. 22K-

8250/2017 // Сайт справочно-правовой системы РосПравосудие [Электронный ресурс]. Электр. дан. Заглавие с экрана. URL: <https://rospravosudie.com/court-moskovskij-oblastnoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-561862991/> (дата обращения 05.04.2018).

6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утверждён Верховным Советом РСФСР от 27.10.1960 (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

8. Постановление Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 17.01.2014 по делу № 1-467/2013 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. Электр. дан. Заглавие с экрана. URL: http://sudact.ru/regular/doc/nAzxr6B72jNh/?page=2®ular-doc_type=1006®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+447.+Категории+лиц+%2C+в+отношении+которых+применяется+особый+порядок+производства+по+уголовным+делам+%28УПК+РФ+%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=&_1522561216246®ular-judge= (дата обращения 08.04.2018).

9. Постановление Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 06.10.2017 по делу № 1-983/2017 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. Электр. дан. Заглавие с экрана. URL: http://sudact.ru/regular/doc/nJ5MzkMloqQJ/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+447.+Категории+лиц+%2C+в+отношении+которых+применяется+особый+порядок+производства+по+уголовным+делам+%28УПК+РФ+%29®ular-doc_type=1006®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_1522560558380 (дата обращения 08.04.2018).

8250/2017 // the Website of the legal-reference Rospravosudiye system [An electronic resource]. Elektr. it is given. The title from the screen. URL: <https://rospravosudie.com/court-moskovskij-oblastnoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-561862991/> (date of the address 05.04.2018).

6. Constitution of the Russian Federation: is accepted by national vote 12.12.1993 (an edition from 21.07.2014) // the Russian newspaper. 1993. December 25.

7. Code of Criminal Procedure of RSFSR: it is approved by the Supreme Council of RSFSR from 27.10.1960 (an edition from 29.12.2001, with amendment from 26.11.2002) // Sheets of VS RSFSR. 1960. № 40. Art. 592.

8. The resolution of Zamoskvoretsky district court of Moscow from 17.01.2014 on the case № 1-467/2013 // the Internet resource Judicial and regulations of the Russian Federation (CourtAct) [An electronic resource]. Elektr. it is given. The title from the screen. URL: http://sudact.ru/regular/doc/nAzxr6B72jNh/?page=2®ular-doc_type=1006®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+447.+Категории+лиц+%2C+в+отношении+которых+применяется+особый+порядок+производства+по+уголовным+делам+%28УПК+РФ+%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=&_1522561216246®ular-judge= (date of the address 08.04.2018).

9. The resolution of the Surgut city court of Khanty-Mansi Autonomous Okrug from 06.10.2017 on the case № 1-983/2017 // the Internet resource Judicial and regulations of the Russian Federation (CourtAct) [An electronic resource]. Elektr. it is given. The title from the screen. URL: http://sudact.ru/regular/doc/nJ5MzkMloqQJ/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+447.+Категории+лиц+%2C+в+отношении+которых+применяется+особый+порядок+производства+по+уголовным+делам+%28УПК+РФ+%29®ular-doc_type=1006®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_1522560558380 (date of the address 08.04.2018).

Кочеткова Татьяна Юрьевна

судья.

Первомайский районный суд г. Краснодара
sud-kochetkova@yandex.ru

Tatiana Yu. Kochetkova

judge.

Pervomaisky district court of Krasnodar
sud-kochetkova@yandex.ru

О ВЕЩНО-ПРАВОВОЙ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ ИСКОВ О ПРИЗНАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

ABOUT PROPRIETARY AND CONTRACTUAL NATURE OF THE CLAIMS OF ACKNOWLEDGMENT OF THE RIGHT OF OWNERSHIP

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о распространении требования о признании права на вещные и обязательственные отношения. Автор указывает, что закон рассматривает данный способ защиты, как универсальный, то есть распространяемый на вещные и обязательственные правоотношения. Однако специфика последних такова, что их установление используется не как способ защиты, а как юридически значимое обстоятельство по делам, вытекающим из иных способов защиты. Например, суд выясняет, существует ли договорное отношение между сторонами, если заявлен иск о взыскании неустойки. Самостоятельное требование о констатации договорного отношения между сторонами чрезвычайно редко. В связи с этим признание права, как способ защиты, необходимо применять в области вещно-правовых отношений. При этом не важно, порождены данные отношения вступлением сторон в обязательство, например, посредством купли-продажи, или нет.

Ключевые слова: признание; владение; собственность; признание права собственности; защита; способы защиты; вещные отношения; обязательственные отношения; договор.

Annotation. The article discusses the issue of the proliferation of demands for recognition of rights in proprietary and contractual relationships. The author points out that the law considers this method of protection to be universal, i.e. applicable to proprietary and mandatory legal relations. However, the specificity of the latter is such that their establishment is not used as a way of protection, as well as a legally significant circumstance in cases arising from other ways of protection. For example, the court finds out whether there is a contractual relationship between the parties, if the claim for penalty. It is extremely rare for an separate requirement to establish a contractual relationship between the parties. In this regard, the recognition of the right as a way of protection should be applied in the field of property a legal relations. It does not matter whether these relations are generated by the parties entering into an obligation, for example, by means of a sale or not.

Keywords: acknowledgment; possession; ownership; the acknowledgment of the right of ownership; protection; method of protection; proprietary relationships; contractual relationships; contract.

Первая мысль, которая возникает при знакомстве с признанием права, как способом защиты, что оно не даром указано первым среди всех иных способов защиты (ст. 12 ГК РФ), так как широко и всеобъемлюще. Уже только потому, что оно не ориентировано на какое-то отдельное право, может применять для защиты как обязательственных, так и вещных прав. Отсюда и встречающееся в научно литературе утверждение об универсальности рассматриваемого нами способа защиты [1]. Прежде чем подтвердить или опровергнуть этот тезис, надо понять, чем, собственно, отличается обязательственное правоотношение от вещного.

Разграничение вещных и обязательственных прав проводило множество учёных, а мы обратимся только к одному, поскольку все определения примерно одинаковы, но наиболее доходчивое, как нам показалось, у Ю.С. Гамбарова.

Он писал, что вещное право характеризуется тесной связью между лицом и вещью; «между лицом и вещью не стоит здесь никого». В обязательственных отношениях предмет права добывается действием или бездействием обязанного лица, то есть «между управомоченным лицом и вещью стоит ещё лицо, обязанное доставить первому предмет его права» [2].

Таким образом, признание вещного права состоит в констатации перед неограниченным кругом лиц правовой связи между лицом и вещью. Признание же обязательственного права должно сводиться к тому, чтобы «заставить» вполне определённое лицо (должника) признать свою обязанность по совершению действия в отношении уполномоченного лица (кредитора). Необходимость первого признания и его значимость можно представить. Например, злоумышленник подделал документы о принадлежности ему

квартиры и продал жильё третьему лицу. Подлинный собственник владение сохранил, но ввиду регистрации права за другим лицом, лишён возможности распоряжаться ею. Для защиты права он прибегает к иску о признании права собственности. Решение суда о признании права собственности является основанием для внесения записи в единый реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Право восстановлено.

С признанием обязательственного права сложнее. Известна практика, когда суд признаёт, что между сторонами фактически сложились отношения найма жилого помещения [3]. Однако данное обстоятельство устанавливается как юридически значимое, но не как самостоятельный способ защиты. В других областях гражданского права примеры признания обязательственного права нам не известны. Да и вряд ли они могут быть. Защита права должна быть действенной, то есть применение того или иного способа защиты должно обладать способностью восстанавливать нарушенное право.

Связанность обязательственными правоотношениями означает, что интерес кредитора должен быть удовлетворен действиями должника. Соответственно, способ защиты должен быть таким, который понуждает к действию и таким образом восстанавливает нарушенное право. Например, если продавец получил оплату по договору, но не торопится передавать саму вещь, покупатель вправе обратиться с требованием о понуждении исполнить обязательство в натуре, но не требованием о признании права на получение вещи. Если стороны отрицают само наличие договорных отношений, то это совершенно другая история, не укладывающаяся в рамки заявления о признании права. Здесь следует говорить об установлении правоотношения, а не его признании. Схожее мнение высказывает Л. Кузнецова. Она пишет, что «нарушение правомочия требовать совершения определённых действий (воздержания от их совершения) не устраняется одним фактом его признания», а потому требуются иные способы защиты, способные восстановить нарушенное право [4]. В свою очередь, применяя то или иное действительно эффективное средство защиты, суд должен выяснить наличие спорных отношений, что в конечном итоге свидетельствует о «чуждости и неэффективности использования рассматриваемого способа защиты в отношении обязательственных прав» [5].

Конечно, и наша позиция – скептического отношения к вопросу судебного признания обязательственных отношений – не безупречна. Закон знает случаи, когда обязательственные средства защиты не предполагают действия со стороны обязанного лица. К ним можно отнести признание сделки недействительной. Наконец, ст. 12 ГК РФ не ограничивает в признании лишь вещных прав. Тем не менее, практика вещь упрямая и мы должны констатировать, что признание обязательственных прав, как способ защиты, распространения не получило.

Итак, признание права является не таким универсальным способом защиты, как кажется на

первый взгляд. Закон, действительно, называет его таковым, однако судебная практика серьёзно ограничивает пределы признания права как в отношении разновидностей прав, которые можно подтвердить, так и в отношении критериев, которые должны быть выдержаны для удовлетворения иска. В законе нам удалось отыскать лишь несколько прямых указаний на возможность признания права, как способа защиты (ст. 222, 225, 1252 ГК РФ). Закон содержит ещё одно весьма интересное упоминание о признании права. Так, согласно ст. 272 ГК РФ при утрате собственником недвижимости права пользования земельным участком, собственник участка вправе требовать сноса. Если снос невозможен ввиду указанных в данной норме обстоятельств, суд может признать право собственника недвижимости на приобретение в собственность земельного участка, на котором находится эта недвижимость, или право собственника земельного участка на приобретение оставшейся на нем недвижимости.

Установив, что признание может касаться как вещных, так и обязательственных прав, пусть и с большим распространением в вещно-правовой среде, мы должны устранить свой взор конкретно к признанию права собственности, распрощавшись с вопросами разграничения вещных и обязательственных прав, но не тут-то было. Дело в том, что в отношении иска о признании права собственности нет сложившегося мнения о его правовой природе и приходится обсуждать вопрос о том, относится рассматриваемый иск к вещно-правовым или обязательственным способам защиты.

Как известно, все способы защиты права собственности принято делить на обязательно-правовые и вещно-правовые. По крайней мере, надо стараться избегать довольно распространённой, по верному утверждению Е.А. Суханова [6], тенденции по их смешению. Уже из самого названия видно, что деление это основано на отношениях, в рамках которых выстроены связи между уполномоченным и обязанным лицом. Здесь уместно ещё раз вспомнить слова Ю.С. Гамбарова [7] о том, что в вещных отношениях между лицом и вещью никто не стоит, тогда как в обязательном правоотношении имеется субъект, обязанный доставить ту самую вещь. Соответственно, вещно-правовой способ ориентирован на установление правовой связи непосредственно лица и вещи, тогда как обязательно-правовой способ направлен на понуждение обязанного лица доставить имущество. Например, если одно лицо завладело квартирой другого на основании ничтожной сделки, то следует исходить из наличия пусть и порочных, но всё же обязательственных отношений и применять соответствующий способ защиты – реституцию (ст. 167 ГК РФ), смысл которой состоит в обязанности контрагента вернуть вещь. Если усложнить задачу и представить, что приобретатель успел произвести отчуждение квартиры другому лицу, то первоначальный собственник, обращаясь к новому приобретателю, должен использовать уже инструменты вещно-правовой защиты, в частности, прибегнуть к вин-

дикационному иску (ст. 301-303 ГК РФ). Здесь между первоначальным собственником и его имуществом тоже есть лицо, но оно не является обязательным по отношению к нему в том смысле, как эту обязанность несёт контрагент. Обязанность приобретателя в этом случае имеет не относительный, а абсолютный характер, как и любом другом вещном правоотношении [8]. Об абсолютном характере исков о признании вещных прав пишет и Д.Н. Латыпов [9]. По этой причине закон при виндикации наделяет уполномоченного лица правом истребования (ст. 301 ГК РФ), что предполагает любое обязанное лицо, в противовес всё той же реституции, где говорится об обязанности сторон возратить всё полученное по сделке (ст. 167 ГК РФ).

В одних источниках утверждается, что иск о признании права собственности может быть как обязательно-правовым, так и вещным. В частности, О.Л. Серёгина [10] полагает, что поскольку отношения собственности могут быть опосредованы обязательственными правоотношениями, иск о признании права, основанный на таких отношениях, является обязательно-правовым. В иных случаях он относится к вещным. В подтверждение данного тезиса указанный нами автор приводит следующий пример: если продавец отказывается передать товар покупателю, последний вправе обратиться с требованием о понуждении передать вещь и признании права собственности.

Да, основания возникновения права собственности весьма разнообразны (ст. 218 ГК РФ). Условно их можно поделить на две группы: первоначальные и производные. К первоначальным относятся: создание вещи, её переработка, присвоение плодов и так далее, то есть все те случаи, которые не связаны со взаимодействием с кем-либо ещё, или, по терминологии Г.Ф. Шершеневича: «независимо от другого лица» [11]. Производные, напротив, зависят от воли другого лица, отсюда, собственно, их наименование, демонстрирующее, что право собственности возникает лишь оттого, что есть иной носитель права собственности, который данное право передаёт, вступая, как правило, в обязательственное правоотношение.

Если право собственности возникает как в силу первоначального, так и производного способа, то на поверхности лежит предположение, что рассматриваемый способ защиты может быть обязательно-правовым и вещно-правовым. Вещно-правовую природу иска о признании права собственности отрицать невозможно уже только в силу его направленности. А что касается предположения об обязательственной природе рассматриваемого иска, как об этом пишет О.Л. Серёгина, то оно нуждается в серьёзном разборе.

Иск о признании права собственности, как обязательно-правовой способ защиты, был бы применим только в случае, если закон не достаточно полно регламентировал процедуру перехода права собственности и момент его возникновения, что порождало бы споры. Но такая процедура довольно подробно описана. Соглас-

но ст. 223 ГК РФ право собственности по договору, а именно договор мы рассматриваем, как наиболее типичный из всех производных способов приобретения права собственности (есть мнение, что договор – все же основание, а не способ приобретения права собственности, но для удобства понимания освещаемой проблематики мы не будем разделять данные понятия), возникает с момента передачи вещи. Если же мы имеем дело с недвижимой вещью – с момента государственной регистрации права на неё. При таких обстоятельствах, признание права собственности на нежизимую вещь означало бы признание факта передачи вещи и государственной регистрации, но в этом нет абсолютно никакой необходимости.

Как мы уже убедились, возникновение права собственности по договору связано с надлежащим исполнением продавцом своих обязательств, а потому все меры должны быть направлены на понуждение продавца сделать это. Если передаче вещи или переходу права на неё ставятся препятствия, должны применяться обязательно-правовые способы защиты, так как только они способны понудить контрагента к действиям. Например, если продавец не исполнил обязанность передать недвижимую вещь, покупатель вправе требовать исполнения обязательства в натуре. Если продавец недвижимую вещь передал, но уклоняется от процедур регистрации, должно быть заявлено требование о государственной регистрации перехода права собственности. Иску о признании права собственности места здесь нет. На этих же позициях стоит высшая судебная инстанция. Согласно п. 61 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [12], если одна сторона договора купли-продажи недвижимости уклоняется от исполнения обязанности по государственной регистрации перехода права собственности на данное имущество, контрагент вправе обратиться к ней с иском о государственной регистрации перехода права собственности (п. 3 ст. 551 ГК РФ). Иск приобретателя о регистрации перехода права может быть удовлетворен при условии осуществления обязательства отчуждателя по передаче имущества. Согласно абзацу второму п. 1 ст. 556 ГК РФ в случае, если иное не предусмотрено законом или договором, такое обязательство отчуждателя считается исполненным после вручения имущества покупателю и подписания сторонами соответствующего документа о передаче [13].

Таким образом, иск о признании права собственности на недвижимое имущество в спорах, вытекающих из обязательно-правовых отношений, не является применимым ввиду наличия специальных способов защиты. Следует также иметь в виду, что обязательственные отношения нацелены на присвоение права собственности, и все специальные способы защиты, о которых сказано выше (иск о государственной регистрации перехода права и другие), содействуют достиже-

ния этой цели. Иск о признании права собственности имеет другую цель – признание того, что имеется, а не того, что лицо хотело бы присвоить. Наконец, по верному замечанию О.С. Иоффе, всегда следует учитывать, что вещно-правовой способ защиты применим там, где нарушается именно право собственности, а не иное, пусть и связанное с ним право, например, право требования возврата вещи по окончании срока действия договора, которое будет защищаться нормами договорного права [14]. Не лишним будет ещё одно упоминание К.П. Победоносцева, который, как мы помним, писал, что иск о признании является не личным, а вещным, даже если вытекает из обязательственного правоотношения [15]. Всё сказанное выше приводит нас к выводу о том, что иск о признании права собственности должен рассматриваться, как вещно-правовой способ защиты.

В некоторых научных трудах обращается внимание, что иск о признании права собственности не всегда направлен на подтверждение существу-

ющего состояния. Некоторые его разновидности имеют свойства надления правом. К ним относятся иски о признании права собственности на самовольную постройку, признании права собственности не бесхозяйное недвижимое имущество и некоторые другие. В силу данных обстоятельств рассматриваемый нами иск имеет двойственную природу. Такого мнения придерживается, в частности, Е.М. Тужилова-Орданская [16].

Действительно, некоторые разновидности иска о признании права собственности являются не правоподтверждающими, а правообразующими, однако это никоим образом не влияет на их отнесение к вещно-правовым способам защиты. Приобретение права собственности по таким делам не основано на обязательственном правоотношении и интерес уполномоченного субъекта удовлетворяется не за счёт действий обязанного лица, а посредством установления абсолютного правоотношения, следовательно, правообразующие иски о признании права собственности тоже являются вещными.

Литература:

1. *Латыпов Д.Н.* Особенности признания права как способа защиты гражданских прав // Журнал российского права. М., 2013. № 9. С. 60-71; Кузнецова Л. Некоторые вопросы признания права как способа защиты гражданских прав // Право и экономика. М., 2004. № 11. С. 20–25.
2. *Гамбаров Ю.С.* Особенная часть [гражданского права]. Вещное право. Лекции, читанные проф. Ю.С. Гамбаровым на экономическом отделении СПб. : Политехнического Института в 1908-9 академическом году. СПб., 1909. С. 5.
3. Определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2013 г. № 5-КГ13-100 // СПС КонсультантПлюс; Определение Верховного Суда РФ от 27 января 2015 г. № 5-КГ14-167 // СПС КонсультантПлюс и другие.
4. *Кузнецова Л.* Некоторые вопросы признания права как способа защиты гражданских прав // Право и экономика. М., 2004. № 11. С. 20–25.
5. *Кузнецова Л.* Некоторые вопросы признания права как способа защиты гражданских прав // Право и экономика. М., 2004.
6. Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б.М. Гонгало / М.В. Бандо, Р.Б. Брюхов, Н.Г. Валеева и др. М., 2016. С. 23. Автор статьи Е.А. Суханов.
7. *Гамбаров Ю.С.* Указ. соч. С. 5.
8. Гражданское право : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 030900 «Юриспруденция» : в 2 ч. / [Барков А.В. и др.] ; под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. Москва, 2012. С. 345. Автор главы В.П. Камышанский.
9. *Латыпов Д.Н.* Правовая природа признания вещных прав как способа защиты гражданских

Literature:

1. *Latypov D.N.* Features of recognition of the right as way of protection of the civil rights // Magazine of Russian law. M., 2013. № 9. Page 60–71; *Kuznetsova L.* Some questions of recognition of the right as way of protection of the civil rights // Right and economy. M., 2004. №11. Page 20–25.
2. *Gambarov Yu.S.* Special part of [civil law]. Real right. Lectures, chitanny prof. Yu.S. Gambarov on economic office of SPb of Polytechnical Institute in 1908-9 academic year. SPb., 1909. P. 5.
3. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of December 24, 2013 № 5-KG13-100 // Union of Right Forces ConsultantPlus; Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of January 27, 2015 № 5-KG14-167 // Union of Right Forces ConsultantPlus and others.
4. *Kuznetsova L.* Some questions of recognition of the right as way of protection of the civil rights // Right and economy. M., 2004. № 11. P. 20–25.
5. *Kuznetsova L.* Some questions of recognition of the right as way of protection of the civil rights // Right and economy. M., 2004.
6. Private law. Overcoming tests. To the 60 anniversary B.M. Gongalo / M.V. Bando, R.B. Bryukhov, N.G. Valeeva, etc. M., 2016. Page 23. Author of article E.A. Sukhanov.
7. *Gambarov Yu.S.* Decree. соч. Page 5.
8. Civil law: the textbook for students of the higher educational institutions studying in the Law direction 030900: in 2 h / [Barkov A.V., etc.]; under the editorship of V.P. Kamyshansky, N.M. Korshunov, V.I. Ivanov. Moscow, 2012. Page 345. Author of chapter V.P. Kamyshansky.
9. *Latypov D.N.* Legal nature of recognition of the real rights as way of protection of the civil rights //

прав // Вестник Пермского университета. Пермь. 2009. Вып. 4 (6). С. 100–103.

10. *Серегина О.Л.* О природе признания как способа защиты права собственности: вещно-правовой и обязательственно-правовой // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3 С. 256–261.

11. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. С портретом автора и очерком его научной деятельности. Т. 1. Под ред. : Краснокутский В.А. 11-е изд., первое посмерт., просм. и доп. М., 1914. С. 305.

12. Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. № 109. 21 мая 2010 г.

13. *Зарубин А.В.* Настольная книга судьи по спорам о праве собственности / А.В. Зарубин, С.В. Потапенко; Под ред.: Потапенко С.В. М., 2013. С. 209–210.

14. *Иоффе О.С.* Избранные труды. В 4-х томах. Т. 2. С.-Пб., 2004. С. 493.

15. *Победоносцев К.* Курс гражданского права: Вотчинные права. Ч. 1. С.-Пб., 1896. С. 117.

16. *Тужилова-орданская Е.М.* Классификация вещно-правовых способов защиты прав на недвижимость // Вестник ОГУ. 2006. № 10-1. С. 203–207.

Bulletin of the Perm university. Perm. 2009. Issue 4 (6). P. 100–103.

10. *Seryogina O.L.* About the recognition nature as way of protection of the property right: proprietary and obligations and legal // Current problems of Russian law. 2009. № 3 of P. 256–261.

11. *Shershenevich G.F.* Textbook of the Russian civil law. With a portrait of the author and a sketch of his scientific activity. T. 1. Under the editorship of: Krasnokutsky V.A. 11 th prod., the first посмерт., просм. and additional M., 1914. P. 305.

12. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 10, the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № 22 of April 29, 2010. «About some questions arising in jurisprudence at settlement of disputes, connected with protection of the property right and other real rights» // the Russian newspaper. № 109. May 21, 2010.

13. *Zarubin A.V.* reference book of the judge on disputes about property rights / A.V. Zarubin, S.V. Potapenko; Under the editorship of: Potapenko S.V. M., 2013. P. 209–210.

14. *Ioffe O.S.* Chosen works. In 4 volumes. T. 2. SPB., 2004. P. 493.

15. *Pobedonostsev K.* Course of civil law: Patrimonial rights. P. 1. SPB., 1896. P. 117.

16. *Tuzhilova-ordanskaya E.M.* Classification of proprietary ways of protection of the rights for the real estate // Bulletin of regional public institution. 2006. № 10-1. P. 203–207.

Кравченко Елена Валентиновна
аспирант кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный университет,
помощник адвоката
pismo.anapa@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН НА ПОЛУЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи в стадии возбуждения уголовного дела. Анализируются правовые позиции Конституционного Суда, Верховного Суда и обоснованные мнения ученых в части получения гражданами квалифицированной юридической помощи в начальной стадии уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, стадия возбуждения уголовного дела, адвокат.

Возбуждение уголовного дела – самостоятельная стадия уголовного судопроизводства, которая начинается с момента получения сообщения о преступлении. Федеральным законом от 4 марта 2013 г. [1] в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) были внесены изменения, существенно затрагивающие процессуальный порядок деятельности в стадии возбуждения уголовного дела, усилившие процессуальные гарантии участников. Согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ в числе процессуальных прав лиц, участвующих в производстве процессуальных действий по проверке сообщения о преступлении, теперь указано право воспользоваться услугами адвоката.

Однако лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, в большинстве своем не обладают уголовно-процессуальным статусом, как это имеет место в стадии предварительного расследования. До возбуждения уголовного дела мы можем говорить лишь о лицах, пострадавших от преступных деяний, об очевидцах преступного события, о лицах, в отношении которых проводятся проверочные действия. При этом очевидно, что квалифицированная юридическая помощь в стадии возбуждения уголовного дела может потребоваться не только лицу, проверяемому на причастность к совершению деяния, но и заявителю, а также очевидцу преступления.

Elena V. Kravchenko
assistant attorney, postgraduate student
Department of criminal process,
Kuban state University
pismo.anapa@yandex.ru

THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS TO RECEIVE QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE IN THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. In article features of realization of the constitutional right of citizens to receive qualified legal assistance at the stage of initiation of criminal proceedings. Analyzes the legal positions of the constitutional Court, the Supreme Court and the informed opinions of scientists in terms of obtaining qualified legal assistance at the initial stage of criminal proceedings.

Keywords: representative of the interests, qualified legal assistance, stage of excitation of criminal case, lawyer.

Мы считаем, что использование законодателем словосочетания «лица, участвующие в проверке сообщения о преступлении» предполагает право любого лица, вовлеченного в производство процессуальных действий, направленных на проверку поступившего сообщения о преступлении, воспользоваться услугами адвоката, выбранного им самостоятельно.

Обращаясь к понятию «адвокат», важно отметить, что в УПК РФ оно не нашло своего отражения, хотя в ч. 2 ст. 2 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре [2], ему дано определение – «адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам и участвует в уголовном судопроизводстве в качестве представителя или защитника доверителя».

Согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ защитником является лицо, осуществляющее защиту прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им помощь при производстве по уголовному делу, а ч. 2 закреплено, что в качестве защитников участвуют адвокаты [3]. Но, как известно, на начальной стадии уголовного судопроизводства нет ни подозреваемого, ни тем более обвиняемого, ни самого уголовного дела.

Право граждан на получение квалифицированной юридической помощи закреплено в ч. 1

ст. 48 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) и оно может быть ограничено, как предписывается ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, только федеральным законом и лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. [4] указано, что возбуждение уголовного дела является начальной самостоятельной стадией уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основания для возбуждения уголовного дела, а также принимаются меры по предотвращению или пресечению преступлений, закреплению его следов, обеспечению последующего расследования и рассмотрения дел в соответствии с установленной законом подследственностью и подсудностью.

Аналогичная позиция суда нашла свое отражение и в более позднем решении – от 6 ноября 2014 г.: «неотъемлемой частью уголовного судопроизводства, общее назначение которого состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ), является стадия возбуждения уголовного дела, в ходе которой проверяется сообщение о преступлении и которая, как следует из ч. 2 ст. 140 и ч. 1 ст. 145 УПК РФ, имеет главной своей целью установление наличия или отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления» [5].

В решениях Конституционного Суда РФ неоднократно подтверждалась допустимость участия адвоката в стадии возбуждения уголовного дела и подчеркивалось, что Конституция РФ, закрепляя право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, не связывает предоставление помощи адвоката (защитника) с формальным признанием лица подозреваемым или обвиняемым [6].

Согласно п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. «... каждое лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы этого лица» [7].

В постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. также сказано, что пользоваться помощью адвоката (защитника), а значит, в определенной степени обладать правом на защиту, может любое вовлеченное в сферу уголовного процесса лицо независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если управомоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которы-

ми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, – удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и предварительного следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 6 ноября 2014 г. было уточнено, что «лицу или его представителю – адвокату должны быть обеспечены процессуальные гарантии для надлежащей подготовки и изложения своей позиции, а также предоставлены другие правомочия, необходимые для их участия в уголовном судопроизводстве на равноправной основе с органами и должностными лицами, осуществляющими на стадии возбуждения уголовного дела проверку сообщения о предположительно совершенных посягательствах на жизнь, включая возможность ознакомления с процессуальными документами и материалами, содержащими сведения о фактических обстоятельствах (данные о фактах), свидетельствующих о наличии или отсутствии в деянии признаков преступления» [8].

В определении Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. дополнительно указано: «конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным, когда управомоченными органами власти в отношении этого лица приняты меры, которыми реально ограничиваются его свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения» [9].

Реализация конституционное право граждан на квалифицированную юридическую помощь нашла свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г., где указано, что порядок реализации конституционного права на защиту определяется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, при применении норм которого должны учитываться правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и практика Европейского Суда по правам человека. Обеспечение права на защиту является обязанностью государства и необходимым условием справедливого правосудия.

Верховный Суд РФ в данном постановлении обращает внимание судов на то, что «по смыслу статьи 16 УПК РФ обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях. В силу этого, правом на защиту обладают: лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ ... Исходя из взаимосвязанных положений части 1 статьи 11 и части 2 статьи 16 УПК РФ, обязанность разъяснить обвиняемому его права и обязанности, а также обеспечить возможность реализации этих прав возлагается на

лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ, и предварительное расследование по делу: на дознавателя, орган дознания, начальника органа или подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, а в ходе судебного производства – на суд» [10].

На неопределенность процессуального статуса «лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», обращают внимание ученые-процессуалисты, предлагающие научно обоснованные пути решения этой проблемы.

Так, по мнению И. Чердынцевой, такое широкое понимание рассматриваемого положения приводит к тому, что под категорию лиц, имеющих право воспользоваться услугами адвоката, могут подпасть понятые, участвующие в производстве следственных действий, специалисты, эксперты, лица, которые выполняют законные требования органа дознания, следователя или дознавателя, но которые не имеют самостоятельного процессуального интереса в результатах проводимой проверки сообщения о преступлении [11, с. 104–108].

Заслуживает внимания мнение профессора В.А. Семенцова о том, что в стадии возбуждения уголовного дела должно обеспечиваться правом на получение квалифицированной юридической помощи лицу, причастному к преступлению, как минимум в трех случаях: при явке с повинной, при фактическом задержании, и когда производятся допустимые здесь следственные действия с его участием, а с момента заявления о явке с повинной данному лицу должно быть разъяснено и обеспечено его право на получение квалифицированной юридической помощи, которую призваны оказывать адвокаты [12, с. 165–174, 281].

Литература:

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2013 г.) // Российская газета. 2013. 6 марта.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 2 июня 2016 г. № 160-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ // Российская газета. 2017. 19 апреля.
4. О проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П.Смирновой и запросом Верховного Суда РФ: постановление

О.В. Гладышева предлагает закрепить в законе процессуальный статус заявителя, лица, привлекаемого для дачи объяснений, адвоката заявителя, лица, привлекаемого для получения объяснений, участника следственного действия и, анализируя гл. 19 и 20 УПК РФ, отмечает, что к участникам в стадии возбуждения уголовного дела относятся заявитель, дознаватель, начальник органа дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, а правила проведения осмотра места происшествия, осмотра трупа и освидетельствования позволяют включить в число участников в этой стадии уголовного судопроизводства понятых и специалиста [13, с. 122–132].

С учетом рассмотренных нами правовых позиции Конституционного и Верховного Судов РФ в части реализации конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь в стадии возбуждения уголовного дела и научно обоснованного мнения ученых, не вызывает сомнения необходимость уточнения в УПК РФ самого понятия «адвокат», а также закрепления его процессуального статуса при оказании квалифицированной юридической помощи в стадии возбуждения уголовного дела. Кроме того, следует предусмотреть в законе процессуальный статус возможных участников начальной стадии уголовного судопроизводства.

Правовая неопределенность в УПК РФ по вопросу оказания квалифицированной юридической помощи в стадии возбуждения уголовного дела может привести к возникновению серьезных проблем у граждан, в отношении которых проводится проверка о совершении преступления, ограничивая их права на защиту, что в свою очередь неизбежно повлечет незаконное и необоснованное обвинение, осуждение и ограничение прав и свобод личности, что противоречит самому назначению уголовного судопроизводства.

Literature:

1. On amendments to articles 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedural code of the Russian Federation: Federal law of March 4, 2013 № 23-FZ (in edition from December 28, 2013) // Russian newspaper. 2013. 6 march.
2. On advocacy and the bar in the Russian Federation: the Federal law of may 31, 2002 № 63-FZ (as amended on June 2, 2016 № 160-FZ) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2002. No. 23. St. 2102.
3. On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation: the Federal law of April 17, 2017 № 73-FZ // Russian newspaper. 2017. 19 april.
4. About the verification of constitutionality of certain provisions of the criminal procedure code of the RSFSR regulating the powers of the court in the criminal case, in connection with the complaint of citizen I.P. Smirnova and request the Supreme

Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П // Российская газета. 2000. 2 февраля.

5. По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О.А. Лаптева: постановление Конституционного Суда РФ от 6 ноября 2014 г. № 27-П // Российская газета. 2014. 19 ноября.

6. По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Российская газета. 2000. 4 июля.

7. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995г. № 8 (в ред. от 03 марта 2015 г.) // Российская газета. 1995. 28 декабря.

8. По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О.А. Лаптева: постановление Конституционного Суда РФ от 6 ноября 2014 г. № 27-П // Российская газета. 2014. 19 ноября.

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 15 статьи 5, пунктами 3 и 6 части третьей статьи 49, частью первой статьи 75, частью первой статьи 142 и частью первой 2 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 2270-О // СПС «КонсультантПлюс».

10. О практике применения судами законодательства, обеспечивающими право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // Российская газета. 2015. 10 июля.

11. *Чердынцева И.* Проблемы реализации права на квалифицированную юридическую помощь при проверке сообщения о преступлении // Уголовное право. 2014. № 4. С. 104–108.

12. *Семенцов В.А.* Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. С. 165–174, 281.

13. *Гладышева О.В.* Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 122–132.

Court: decision of the constitutional Court of the Russian Federation of 14 January 2000. № 1-P // Russian newspaper. 2000. 2 feb.

5. In the case of check of constitutionality of article 21 and article 21.1 of the Law of the Russian Federation «On state secret» in connection with the complaint of citizen O.A. Laptev: the decision of the constitutional Court of the Russian Federation from November 6, 2014 № 27-P // Russian newspaper. 2014. 19 Nov.

6. In the case of check of constitutionality of separate provisions of part one of article 47 and article 51 of the Criminal procedure code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V.I. Wt-gears: judgement of the constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2000 n 11-P // Russian newspaper. 2000. 4 iuly.

7. About some questions of application by courts of the Russian Federation Constitution in the administration of justice: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 31 October 1995, № 8 (in ed. from 03 Mar 2015) // Russian newspaper. 1995. 28 dec.

8. In the case of check of constitutionality of article 21 and article 21.1 of the Law of the Russian Federation «On state secret» in connection with the complaint of citizen O.A. Laptev: the decision of the constitutional Court of the Russian Federation from November 6, 2014 № 27-P // Russian newspaper. 2014. 19 nov.

9. About refusal in admission for consideration of the complaint of the citizen e-resnichenko Aleksandra Viktorovicha on infringement of his constitutional rights, paragraph 15 of article 5 paragraphs 3 and 6 of the third part of article 49, article 75, article 142 and the first part 2 of article 144 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: definition of the constitutional Court of the Russian Federation of September 29, 2015 № 2270-O // ATP «Consultant».

10. About practice of application by courts of the legislation that ensure their right to protection in criminal proceedings: the decision of the Ple-num of the Supreme Court of the Russian Federation from June 30, 2015 № 29 // Russian newspaper. 2015. 10 iuly.

11. *Cherdantseva I.* Problems of realization of the right to qualified legal assistance when verifying a message about the crime // Criminal law. 2014. № 4. P. 104–108.

12. *Sementsov V.A.* Selected articles in the criminal process. Krasnodar: Prosveschenie-Yug, 2013. P. 165–174, 281.

13. *Gladysheva O.V.* Competence of the investigator to ensure the over-riding interests of the individual in pre-trial proceedings // Russian law journal. 2012. № 6. P. 122–132.

Крамаренко Владимир Олегович
студент 2 курса магистратуры,
Юридический институт,
кафедра истории права и государства,
Российский университет дружбы народов
vladimirkramaren@gmail.com

БЫЛА ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ В РАЗРАБОТКЕ ГРАЖДАНСКОГО УЛОЖЕНИЯ 1905 ГОДА?

Аннотация. В данной статье автором поднимается вопрос о необходимости Гражданского уложения 1905 года. Кратко описана история создания. Выделяются принципы, которыми руководствовались члены Редакционной комиссии. Подчеркивается уникальность проекта Гражданского уложения и поднимается вопрос о его влиянии на дальнейшее развитие гражданского законодательство в России. Утверждается, что проект Гражданского уложения является тем необходимым компонентом знаний, без которого современного учёного-цивилиста уже невозможно представить.

Ключевые слова: Гражданское уложение, редакционная комиссия, Российская империя, Свод законов, пандектная система, вещное право, систематизация, кодификация.

Пожалуй, самый главный вопрос, который мы можем сформулировать по заявленной теме, должен звучать следующим образом: почему монархи Российской Империи посчитали, что Россия нуждается в новом Гражданском уложении, когда был разработан Свод законов гражданских? Причем невозможно сказать, что Свод был «застывшим». Он развивался.

При разработке любого кодекса важнейшим вопросом является вопрос системы. Если возникает новая норма, то её можно включать только в том случае, если она не нарушит эту систему. А в гражданском праве, как известно, всегда возникает множество норм. Свод законов гражданских был несовершенным, но в то же самое время и очень гибким, и мог включать в себя любой материал. Гражданское уложение включало в себя только тот материал, который подходил к его системе. Поэтому для систематизации важно расположение правовых норм [1].

Разработка нового проекта Гражданского уложения началась в 1882 году в рамках Кодификационного отдела при Государственном совете, созданного на основе Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В Именном указе об учреждении этого органа, изданном в 1882 году говорилось, что он создается для того, чтобы исполнение лежавших

Vladimir O. Kramarenko
2-year student of a master's degree,
Law Institute,
Department of the History of Law and State,
Peoples' Friendship University of Russia
vladimirkramaren@gmail.com

WHETHER THERE WAS A NEED TO DEVELOP THE CIVIL CODE OF 1905?

Annotation. The scientific article raises the question of the necessity of civil code of 1905. The history of creation is briefly described. The principles that guided the members of the editorial Commission are highlighted. The features of the civil code are listed and the conclusion is made. The uniqueness of the Civil code project is emphasized and the question of its impact on the further development of civil legislation in Russia is raised. It is argued that the Civil code project is the necessary component of knowledge, without which a modern civil scientist can no longer be imagined.

Keywords: The Civil code, drafting Commission, the Russian Empire, The Code of laws, pandect system, property law, systematization, codification.

доселе на Втором отделении «обязанностей по изданию Свода законов сближено было с деятельностью Государственного совета». 26 мая 1882 года на основе доклада Министра Юстиции Набокова Д.Н. Александр III утвердил порядок разработки Гражданского уложения:

1. При его составлении нужно учитывать практический опыт применения гражданского права, достижения науки, результаты трудов комиссий, обобщавших проблемы гражданского права ранее;
2. Под руководством министра юстиции учредить комитет для составления Гражданского уложения (из лиц, знакомых с теорией и практикой гражданского права), из состава комитета образовать Редакционную комиссию для составления первоначального проекта Гражданского уложения, члены которой должны быть освобождены от всех других занятий (за исключением сенаторов Гражданского кассационного департамента).
3. На заседания Редакционной комиссии приглашать с правом совещательного голоса профессоров и чиновников судебного департамента.
4. Подготовленный редакционной комиссией проект разослать на заключение сведущих лиц и учреждений. Далее составленный проект внести

на рассмотрение комитета, и исправленный комитетом проект также разослать на заключение подлежащих ведомств. Составленный Редакционной комиссией проект, с объяснительной запиской, внести по совершенном его изготовлении или же по частям, составляющим законченное целое, на обсуждение Комитета в полном составе.

5. С учётом заключений и замечаний подготовить окончательный проект и внести его на рассмотрение Государственного совета.

В состав Комитета для разработки проекта Гражданского уложения были назначены, в том числе, главноуправляющие кодификационным отделом при Государственном совете Е.П. Старицкий (1825–1899), обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев (1827–1907), товарищ министра юстиции Э.В. Фриш (1833–1907) и сенатор С.В. Пахман (1825–1910). На первом заседании Комитет избрал из своего состава Редакционную комиссию (в ее состав вошли С.В. Пахман, С.И. Лукьянов, И.Я. Голубев, В.И. Голевинский и И.И. Карницкий, председатель – Старицкий). Состав редакционной комиссии не оставался неизменным. Все члены Редакционной комиссии имели юридическое образование и специализировались в области гражданского права.

Обращаясь к императору Александру III с предложением о пересмотре действующих гражданских законов и о составлении проекта Гражданского уложения, Д.Н. Набоков называл следующие причины разработки проекта Гражданского уложения [2]:

1. Необходимость согласования действующего гражданского законодательства с новым порядком гражданского судопроизводства в соответствии с Уставом гражданского судопроизводства 1864 года [3]. Благодаря реформе суды должны были действовать быстрее, увеличивалось число судебных дел, однако с учетом неточных законов, расположенных по неудовлетворительной системе в Своде гражданских законов, изложенных в разных редакциях, эффективное судопроизводство было невозможно.

2. Неудовлетворительность системы. Гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената часто не истолковывал закон, а создавал новые определения правовых отношений.

Деятельность комиссии была регламентирована 9 циркулярами, которые министр юстиции направил:

Литература:

1. *Тютрюмов И.* Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов.
2. *Томсинов В.* Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века. М., 2016. С. 2–3.
3. *Немытина М.В.* Суд в России, вторая половина XIX – начало XX вв: Дис. д-ра юрид. наук:

1. Ректорам императорских университетов и директорам юридических учебных заведений (для определения недостатков и пробелов действующего гражданского права, выяснения лучшей системы гражданского права и собрания материалов для пересмотра законов (просил предоставить монографии, диссертации, лекции, которые могли бы помочь).

2. Председателям юридических сообществ (для ознакомления с докладами и сообщениями, сделанных на их заседаниях).

3. Сенаторам, обер-прокурорам департаментов Правительствующего Сената, председателям судов – для выяснения пробелов, которые были выявлены в судебной практике, уяснения недостатков гражданского права [4].

Проект Гражданского уложения и вся история его разработки по различным аспектам, в частности, могут и сегодня использоваться при обогащении опытом ошибок, а также при ведении законотворческой деятельности. Изучение проекта Гражданского уложения является полезным для юристов-практиков, так как высокий уровень логики и юридической техники, а также уровень приемов поиска аргументов, разрешение различных юридических коллизий, которые представлены в самом проекте, могут и сегодня оказаться востребованными. Проект Гражданского уложения является тем необходимым компонентом знаний, без которого современного учёно-цивилиста уже невозможно представить.

Непринятие Гражданского уложения свидетельствует о кризисе режима и его неспособности к проведению серьезных, нацеленных на перспективу преобразований; реформаторские процессы, происходившие в России в этот период – создание Государственной думы, реформа Государственного совета, Манифест 17 октября 1905 года – отражают лишь потребности момента [3].

В заключении хотелось бы отметить, что в России ни раз предпринимались попытки кодификации гражданского права, которые в свою очередь не привели к тому, чтобы на рубеже конца XVIII – начала XX вв. принять Гражданское уложение, как например в Германии (Германское Гражданское уложение 1896 года) или во Франции (Гражданский кодекс Наполеона 1804 года). Тем не менее попытки такой кодификации предпринимались неоднократно, однако Российская империя так и не получила единого Гражданского уложения.

Literature:

1. *Tutytryumov I.* Civil Laws with explanations of the government Senate and comments of Russian lawyers.
2. *Tomsinov V.* Development of the project of Civil taxation and the development of the science of civil law in Russia in the late XIX – early XX century. M., 2016. C. 2–3.
3. *Nemytina M.V.* the Court in Russia, second half XIX – beginning of XX centuries: Dis. d-RA yurid.

12.00.01 Москва, 1999 403 с. РГБ ОД, 71:02-12/34-8.

4. В.Н. Коковцов о проекте Гражданского уложения // Новое время. 8 августа 1913 г.

Sciences: 12.00.01 Moscow, 1999 403 p. RGB OD, 71: 02-12/34-8.

4. V.N. Kokovtsov on the draft Civil code // the New time. August 8, 1913.

Кубиков Денис Михайлович
аспирант,
Департамент правового регулирования
экономической деятельности,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
kubi4@yandex.ru

Denis M. Kubikov
graduate student,
Department of legal regulation of
economic activities,
Financial University under the
Government of Russian Federation
kubi4@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ СОГЛАШЕНИЙ КРЕДИТОРОВ О ПОРЯДКЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ДОЛЖНИКУ

POSSIBILITY OF JOINT USE OF VARIOUS TYPES OF REDITOR AGREEMENTS ON THE PROCEDURE OF SATISFACTION OF PROPERTY REQUIREMENTS TO DEBTOR

Аннотация. Автором исследуется вопрос о взаимодействии различных видов соглашений кредиторов о порядке удовлетворения имущественных требований кредиторов к должнику. В работе изучается правовое регулирование межкредиторских соглашений, возможность и целесообразность заключения межкредиторских соглашений при проведении процедуры банкротства и наличии иных видов соглашений о порядке удовлетворения требований кредиторов к должнику. Рассматриваются возможности взаимодействия между межкредиторским соглашением и иными соглашениями, изменяющими порядок получения кредиторами исполнения.

Ключевые слова: межкредиторское соглашение, мировое соглашение, соглашение о реструктуризации, соглашения о порядке удовлетворения требований кредитора к должнику.

Annotation. The author examines the issue of interaction of various types of creditor agreements on the procedure for satisfying the creditors' property claims against the debtor. The paper examines the legal regulation of intercreditor agreements, the possibility and expediency of concluding intercreditor agreements when conducting a bankruptcy procedure and the availability of other types of agreements on the procedure for satisfying creditors' claims against the debtor. The possibilities of interaction between the intercreditor agreement and other agreements changing the procedure for obtaining creditors by execution are considered.

Keywords: intercreditor agreement, settlement agreement, restructuring agreement, agreement on the procedure for meeting the creditor's claims against the debtor.

В связи с ростом в обществе количества и значимости кредитных взаимоотношений, возрастает и роль различных инструментов разрешения возникающих споров между участниками кредитных соглашений. Законодателем предусмотрены различные способы разрешения конфликтов, что подразумевает под собой наличие определенной гибкости для того, чтобы участники соглашений могли выбрать наиболее соответствующий их интересам и подходящий для конкретной ситуации способ. В некоторых ситуациях, однако, законодатель ограничивает возможности сторон и устанавливает довольно жесткие рамки действий.

Наиболее распространенным и предпочтительным для сторон межкредиторских соглашений на данный момент является мировое соглашение, которое является, по мнению большинства исследователей «... наиболее экономически выгодным способом предупреждения банкротства должника, восстановления его платежеспособ-

ности, урегулирования имущественных разногласий с кредиторами» [1]. Стоит, однако, отметить, что законодательное закрепление соглашения кредиторов о порядке предъявления имущественных требований добавило новые элементы в кредитные правоотношения, что привело к их усложнению и возникновению спорных моментов в праве. Часть из них была разрешена Постановлением Пленума ВС РФ от 22 ноября 2016 года № 54, с помощью разъяснений которого был устранен ряд возникших коллизий, однако не полностью.

Одним из пунктов данного Постановления было установлено, что заключение межкредиторского соглашения о порядке удовлетворения имеет некоторые особенности относительно его действия по отношению к иным лицам. Так, «соглашение не будет распространяться на иных кредиторов, имеющих требования к должнику, но не вступивших в объединение на основании межкредиторского соглашения» [2]. При рассмотрении

данного положения необходимо учитывать, что мировое соглашение затрагивает интересы большего круга лиц, чем межкредиторское. Соглашение между кредиторами об изменении порядка удовлетворения требований не создает обязанностей для должника, не являющегося участником данного соглашения, также как и не меняет предусмотренный ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» порядок проведения процедур и очередность удовлетворения требований кредиторов. Учитывая, однако, что межкредиторское соглашение может включать в себя не только изменение очередности, но и иные условия, изменяющие порядок удовлетворения требований, возникает вопрос о взаимодействии данного вида соглашений с иными соглашениями, заключаемыми между кредиторами и должниками.

Мировое соглашение достаточно жестко и подробно регулирует отношения между его участниками, однако законодателем предусмотрены некоторые возможности для дополнительного взаимоотношения участников. Как следует из вышеуказанного постановления Пленума, при одновременном действии межкредиторского соглашения, изменяющего порядок удовлетворения требований и проведении процедуры банкротства, с установлением очередности, приоритет будет иметь последнее. Однако при рассмотрении данного вопроса можно сделать вывод, что данный запрет относится не только к изменению очередности кредиторов разной очереди, поскольку данные изменения затрагивают интересы иных участников кредитного соглашения в большем объеме, но и к изменению очередности получения исполнения кредиторами одной очереди в некоторых случаях. Соответственно, наличие межкредиторского соглашения, изменяющего порядок получения исполнения, при заключении мирового соглашения недопустимо.

Законодательное закрепление данного положения оставляет вопросы по взаимодействию между данными видами соглашений, поскольку на данный момент нет точных указаний относительно того, должно ли межкредиторское соглашение прекращать действие при заключении мирового соглашения, и если должно, то в какой части, поскольку представляется вполне возможным продолжение действие соглашения в части, не затрагивающей очередность исполнения, если данная часть не противоречит условиям мирового соглашения.

Аналогичная ситуация возникает также в том случае, когда межкредиторское соглашение меняет пропорциональность получения кредиторами исполнения. Поскольку ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» также устанавливает пропорциональность получения исполнения кредиторами, также необходимо разрешить вопрос о приоритете заключенных соглашений. Следование порядку, установленному ФЗ «О несостоятельности» представляется соответствующим интересам наибольшего круга заинтересованных участников кредитных правоотношений, поскольку учитывает интересы не только заключивших соглашение кредиторов, но и иных лиц, участвующих в кредитном правоотношении. Таким образом, проис-

ходит некоторое обесценивание межкредиторского соглашения при возможности банкротства должника, поскольку при заключении мирового соглашения очередность и пропорциональность исполнения, установленные межкредиторским соглашением, утрачивают свою силу.

Соответственно, учитывая принципы равенства участников правоотношений и разумный подход к регулированию соглашений, можно сделать вывод, что при выборе между межкредиторским и мировым соглашением, последнее имеет большую юридическую силу, и по большей части нивелирует действие межкредиторского соглашения. В таком случае межкредиторское соглашение представляется более предпочтительным для заключения в случае, если имеется уверенность в положении должника или его сохранении при заключении соглашения. В целом, несмотря на фактическое отсутствие запрета одновременного заключения межкредиторского и мирового соглашения, законодатель отдает предпочтение мировому соглашению, поскольку заключение межкредиторского соглашения в данном случае не представляется целесообразным и отвечающим целям, которые ставят перед собой участвующие в нем кредиторы.

Как следует из вышесказанного, наличие мирового соглашения ограничивает заключение иных соглашений, меняющих правовое положение сторон и порядок удовлетворения требований, поскольку данные соглашения «... с точки зрения ГК РФ предполагают заключение специального соглашения между должником и кредитором. Подобных двусторонних соглашений Закон о банкротстве не допускает – это поставило бы одних кредиторов в привилегированное положение перед другими» [3].

При заключении мировой сделки регулирование взаимодействия соглашений менее сложное, чем в случае с мировым соглашением в процедуре банкротства. Поскольку мировая сделка не предъявляет требований к установлению очередности или пропорциональности исполнения, стороны такой сделки вправе включить в ее состав данные положения, что позволяет рассматривать межкредиторское соглашение как возможную часть мировой сделки. В данном случае необходимо отметить, что должник будет являться участником межкредиторского соглашения, со всеми вытекающими последствиями.

Еще одним соглашением, предусмотренным ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» является соглашение о реструктуризации, которое влияет на порядок удовлетворения требований кредиторов, поскольку подразумевает собой установление определенного порядка и сроков пропорционального погашения требований кредиторов. Аналогично с мировым соглашением, соглашение о реструктуризации не допускает изменения установленного им порядка удовлетворения требований кредиторов, впрочем, «по инициативе как гражданина-должника, так и кредиторов допускается неоднократное внесение изменений в план реструктуризации, которое, однако, подлежит утверждению судом» [4].

Рассмотрев вышеуказанные соглашения, можно сделать вывод, что межкредиторские соглашения возможны для исполнения в основном до стадии банкротства должника, поскольку при проведении предусмотренных при банкротстве процедур и возникновении соответствующих соглашений межкредиторские соглашения теряют свою актуальность. Исследователями также отмечается необходимость установления, с какой целью заключается соглашение «...для воз-

обновления платежеспособности должника, включая удовлетворение требований всех кредиторов, как это определил законодатель, либо с целью обеспечивать неоправданные преимущества лишь определенной группе кредиторов» [5]. Данные ограничения служат для защиты интересов участников кредитных отношений и не позволяют кредиторам получить необоснованное преимущество в получении исполнения перед другими в результате заключения соглашения.

Литература.

1. *Эпштейн С.* Основные проблемы заключения внесудебного мирового соглашения в отечественном и зарубежном законодательствах. // Пробелы в российском законодательстве. 2010 № 2.
2. *Харитонов Ю.С.* Межкредиторские соглашения в Российской доктрине и практике // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79).
3. *Эпштейн С.* К вопросу об условиях заключения мирового соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве) // Бизнес в законе. 2011. № 5.
4. *Тимиреева С.Н.* Реструктуризация долгов гражданина в рамках дела о банкротстве гражданина // Символ науки. 2017. № 1.
5. *Химичев В.А.* Судейское усмотрение в делах о банкротстве // Вестник ВАС РФ – 2004 № 1.

Literature:

1. *Epstein S.* The main problems of the conclusion of the extrajudicial settlement agreement in domestic and foreign legislations. // Gaps in the Russian legislation. 2010 № 2.
2. *Kharitonova J.S.* Intercreditor agreements in the Russian doctrine and practice. // Actual problems of Russian law – 2017 № 6 (79)
3. *Epstein S.* To a question on conditions of the conclusion of the agreement of lawsuit in business about an inconsistency (bankruptcy). // Business in law. 2011. № 5
4. *Timireeva S.N.* Restructuring of the citizen's debts within the framework of the case of bankruptcy of a citizen // The symbol of science. 2017. № 1
5. *Khimichev V.A.* Judicial discretion in cases of bankruptcy // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation – 2004 № 1.

Максютов Марсель Флоритович

прокурор города,
прокуратура города Октябрьский
Республики Башкортостан
marsel76672016@yandex.ru

ОБЪЕКТЫ И СУБЪЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ КОРПОРАТИВНЫХ ЗАКУПОК (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ)

Аннотация. Автором рассмотрены объекты и субъекты прокурорского надзора за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными юридическими лицами. Предложена авторское определение понятия объекта надзора в рассматриваемой сфере. Рассмотрена систематизация объектов надзора, в основу которой положено несколько критериев, позволяющих разграничить поднадзорные прокурору объекты, в частности, по видам юридических лиц, по уровням и видам органов прокуратуры Российской Федерации. Представленная систематизация объектов на практике прокурорам позволяет верно определить поднадзорные конкретной прокуратуре объекты. В статье рассмотрены субъекты прокурорского надзора в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, корпоративные закупки, объекты и субъекты прокурорского надзора.

Вопрос определения и установления объектов и субъектов прокурорского надзора за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц [9, с. 23–27] (далее также – надзор за исполнением законов в сфере корпоративных закупок) является существенным как в теоретическом, так и практическом смысле. Важно отметить, что сфера корпоративных закупок – вид хозяйственной деятельности, осуществляемой коммерческими юридическими лицами за счет собственных средств и участие государственных и муниципальных образований в них реализуется исключительно через управление организацией и (или) имущественный вклад в уставный капитал, следовательно, вмешательство прокуратуры в такую деятельность должно проводиться строго в случаях, указанных в законе.

Современная научная позиция относительно объекта прокурорского надзора за исполнением законов, основанная на действующей редакции Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О

Marsel F. Maksutov

city prosecutor,
Office of Public Prosecutor of the city of
October Republic of Bashkortostan
marsel76672016@yandex.ru

OBJECTS AND SUBJECTS OF PROSECUTOR'S SUPERVISION FOR EXECUTION IN CORPORATE PROCUREMENT LAWS (THEORY AND PRACTICE)

Annotation. The author examined the objects and subjects of the prosecutor's supervision over the implementation of laws in the sphere of procurement of goods, works, services by individual legal entities. The author's definition of the object of supervision in the sphere is proposed. The systematization of supervisory objects is considered, based on several criteria that make it possible to distinguish objects supervised by the prosecutor, in particular, by types of legal entities, by levels and types of the prosecution authorities of the Russian Federation. The present systematization of objects in practice to prosecutors makes it possible to correctly determine objects supervised by a prosecutor's office. The article examines subjects of prosecutorial supervision in the sphere in question.

Keywords: prosecutor, prosecutor's supervision, corporate procurement, objects and subjects of the prosecutor's supervision.

прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), заключается в том, что «прокуратура фокусирует свою юрисдикционную деятельность на строго очерченной совокупности органов, организаций и должностных лиц, которые относятся к категории объектов» [6, с. 176–175]. Речь идет о федеральных отраслевых органах исполнительной власти (федеральных министерствах, службах, агентствах и других), органах государственной власти субъектов Российской Федерации, других структурах и должностных лицах, упомянутых при определении предмета прокурорского надзора (пункт 1 статьи 21 Закона о прокуратуре).

Аналогичной позиции придерживается А.Х. Казарина, полагающая, что, исходя из смысла статьи 21 Закона о прокуратуре, «объектами надзора выступают федеральные министерства, федеральные службы, федеральные агентства, относящиеся к органам исполнительной власти; органы представительной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации и

местного самоуправления, коммерческие и некоммерческие организации ... должностные лица, ответственные за исполнение законов, в том числе должностные лица органов государственной власти и местного самоуправления, руководители коммерческих и некоммерческих организаций» [3, с. 201].

Профессор А.Ю. Винокуров, в целом разделяя современный подход к определению объектов надзора, отметил, что под объектами надзора следует понимать «перечисленные в Законе о прокуратуре и иных законодательных актах органы и иные структуры, в то время должностных и иных лиц ... в качестве субъектов надзора» [1, с. 23]. С последней позицией следует согласиться.

Таким образом, объектами прокурорского надзора за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц являются федеральные министерства, службы, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие управление и контроль (надзор) в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, их контрольно-счетные органы, а также юридические лица, осуществляющие закупки в порядке, установленном Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ).

Как видно из определения, число органов и организаций, которые входят в круг поднадзорных прокуратуре объектов надзора за исполнением законов в сфере корпоративных закупок, является значительным; объекты надзора имеют различный правовой статус, подчиненность, организационно-правовую форму, функции, полномочия и др.

В целях правильного уяснения и обозначения поднадзорных прокурору объектов предлагается провести их систематизацию распределив данные объекты по группам (подгруппам) с указанием обстоятельств, в каких случаях названные органы и организации приобретают статус объектов прокурорского надзора, раскрыв их основные полномочия, что должно иметь положительное значение в ходе осуществления прокурорскими надзорными мероприятиями в практической деятельности.

По первому критерию объекты прокурорского надзора за исполнением законов в сфере корпоративных закупок предлагается разделить на две группы по принципу отнесения их к органам публичной власти (группа I) или организациям, не относящимся к таковым (группа II).

I. Органы публичной власти, осуществляющие функции государственного (муниципального) управления и контроля (надзора) в сфере корпоративных закупок, которые, в свою очередь, следует подразделить по уровню публичной власти.

1. Федеральные органы исполнительной власти.

Министерство экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития России) осуществляет ведение реестра инвестиционных проектов; обеспечение совместно с Федеральным казначейством обслуживания участников единой информационной системы.

Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) осуществляет функции по принятию нормативных правовых актов и контролю за соблюдением антимонопольного законодательства в сфере корпоративных закупок и др.

Федеральная налоговая служба (ФНС России) осуществляет функции по контролю и надзору за соблюдением юридическими лицами законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов и сборов; осуществляющая государственную регистрацию юридических лиц.

Федеральная служба судебных приставов (ФССП России) осуществляет функции по исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности.

Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) осуществляет функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма.

Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество) осуществляет функции по управлению федеральным имуществом; обеспечивает участие представителей государства в управлении публичным юридическим лицом.

2. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие:

– полномочия уполномоченного органа государственной власти субъекта Российской Федерации по определению поставщиков (подрядчиков, исполнителей), если такие полномочия юридическими лицами им переданы. К примеру, в Иркутской области в качестве уполномоченного органа выступает *Министерство по регулированию контрактной системы в сфере закупок Иркутской области*;

– управленческие, контрольные или иные полномочия в отношении юридических лиц, ведущих закупочную деятельность в соответствии с Законом № 223-ФЗ и имеющих подведомственность региональным органам исполнительной власти. *Министерство экономики Пензенской области*, например, является уполномоченным исполнительным органом государственной власти Пензенской области в сфере корпоративных закупок. В Тюменской области эти полномочия представлены *Комитету по контролю в сфере закупок Тюменской области*;

– контрольно-счетные полномочия, в лице контрольно-счетного органа субъекта Российской Федерации, являющегося постоянно действующим органом внешнего государственного финансового контроля. Деятельность указанных контрольно-счетных органов распространяется на корпоративных заказчиков, осуществляющих закупки за счет бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, в случаях, прямо предусмотренных Законом № 223-ФЗ.

3. Органы местного самоуправления, осуществляющие:

– управленческие и контрольные полномочия в отношении юридических лиц, ведущих закупочную деятельность в соответствии с Законом № 223-ФЗ и подведомственных органам местного самоуправления;

– контрольно-счетные полномочия, в лице контрольно-счетного органа муниципального образования, являющегося постоянно действующим органом внешнего муниципального финансового контроля. Деятельность указанных контрольно-счетных органов распространяется на корпоративных заказчиков, осуществляющих закупки за счет средств местных бюджетов, в случаях, предусмотренных Законом № 223-ФЗ.

II. Организации – юридические лица, осуществляющие закупки в порядке, установленном Законом № 223-ФЗ, рассматриваются в качестве самостоятельных объектов надзора и подразделяются на корпоративных заказчиков и уполномоченные организации.

1. Корпоративные заказчики – непосредственно юридические лица с преобладающей долей государства, иного публичного образования, самостоятельно осуществляющие закупки товаров, работ, услуг для обеспечения собственных нужд на основании Закона № 223-ФЗ, которые перечислены в статье 1 указанного закона. Так, к числу объектов надзора в рассматриваемой сфере относятся:

– *государственные корпорации* (Госкорпорация «Внешэкономбанк», Госкорпорация «Агентство по страхованию вкладов», Госкорпорация «Росатом», Госкорпорация «Ростех», Госкорпорация «Роскосмос»);

– *государственные компании* (Государственная компания «Российские автомобильные дороги»);

– *публично-правовые компании* – унитарные некоммерческие организации, созданные Российской Федерацией в порядке, установленном Федеральным законом от 03.07.2016 № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации...», наделенные функциями и полномочиями публично-правового характера и осуществляющие свою деятельность в интересах государства и общества;

– *субъекты естественных монополий*, к которым в соответствии со статьей 3 Федерального закона от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях» отнесены организации, занятые

производством (реализацией) товаров в условиях естественной монополии;

– *организации, осуществляющие регулируемые виды деятельности* в сфере электроснабжения, газоснабжения, теплоснабжения, водоснабжения, водоотведения, очистки сточных вод, обработки, утилизации, обезвреживания и захоронения твердых коммунальных отходов;

– *государственные и муниципальные унитарные предприятия*, в случаях, перечисленных в пункте 5 части 2 статьи 1 Закона № 223-ФЗ;

– *автономные учреждения* – некоммерческие организации, созданные Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти, полномочий органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, средств массовой информации, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах в случаях, установленных федеральными законами;

– *хозяйственные общества (акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью)*, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования в совокупности превышает 50 %; *дочерние хозяйственные общества*, в уставном капитале которых более 50 % долей в совокупности принадлежат указанным выше юридическим лицам; *дочерние хозяйственные общества*, в уставном капитале которых более 50 % долей в совокупности принадлежат указанным выше дочерним хозяйственным обществам;

– *бюджетные учреждения* в случаях, перечисленных в пункте 4 части 2 статьи 1 Закона № 223-ФЗ;

– *федеральные государственные унитарные предприятия*, имеющие существенное значение для обеспечения прав и законных интересов граждан Российской Федерации, обороноспособности и безопасности государства, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации по согласованию с Администрацией Президента Российской Федерации;

– *иные юридические лица*, определенные частью 2.1 статьи 1 Закона № 223-ФЗ, в случае реализации ими инвестиционных проектов стоимостью свыше величины (не менее 10 млрд руб.), установленной Правительством Российской Федерации, и которым оказывается государственная поддержка, предусмотренная частью 3 статьи 3.1. Закона № 223-ФЗ.

2. Уполномоченные учреждения осуществляют полномочия корпоративных заказчиков на основании нормативного правового акта, принятого на уровне субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления или заключенного

соглашения о делегировании данного полномочия. Например, в Алтайском крае на основании заключенных соглашений полномочия по определению поставщиков (подрядчиков, исполнителей) товаров, работ, услуг для государственных унитарных предприятий, автономных и бюджетных учреждений края возложены на *краевое государственное казенное учреждение «Центр государственных закупок Алтайского края»*.

По второму критерию объекты прокурорского надзора за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц можно сгруппировать на основе их поднадзорности органам прокуратуры различных уровней (от Генеральной прокуратуры Российской Федерации до прокуратур городов, районов):

– *центральному аппарату Генеральной прокуратуры Российской Федерации* поднадзорны все федеральные органы исполнительной власти за исключением их подразделений, действующих на межрегиональном уровне и уровне субъектов Российской Федерации (Минэкономразвития, ФАС России, ФНС России, ФССП России, Росимущество);

– *управлениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах* поднадзорны межрегиональные структурные подразделения федеральных органов исполнительной власти, как правило, не имеющие подразделений в субъектах Российской Федерации. Например, межрегиональные управления Росфинмониторинга по федеральным округам;

– *прокуратурам субъектов Российской Федерации* поднадзорны управления, главные управления, территориальные управления, межрайонные инспекции – территориальные подразделения федеральных органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие полномочия в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц;

– *прокуратурам городов, районов* поднадзорны городские, межрайонные, районные инспекции, отделы – территориальные подразделения федеральных органов исполнительной власти в городах и районах субъектов Российской Федерации, территориальные подразделения органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие полномочия в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц.

Переходя к рассмотрению субъектов прокурорского надзора, вновь обратимся к позиции профессора А.Ю. Винокурова, справедливо полагающего, что в качестве субъектов прокурорского надзора следует понимать должностных и иных лиц, перечисленных в статьях 21, 26 Закона о прокуратуре [1, с. 23]. В отличие от вышеприве-

денной позиции, отдельные авторы, к сожалению, не разделяют объекты и субъекты прокурорского надзора [3, с. 201, 204, 205].

Другие исследователи, в частности, Т.Е. Сушина необоснованно смешивает понятия субъекты прокурорского надзора и субъекты прокурорско-надзорных отношений, поскольку, рассуждая о первых, приводит трехзвенную структуру вторых, включая прокурора [8, с.76]. Двойственной позиции, не разделяющей рассматриваемых понятий, придерживается Б.В.Коробейников [4, с. 16].

Прокурор, безусловно, является субъектом прокурорско-надзорных отношений, но никак не относится к числу субъектов прокурорского надзора – должностных лиц органов и организаций, поднадзорных прокурору, – поскольку в таком случае прокурор будет осуществлять надзор сам за собой. Данная позиция подтверждается В.Г. Даевым и М.Н. Маршуновым [2, с. 68].

Дискуссионным в науке прокурорского надзора остается вопрос об отнесении к кругу субъектов надзора граждан как физических лиц. К примеру, А.Х. Казарина отмечает, что «граждане могут быть одновременно объектами прокурорского надзора и субъектами конкретного прокурорско-надзорного правоотношения с одной существенной оговоркой. Начиная с 1995 г. в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» отсутствует упоминание о гражданах как объекте прокурорского надзора» [3]. При внимательном прочтении усматривается определенное противоречие в приведенной цитате. Автор одновременно относит граждан к объектам прокурорского надзора и указывает об их исключении из Закона о прокуратуре.

С позицией А.Х. Казариной об отнесении граждан к числу субъектов надзора также трудно согласиться. Полагаем, что гражданин как физическое лицо, исходя из смысла статей 21, 26 Закона о прокуратуре, не может рассматриваться в качестве субъекта надзора. В этом качестве гражданина следует рассматривать только в случае, если он имеет статус индивидуального предпринимателя (зарегистрирован в качестве такового) и прокурорская деятельность направлена на проверку исполнения законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц исключительно в рамках осуществляемой гражданином предпринимательской деятельности [5, с. 88–89; 7, с. 115–116].

В завершении отметим, что определение круга объектов и субъектов надзора также важно для прокурора, как и уяснение предмета надзора, поскольку в практической деятельности это позволяет правильно распланировать работу, распределить нагрузку между сотрудниками прокуратуры и надзорными проверками охватывать исключительно поднадзорные органы и организации, что исключит нарушение требований организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации и вмешательство в юрисдикцию иных прокуроров.

Литература:

1. *Винокуров А.Ю.* Объекты и субъекты прокурорского надзора: проблемы законодательной идентификации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3.
2. *Даев В.Г.* Основы теории прокурорского надзора / В.Г. Даев, М.Н. Маршун. Л., 1990.
3. *Казарина А.Х.* Избранные труды / сост. Р.В. Жубрин и др.; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2014.
4. *Коробейников Б.В.* Прокурорский надзор: учебник. М., 2010.
5. *Кречетов Д.В.* Проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства России о государственных и муниципальных финансах. Н. Новгород, 2002.
6. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С.Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокурова. М., 2012.
7. *Субанова Н.В.* Проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о лицензировании предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
8. *Сушина Т.Е.* Защита прокурором жилищных прав граждан – участников долевого строительства многоквартирных домов: научно-практ. комментарий. М., 2016.
9. *Тухватуллин Т.А.* Надзор за исполнением законов в сфере корпоративных закупок / Т.А. Тухватуллин, М.Ф. Максютков // Законность. 2017. № 1.

Literature:

1. *Vinokurov A.Yu.* Objects and subjects of the prosecutor's supervision: the problems of legislative identification // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2011. № 3.
2. *Daev V.G.* Bases of the theory of public prosecutor's supervision / V.G. Daev, M.N. Marshunov. L., 1990.
3. *Kazarina A.Kh.* Selected works / comp. R.W. Zhubrin et al.; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. M., 2014.
4. *Korobeinikov B.V.* Prosecutor's supervision: a textbook. M., 2010.
5. *Krechetov D.V.* Problems of prosecutorial supervision over the implementation of Russian legislation on state and municipal finances. N. Novgorod, 2002.
6. The prosecutor's desk book / under total. Ed. S.G. Kehlerova, O.S. Kapinus; sci. Ed. A.Yu. Vinokurov. M., 2012.
7. *Subanova N.V.* Problems of prosecutor's supervision over the implementation of legislation on licensing of entrepreneurial activity : dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2004.
8. *Sushina T.E.* Protection by the prosecutor of the housing rights of citizens – participants in the shared construction of apartment buildings: scientific and practical. a comment. M., 2016.
9. *Tukhvatullin T.A.* Supervision of the implementation of laws in the field of corporate procurement / T.A. Tukhvatullin, M.F. Maksyutov // Legality. 2017. № 1.

Мельниченко Николай Николаевич
аспирант кафедры уголовного права
и криминологии,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ: ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА (СТ. 164, 190, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 УК РФ)

Аннотация. На основе систематического анализа доктринальных положений об объекте преступлений против собственности; в сфере экономической деятельности; против безопасности и общественной нравственности, а также норм УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за посягательства на археологические ценности (ст. ст. 164, 190, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 УК РФ), в статье исследуются юридическая природа и система этих преступлений. По итогам осуществленного анализа представлена позиция, согласно которой размещение указанных норм в разных главах Особенной части УК РФ необоснованно, и сформировано предложение об объединении всех названных составов преступлений в рамках одной новой главы – 25.1 «Преступления, посягающие на объекты культурного наследия РФ».

Ключевые слова: объект преступления, преступления против собственности; преступления в сфере экономической деятельности; преступления против безопасности и общественной нравственности; объекты археологического наследия; культурные ценности.

Криминализация в XXI в. охватила разные сферы жизнедеятельности общества. Одним из наиболее циничных проявлений противоправной деятельности являются преступления, посягающие на археологическое наследие. Появившись впервые на рубеже XIX–XX вв., они к середине 60-х гг. XX в. получили свое беспрецедентное распространение. По данным Интерпола, в мире ежегодно похищается 450–500 произведений живописи, ваяния, предметов религиозного культа, археологических ценностей и других произведений и памятников разных эпох и народов. С середины 80-х годов прошлого столетия в странах Европы и США возрос интерес к истории и культуре России, в том числе и к произведениям искусства. Это и явилось точкой отсчета активного разграбления наследия народов России.

Nikolay N. Melnichenko
graduate student of department of
criminal law and criminology,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

CRIMES AGAINST THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE: THE CONCEPT AND THE SYSTEM (ARTICLES 164, 190, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation. Based on a systematic analysis of doctrinal provisions on the scope of crimes against property; in the sphere of economic activity; against security and public morality, as well as the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, which establish criminal liability for encroachments on archaeological values (Articles 164, 190, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 of the Criminal Code), the article examines the legal nature and the system of these crimes. Based on the results of the analysis, a position is presented regarding the fact that the placement of these norms in different chapters of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is unreasonable and a proposal has been formed to unify all the above-mentioned crimes within the framework of one new chapter – 25.1 «Crimes that encroach on the objects of the cultural heritage of the Russian Federation».

Keywords: object of crime, crimes against property; crimes in the sphere of economic activity; crimes against security and public morals; objects of archaeological heritage; cultural values.

Так, по данным экспертов, количество хищений предметов, имеющих особую ценность, из музеев и церквей России в 2011 г. по сравнению с 1989 г. возросло в 12 раз, краж из частных домовладений и квартир – в 20 раз [1, с. 22]. Сегодня в нашей стране насчитывается десятки тысяч «чёрных копателей» [2], которые причиняют невосполнимый ущерб культурному наследию. В докладах о состоянии гражданского общества отмечается, что ежегодно погибает до 500 памятников истории и культуры и культурных ценностей, а за последнее десятилетие потери составили более 5500 объектов культурного наследия и культурных ценностей [3].

Безусловно, в сложившейся ситуации российское государство не может не принимать актив-

ных мер по обеспечению охраны археологического наследия. В Стратегии национальной безопасности РФ отмечается, что посягательства на объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов РФ напрямую угрожают национальной безопасности государства [4]. В РФ на законодательном уровне отмечена неразрывная связь создания и сохранения культурных ценностей, приобщения к ним всех граждан, с социально-экономическим прогрессом, развитием демократии, укреплением целостности и суверенитета страны [5, с. 5]. Конституция РФ устанавливает обязанность многонационального народа бережно относиться к историческому и культурному наследию, беречь памятники истории и культуры (п. 3 ст. 44). В соответствии с этим сохранение культурных ценностей признается одной из приоритетных задач развития страны. Об этом свидетельствует и действующее специализированное законодательство, в частности, Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 29.12.2017г.) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ) и ст. ст. 164, 190, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 УК РФ.

УК РФ устанавливает противоправность и наказуемость ряда наиболее опасных деяний, посягающих на сохранность археологического наследия, чем вносит свой значительный вклад в обеспечение защиты духовной безопасности от преступных посягательств. Всего в УК РФ выделено семь преступлений, непосредственно посягающих на сохранность археологического наследия РФ. Следовательно, можно с полной уверенностью говорить о формировании в действующем уголовном законе России института уголовной ответственности за посягательства на культурное наследие народов России. Все указанные преступления объединяет общность предмета посягательства – археологические ценности. В уголовно-правовом контексте, на наш взгляд, археологическими ценностями будут являться лишь материально выраженные объекты и предметы. К специфическим особенностям археологических ценностей следует отнести:

1) объекты археологического наследия являются составной частью объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, которые соотносятся между собой как часть и целое и неотделимы друг от друга;

2) они представляют собой частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки (городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов и т.п.);

3) это как недвижимые, так и движимые культурные ценности, с момента возникновения которых прошло не менее ста лет;

4) границы объекта археологического наследия определяются на основании археологических полевых работ;

5) объекты археологического наследия относятся к объектам федерального, регионального и местного (муниципального) значения;

6) они должны быть внесены в единый государственный реестр объектов культурного наследия, но обязанность государственной охраны археологических объектов возникает с момента их непосредственного обнаружения (п. 16 ст. 16.1 Федерального закона № 73-ФЗ);

7) все объекты археологического наследия, а также все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся исключительно в государственной собственности (п. 3 ст. 49 ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»), и отчуждению из государственной собственности не подлежат (п. 1 ст. 50 Федерального закона № 73-ФЗ).

Обладает несомненной общностью и юридическая природа составов посягательств на сохранность археологических ценностей. Прежде всего, она predetermined содержанием их объекта, в качестве которого выступает совокупность общественных отношений в сфере обеспечения легального режима раскопок, исследования, демонстрации в просветительских целях и сохранности объектов археологического наследия.

В целом, систему рассматриваемых преступлений можно представить следующим образом:

– посягательства, связанные с нарушением установленного законом порядка владения и пользования объектами архитектурного наследия (ст.ст. 164, 190, 226.1, 243.1 УК РФ);

– посягательства, связанные с нарушением установленного порядка обеспечения физической сохранности объектов архитектурного наследия (ст.ст. 243, 243.1 УК РФ);

– посягательства, связанные с нарушением установленного порядка поиска и изъятия объектов археологического наследия (ст. 243.2, 243.3 УК РФ).

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что фактическое содержание объекта рассматриваемых составов преступлений совершенно необоснованно не совпадает с юридическим, определенным УК РФ. Так, преступления, посягающие на сохранность археологического наследия, размещены в УК РФ в четырех главах. Это гл. 21 «Преступления против собственности», гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» и гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной

нравственности». В буквальном смысле слова ни одна из названных глав уголовного закона не соответствует истинному содержанию видového объекта рассматриваемых преступлений.

Так, в отечественной уголовно-правовой доктрине достаточно унифицировано определяется объект преступлений против собственности. Объектом преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ, является (в социальном смысле) собственность как единство формы и содержания, т.е. регулируемое объективным правом общественное отношение, складывающееся по поводу принадлежащего лицу имущества, над которым собственник (иной законный владелец) осуществляет экономическое господство в целях наиболее полного владения, пользования и распоряжения имуществом [6, с. 4]. В этой связи считаем, что при хищении предметов, имеющих особую ценность, хотя и нарушаются указанные выше общественные отношения, но они имеют второстепенный характер. В данном случае следует иметь в виду ограниченный характер права собственности на объекты археологического наследия в РФ. Кроме того, при хищении указанных объектов, в первую очередь, нарушается установленный законом порядок охраны культурного наследия РФ. Именно отношения в сфере его реализации выступают в качестве как видového, так и основного непосредственного объекта посягательства в рамках ст. 164 УК РФ. Аналогичная ситуация возникает и при анализе объекта невозвращения на территорию РФ культурных ценностей (ст. 190 УК РФ). Этот состав преступления необоснованно расположен законодателем в гл. 22 Кодекса. В отечественной научной литературе вопрос о содержании объекта преступлений в сфере экономической деятельности решается достаточно определенно. В качестве такового признается экономическая система РФ (в широком смысле) как совокупность общественных отношений, связанных с производством, распределением, обменом, потреблением и использованием материальных ценностей либо ее отдельные подсистемы (в более узком смысле): денежно-кредитная, финансовая, налоговая, таможенная, валютная, банковская и т.п. [7, с. 301]. В монографической литературе также наблюдается единство точек зрения по данному вопросу [8, с. 6; 9, с. 6].

Совершенно очевидно в этой связи, что деяние, криминализованное в ст. 190 УК РФ, никоим образом не посягает на указанный объект уголовно-правовой охраны. В результате невозвращения из-за границы культурных ценностей РФ нарушаются отношения в сфере обеспечения сохранности национального наследия народов России, подрываются духовные и нравственные основы общества. Не выдерживает критики и размещение ст. 226.1 УК РФ в части установления ею ответственности за контрабанду культурных ценностей в главе 24 УК РФ, объединяющей деяния, для которых видovým объектом выступают отношения в сфере обеспечения общественной безопасности. Под общественной безопасностью следует понимать совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное существование индивида в обществе,

его социальную защищенность, обеспечение прав и свобод, охраняемых государством, в том числе посредством законотворчества. Общественная безопасность – это необходимый и достаточный уровень правовой защищенности интересов общества, обеспечивающий безопасные условия его существования [10, с. 6]. В данном случае также очевидно, что при контрабанде археологических ценностей общественная безопасность не нарушается. Возникают вопросы и относительно размещения целого ряда статей, криминализующих посягательства на сохранность объектов археологического наследия в гл. 25 УК РФ (ст.ст. 243, 243.1, 243.2, 243.3). Многие авторы солидарны в том, что видovým объектом преступлений, объединенных в названной главе, выступают общественные отношения в сфере обеспечения безопасных условий жизни многих людей (здоровье населения), а также в сфере реализации выработанной социумом системы норм, правил поведения, идей, традиций и взглядов о справедливости, долге, чести, которые являются господствующими в обществе (общественная нравственность) [11, с. 339]. Р.Б. Осокин указывает на то, что признание общественной нравственности в качестве полноценного объекта уголовно-правовой охраны позволяет рассматривать ее как совокупность публичных общественных отношений по соблюдению господствующих в российском обществе этических принципов и норм, регулирующих правила жизнедеятельности человека по соблюдению дозволенных пределов поведения в сексуальных отношениях, в области духовной культуры, социальной памяти, надлежащего поведения граждан в общественных местах, гуманного отношения к животным [12, с. 7].

В свою очередь, Р.В. Торосян составы преступлений, предусмотренные в ст. 243, 244 УК РФ, объединяет в группу преступлений против общественной нравственности, нарушающих нравственные установления в сфере сохранения наследия прошлого и поддержания связи поколений [13, с. 8]. Однако и в данном случае очевидно, что неправомерные действия, криминализованные в ст.ст. 243, 243.1, 243.2, 243.3 УК РФ, прежде всего, посягают не на нравственность, а на общественные отношения в сфере реализации установленного в РФ легального порядка обращения с объектами археологического наследия, обеспечивающего их сохранность.

Сложившаяся де-юре ситуация создает разобщенность уголовно-правовой охраны объектов археологического наследия и должна быть скорректирована. Наиболее оптимальный путь – формирование в рамках Особенной части УК РФ самостоятельной главы, в которой были бы объединены все составы преступлений, посягающие на культурное наследие народов РФ, в том числе и объекты археологии. В этой связи видится целесообразным формирование новой главы 25.1 «Преступления, посягающие на сохранность объектов культурного наследия РФ». В рамках этой главы следует объединить такие составы преступлений, как хищение предметов, имеющих особую ценность; невозвращение на территорию

Российской Федерации культурных ценностей; контрабанда культурных ценностей; уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей; нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в

Литература:

1. *Жеребченко А.В.* Хищение предметов, имеющих особую ценность: проблемы теории и практики / А.В. Жеребченко, И.Н. Афроскина // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. М., 2017. С. 22.
2. Новгородский историк: «Черные копатели» чувствуют себя безнаказанно» // URL: <https://news.novgorod.ru/news/109128.html> (дата обращения – 10 марта 2018 г.).
3. Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации // URL: <http://mkrf.ru/news/interview/detail.php?ID=64800>; Доклад о состоянии гражданского общества за 2014 г.: утв. на Пленарном заседании Общественной палаты Российской Федерации // URL: https://www.oprf.ru/files/oprf_dokladsociety_a4_l_2-2014_184p_rus_blok_corr_4_preview_postr.pdf. (дата обращения – 10 марта 2018 г.).
4. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 (п. 79) // URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения – 30 марта 2018 г.).
5. *Калининская Я.С.* Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 2.
6. *Вишнякова Н.В.* Объект и предмет преступлений против собственности : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 4.
7. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 301.
8. *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономической деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. С. 6.
9. *Талан М.В.* Преступления в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 6.
10. *Гегамов А.Р.* Насильственные преступления против общественной безопасности и общественного порядка и уголовно-правовой механизм назначения справедливого наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 6.

единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия; незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания; уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере.

Literature:

1. *Zherebchenko A.V.* Plunder of the objects having special value: problems of the theory and practice / A.V. Zherebchenko, I.N. Afroskina // Current problems of fight against crimes and other offenses. M, 2017. P. 22.
2. Novgorod historian: «Black diggers» feel with impunity» // URL: <https://news.novgorod.ru/news/109128.html> (date of the address – on March 10, 2018).
3. Official site of the Ministry of Culture of the Russian Federation // URL: <http://mkrf.ru/news/interview/detail.php?ID=64800>; The Report on a condition of civil society for 2014: утв. at the Plenary session of Public chamber of the Russian Federation // URL: https://www.oprf.ru/files/oprf_dokladsociety_a4_l_2-2014_184p_rus_blok_corr_4_preview_postr.pdf (date of the address – on March 10, 2018).
4. About the strategy of national security of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation from 12/31/2015 № 683 (item 79) // URL: <http://www.consultant.ru/document/> (date of the address – on March 30, 2018)
5. *Kalinin Ya.S.* Criminal liability for destruction or damage of historical and cultural monuments : автореф. yew. ... edging. юрид. sciences. M., 2008. P. 2.
6. *Vishnyakova N.V.* An object and a subject of crimes against property : yew. ... edging. юрид. sciences. Omsk, 2003. P. 4.
7. Russian criminal law. A special part / under the editorship of V.P. Konyakhin, M.L. Prokhorova. M, 2015. P. 301.
8. *Lopashenko N.A.* Crimes in the sphere of economic activity : yew. ... Dr.s jurid. sciences. Saratov, 1997. P. 6.
9. *Talan M.V.* Crimes in the sphere of economic activity : yew. ... edging. юрид. sciences. Kazan, 2002. P. 6.
10. *Gegamov A.R.* Violent crimes against public safety and public order and a criminal legal mechanism of purpose of fair punishment : yew. ... edging. юрид. sciences. Saratov, 2011. P. 6.

11. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. В.Н. Петрашева. М., 1999. С. 339.

12. *Осокин Р.Б.* Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 7.

13. *Торосян Р.В.* Преступления против общественной нравственности: вопросы криминализации, систематизации и законодательного описания : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2012. С. 8.

11. Criminal law. Special part : the textbook / under the editorship of V.N. Pat-rasheva. M, 1999. P. 339.

12. *Osokin R.B.* Teoretiko-pravovye of a basis of criminal liability for crimes against public morality : yew. ... Dr.s юрид. sciences. M, 2014. P. 7.

13. *Torosyan R.V.* Crimes against public morality: questions of criminalization, systematization and legislative description : yew. ... edging. юрид. sciences. Rostov N / D., 2012. P 8.

Меретуков Гайса Мосович

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина,
Почетный работник высшего
профессионального образования России,
Заслуженный деятель науки Кубани,
Заслуженный юрист РА
crimkubgau@mail.ru

Найденов Артем Сергеевич

студент 4-го курса
юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
crimkubgau@mail.ru

**ПРАВОВЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ
ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ
СВЯЗИ В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ
И РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Аннотация. В данной научной статье авторы рассматривают касающиеся правовых и криминалистических аспектов установления причинно-следственной связи в ходе раскрытия и расследования преступлений, а также анализируют мнения известных ученых занимающихся данной проблематикой.

Ключевые слова: причинно-следственная связь, раскрытие и расследование преступлений, криминалистически значимая информация, следователь, механизм следов преступления, следы отображения

В словаре русского языка «причинность» означает, «взаимную связь явлений, при которой одно является причиной другого», а «причинный» означает «выражающий причинность, причинную связь» [1]. В толковом словаре русского языка записано, что «причинность, в философии: взаимная связь явлений, в возникновении и развитии которых одно служит причиной, а другое – следствием, одно рождается другим, казуальность» и «причинный означает – связанный отношениями причинности, выражающий причинность т.е. причинная связь явлений» [2]. В криминологии (учение о преступности) причиной преступности называется «совокупность социальных явлений и процессов, которые во взаимодействии с обстоятельствами, играющими роль условий, детерминируют существо-

Gaysa M. Meretukov

doctor of jurisprudence, professor,
head of the department of criminalistics,
Kuban state agricultural
university of I.T. Trubilin,
honorary worker of the highest
professional education of Russia,
Honored worker of science of Kuban,
Honored lawyer of RA
crimkubgau@mail.ru

Artem S. Naidyonov

student of the 4th course
law department,
Kuban state agricultural
university of I.T. Trubilin
crimkubgau@mail.ru

**LEGAL AND CRIMINALISTIC
ASPECTS OF DETERMINING
A CAUSE-EFFECT RELATIONSHIP
IN THE COURSE OF
DETECTION AND
INVESTIGATION OF CRIMES**

Annotation. The authors of the article consider the problems related to the legal and criminalistic aspects of determining a cause-effect relationship in the course of detection and investigation of crimes, as well as analyzing the views of well-known scientists dealing with this issue.

Keywords: cause-and-effect relationship, detection and investigation of crimes, significant criminalistic information, investigator, mechanism of crime traces, traces of display

вание преступности как социального явления, наличие отдельных составных ее частей, а на индивидуальном уровне – совершение преступления» [3]. В криминологической науке предметом научного исследования являются причины преступности, причины и условия, способствующие совершению преступления в целом и в частности, и причина поведения отдельного правонарушителя. Здесь причинно-следственная связь имеет фундаментальное значение. Иными словами, если одно или несколько явлений, во взаимосвязи порожденные другими явлениями: физическими, химическими, биологическими, социальными, так и другими процессами, то вполне очевидно существование причинной связи между ними, то есть причинность выступает как связь причины и следствия. Таким образом,

при совершении преступления, как правило, в результате активных, пассивных действий или бездействий возникают определенные общественно-опасные последствия при наличии причинно-следственной связи. Например, лицо, активно используя орудия преступления (нож, колюще-режущий инструмент), интенсивно нанесло удары потерпевшему, в результате чего он скончался от множества ран, повлекших потерю крови. В данной ситуации очевидно, что совершение активных действий с использованием ножа в отношении другого человека привело к тому, у него образовалось множество ран, повлекших потерю крови и наступление смерти. В другом случае, например, при пассивном действии, на момент оказания врачебной помощи врач-нейрохирург оказался некомпетентным в проведении операций подобного рода и не привлек к ней других компетентных хирургов, в результате чего оперируемый умер. Третья ситуация связана с бездействием, т.е. с неоказанием первой доврачебной помощи, что повлекло за собой смерть потерпевшего. Следовательно, в уголовном праве причинная связь между деянием и последствием объективно должна быть причинно-следственной связью. Вместе с тем, в юридической литературе сказано, что «причинная связь в уголовном праве не может зависеть от признания или не признания деяния общественно-опасным» [4]. С точки зрения уголовно-процессуального законодательства, исследование причинности или причинно-следственной связи между фактами, сведениями и криминалистически значимой информацией акцент делается на определении юридически значимых признаков причинной связи предмета доказывания, т.е. обстоятельств, подлежащих доказыванию. В криминалистической науке Р.С. Белкин причинность определяет, как «генетическую связь между отдельными состояниями видов и форм материи в процессах ее движения и развития» [5]. Наличие или отсутствие причинной связи в криминалистической деятельности позволяет проследить причинную обусловленность и взаимную зависимость результата отражения т.е. «отпечатка пальцев рук или ладони» или следы ног (обуви) и отражаемого объекта, на котором оставлены следы пальцев рук или ладони, ног или обуви задержанного человека на месте совершения или обнаружения преступления, или установления лица как подозреваемого. В данной ситуации необходимо по оперативным, учетно-справочным учетам или базам данных ГИАЦ, ЭКЦ ГУ МВД РФ установить принадлежность конкретного человека. Следовательно, криминалистическая наука основной целью в данном случае ставит исследование ситуационных признаков явлений о наличии или отсутствии причинной связи. Кроме этого, необходимо иметь в виду, что объектом криминалистической теории причинности является содержательная сторона процесса установления механизма следов преступления, а в целом, механизма преступления (способ подготовки, способ совершения и способ сокрытия преступления) с учетом преступного знания, умения и навыков личности преступника. Изложенное позволяет предположить, что установление и исследование механизма следообразования позволит установить

причинно-следственную связь между следообразующим и следовоспринимающим объектами. Это позволит выявить общую картину события и обстоятельства совершения преступления. Это возможно при определенной деятельности человека, которая объективно отражается в окружающей среде, образуя материальные следы. Как правило, зная закономерности возникновения и отражения материальных следов на различных предметах, имеющих специфические свойства, возможно предположить причину их возникновения, а также причинно-следственную связь с событием преступления. Кроме этого, с учетом специфики образовавшего материального следа также возможно установить способ и орудия совершения преступления, позволяющие получить информацию о лице и его психофизиологическом состоянии [6]. Механизм образования следов, будучи взаимосвязанным с орудием преступления, всегда позволяет проанализировать причину возникновения следа и связь следа с орудием преступления, а также взаимосвязь орудия преступления с конкретным человеком с учетом обнаруженных следов пальцев рук на орудии преступления [7]. По обнаруженным следам на месте преступления можно представить о взаимном расположении объектов в момент их взаимодействия, что позволяет в достаточной мере представить механизм происшедшего события. Необходимо иметь в виду, что причинно-следственная связь в определенных условиях имеет и занимает пространство и время, то есть пространственно-временную и достаточно устойчивую связь, имеющую двойное значение [8]. Смысл двойного значения пространственно-временной связи и отношений состоит в следующем: с одной стороны, это время соприкосновения или контактирования следообразующей и следовоспринимающей поверхности, а с другой стороны – время обнаружения, фиксации и изъятия следов. В зависимости от качества образования следа на момент соприкосновения следообразующего предмета и следовоспринимающего предмета и времени, прошедшего с момента образования этого следа и момента обнаружения этого же следа, качество может быть иное. От качества и времени обнаружения следа зависят и условия качественного проведения судебной экспертизы [9].

Кроме этого, следами под влиянием природных условий и человеческого фактора могут быть утрачены идентификационные качества. Например, пищевые и некоторые биологические объекты со временем теряют свои свойства и становятся непригодными для экспертного исследования [10]. Качественное состояние следа зависит от фактора устойчивости индивидуальных свойств и признаков следа и устойчивости следовоспринимающего предмета с учетом состояния поверхности предмета, на котором образовался след. В пространственном отношении след может быть образован за счет и вне контакта различных предметов. Пространственное расположение следов на предмете позволяет судить о реальной картине события преступления, особенно о месте происхождения как сценарированном месте сосредоточения следовотображения. Как правило, след может быть

опосредованно или непосредственно взаимосвязан с событием преступления. Деятельность следователя по исследованию следов на месте происшествия не является исчерпывающей. По результатам осмотра места происшествия, места обнаружения преступления или осмотра предметов со следами преступления следователь устанавливает механизм преступления, выясняет причины образования следов как следствия взаимодействия двух взаимосвязанных предметов. При такой ситуации можно предположить, что образовавшийся след на данный период времени имеет причинно-следственную связь в качестве причины, а предположение следователя является следствием для построения версии. Индивидуальность и особенность обнаруженного и качественно изъятого и исследованного следа, после анализа и синтеза имеющейся криминалистически значимой информации [11] и соответствующей оценки дает возможность следователю выдвинуть единственно верную типичную следственную версию. Соответственно, на этой основе следователь разрабатывает алгоритм своих действий и технологию производства следственных действий, что позволяет должностному лицу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, дать рекомендации по

проведению оперативно-розыскных мероприятий. Специалист-криминалист, следователь-криминалист или иной специалист по профилю расследуемого вида преступления, принимающий участие в осмотре места происшествия, в следственном эксперименте, во взаимодействии со следователем по количеству и качеству обнаруженных и изъятых следов, установив механизм преступления, могут восстановить мотив, которым руководствовался преступник. Данный вопрос достаточно актуален для установления причинно-следственной связи между событием преступления и механизмом следообразования. Такие результаты анализа первичной исходной криминалистически значимой информации следователь с учетом своего профессионального и жизненного опыта, сопоставляет с известными методами в криминалистической науке и опыт использования следов отображения следообразующего и следовоспринимающего предмета, с отдельными элементами криминалистической характеристики (способа подготовки, способа совершения и способа сокрытия следов) конкретного вида или группы преступлений. В данной ситуации речь идет о возможности прогнозирования значения диалектики причины и следствия в криминалистической деятельности [12].

Литература:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М. :1986. С. 522.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : Российская академия наук / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е издание, доп. М. : ООО «ИНФОТЕХ», 2010. С. 559.
3. Вицин С.Е. Понятие причин преступности и методологические основы их определения в советской криминологии: в Гл. 4 «Причины преступности». В книге: Криминология и профилактика преступлений / Под ред. А.И. Алексеева. М. : МВШМ МВД СССР, 1989. С. 62.
4. О причинной связи более подробно смотрите фундаментальную работу Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов-на-Дону. Северо-Кавказский научный центр высшей школы и Ростовского университета. 1977. С. 109–157, Ставило С.П. Теория преступления: курс лекции. Краснодар, 2013. С. 80–101.
5. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Мегатрон XXI. 2000. С. 173.
6. Савельев В.А. Особенности методологии преобразования информации при расследовании преступлений в ситуациях информационной неопределенности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанский ГАУ. 2012. № 82. С. 1118–1127.
7. Меретуков Г.М. Способ выявления следов рук / Г.М. Меретуков, Д.А. Нормов, В.В. Помазанов, Е.П. Клипко Патент на изобретение RUS2428922 24.02.2010.

Literature:

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / Ed. N.Yu. Shvedovoi. M. : 1986. P. 522.
2. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: Russian Academy of Sciences / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. Institute of Russian language. V.V. Vinogradova. 4 th edition, add. M. : ООО «INFOTECH», 2010. P. 559.
3. Vitsin S.E. The concept of the causes of crime and the methodological foundations of their definition in Soviet criminology: in Ch. 4 «Reasons for crime». In the book : Criminology and profilaktika crime, Ed. A.I. Alekseeva. Moscow : MVSMM USSR Ministry of Internal Affairs, 1989. P. 62.
4. For a causal relationship, see the fundamental work of Timaeiko G.V. for more details. General doctrine of the objective side of the crime. Rostov-on-Don. North-Caucasian Scientific Center of Higher School and Rostov University. 1977. pp. 109–157, Stavlo S.P. Theory of crime: a course of lectures. Krasnodar, 2013. P. 80–101.
5. Belkin R.S. Forensic encyclopedia. M. : Megatron XXI. 2000. P. 173.
6. Savelyev V.A. Peculiarities of the methodology for transforming information in the investigation of crimes in situations of information uncertainty // political network electronic scientific journal Kuban State University. 2012. № 82. P. 1118–1127.
7. Meretukov G.M. A way of revealing traces of hands / G.M. Meretukov, D.A. Normov, V.V. Pomazanov, E.P. Klipko Patent for the invention RUS2428922 24.02.2010.

8. *Мешков В.М.* Криминалистическое учение о временных связях и отношениях при расследовании преступлений : дисс. ... д-ра юрид. наук. М. : Академия МВД РФ, 1995.

9. *Меретуков Г.М.* Осмотр и описание стреляных пуль и гильз / Г.М. Меретуков, С.А. Данильян, А.В. Гусев // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанский ГАУ, 2007. № 26. С. 237–251.

10. *Меретуков Г.М.* Судебная экспертиза на современном этапе развития уголовного судопроизводства России (проблемы теории и практики) : монография. 2010. 160 с.

11. *Меретуков Г.М.* Криминалистически значимая информация как источник формирования доказательств (теория и практика) : монография. Краснодар, 2011. 158 с.

12. *Домбровский Р.Г.* Природа или сущность криминалистики: Вестник криминалистики. М. : 2007. № 1 (21).

13. *Домбровский Р.Г.* И снова о природе криминалистики // Вестник криминалистики. М. : 2009. № 2(30). С. 12–16.

14. *Меретуков Г.М.* Еще раз об объекте и предмете криминалистики: Политематический электронный научный журнал КубГАУ, Краснодар : URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/02/pdf/45.pdf>

8. *Meshkov V.M.* Criminalistic theory of temporary connections and relationships in the investigation of crimes : diss. ... Dr. jurid. sciences. M. : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1995.

9. *Meretukov G.M.* Inspection and description of shooting bullets and cartridge cases / G.M. Meretukov, S.A. Danil-yan, A.V. Gusev // Polytematic network electronic journal Kubansky GAU, 2007. № 26. P. 237–251.

10. *Meretukov G.M.* Judicial expertise at the current stage of development of criminal justice in Russia (problems of theory and practice): monograph. 2010. 160 p.

11. *Meretukov G.M.* Forensic information is a source of evidence (theory and practice) : a monograph. Krasnodar, 2011. 158 p.

12. *Dombrovsky R.G.* Nature or essence of criminalistics: Bulletin of Criminalistics. Moscow: 2007. № 1 (21).

13. *Dombrovsky R.G.* And again about the nature of criminality // Bulletin of Criminalistics. M. : 2009. № 2 (30). P. 12–16.

14. *Meretukov G.M.* Once again about the object and the subject of criminalistics: The political electronic journal KubGAU, Krasnodar : URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/02/pdf/45.pdf>

Никитин Виктор Игоревич

соискатель кафедры теории
и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

Victor I. Nikitin

applicant of the Department of
theory and history of state and law,
Kuban state University
Milena.555@mail.ru

О ВИДАХ И ФАКТОРАХ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ПРАВЕ

Аннотация. В статье анализируются вопросы видов и факторов отрицательной эффективности в праве. Отрицательная эффективность как феномен должна быть классифицирована по ряду оснований для более целенаправленной работы по ее снижению в условиях современной России.

Ключевые слова: право, отрицательный, виды, эффективность.

Отрицательная эффективность в праве представляет собой весьма многоаспектный феномен, проявляющийся в разных сферах правовой жизни и имеющий различные характеристики и проявления. В связи с этим возникает проблема классификации отрицательной эффективности в праве на виды. Зная «закономерности функционирования правовых средств в различных типах правового регулирования с помощью элементов специализированного и научного правосознания можно предсказать, какие нежелательные эффекты могут возникнуть, в какой мере можно предотвратить их, ослабить или ограничить их воздействие» [4, с. 13].

Кроме того, необходимо проанализировать факторы, ведущие к отрицательной эффективности в праве, в том числе, отрицательной эффективности законодательства и его отдельных норм.

Отрицательная эффективность в праве может быть разделена по различным основаниям. В частности, можно выделить отрицательную эффективность в самом законодательстве и его отдельных отраслях; отрицательную эффективность в юридической деятельности (правотворческой и правореализационной, в том числе правоприменительной); отрицательную эффективность правовой политики государства; отрицательную эффективность в правовом воспитании и формировании правовой культуры и т.д.

Важнейшей разновидностью отрицательной эффективности в праве является, на мой взгляд, отрицательная эффективность правового воздействия, прежде всего правового регулирования. В данном случае отрицательная эффективность будет выражаться, во-первых, в несоответствии результатов правового регулирования заявляемым целям регулирования, в не дости-

ON THE TYPES AND FACTORS OF NEGATIVE EFFICIENCY IN THE LAW

Annotation. The article analyzes the issues of types and negative factors of efficiency in the law. Negative performance as a phenomenon should be classified on a number of grounds for more focused work to reduce it in conditions of modern Russia.

Keywords: law, negative, types, effectiveness.

жении поставленных целей регулирования, а также в появлении результатов, которых необходимо было избежать (побочные отрицательные эффекты).

При этом мы исходим из того, что регулирование (регулятивная функция) выражается в том, что право:

- 1) определяет круг субъектов регулируемых общественных отношений;
- 2) определяет субъективные права и юридические обязанности участников регулируемых отношений;
- 3) определяет круг обстоятельств (юридических фактов), с которыми связано возникновение, изменение либо прекращение регулируемых отношений).

В таком случае отрицательная эффективность правового регулирования может выражаться в том, что право и его конкретные нормы:

- 1) слишком широко, слишком узко или нечетко определили круг субъектов регулируемых отношений;
- 2) неправильно определили объем либо содержание субъективных прав и юридических обязанностей субъектов регулируемых общественных отношений;
- 3) некорректно определили круг обстоятельств, ведущих к возникновению, изменению либо прекращению соответствующих правовых отношений.

В соответствии с проводимым в литературе разграничением эффективности на юридическую и социальную, аналогично можно выделить юри-

дическую и социальную отрицательную эффективность права и его предписаний. Если первая связана с несоблюдением и систематическим нарушением соответствующих норм, нормативных актов, то вторая – с не достижением социальных целей правового воздействия и даже отдалением от них.

В качестве разновидности отрицательной эффективности в праве может быть выделена отрицательная эффективность юридической деятельности. При этом, в теоретическом плане любая деятельность имеет количественные и качественные характеристики, определенную интенсивность и содержание. Аналогично мы можем говорить о количественных и качественных характеристиках юридической деятельности, влияющих на ее эффективность либо создающих ее отрицательную эффективность.

Важнейшее значение имеет определение факторов отрицательной эффективности в праве. Следует отметить, что факторы отрицательной эффективности в праве во многом схожи с выделяемыми в науке так называемыми антифакторами эффективности права. Это – явления общественной жизни либо общественного сознания, способствующие усилению отрицательной эффективности в праве, создающие условия для возникновения либо усиления отрицательных эффектов в праве.

Проблемы факторов, препятствующих эффективной реализации политики государства, уже неоднократно затрагивались в литературе. Среди них указываются дезинтегрированность и фрагментарность общества и власти, разнородность и противоречивость властного поля, низкий уровень доверия в обществе и т.д. В то же время, в литературе отмечается, что одной из

Литература:

1. Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления. // Государство и право. 2001. № 5.
2. Митрошенков О.А. Социальная политика в России: мегатенденции 1999–2010 гг. В кн.: Политическая мысль 2й половины 20века. Хрестоматия. Составитель – В.А. Мальцев. Пермь, 1999.
3. Общая теория государства и права. Академический курс в 3 тт. / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2001. Т. 3.
4. Турбова Я.В. Правосознание в структуре юридической деятельности : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.

ведущих тенденций в предстоящее десятилетие обещает стать ярко выраженное стремление абсолютного большинства граждан к социальному порядку [2 с. 249–251].

Представляет интерес классификация факторов отрицательной эффективности норм права на поддающиеся управлению и не поддающиеся. К последним, в частности, относятся стихийные бедствия, природные явления, климатические условия, дальние расстояния и т.п., которые находятся вне возможностей управления, за их пределами. Эти препятствия являются «представителями» внешней среды, создавая зачастую неблагоприятный фон для правового регулирования. В качестве примеров поддающихся управлению антифакторов называются деформированные правовые нормы, недостатки правоприменения и т.д. [3, с. 118].

Фактором, оказывающим отрицательное влияние на эффективность норм действующего права, является наличие так называемого теневого права, теневого правового регулирования. А.В. Малько отмечает, что между теневой и официальной частями правовой жизни идет постоянная, ежечасная, ежеминутная борьба, своеобразная конкуренция, причем важно понять, что теневой сегмент правовой жизни неистребим в полной мере [1, с. 7].

Представляется, что важнейшей группой факторов отрицательной эффективности права и его предписаний являются психологические, связанные с взаимодействием правовой системы, ее элементов, с элементами внутреннего мира личности.

Итак, вопросы классификации и факторов отрицательной эффективности нуждаются в дальнейшем научном исследовании.

Literature:

1. Malko A.V. The category of «legal life»: problems of formation. // State and law. 2001. № 5.
2. Mitroshenkov O.A. Social policy in Russia: Megatrends 1999–2010. In the book: Political thought 2nd half 20veka. Reader. Edited By V.A. Maltsev. Perm, 1999.
3. General theory of state and law. Academic course in 3 vols., ed. by M.N. Marchenko. M., 2001. Vol. 3.
4. Turbova Y.V. Legal Consciousness in the structure of legal activities : abstract. Diss. Cand. the faculty of law. Sciences. SPb., 2000.

Нинциева Тамила Магомедовна

кандидат юридических наук, доцент,
декан юридического факультета,
Чеченский государственный университет
tamila761076@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

Аннотация. Автор, основываясь на своих собственных исследованиях действующего законодательства, выработал комплексный подход к доскональному изучению теории актов гражданского состояния как юридических факторов, из которых и рождаются гражданские и семейные правовые отношения. Так, им инициировано предложение абсолютно нового понимания действий юридических фактов в семейном праве; было выявлено, что они порождают, меняют и завершают не только семейные, но и любые другие правоотношения. В исследовании имеются авторское определение и содержательная характеристика понятий: гражданское состояние; акты гражданского состояния; семья, член семьи; семейная правоспособность. Автором выявлена возможность и необходимость предложения нововведений в правовой процесс актов гражданского состояния и в соответствии с этим, пересмотра и модернизации уже имеющих действующих процедур регистрации гражданского состояния обоснована.

Ключевые слова: акты гражданского состояния, юридические факты, юридические события, правовое состояние, возникновение правовых отношений.

Акты гражданского состояния имеют сложную юридическую природу, которая, по сути, недостаточно исследована в нынешней науке как в гражданском, так и в семейном праве. Следует отметить, что все еще не найдено едино верного подхода к этому вопросу, и это обстоятельство стало катализатором для автора, занявшегося детальным анализом этой проблематики (на доктринальном уровне). Стандартно, для того, чтобы можно было дать определение правовому результату совершенного деяния или его текущего состояния, нужна четкая квалификация непосредственно самого деяния или текущего состояния в качестве юридического фактора гражданского или семейного права. Имеется ввиду следующее: право на ношение данного при рождении имени необходимо рассматривать с точки зрения одного из субъективных гражданских прав [1, с. 176].

Данный правовой подход нуждается в определении оснований и порядка его приобретения.

Tamila M. Ninawa

Candidate of Law, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Law,
Chechen State University
tamila761076@mail.ru

ON THE LEGAL NATURE OF ACTS OF CIVIL STATUS

Annotation. The author, based on his own research of the current legislation, developed a comprehensive approach to the thorough study of the theory of civil status acts as legal factors, of which civil and family legal relations are born. Thus, the proposal of a completely new understanding of the legal facts in family law was initiated; it was revealed that they generate, change and complete not only family, but also any other legal relationship. The study has the author's definition and content characteristics of the concepts: civil status; acts of civil status; family, family member; family legal capacity. The author reveals the possibility and necessity of proposing innovations in the legal process of civil status acts, and in consequence of this revision and modernization of the existing civil status registration procedures is justified.

Keywords: acts of civil status, legal facts, legal events, legal status, the emergence of legal relations.

К непосредственно самим юридическим факторам, к которым имеет хоть какое отношение данный процесс, относятся такие, как:

1. Факт рождения.
2. Усыновление (удочерение).
3. Заключение и расторжение брака.
4. Факт установления отцовства.
5. Смена имени.

Проще говоря, это значит, что с приобретенным правом на ношение того ли иного имени связаны фактически все (кроме смерти) акты гражданского состояния - деяния, совершенные населением или определенные события, оказывающие существенное влияние на появление, изменение или утрату прав и обязанностей. [2, с.31] Осуществленные оценочные действия исследования взаимодействия реальных событий человеческой жизни и сменой его статуса ввиду изменения гражданского состояния физ. лица, предо-

ставили уникальную возможность сформировать в группы классификации состояний как юридических факторов (основываясь на сведениях их бракосочетания).

Очевидный факт: появление на свет человека, как собственно и смерть, подлежат обязательной регистрации, однако, если взять во внимание состояние здоровья гражданина, то оно ни коим образом не будет отображено в актах гражданского состояния, однако, будет включено в совокупность юридических фактов, которые приводят к ограничению дееспособности гражданина или установлению патронажа. Имеются некоторые закономерности разделения текущих состояний и актов гражданских состояний по их функциональным возможностям, направленности и особенностям того влияния, которое они оказывают непосредственно на субъективные права населения [3, с. 128]. Если рассматривать рождение, заключение и расторжение брака, смену имени, установление отцовства, усыновление, смерть – то можно сделать выводы, относительно того, что все эти перечисления есть не что иное, как юридические факты, оказывающие существенное влияние судьбу и жизнь среднестатистического гражданина.

Все то, что перечислено выше, не может существовать без официальной регистрации законодателем, поскольку именно официальное подтверждение свершенного факта нужно для того, чтобы все права и интересы сторон правовых отношений учитывались и подпадали под защиту буквы закона.

Если взять во внимание решения Конституционного судебного органа РФ, в которых не единожды было указано, что обозначенные в Конституции РФ цели социальной политики государства предопределяют собой обязанность страны на должном уровне заботиться о благополучии своего населения, а также социально защищать и обеспечивать его нормальными условиями, необходимыми для полноценной жизни [4, с. 155]. Из этого можно сделать однозначный вывод: тщательному анализу подлежат принципы и характерные особенности, присущие процедуре внесения соответствующих записей о гражданских состояниях для защиты прав населения.

Опираясь на результаты проведенного системного анализа действующего законодательства, касаясь следующих актов: гражданское состояние; отечественной, заграничной и международной судебной практики; практики уполномоченных органов, что осуществляют регистрационные действия; акты гражданского состояния, можно сделать определенные выводы, относительно того, что регулирование правовых отношений в этой сфере, есть не что иное, как отражение развития правовой и социальной глобализации, унификации. Кроме того, все это является еще и следствием развития медицинских, информационных и прочих технологий. В большей степени это относится к имени, его смене, перемене пола, упрощения процедуры не занесения информации о бывшем муже матери ребенка как непосредственно об отце новорожденного, установления

родства, если ребенок родился при задействовании технологических способов. Именно это дало нам возможность сформулировать авторское определение понятия: «гражданское состояние», так под ним подразумевают юридический фактор, включающий в себя всевозможные характеристики индивидуума и формирующий в качестве элемента правообразующего состава гражданско-правовые, семейные, иные правоотношения как частноправового, так и публичного характера, неразрывно связанные с возникающими правовыми отношениями [5, с. 363]. Так, сложно не согласиться с тем, что среднестатистический гражданин обладает одновременно разными правовыми статусами, определяемыми для разных сторон общественной и правовой жизни.

Гражданское состояние (в качестве юридического фактора) оказывает заметное влияние на приобретение, смену или утрату субъектом одного из правовых статусов. Институт актов гражданского состояния относится к общеправовым категориям, которые востребованы в самых разных правовых отраслях.

Хотелось бы отметить, что один и тот же акт гражданского состояния влечет за собой правовые последствия самого разного характера (все зависит от целей и состава данных правовых отношений). Специфика действия юридических факторов семейно-правового характера заключается в гораздо более широкой сфере их применения (если сравнивать с действием юридических фактов в иных правовых отраслях). Они формируют, меняют и завершают не только сами семейные, но и прочие правовые отношения, к которым относятся: гражданские, конституционные, предпринимательские, административные.

В процессе изучения данной тематики была выявлена дифференциация таких понятий, как: «состояние», «акт гражданского состояния», «реестр актов гражданского состояния». Непосредственно сами акты гражданского состояния (в отличие от состояний как юридических факторов) влекут наступление предварительно определенных юридических последствий. Установлено, что акты гражданского состояния обладают такими функциональными возможностями, как идентификационная, документированная, прогностическая, статистическая, доказательная.

Таким образом, детальное исследование классификации актов гражданского состояния, разработанного в науке, позволило должным образом выделить презюмируемые законом акты гражданского состояния и те, что нуждаются в установке. Последние же, в свою очередь, подразделяются на такие, что устанавливаются в добровольном порядке методом подачи заявления в ЗАГС и те, что устанавливаются в ходе судебного разбирательства. Учитывая число тех участников процесса, чьи интересы затрагиваются юридическими факторами, автор выделяет: индивидуальные (в данной ситуации человек самостоятельно берет на себя определенные обязанности и права); групповые (здесь регистрируемые интересы субъектов правовых отношений противопоставляются или являются идентичными).

Стандартным признаком классификации юридических факторов является волевой признак, и уже исходя из данного критерия, акты гражданского состояния можно разделить на пары групп: события и действия. Отметим, что в работе определены в специализированный кластер факты-состояния и такие факты, что носят непостоянный характер. Предопределением для их классификации стала продлѐнность их возникновения во времени.

В группе фактов-состояний следует выделить законные состояния и незаконные состояния. Фиктивное правовое состояние - отношение, по сути и форме вполне удовлетворяющие букве закона, но по факту полностью противоречащее ему, выражаются целями, совсем не подходящими содержанию семейных отношений. В процессе исследования нами был сделан определенный вывод, заключающийся в том, что категории семейной дееспособности и правоспособности имеют свои особенные характеристики, но не имеют необходимой самостоятельности для того, чтобы можно было говорить о выделении их как отдельного правового явления.

Гражданская правоспособность соотносится с семейной, как общая, так и отраслевая, – под последней имеется в виду возможность физ. лица не только обладать собственными семейными правами, но и нести соответствующие обязательства. Существующая на сегодняшний день гестационная теория родства является несостоятельной и нуждается в пересмотре для целей установления родства между родителями и детьми, которые родились благодаря методам вспомогательных репродуктивных технологий. Так, семейная чета, выразившая персональное согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, попадает в достаточно неопределенное положение и при выявлении разногласий – не могут рассчитывать на то, что исход дела разрешится в их пользу.

Необходимо отнести непосредственное решение вопроса о внесении в запись акта о рождении ребенка сведений о родителях в компетенцию суда; именно такой порядок позволит рассмотреть

индивидуально отдельное дело с учетом возникших жизненных особенностей. Имя гражданина может служить для целей его идентификации как предпринимателя. При этом, как и любые другие сочетания слов или предложений, выдвигаемые в качестве средств индивидуализации, имя гражданина-предпринимателя, используемое им в обороте, не должно обладать или не обладать неповторимостью или оригинальностью с точки зрения предоставления ему правовой охраны.

Использование имени гражданина в предпринимательской деятельности не следует подчинять требованиям, применяемым к наименованию юридического лица. [6, с. 111] Защита прав гражданина-предпринимателя на имя может осуществляться в связи с защитой его деловой и личной репутации. Запрет использовать аналогичное имя, принадлежащее гражданину-предпринимателю, на соответствующем товарном рынке является злоупотреблением правом.

В ходе анализа тенденции принадлежности лица как правового состояния, нами отвергается популярная в современном научном обществе теория о том, что перемена пола влечет за собой юридическую (гражданскую) смерть лица, аналогичную с процедурой объявления гражданина умершим.

Данный факт является основанием для изменения, а не прекращения правоспособности лица, но лишь в строго определенном объеме прав и обязанностей, непосредственно связанных с половой принадлежностью человека как необходимым условием существования в качестве субъекта правоотношений. Исходя из понимания родства как кровной связи лиц, основанной на происхождении одного лица от другого или разных лиц от общего предка, в работе сделан вывод о том, что умерший по-прежнему остаѐтся родственником и связующим звеном с другими поколениями и боковыми ветвями генеалогического древа семьи (право представления при наследовании имущества). В связи с этим, и правоотношения родства, основанные на факте-состоянии, входящем в сложный правообразующий состав, не прекращаются со смертью гражданина – одного из участников данной правовой связи.

Литература:

1. *Грачева В.А.* Регистрация актов гражданского состояния. М. : Юрид. лит., 1985 г., 231 с.
2. *Стальгевич К.А.* Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений // Советское государство и право, 1957, № 2, С. 23–32.
3. *Белогорская Е.М.* Понятие записи акта гражданского состояния // Правоведение. 1966. № 3. С. 126-132.
4. *Данилин В.И.* Юридические факты в советском семейном праве / В.И. Данилин, С.И. Рекрутов. Свердловск : Изд-во Урал. Университета, 1989. 308 с.
5. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2-х томах. М. : Юриспруденция, 1982. Т. 2. 639 с.

Literature:

1. *Grachev V.A.* Registration of acts of civil status. M. : Yurid. lit., 1985, 231 p.
2. *Stalevich K.A.* Some questions of the theory of socialist legal relations // Soviet state and law, 1957, № 2, P. 23–32.
3. *Belogorskaya E.M.* Concept of recording an act of civil status // Jurisprudence. 1966. № 3. P. 126–132.
4. *Danilin V.I.* Legal facts in Soviet family law / V.I. Danilin, S.I. Recruits. Sverdlovsk : Publishing house Ural. University, 1989. 308 p.
5. *Alekseev S.S.* General theory of law: in 2 volumes. Moscow : Jurisprudence, 1982. Vol. 2. 639 p.

6. Горская Е.Ю. Право гражданина на имя в свете государственной культурной политики // Правовая культура. 2015. № 2 (21). С. 109–112.

6. Gorsky E.U. Citizen's Right to a name in light of the state cultural policy // Legal culture. 2015. № 2 (21). Pp. 109–112.

Рамазанов Амир Керимханович
магистрант,
кафедра гражданского процесса,
юриспруденция,
Дагестанский государственный университет
Rkamir@yandex.ru

Amir K. Ramazanov
graduate student,
Department of civil process,
Jurisprudence,
Daghestan State University
Rkamir@yandex.ru

ФОРМЫ ОКОНЧАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ БЕЗ ВЫНЕСЕНИЯ РЕШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

FORMS OF TERMINATION OF PROCEEDINGS WITHOUT JUDGMENT IN CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация. Современная судебная практика показывает, что применение норм, регулирующих порядок окончания рассмотрения дела без вынесения решения судами общей юрисдикции, вызывает определенные трудности, что можно объяснить, как недостаточной теоретической разработкой, так и недостаточным законодательным регулированием отдельных положений данного процессуального института. Эта проблема со временем не только не утратила своей актуальности, но и приобрела еще большую остроту в связи с «установленными законом ограничениями возможности отказа в принятии искового заявления (заявления) и повышением роли примирительных процедур» [1].

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, иск, мировое соглашение, отказ от иска, правопреемство, медиация, третейское судопроизводство.

Annotation. Modern judicial practice shows that the application of the rules governing the procedure for the completion of a case without a decision by the courts of General jurisdiction causes certain difficulties, which can be explained by both insufficient theoretical development and insufficient legislative regulation of certain provisions of this procedural institution. This problem has not only not lost its relevance over time, but has become even more acute due to «the limitations of the possibility of refusal to accept a claim (statement) and the increasing role of conciliation procedures established by law» [1].

Keywords: civil procedure, claim, settlement agreement, waiver of claim, succession, mediation, arbitration.

Окончание судебного разбирательства – это вынесение решения по существу дела, но в силу некоторых обстоятельств, в порядке отступления от этой нормы, суд оканчивает дело без вынесения решения. ГПК РФ предусматривает две формы такого окончания дела: прекращение производства по делу (ст. 220 ГПК РФ) и оставление заявления без рассмотрения (ст. 222 ГПК РФ).

Прекращение гражданского судопроизводства по делу – это форма окончания дела, обусловленная обстоятельствами, предусмотренными законом и, как правило, полностью исключающая возможность дальнейшего судопроизводства в суде общей юрисдикции первой по инстанции. В качестве таких обстоятельств действующим гражданско-процессуальным законодательством Российской Федерации предусмотрены [3, стр. 120]:

- дела, которые не могут быть рассмотрены и разрешены в порядке гражданского судопроизводства в силу п.1, ч.1 ст. 134 ГПК РФ;
- вступившее в законную силу и принятое решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям или

определение суда о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска или утверждением судом мирового соглашения сторон;

- отказ истца от иска и принятие отказа судом;
- наличие утвержденного судом мирового соглашения;
- решение третейского суда, принятое по спору между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям, ставшее для сторон обязательным, за исключением случаев отказа судом в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда;
- недопущение правопреемства по спорному правоотношению после смерти гражданина, являвшегося стороной спора по делу или завершения процедуры ликвидации организации, являвшейся стороной по делу.

Производство по делу в суде может быть прекращено только по установленным в ст. 220 ГПК РФ основаниям и, указанная статья представляет собой исчерпывающий перечень обстоятель-

ств, которые приводят к прекращению гражданского судопроизводства по делу. Данный перечень можно представить в виде трех групп обстоятельств, отражающих сходства и различия обращения за защитой. Следует отметить, что различия будут выражаться и в способе и во временном периоде [2].

Первая группа объединяет обстоятельства, указывающие на отсутствие у истца или заявителя права на обращение в суд за защитой своих прав или законных интересов или прав других лиц (абзацы 1, 2, 5 ст. 220 ГПК РФ).

Вторая группа обстоятельств объединяет события (действия) непосредственно в рассмотрении дела по существу в судебном заседании.

Третья группа обстоятельств объединяет диаметрально противоположные первым двум группам обстоятельства – события, исключающие возможность продолжения процесса производства по делу по независящим от субъектов гражданского судопроизводства причинам. Например, смерть физического лица (гражданина) или ликвидация юридического лица (организации / учреждения) без возможности правопреемства.

Мы полагаем, что в связи с постоянным изменением социально-экономической ситуации в стране согласно целям и принципам гражданского процесса законодателю необходимо внести изменения в перечень оснований окончания дела без вынесения решения по гражданским делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции, а так же отрегулировать процессуальную деятельность суда по завершению судебного разбирательства без вынесения решения по существу дела, как при прекращении производства по делу, так и при оставлении заявления без рассмотрения.

В результате проведенного исследования предлагаем внести следующие изменения и (или) дополнения в действующий ГПК РФ:

1. Часть 2 ст. 39 ГПК РФ изложить в следующей редакции: «2. Суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком, и не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит международным актам или законодательству РФ, или нарушает материальные права и законные интересы других лиц».

2. Пункт 1 ч.1 ст.134 ГПК РФ изложить в следующей редакции: «1. заявление не подлежит рассмотрению и разрешению, поскольку неподведомственно судам общей юрисдикции», далее по тексту. То же самое изменение внести и в ст. 220 ГПК РФ, т.к. она содержит ссылку на п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ.

3. Абзац 2 ст. 220 ГПК РФ изложить в следующей редакции: «имеется вступившее в законную силу и

принятое по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решение суда или определение суда о прекращении производства по делу», исключив фразу в окончании – «в связи с принятием отказа истца от иска или утверждением мирового соглашения сторон».

4. Дополнить содержание ст. 221 ГПК РФ, дополнив ее текст окончанием следующего содержания: «Ответчик вправе обратиться в суд с тождественным иском, если производство по делу было прекращено на основании отказа истца от иска, а дело рассматривалось в отсутствие ответчика».

5. П. 2 ч.1 ст. 134 ГПК РФ дополнить вторым абзацем следующего содержания: «имеется вступившее в законную силу решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям или определение суда о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска (за исключением случаев обращения с заявлением лица выступавшего ранее в качестве ответчика, если указанное определение было вынесено судом в его отсутствие) или утверждением мирового соглашения сторон».

6. Статью 222 ГПК РФ дополнить абз.8 следующего содержания: «по другим основаниям, указанным в законе».

7. Абзац 2 ч. 2 ст.290 ГПК РФ изложить в следующей редакции: «В случае, если орган, уполномоченный управлять муниципальным имуществом, обращается в суд с заявлением до истечения года со дня принятия недвижимой вещи на учет органом, осуществляющим государственную регистрацию права на недвижимое имущество, судья возвращает заявление, а если заявление было принято к производству, то оставляет его без рассмотрения».

8. Расширить перечень лиц, обладающих правом обжалования определений о прекращении производства по делу, установленный ст. ст. 331, 371 ГПК РФ, дополнив этот список «лицами, чьи права или законные интересы нарушены данным определением», для чего дополнить ст.221 ГПК РФ абзацем вторым следующего содержания: «Определение о прекращении производства по делу может быть обжаловано в установленном ст. ст. 331, 371 ГПК РФ порядке также лицами, чьи права или законные интересы нарушены при его вынесении».

По нашему мнению, реализация указанных предложений должна способствовать повышению эффективности исследованного процессуального института окончания дела без вынесения решения по гражданским делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции.

Литература:

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13.04.2000 г. № 45-О «Об отказе в принятии к рассмотрению обращения

Literature:

1. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.04.2000 № 45-O «About refusal in acceptance to consideration of the appeal of

Независимого арбитражного (третейского) суда при Торгово-промышленной палате Ставропольского края о проверке конституционности ст. 333 ГК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации от 03.и 24.12 2003 г. «Обзор законодательной и судебной практики за третий квартал 2003г.» // Бюллетень Верховного Суда РФ 2004. № 3; Комментарий к ГПП РФ (постатейный) Рыжаков А.П. (Подготовлен для системы Консультант плюс).

3. *Банников Р.Ю.* Досудебный порядок урегулирования споров. Москва : «Инфотропик Медиа», 2012. 238 с.

Independent arbitration (arbitration) court at Chamber of Commerce and Industry of Stavropol Krai about check of constitutionality of Art. 333 of the Civil Code of the Russian Federation» // Union of Right Forces ConsultantPlus.

2. The review of jurisprudence of the Supreme Court of the Russian Federation from 03.i 24.12 2003. «The review legislative and jurisprudence for the third quarter 2003» // the Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation 2004 № 3; The Comment to GPP Russian Federation (itemized) Ryzhakov A.P. (The Consultant plus is trained for system).

3. *Bannikov R.Yu.* Pre-judicial order of settlement of disputes. Moscow : «Infotropik Media», 2012. 238 pages.

Рудакова Светлана Викторовна
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель декана,
доцент кафедры уголовного процесса
юридического факультета
имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
rudakovasvetlana@mail.ru

Сущность ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПЕРЕСМОТРА ПРИГОВОРОВ И ИНЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. В статье исследуются вопросы формирования теоретической модели пересмотра приговоров и иных судебных решений в порядке уголовного судопроизводства. Предлагается использовать понятие «элементы теоретической модели пересмотра», которые являются универсальными для всех форм пересмотра судебных решений при производстве в суде апелляционной, кассационной и надзорной судебных инстанций.

Ключевые слова: теоретическая модель, ревизионный порядок, обжалование судебных решений, вышестоящая судебная инстанция.

Термин «модель» используется в уголовно-процессуальной науке при характеристике тех или иных институтов и понятий, как, например, модель предварительного следствия, модель ускоренного судебного разбирательства, модель апелляционного судопроизводства, модель института присяжных заседателей, модель ювенальной юстиции [1].

По утверждению О.В. Гладышевой, «научные теоретические модели способствуют дальнейшему развитию соответствующих областей знания, усилению и углублению специализации в рамках уголовно-процессуального права, повышению его эффективности, в том числе в сфере обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина» [2].

Н.Г. Стойко предлагает употреблять термин «модель» (в сфере уголовного процесса) в качестве специфического концептуального инструмента научного исследования, средства и формы научного освоения действительности, своеобразной рамки исследования. Модель отражает какой-то единичный объект, который представляет предмет теории, возникает как мысленный образ, содержательно наполняемый идеальными или реальными чертами [3].

Svetlana V. Rudakova
Phd in law, associate professor,
deputy dean,
associate professor of criminal procedure
law faculty named after A.A. Khmyrov,
Kuban state university
(rudakovasvetlana@mail.ru)

THE ESSENCE OF THE THEORETICAL MODEL REVISION SENTENCES AND OTHER JUDICIAL DECISIONS ON CRIMINAL CASES

Annotation. The article examines the formation of the theoretical model of the revision of sentences and other judicial decisions in criminal proceedings. It is proposed to use the concept of «elements-you theoretical model of revision», which are universal for all forms of judicial review in the court of appeal, cassation and Supervisory courts.

Keywords: theoretical model, revision procedure, review of court decisions, higher judicial instance.

Модель от латинского «modulus» – мера, образец, одна из основных категорий теории познания. На идею моделирования, по существу, базируется любой метод научного исследования, в том числе теоретический, при котором используются различного рода знаковые, абстрактные модели. Советский энциклопедический словарь определяет модель как любой образ, аналог, мысленный или условный, изображение, описание, схему какого-либо объекта, процесса или явления, представление общих характеристик, описание системы [4].

В уголовно-процессуальной науке предлагается рассматривать пересмотр судебных решений в качестве формы уголовно-процессуальной деятельности. Так, Т.Г. Бородинова пишет: «Форма являет собой категорию большей общности, включающую в себя определенные порядки уголовно-процессуальной деятельности. Пересмотр, как форма уголовно-процессуальной деятельности, включающей в себя отдельные виды (порядки) пересмотра различных видов приговоров» [5].

Представляется актуальным формирование теоретической модели пересмотра приговоров и иных судебных решений по уголовным делам. Для определения понятия указанной модели необходимо выделить и охарактеризовать ее

элементы в уголовном судопроизводстве, к числу которых относятся следующие.

1. *Нормативная упорядоченность деятельности в уголовно-процессуальных стадиях пересмотра приговоров и иных судебных решений* выражается в строгой регламентации такой деятельности нормами уголовно-процессуального закона. Никакими инструкциями, приказами, распоряжениями, указаниями, иными решениями государственных органов или должностных лиц нельзя изменить или дополнить порядок пересмотра приговоров и иных судебных решений по уголовным делам. Предмет судебного разбирательства, круг участников, имеющих право на обращение в вышестоящую судебную инстанцию, порядок и сроки подачи жалоб и представлений, их содержание, сроки и порядок их рассмотрения, основания отмены или изменения судебного решения, пределы прав суда вышестоящей судебной инстанции, виды и структура выносимых ими решений в результате пересмотра регламентированы нормами, закрепленными в главах 45.1, 47.1 и 48.1 УПК РФ.

2. *Единство задач пересмотра приговоров и иных судебных решений по уголовным делам.* По мнению И.Д. Перлова, «главная задача стадии надзорного производства – проверка присутствующими только этой стадии процесса средствами и методами законности и обоснованности вступивших в законную силу судебных решений, исправление ошибок путем отмены и изменения вынесенных решений» [6]. «Как и кассационный порядок, порядок судебного надзора имеет задачу – проверить законность и обоснованность вынесенного приговора, обеспечить такое положение, когда бы ни один гражданин не подвергался незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности и осуждению и ни один виновный не уклонился от ответственности» [7].

Указанные высказывания представителей уголовно-процессуальной науки актуальны лишь в связи с последними законодательными новеллами. Теперь, согласно ст.389.9 УПК РФ, суд апелляционной инстанции проверяет законность, обоснованность и справедливость приговора, законность и обоснованность итогового решения суда первой инстанции. В соответствии со ст. 401.1 УПК РФ, суд кассационной инстанции проверяет по кассационной жалобе или представлению законность приговора или решения суда, вступивших в законную силу. Основания отмены или изменения приговора, или решения суда в порядке надзора являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального законов, повлиявшие на исход дела (ч. 1. ст. 412.9. УПК РФ).

Соответственно, к числу задач пересмотра приговоров и иных судебных решений по уголовным делам можно отнести проверку законности и обоснованности приговоров и иных судебных решений, не вступивших в законную силу в апелляционном порядке и проверку законности приговоров и иных судебных решений, вступивших в силу в кассационном порядке, а также

проверку существенных нарушений законности в порядке судебного надзора.

Нам представляется, что едиными задачами пересмотра вышестоящими судебными инстанциями пересмотра приговоров и иных судебных решений является восстановление законности, а также прав и интересов лиц, нарушенных обжалуемым судебным решением.

3. *Последовательность совершения уголовно-процессуальных действий и принятия решений.* В УПК РФ строго регламентированы очередность и содержание осуществляемых действий и принимаемых решений всеми субъектами стадий пересмотра приговоров и иных судебных решений. Согласно ч. 1 ст. 389.3. УПК РФ, апелляционная жалоба или представление приносятся через суд, постановивший приговор или иное судебное решение. Кассационные жалоба, представление подаются непосредственно в суд кассационной инстанции, правомочный пересматривать обжалуемое судебное решение (ч. 1. ст. 401.3 УПК РФ). Требования инстанционности, установленные в ст. 401.3 УПК РФ, заключаются в том, что жалоба или представление вначале рассматриваются в нижестоящем, а затем в вышестоящем суде кассационной инстанции. При этом по смыслу ст. 401.8 УПК РФ предварительное производство по жалобе или представлению в суде кассационной инстанции Верховного Суда РФ осуществляется в два этапа: вначале ходатайство рассматривается судьей, а затем, если в удовлетворении жалобы или представления отказано, постановление судьи Верховного Суда РФ может быть проверено Председателем Верховного Суда РФ или его заместителем. По результатам изучения кассационных жалоб и представлений судья принимает два вида решения: об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения или о передаче указанных процессуальных документов для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

4. *Обширность круга субъектов обжалования.* Согласно ст. 389.1. УПК РФ, право на обжалование приговоров и иных судебных решений по уголовным делам в апелляционном порядке принадлежит осужденному, оправданному, их защитникам и законным представителям, государственному обвинителю и (или) вышестоящему прокурору, потерпевшему, частному обвинителю, их законным представителям и представителям, а также иным лицам в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы. Гражданский истец и гражданский ответчик или их законные представители и представители вправе обжаловать судебное решение в части, касающейся гражданского иска. Правом на обращение в суд кассационной и надзорной судебных инстанций в соответствии со ст.ст. 401.2. и 412.2. УПК РФ наделены те же лица, за исключением государственного обвинителя. С представлением о пересмотре судебного решения, вступившего в законную силу, вправе обратиться прокурор субъекта РФ, приравненный к нему военный прокурор и их заместители в президиум верховного

суда республики, краевого и приравненного к ним суда, а Генеральный Прокурор РФ в любой суд кассационной инстанции или в Президиум Верховного Суда РФ.

5. *Ревизионный порядок пересмотра иных судебных решений по уголовным делам.* В литературе отмечается, что «интересы обеспечения социалистической законности и охраны прав граждан, а также задача обеспечения полноты кассационного контроля выдвигают требование кассационной проверки приговоров не только в пределах поданных жалоб и протестов, но в полном объеме» [8].

Ревизионный порядок сохранен и в современной модели пересмотра приговоров и иных судебных решений, однако он действует на началах диспозитивности. При рассмотрении уголовного дела суд апелляционной инстанции не связан доводами жалобы и представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме (ч. 1. ст. 389.19 УПК РФ). При рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке суд не связан доводами жалобы и представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме (ч. 1 ст. 401.16 УПК РФ). При рассмотрении уголовного дела в порядке надзора Президиум Верховного Суда РФ в интересах законности вправе выйти за пределы доводов жалобы и представления и рассмотреть дело в полном объеме, в том числе в отношении лиц, которые не обжаловали судебные решения в порядке надзора (ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ).

6. *Ограничительный процессуальный срок обжалования приговоров и иных судебных решений.* Концепция ограничительного срока пересмотра вступивших в законную силу судебных решений впервые предусмотрена отечественным законодательством. Относительно процессуального срока обжалования приговоров и иных судебных решений, не вступивших в законную силу, констатируем, что он остался неизменным: апелляционные жалоба, представление могут быть поданы в течение 10 суток со дня постановления приговора или вынесения иного решения суда, а осужденным, содержащимся под стражей, в тот же срок со дня вручения ему копий приговора, определения постановления (ч. 1. ст. 389.4 УПК РФ). В соответствии с ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ, судебное решение, вступившее в законную силу может быть обжаловано в кассационном порядке в течение одного года со дня его вступления в законную силу. Обжалование судебного решения в порядке судебного надзора в Президиум Верховного Суда РФ аналогичен и составляет, согласно ст. 412.2 УПК РФ, один год.

7. *Недопустимость поворота к худшему при пересмотре приговоров и иных судебных решений.* Указанный элемент теоретической модели пересмотра приговоров и иных судебных решений является обязательным. Вместе с тем из правила недопустимости изменения или отмены приговоров и иных судебных решений в сторону, ухудшающую

положение осужденного или оправданного есть исключения.

В порядке ст. 389.23 УПК РФ, обвинительный приговор или иное решение суда первой инстанции могут быть изменены в сторону ухудшения положения осужденного только по представлению прокурора или по жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей. Отмена оправдательного приговора суда первой инстанции с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство возможна исключительно по представлению или жалобе указанных лиц. Согласно ст. 389.25 УПК РФ, отмена оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей возможна по представлению прокурора или жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей лишь при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право лиц, подавших жалобу или представление на представление доказательств, либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными вопросов или на содержание данных ими ответов. Оправдательный приговор подлежит отмене, если при неясном и противоречивом вердикте коллегии присяжных заседателей председательствующий не указал присяжным на неясность и противоречивость вердикта и не предложил им вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист.

В соответствии со ст. 401.6 УПК РФ, поворот к худшему при пересмотре приговоров иных судебных решений в кассационном порядке по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено допускается, если в ходе судебного разбирательства были допущены такие нарушения закона, которые искажают саму суть правосудия и смысл судебного решения как судебного акта правосудия. Исключения из правила недопустимости поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке судебного надзора аналогичные применяемым при пересмотре судебного решения в кассационном порядке.

Таким образом, теоретическая модель пересмотра приговоров и иных судебных решений по уголовным делам – это системное выражение урегулированной законом деятельности по пересмотру приговоров, определений и постановлений вышестоящими судебными инстанциями по жалобам и представлениям лиц, обладающих соответствующим правом обжалования, посредством процессуальной деятельности судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, осуществляемой в определенной последовательности, с возможным применением ревизионного порядка, ограниченной процессуальными сроками для достижения задач восстановления законности, а также прав и интересов лиц, нарушенных обжалуемым судебным решением.

Литература:

1. Курпас М.В. К вопросу о соответствии предложенной модели апелляционного производства критериям справедливого судебного разбирательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 5. С. 29; Ургалкин А.С. Причины необходимости применения гласной модели предварительного следствия в России // Российский следователь. 2009. № 23. С. 37; Дудоров Т.Д. Институт «сделки о признании»: зарубежный опыт и российская модель ускоренного судебного разбирательства в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ // Общество и право. 2009. № 2. С. 175–179; Ильюхов А.А. Российская и зарубежная модели развития института присяжных заседателей. Исторический аспект // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 23.
2. Гладышева О.В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : дис. д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 92.
3. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб. : Издательский Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. С. 52–53.
4. Советский энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. Редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров и др. М. : Сов. энциклопедия, 1987. С. 819.
5. Бородинова Т.Г. Современные формы пересмотра приговоров в уголовном судопроизводстве России. Краснодар: Издательский Дом «Хорс», 2016. С. 7.
6. Перлов И.Д. Надзорное производство в уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1974. С. 8.
7. Лупинская П.А. Производство дел в кассационной и надзорной инстанциях. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в советском уголовном процессе / П.А. Лупинская, Э.Ф. Шейно. М. : [б. и.], 1959. С. 57.
8. Лупинская П.А. Производство дел в кассационной и надзорной инстанциях / П.А. Лупинская, Э.Ф. Шейно. С. 8.

Literature:

1. Kurpas M.V. To a question of compliance to the offered model of appeal production to criteria of fair judicial proceedings // Arbitration and civil process. 2011. № 5. Page 29; Urgalkin A. S. The reasons of need of application of public model of preliminary investigation in Russia // the Russian investigator. 2009. № 23. Page 37; Dudorov T.D. Institute «transaction about recognition»: foreign experience and the Russian model of the accelerated judicial proceedings in the order provided by chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Society and the right. 2009. № 2. Page 175–179; Ilyukhov A.A. Russian and foreign models of development of institute of jurors. Historical aspect // Magazine of Russian law. 2008. № 1. P. 23.
2. Gladysheva O.V. Theoretical model of mechanisms of ensuring the rights and legitimate interests of the person and citizen in criminal legal proceedings : yew. Dr.s юрид. sciences. M, 2013. P. 92.
3. Stoiko N.G. Criminal trial of the western states and Russia: comparative teoretiko-legal research of Anglo-American and romano-German legal systems. SPb. : Publishing house the St. Petersburg state. un-that, 2006. P. 52–53.
4. The Soviet encyclopedic dictionary / under a general edition of V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. Redkol.: L.G. Andreyev, N.I. Balashov, A.G. Bucharov, etc. M. : Sov. encyclopedia, 1987. P. 819.
5. Borodinova T.G. Modern forms of revision of sentences in criminal legal proceedings of Russia. Krasnodar: Hors publishing House, 2016. P. 7.
6. Perlov I.D. Supervising production in criminal trial. M. : Yurid. litas., 1974. P. 8.
7. Lupinskaya P.A. Proceedings in cassation and supervising instances. Renewal of affairs on newly discovered facts in the Soviet criminal trial / P.A. Lupinskaya, E.F. Sheyno. M. : [б. and.], 1959. P. 57.
8. Lupinskaya P.A. Proceedings in cassation and supervising instances / P.A. Lupinskaya, E.F. Sheyno. P. 8.

Слюсарев Дмитрий Сергеевич
аспирант кафедры трудового права,
Академия труда и социальных отношений
dmitry.slyusarev@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННО- УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемные вопросы в области организационно-управленческих правоотношений, в частности, исследованы вопросы касательно содержания понятия организационно-управленческих правоотношений, взаимосвязи и разграничения организационно-управленческих правоотношений, отношений по социальному партнерству и участию работников и профессиональных союзов в установлении условий труда и применении трудового законодательства; в статье определено понятие организационно-управленческих правоотношений. Также исследован вопрос о соотношении и разграничении таких понятий как управление трудом, управление организацией и персоналом.

Ключевые слова: организационно-управленческие правоотношения, управление трудом, персоналом, организацией, организация труда, социальное партнерство, условия труда.

Важность и необходимость проведения исследования в области организационно-управленческих отношений, прежде всего, обусловлена отсутствием нормативно закрепленного определения данных отношений, их структуры, субъектного состава и содержания. Также большое значение имеет совершенствование и дальнейшее развитие основных понятий и содержания данных правоотношений.

Исследование вопроса о содержании понятия организационно-управленческих правоотношений позволило выделить следующие проблемные аспекты:

1. В науке трудового права существуют различные подходы в определении объема содержания организационно-управленческих правоотношений. Так, некоторые ученые рассматривают данные правоотношения широко, включая в них все производные от трудового отношения (А.С. Пашков [1, с. 7–8], Р.З. Лившиц [3, с. 21]), другие ученые рассматривают данные правоотношения более узко (Л.А. Сыроватская [6, с. 90–91]).

2. Отсутствуют четкие критерии разграничения правоотношений по организации труда и управления трудом, социальному партнерству, веде-

Dmitry S. Slyusarev
graduate student of the chair of labor law,
Academy of Labor and Social Relations
dmitry.slyusarev@gmail.com

KEY ISSUES OF ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL RELATIONS

Annotation. The article considers the main problematic issues in the field of organizational and managerial relations, in particular, the article envisages the issues with respect to the content of the of term of organizational and managerial relations, relations and differentiation between the organizational and managerial relations, relations on social partnership and participation of employees and trade unions in setting working conditions and applying labor legislation; the article defines the term of organizational and managerial relations. The issue on correlation and differentiation of such concepts as labor management, organization management and personnel management was also investigated.

Keywords: organizational and managerial relations, management of labor, personnel, organization, organization of labor, social partnership, work conditions.

нию коллективных переговоров, заключению коллективных договоров и соглашений, участию работников и профессиональных союзов в установлении условий труда и применении трудового законодательства.

3. Различные ученые выделяют различные группы организационно-управленческих отношений. Так, например, О.В. Смирнов, И.О. Снигирева [5, с. 11–15] не разделяют организационно-управленческие отношения по видам, Л.А. Сыроватская [6, с. 90–91] выделяет организационно-управленческие отношения в качестве «внутренних» и социального-экономические отношения в качестве «внешних» правоотношений, А.Д. Зайкин выделяет три вида правоотношений по организации труда и управлению трудом [2, с. 112–118].

4. Содержание организационно-управленческих правоотношений имеет историческую обусловленность, что связано, в том числе, с трансформацией социальных, производственных и политических отношений, а также изменением типа правового регулирования труда.

Для целей настоящего исследования под организационно-управленческими отношениями сле-

дует понимать урегулированную нормами права деятельность представителей работников и работодателей, направленную на упорядочение и организацию отношений по труду.

Актуальным является вопрос о соотношении понятий управления трудом, организацией и персоналом.

Зачастую некоторыми авторами организационно-управленческие отношения сводятся к установленным ст.53ТКРФ формам участия работников в управлении организацией. Однако, как представляется, такое отождествление является весьма спорным, поскольку само по себе участие работников в управлении трудом и организации труда является лишь частью организационно-управленческих отношений; вместе с тем, участие работников в управлении организацией может выходить за рамки отношений по управлению и организации труда.

То же самое можно сказать и о соотношении организационно-управленческих отношений с понятием «управление персоналом». Так, согласно Приказу Минэкономки России от 01.10.1997г. № 118 «Об утверждении Методических рекомендаций по форме предприятий (организаций)» понятие «управление персоналом» включает в себя два аспекта – функциональный и организационный. Не останавливаясь подробно на рассмотрении вопроса управления персоналом, можно отметить, что содержание понятия управления персоналом лишь частично пересекается с организационно-управленческими правоотношениями (например, в части построения и организации работ, в том числе определения рабочих мест, функциональных связей между ними, содержания и последовательности выполнения работ, условий труда) и относится как к правоотношениям по трудоустройству (например, в части привлечения, отбора и оценки персонала), так и правоотношениям по подготовке и дополнительному профессиональному образованию работников (например, в отношении повышения квалификации персонала и его переподготовке).

Также актуальным остается вопрос о взаимосвязи и разграничении организационно-управленческих правоотношений, отношений по социальному партнерству и участию работников и профессио-

нальных союзов в установлении условий труда и применении трудового законодательства.

Безусловно, права М.О. Буянова [4, с. 133–142], отмечая, что организационно-управленческие отношения связаны с отношениями по участию работников и профсоюзов в установлении условий труда, поскольку установление условий труда работников может осуществляться путем принятия локальных нормативных актов, что, безусловно, является одной из форм организационно-управленческих отношений. Вместе с тем, правоотношения по участию работников и профсоюзов в применении трудового законодательства к организационно-правовым не относятся, поскольку данные отношения имеют преимущественно индивидуальный, нежели коллективный характер. Таким образом, объединение в ст. 1 ТК РФ правоотношений по участию работников и профсоюзов в установлении условий труда и применении трудового законодательства в одну группу является весьма спорным.

Также проблемным является вопрос о соотношении организационно-управленческих правоотношений с отношениями по социальному партнерству. Указание в ст. 27 ТК РФ такой формы социального партнерства как участие работников, их представителей в управлении организацией не свидетельствует о том, что организационно-управленческие отношения «поглощаются» социально-партнерскими, во-первых потому, что сами по себе отношения по участию работников и их представителей в управлении организацией, как было указано выше, лишь частично пересекаются с организационно-управленческими, а во-вторых, участие в управлении организацией является как проявлением социального партнерства, так и формой организационно-управленческих отношений. Аналогично, правоотношения по заключению коллективных договоров и соглашений частично пересекаются с организационно-управленческими и базируются на принципе социального партнерства.

Таким образом, выделение в ст.1 ТК РФ социального партнерства в отдельную группу правоотношений является не совсем обоснованным, поскольку само по себе социальное партнерство реализуется, прежде всего, в качестве базового принципа трудового права в различных правоотношениях.

Литература:

1. Проблемы правового регулирования труда в развитом социалистическом обществе / Под ред. А.С. Пашкова. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 7–8.
2. Российское трудовое право. Под ред. А.Д. Зайкина. М. : Издательство НОРМА, 2000. С. 17, 112–118.
3. Трудовое право России. Под ред. Р.З. Лившица, Ю.П. Орловского. М. : Издательская группа ИНФРА М–НОРМА, 1998. С. 21.
4. Трудовое право. Отв. ред. Ю.П. Орловский. М. : Издательство Юрайт, 2014. С. 133–142.

Literature:

1. Problems of the legal regulation of labor in a developed socialist society / Ed. A.S. Pashkov. L. : Izd-vo Leningr. University, 1984. p. 7–8.
2. Russian labor law. Ed. A.D. Zaikin. M. : Publishing House NORMA, 2000. pp. 17, 112–118.
3. The labor law of Russia. Ed. R.Z. Livshits, Yu.P. Orlovsky. M. : Publishing group INFRA M-NORM, 1998. P. 21.
4. Labor law. Resp. Ed. Yu.P. Orlovsky. Moscow : Yurayt Publishing House, 2014. p. 133–142.

5. Трудовое право. Под ред. О.В. Смирнова, И.О. Снигиревой, Н.Г. Гладкова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : РГ-Пресс, 2016. С. 11–15.

6. Трудовое право. Под ред. Л.А. Сыроватской. М. : Высш. шк., 1995. С. 90–91.

5. Labor law. Ed. O.V. Smirnov, I.O. Snigireva, N.G. Gladkov. 5th ed., as amended. Moscow : RG-Press, 2016. p. 11–15.

6. Labor law. Ed. L.A. Syrovatskaya. M. : Higher education, 1995. p. 90–91.

Стрельцов Николай Владимирович
аспирант кафедры теории
и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

Nikolay V. Streltsov
post-graduate student of the department of
theory and the history of state and law,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

НОРМАТИВНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

REGULATORY PROMOTION OF LEGAL ACTIVITY (FEDERAL AND REGIONAL ASPECTS)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы нормативного стимулирования правовой активности личности. По мнению автора, стимулирование правовой активности личности в федеральном и региональном законодательстве должно стать важной частью единого механизма такого стимулирования, который бы включал также правоприменительную деятельность и деятельность по формированию правовой культуры.

Ключевые слова: нормативное стимулирование, активность, эффективность, региональный.

Annotation. The article considers the issues of normative legal stimulating activity of a person. The promotion of legal activity of a person in the Federal and regional laws should be an important part of a mechanism for such incentives, which would include law enforcement activities and the activities for the formation of legal culture.

Keywords: normative stimulation, activity, efficiency, regional.

Механизм стимулирования социально-правовой активности личности включает ряд форм, направлений, инструментов. Важнейшая форма стимулирования правовой активности связана с правотворчеством, с нормативным урегулированием такой активности на федеральном и региональном уровнях. В ходе правотворческого процесса открываются широкие возможности для стимулирования социально-правовой активности личности.

Для осуществления целей стимулирования и соблюдения его принципов необходимо соответствующее совершенствование законодательства на федеральном и региональном уровнях. В этом плане в литературе высказываются интересные идеи о совершенствовании поощрительной политики государства, в том числе, о принятии Наградного Кодекса РФ, Закона «О поощрениях в Российской Федерации», а также о систематизации федерального поощрительного законодательства [14, с. 17]. Однако очевидно, что в еще большем упорядочивании нуждается нормативное стимулирование социально-правовой активности на уровне субъектов РФ.

Как известно, важнейшим инструментом нормативного стимулирования правовой активности личности является наградная политика государства. На федеральном уровне в этом плане необходимо отметить Положение о государственных наградах Российской Федерации от 7.09.2010 г. № 1099, утвержденное Указом Президента РФ от

7.09.2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» [11]. В нем, в частности, указаны такие разновидности социальной активности, получающие позитивную правовую оценку, как «заслуги в области государственного строительства, экономики, науки, культуры, искусства и просвещения, в укреплении законности, охране здоровья и жизни, защите прав и свобод граждан, воспитании, развитии спорта», «значительный вклад в дело защиты Отечества и обеспечения безопасности государства», «активная благотворительная деятельность».

В связи с этим требует рассмотрения такая разновидность поощряемой социально-правовой активности, как заслуги. В литературе заслуга характеризуется как поступок, который по сравнению с обычным правомерным поведением характеризуется добровольным перевыполнением лицом своих прав и (или) более качественным сверхвыполнением возложенных на него обязанностей, следствием чего является возникновение социально-полезного результата [15, с. 11–12]. Существенное значение имеет не просто наличие заслуг у конкретной личности, а их юридическое признание.

Издаются акты о наградах за различные виды социально-правовой активности и в субъектах Российской Федерации. В качестве примера можно упомянуть Закон Республики Коми «О наградах и поощрениях в Республике Коми» от

17.02.2011 г. [1]. В нем, в частности, установлены почетные звания за осуществление тех или иных видов деятельности, активности, например, «Почетный геолог Республики Коми». Высшее же почетное звание «Почетный гражданин Республики Коми» присваивается, в том числе, за деятельность, «способствующую развитию и процветанию Республики Коми, повышению ее авторитета в Российской Федерации и за ее пределами». Однако, в целом, законодательство субъектов РФ о наградах носит бессистемный и фрагментарный характер.

Вообще, стимулированию различных видов активности уделяется неодинаковое и, в целом, бессистемное внимание. При этом следует различать как в федеральном, так и в региональном законодательстве общее стимулирование (законодательство о государственных наградах, о присвоении почетных званий) и специальное, связанное с изданием специальных нормативных актов о стимулировании тех или иных видов социально-правовой активности. Остановимся более подробно на втором виде стимулирования.

Во-первых, можно встретить законодательство, поощряющее трудовую активность в особых условиях и местностях. Так, например, Указом Президента РФ «О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих» (с изменениями на 23.08.2017 г.) [9] предусмотрена выплата районных коэффициентов государственным служащим за работу в пустынях, безводных местностях, высокогорных районах, районах Крайнего Севера, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Аналогично можно упомянуть поощрения за работу сверхурочно и в праздничные дни.

Стимулирование может касаться активности в специфических сферах, являющихся объектом повышенного внимания государства, например, энергетической. В качестве примера можно привести Постановление Правительства РФ от 23 января 2015 г. № 47 «О стимулировании использования возобновляемых источников энергии на розничных рынках электроэнергии» [12].

Заслуживает поддержки то, что на федеральном уровне и на уровне субъектов Федерации системному стимулированию подвергается активность, связанная с патриотической, военно-воспитательной работой. В этом плане можно отметить Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 727 «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» [10], члены которых наделены преимущественным правом поступления в высшие учебные заведения, правом безвозмездного пользования установленной материальной базой воинских частей и т.д.. Целый ряд нормативных актов по этим вопросам издан и в субъектах Федерации.

Стимулированию в субъектах РФ подвергается активность, связанная с участием в деятельности тех или иных общественных объединений. Показателен в этом плане Закон Оренбургской области от 6.05.2014 г. № 2263/649 – V – 03

«О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Оренбургской области» [2]. Помимо самого использования термина «социально ориентированная деятельность», Закон содержит достаточно удачное перечисление такой деятельности, которое, на мой взгляд, достойно восприятия и использования в законодательстве других субъектов РФ. В частности, в качестве примеров указанной деятельности названы:

- подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных и иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев;
- оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам;
- охрана окружающей среды и защита животных;
- охрана и содержание объектов, территорий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение, и мест захоронений;
- оказание юридической помощи на безвозмездной либо льготной основе, правовое просвещение, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина;
- профилактика социально опасных форм поведения граждан;
- благотворительная деятельность;
- пропаганда здорового образа жизни, содействие духовному развитию личности;
- формирование нетерпимости к коррупционному поведению;
- развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защита самобытности, культуры, языков и традиций народов РФ;
- деятельность в сфере патриотического воспитания;
- защита семьи, поддержка материнства, отцовства и детства;
- развитие институтов гражданского общества;
- профилактика экстремизма и ксенофобии;
- профилактика социального сиротства;
- повышение качества жизни людей пожилого возраста;
- социальная адаптация инвалидов и их семей;
- развитие детского и молодежного общественного движения;
- содействие развитию предпринимательства и туризма;
- содействие охране правопорядка;

- возрождение российского казачества;
- участие в профилактике и (или) тушении пожаров;
- содействие повышению мобильности трудовых ресурсов.

Вообще полагаю, что перечень социально ориентированной деятельности должен стать предметом и научного осмысления, и нормативного закрепления на уровне Российской Федерации, являясь ориентиром для ее субъектов.

Стимулированию не только на федеральном, но и на региональном уровне также подлежит активность, связанная с достижением высоких спортивных результатов. Издаются соответствующие акты и в регионах. В качестве примера можно привести Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 26 декабря 2007 г. № 362 «Об утверждении Положения о мерах поощрения и социальной защиты за особые заслуги в развитии физической культуры и спорта, высокие спортивные результаты» [13].

Очень важным представляется стимулирование как на федеральном, так и на региональном уровне активности, связанной с воспитанием детей, в том числе в многодетных семьях. В этом плане следует назвать Указ Президента РФ № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» от 5 мая 1992 г., который предусматривает такие меры поддержки, как бесплатная выдача лекарств по рецептам детям до 6 лет, бесплатное обеспечение школьной формой, помощь в создании многодетными семьями крестьянско-фермерских хозяйств, малых предприятий и т.д. [8].

Аналогичное законодательство имеется и в субъектах РФ. Здесь можно упомянуть Закон Липецкой области от 27 марта 2009 г. № 259 – ОЗ «О социальных, поощрительных выплатах и мерах социальной поддержки в сфере семейной и демографической политики, а также лицам, имеющим особые заслуги перед Российской Федерацией и Липецкой областью» [3]. В нем, помимо прочего, предусмотрено награждение орденами и медалями «Родительская слава», по-

Литература:

1. Закон Республики Коми «О наградах и поощрениях в Республике Коми» от 17.02.2011 г. // <http://law.rkomi.ru/files/20/7679.pdf>
2. Закон Оренбургской области от 6.05.2014 г. № 2263/649 – V – ОЗ «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Оренбургской области» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/412304691>
3. Закон Липецкой области от 27 марта 2009 г. № 259 – ОЗ «О социальных, поощрительных выплатах и мерах социальной поддержки в сфере семейной и демографической политики, а также лицам, имеющим особые заслуги перед Российской Федерацией и Липецкой областью» // URL: <http://base.garant.ru/33782187/>

четными знаками «Слава матери» и «За верность отцовскому долгу».

Стимулированию также подвергается активность, связанная с ведением личных подсобных хозяйств, в том числе на уровне регионов. Показателен в этой связи Закон Республики Татарстан от 12 января 2016г. № 3-ЗРТ «О государственной поддержке развития личных подсобных хозяйств на территории Республики Татарстан» [4]. В нем меры стимулирования разделены на организационные и финансовые. С поддержкой сельского хозяйства связано и стимулирование в регионах деятельности по осуществлению потребительской кооперации. В этом плане можно в качестве примеров привести Закон Владимирской области от 14 ноября 2007г. № 142-ОЗ «О государственной поддержке и стимулировании деятельности потребительской кооперации во Владимирской области» [5], Закон Курской области от 24 мая 2007г. «О государственной поддержке и стимулировании развития потребительской кооперации на селе» [6], в которых сформулированы задачи такого стимулирования, принципы стимулирования, намечены его формы и методы. А в Законе Чувашской Республики от 15.07.1999 г. № 7 «О государственной поддержке и стимулировании деятельности потребительской кооперации Чувашской Республики» [7] дается определение стимулирования применительно к деятельности потребительской кооперации: «это совокупность мер, принимаемых органами государственной власти в целях создания условий для развития потребительской кооперации в Чувашской Республике».

К сожалению, круг стимулируемой социально-правовой активности в субъектах Российской Федерации не систематизирован, не взаимно согласован с федеральным центром, меры стимулирования и поощрения во многом не упорядочены. Поэтому на уровне субъектов РФ необходимо разработать основанную на общих с федеральным уровнем принципах, но учитывающую региональные особенности часть стратегии стимулирования социально-правовой активности с привлечением потенциала не только государственных органов, но и органов местного самоуправления, общественных объединений.

Literature:

1. The law of the Republic of Komi «On awards and incentives in the Republic of Komi» from 17.02.2011 // <http://law.rkomi.ru/files/20/7679.pdf>
2. The law of the Orenburg region from 6.05.2014 № 2263/649 – V – ОЗ «About state support of socially oriented non-profit organizations in the Orenburg region» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/412304691>
3. The law of Lipetsk region from March, 27th, 2009 № 259 – ОЗ «ABOUT social, incentive payments and social support measures in the field of family and demographic policy, as well as to persons having special merits before the Russian Federation and the Lipetsk region» // URL: <http://base.garant.ru/33782187/>

4. Закон Республики Татарстан от 12 января 2016г. № 3-ЗРТ «О государственной поддержке развития личных подсобных хозяйств на территории Республики Татарстан» // URL: <http://rt-online.ru/zakon-respubliki-tatarstan-3-zrt-ot-12-yanvary-a-2016-goda/>
5. Закон Владимирской области от 14 ноября 2007 г. № 142-ОЗ «О государственной поддержке и стимулировании деятельности потребительской кооперации во Владимирской области» // URL: <http://base.garant.ru/19328319/>
6. Закон Курской области от 24 мая 2007 г. «О государственной поддержке и стимулировании развития потребительской кооперации на селе» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9908005933>
7. Закон Чувашской Республики от 15.07.1999 г. № 7 «О государственной поддержке и стимулировании деятельности потребительской кооперации Чувашской Республики» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/804959703>
8. Указ Президента РФ № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» от 5 мая 1992 г., URL: <http://base.garant.ru/10100845/>
9. Указ Президента РФ «О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих» (с изменениями на 23.08.2017 г.) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901990553>
10. Указ Президента РФ от 16 мая 1996г. № 727 «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» // URL: <http://base.garant.ru/106683/>
11. Положение о государственных наградах Российской Федерации от 7.09.2010 г. № 1099, утвержденное Указом Президента РФ от 7.09.2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // URL: <http://zakonbase.ru/content/part/695754>
12. Постановление Правительства РФ от 23 января 2015 г. № 47 «О стимулировании использования возобновляемых источников энергии на розничных рынках электроэнергии» // URL: <http://government.ru/docs/16633>
13. Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 26 декабря 2007г. № 362 «Об утверждении Положения о мерах поощрения и социальной защиты за особые заслуги в развитии физической культуры и спорта, высокие спортивные результаты» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/990307739>
14. *Дьяченко В.Ф.* Поощрительно-правовая политика современной России: общетеоретический анализ : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Пятигорск, 2006. С. 17.
15. *Мирошник С.В.* Теория правового стимулирования : Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 11–12.
4. The law of the Republic of Tatarstan from January 12, 2016. № 3-ZRT «About the state support of development of private farms on the territory of the Republic of Tatarstan» // URL: <http://rt-online.ru/zakon-respubliki-tatarstan-3-zrt-ot-12-yanvary-a-2016-goda/>
5. The law of Vladimir region of November 14, 2007. № 142-OZ «ON state support and stimulation of activities of consumer cooperation in the Vladimir region» // URL: <http://base.garant.ru/19328319/>
6. The law of Kursk region from 24 May 2007. «On the state support and stimulation of development of consumer cooperation in rural areas» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9908005933>
7. The law of the Chuvash Republic dated 15.07.1999 № 7 «About the state support and stimulation of activities of consumer cooperation of the Chuvash Republic» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/804959703>
8. The decree of the President of the Russian Federation № 431 «About measures on social support of large families» from 5 may 1992., URL: <http://base.garant.ru/10100845/>
9. The decree of the President of the Russian Federation «About the monetary maintenance of Federal civil servants» (as amended on 23.08.2017) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901990553>
10. The decree of the President of the Russian Federation of may 16, 1996. № 727 «On measures of state support of public associations, leading work on military-Patriotic education of youth» // URL: <http://base.garant.ru/106683/>
11. The Statute on state awards of the Russian Federation dated 7.09.2010 № 1099 approved by the decree of the President of the Russian Federation from 7.09. 2010 № 1099 «About measures on improvement of the state award system of the Russian Federation» // URL: <http://zakonbase.ru/content/part/695754>
12. Resolution of the Government of the Russian Federation of 23 January 2015 № 47 «On the promotion of renewable energy in retail electricity markets» // URL: <http://government.ru/docs/16633>
13. The resolution of the Board of administration of the Kemerovo region from December 26, 2007. № 362 «On approval of Regulations on the incentives and social protection for special merits in development of physical culture and sports, high sport achievements» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/990307739>
14. *Dyachenko V.F.* Incentive-legal policy of modern Russia: theoretical analysis : abstract. Diss. ... Cand. the faculty of law.sciences'. Pyatigorsk, 2006. P. 17.
15. *Miroshnik S.V.* Theory of legal incentives : abstract. Diss. ... doctor. the faculty of law.sciences'. Rostov-on-don, 2003.

Тарасенко Денис Владимирович
 адъюнкт кафедры
 уголовного права и криминологии,
 Краснодарский университет МВД России,
 капитан полиции
 milena.555@mail.ru

Denis V. Tarasenko
 Adjunct of the Department of
 criminal law and criminology,
 Krasnodar University of the
 Ministry of internal Affairs Russian
 police captain
 milena.555@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ON THE CAUSES AND CONDITIONS OF SEXUAL OFFENCES COMMITTED AGAINST MINORS

Аннотация. В статье рассматриваются причины и условия совершения половых преступлений в отношении несовершеннолетних. Автором делается вывод о том, что к причинам и условиям рассматриваемых преступлений можно отнести систему социально-негативных, с точки зрения общественных отношений, явлений и процессов, которые детерминируют преступность как свои последствия.

Ключевые слова: Криминология, виктимология, детерминация преступности, последствия преступности, половые преступления, несовершеннолетние.

Annotation. The article deals with the causes and conditions of sexual crimes committed against minors. It is concluded that the system of social-negative phenomena and processes that determine crime as their consequences can be attributed to the causes and conditions of the crimes under consideration from the point of view of social relations.

Keywords: Criminology, victimology, crime determination, consequences of crime, sexual crimes, minors.

Проблема причинности была и остается одной из главных в криминологии. Ее исследованию посвящено много научных трудов. Это связано с тем, что именно от полного знания ее детерминантов, обстоятельств, порождающих это явление и способствующих распространению, возможно предупреждение преступления.

Криминология исходит из того, что люди преступниками не рождаются, а становятся, главным образом, под влиянием социальных условий [1], потому что преступление – это результат сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов, которые, трактуются как причины преступлений. Так, Н.С. Лейкина отмечает: «К внешним причинам совершения преступления, относятся неблагоприятные условия нравственного формирования личности преступника, а также те условия, которые вызвали намерение и объективную возможность, в данный момент, совершить преступление. Внутренние причины заключаются в социально негативных взглядах, интересах, отношениях, установки, ориентации, которые обусловили совершение общественно опасного деяния».

Причинные связи являются одной из разновидностью детерминации отношений, которые представляют такой способ взаимодействия с которым, возникновение одного явления определя-

ется, опосредуется другими явлениями. Детерминация отношений с одной стороны имеет разные детерминирующие факторы (детерминанты), а с другой детерминированный (походный) результат.

То или иное явление возникает там, где созрели соответствующие предпосылки, и существует оно благодаря определенным явлениям. Характерной особенностью условий, как момента процесса детерминации является то, что они сами по себе не могут превратиться в новую действительность (следствие), они лишь делают ее возможной [2].

«Условия, – писал Гегель, – пассивны, употребляются как материал для предмета и, следовательно, входят в содержание предмета; они также соответствуют этому содержанию и уже содержат внутри себя все его определения».

Исследователи отмечают, что рост большинства негативных социальных явлений обуславливается экономическими и политическими потрясениями, снижением уровня жизни общества. Причинами и условиями преступности называют систему социально-негативных, с точки зрения общественных отношений, явлений и процессов, которые детерминируют преступность как свои последствия. Причины и условия преступности

не случайный механический набор детерминант преступности, а система. Криминогенная система представляет собой единство и целостность взаимодействующих подсистем и элементов, располагающихся в определенной иерархии и подчиненности [3]. Детерминантами каждого преступления, с одной стороны, являются личные свойства конкретного индивида (его потребности, взгляды, интересы, отношение к различным социальным ценностям и требованиям, в том числе правовым), а с другой – совокупность внешних обстоятельств, которые вызывают намерение и решение совершить умышленное преступление. То есть, существует взаимодействие криминогенных свойств личности, сложившихся под влиянием неблагоприятных условий ее формирования, с внешними объективными обстоятельствами и ситуациями.

Причины и условия преступности – это всегда социальные явления: социально–экономические, социально–психологические, идеологические и прочие. Они социальны по своему происхождению, сущности, последствиям и перспективам. В криминологической литературе было отмечено, что преступность «как социальное явление представляет собой одну из характеристик общества, один из параметров, отражающих состояние социального организма, и порождается только социальными причинами».

При анализе детерминации преступности берутся во внимание характеристики:

- а) общества, социальной среды, с учетом ее многоуровневости;
- б) различных социальных типов личности;
- в) процесс взаимодействия среды и личности.

Имеется в виду, что наиболее полное представление о процессах порождения преступного поведения дает изучение ее детерминации, то есть анализ не только причинных, но и других связей (состояние, функциональность и тому подобное). В то же время очень важно не отказываться от категории причинности, потому что именно выделение причинных комплексов позволяет эффективно влиять на снижение преступности [4]. В общем виде эти обстоятельства характеризуют и причины отдельных видов преступности. Они имеют значение и для характеристик преступлений, исследуются нами.

Специалисты отмечают, что для определения причин отдельных видов и конкретных преступлений большое значение имеет общий уровень нравственности общества, характер общепризнанных моральных ценностей и правил, а в аспекте исследуемой проблемы длительное целенаправленное половое воспитание. Отсутствие идеалов, высоких моральных ценностей привели к упадку морали, развитию цинизма, прагматизма. Это создало благоприятную основу для проявлений негативных факторов в поведении людей [5]. Именно низкий моральный уровень значительной части общества, бездуховность, разрушение морально-этических норм, за послед-

ние годы, привели к такому количеству половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. В специальной литературе неоднократно говорилось о том, что немногие исследователи, в полной мере осознают то огромное влияние, которое оказывают теневые стороны половых инстинктов на чувства, мышление и поведение людей. Сексуальное поведение есть результат интеграции социальных, психологических, социально-психологических и биологических факторов, и сексуальное преступление – один из видов нарушения сексуального поведения, воспроизводит различные уровни взаимодействия личности и среды. Криминологи исследовали причины половых преступлений и если суммировать все выводы по этому вопросу, то практически все они сводятся к следующему:

1) совершение половых преступлений связано с упущением в нравственно–половом воспитании; не во всех учебных заведениях и трудовых коллективах уделяется внимание воспитанию культуры поведения и отношений, борьбе с проявлениями грубости, цинизма, с распространением пьянства и других негативных традиций проведения свободного времени;

2) специфическую роль играют примеры развращающего сексуального поведения (например, совершение половых актов в присутствии детей; беспорядочные половые связи и тому подобное), распространение циничных взглядов на женщин и отношения полов;

3) развращающее влияние старших по возрасту, безнадзорность подростков в период полового созревания;

4) криминогенным фактором является распространение представлений об «абсолютной половой свободе» как атрибут современной молодежи. Крайний индивидуализм, стремление удовлетворить свои потребности, при этом представление некоторых мужчин о себе как о существе, которое имеет от природы преимущество над женщиной;

5) проблема половых преступлений тесно связана с употреблением спиртных напитков;

6) легкомысленное поведение потерпевших от половых преступлений, которые вызывают у преступников мнение о «естественности» их желания на интимную близость [6].

При выяснении причин преступного деяния выявлено, что преступники демонстрируют резкие суждения о своем поведении: «спровоцировало поведение потерпевшего», «не помню себя» и тому подобное. Видно, что для половых преступников характерна слабая развитость самоконтроля, то есть у них нарушена не ценностная нормативная структура, в целом, а отдельные ее элементы, что при особенностях нервной системы является источником агрессивных действий. Как отмечается в криминологической литературе, причины индивидуального преступного поведения включают следующие группы явлений:

1) антиобщественные взгляды определенного круга лиц;

2) внешние обстоятельства, сформировавшие эти взгляды;

3) различные жизненные ситуации, которые во взаимодействии с позицией личности вызывают преступные действия [7].

Как уже отмечалось ранее, антисоциальная направленность личности полового преступника не может сформироваться под влиянием какой-либо одной причины. Формирование антисоциального направления, наличие которого обуславливает совершение преступлений, случается из-за недостатков в семейном воспитании. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что, что лица, у которых в детстве и юношестве отсутствовали нормальные условия воспитания в семье, часто оставались без внимания школы, педагогов, становятся на путь совершения преступлений. Вместо того, чтобы усилить воспитательную работу с такими подростками, добросовестно бороться со всякого рода антисоциальными проявлениями с их стороны, педагогические коллективы школ иногда формально, неквалифицированно выполняли свои воспитательные функции, под разными предлогами применяли «отсев» из школ детей, которые плохо учились или тех, кто нарушал дисциплину. Формирование нравственных взглядов, в том числе тех, которые относятся к взаимоотношениям между полами, осуществляется в подростковом возрасте. Для этого возраста свойственны склонности к дублированию поведения взрослых, повышенная возбудимость и прочее. Во время роста, подростки нередко общаются с уже развращенными сверстниками, слышат циничные разговоры взрослых об интимных сторонах жизни, что влияет на рост полового влечения, под влиянием этих факторов формируются взгляды на жизнь подростка, его привычки, которые перерастают в нормы поведения. При указанных выше условиях нездорового воспитания личности уже с подросткового возраста, наряду с другими факторами, приучаются к употреблению спиртных напитков, что со временем негативно влияет на психику и деморализует личность. Как уже было выше сказано, не случайно развратные действия в отношении несовершеннолетних совершаются в большинстве случаев под воздействием алкоголя. Также одним из обстоятельств, способствующих половым преступлениям является легкомысленное поведение несовершеннолетних потерпевших. Иногда такое поведение может создавать у преступников мнение о «естественности» их притязаний на интимную близость.

В литературе отмечается, что одна из причин совершения половых преступлений кроется в морально-психологическом факторе преступности. Между тем, в задачу криминологических исследований этой проблемы входит и рассмотрение внешних факторов, сформировавших негативные черты личности преступника. Проведя анализ высказанных на этот счет суждения ученых и обобщив собственные наблюдения, мы выделили основные внешние причины совершения половых преступлений в отношении несовершеннолетних.

Одной из главных сфер жизни человека является семья. Как известно, основное воспитание, формирование личности, ее взглядов, интересов, потребностей, усвоение норм нравственности и социализация человека происходит именно в семье. Между тем, в отдельных семьях имеют место существенные недостатки, в частности безнадзорность детей, отсутствие необходимого внимания со стороны родителей к воспитанию, применения неверных приемов воспитания, особенно когда речь идет о половом воспитании, отсутствие помощи родителям со стороны государства и общественности по месту жительства, недостатки в работе служб по делам несовершеннолетних, негативное влияние «улицы», то есть той микросреды, в которой подросток проводит значительную часть своего времени.

Дополнять семейное воспитание несовершеннолетних должны дошкольные, школьные учебные заведения и другие учреждения, которые выполняют функции воспитания. Именно в этих учреждениях дети имеют возможность получить не только знания, но и навыки общения и поведения между собой. А совершение половых преступлений связано не только с недостатками в сфере общеобразовательной, культурной и профессиональной подготовки, но и с недостатками в сфере полового воспитания людей, особенно молодых. К сожалению не во всех учебных заведениях и трудовых коллективах уделяется должное внимание воспитанию культуры поведения и отношений между полами, борьбе с проявлениями грубости, цинизма, с распространением пьянства и других негативных традиций проведения свободного времени. Воспитатели и преподаватели формально относятся к этим проблемам, не уделяют должное внимание «трудным» подросткам. Недостаточно внимания уделяется и вопросам полового воспитания, формированию уважения к достоинству женщины.

Урбанизация, акселерация, научно-техническая революция, усложнение процессов воспитания, увеличение автономии несовершеннолетних от родителей, либерализация половой морали и тому подобное, тоже влияют на совершение половых преступлений. Как отмечено в литературе, интерес к вопросам пола возникают у детей задолго до начала полового созревания. Этот интерес поначалу не связан с эротическими переживаниями, а является выражением обычного любопытства: несовершеннолетний хочет знать, что представляет собой сфера жизни, которую взрослые так тщательно скрывают. В этом возрасте интерес к этим вопросам становится напряженным и личностным.

За последние годы меняются стереотипы взглядов нашего общества на приоритеты жизни, мышления. Государство больше не контролирует и не определяет главные моральные ценности, поэтому у несовершеннолетних не сформировались основы духовного и нравственного воспитания. Средства массовой информации пропагандируют насилие, пытаются распространить представление об «абсолютной половой свободе», распущенность – как атрибут современной молодежи. Все это, в свою очередь,

формирует психику молодого поколения, взгляды на ценности жизни. Это негативное воздействие осуществляется с помощью средств массовой информации, интернета, что также является одной из причин совершения полового насилия, в том числе и в отношении несовершеннолетних. Немаловажным аспектом данной проблемы является проблемы полового воспитания подрастающего поколения. Половое воспитание осуществляется на принципах коммерции и рынка. Как уже отмечалось выше, негативное влияние имеет порнографическая продукция, торговля детьми, вовлечение несовершеннолетних для съемок в порнографических фильмах и вовлечение в занятие проституцией.

Проблема половых преступлений тесно переплетается с проблемой криминогенной роли потребления спиртных напитков, их влияние на сферу сексуальных отношений. Почти 65 % половых преступлений против несовершеннолетних совершаются лицами, находящимися в состоянии опьянения.

Не вызывает также сомнения зависимость эффективности предупреждения половых преступлений от качества профилактики алкоголизма и наркомании. Как уже было сказано, большинство

Литература:

1. *Стручков Н.А.* Криминология и проблемы личности преступника // Теоретические проблемы личности преступника. М., 1979.
2. *Минская В.С.* Опыт виктимологического изучения изнасилований // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1972. Вып. 17.
3. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации. М., 1984.
4. *Долгова А.И.* Исследование общих проблем криминологии // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. М., 1990. № 121.
5. *Игнатов А.Н.* Проблемы правовой борьбы с проституцией // Проституция и преступность. М., 1991.
6. *Антонян Ю.М.* Сексуальные преступления. Чикатило и другие / Ю.М. Антонян, А.А. Ткаченко. М. : Амальтея, 1993.
7. *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения). М. : Юридическая литература, 1968.

половых преступлений совершается под воздействием алкогольных напитков. Вопрос о влиянии алкоголя как на агрессию, так и на сексуальную преступность, широко обсуждается в литературе. Считается, что алкоголь усиливает сексуальную агрессивность, особенно у мужчин, причем это явление в равной степени характерно и для лиц, которые не имеют алкогольной зависимости.

В связи с этим приведем верное высказывание Б.И. Пятницкого: «Алкоголь не только парализует мозг, но и патологически развращает половой инстинкт. При скрытых наследственных задатках он является причиной их пробуждения».

Следует также обратить внимание на то, что определенную роль в механизме преступного поведения играет жертва. Она выступает в качестве внешнего фактора, который может повлиять на принятие преступником решения о совершении преступления. Между тем подчеркнем, что когда речь идет о жертве половых преступлений, а особенно – несовершеннолетних, то явно негативное поведение жертв почти не встречается. Между тем, особенности жертв и их поведение далеко не нейтральны в причинно-следственном комплексе преступлений.

Literature:

1. *Struchkov N.A.* Criminology and problems of the identity of the criminal // Theoretical problems of the identity of the criminal. M, 1979.
2. *Minsk V.S.* Experience of viktimologicheskoy studying of rapes // Questions of fight against crime. M, 1972. Issue 17.
3. *Kuznetsova N.F.* Problems of criminological determination. M., 1984.
4. *Dolgova A.I.* Research of common problems of criminology // Scientific information on questions of fight against crime. M, 1990. № 121.
5. *Ignatov A.N.* Problems of legal fight against prostitution//Prostitution and crime. M, 1991.
6. *Antonyan Yu.M.* Sexual crimes. Chikatilo and others / Yu.M. Antonyan, A.A. Tkachenko. M. : Amaltey, 1993.
7. *Kudryavtsev V.N.* Causality in criminology (About structure of individual criminal behavior). M. : Legal literature, 1968.

Товарова Елена Валерьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовно-правовые дисциплины,
Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления
elena.tovarova@yandex.ru

Elena V. Tovarova

Candidate of Law Sciences,
associate professor
criminal and legal disciplines,
East Siberian state university of
technologies and managements
elena.tovarova@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ
ДОЛЖНОСТНЫМИ
ПОЛНОМОЧИЯМИ**

**FEATURES OF
PREVENTING ABUSE OF
OFFICIAL AUTHORITY**

Аннотация. Статья посвящена поиску системного подхода к борьбе с коррупцией. Современная коррупция характеризуется как универсальное явление, которое выходит за рамки исследования любой отраслевой дисциплины и аккумулирует в себе сложный комплекс социальных, правовых, философских и экономических характеристик. Рассмотрены меры предупреждения злоупотребления должностными полномочиями. Даны рекомендации и предложения по повышению эффективности противодействия злоупотреблению должностными полномочиями, а именно установление контроля за деятельностью органов власти и управления специального контролирующего органа государственного уровня.

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, меры по предупреждению, коррупция, преступность, противодействие коррупции.

Согласно ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. (далее – Закон о противодействии коррупции) под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [5].

Изучением понятия и сущности коррупции длительное время занимаются отечественные исследователи. В частности, этому вопросу в своих трудах уделяли внимание как советские, так и российские учёные. Среди российских авторов следует отметить работы Е.И. Хромовой, И.В. Левакина, Ж.А. Шишовой, А.В. Воробьёва,

Annotation. The article is devoted to the search for a systematic approach to fighting corruption. Modern corruption is characterized as a universal phenomenon that goes beyond the study of any sectoral discipline and accumulates a complex set of social, legal, philosophical and economic characteristics. Measures to prevent abuse of power are considered. Recommendations and proposals are given to increase the effectiveness of countering abuse of official powers, namely, the establishment of control over the activities of the authorities and the management of a special state-level supervisory body.

Keywords: abuse of official powers, preventive measures, corruption, crime, anti-corruption.

которые рассматривали коррупцию как социально-правовой феномен.

По данным неправительственной международной организация TransparencyInternational Россия заняла 131 место из 176 стран мира в 2016 г. В первом квартале 2017 года было отмечено снижение преступлений на 8 %. Однако эта положительная тенденция была загублена, и по итогам 2017 года Россия заняла 135 место [7].

Официальная статистика, фиксирует лишь незначительную часть преступлений, совершаемых должностными лицами и потому не отражает фактической распространенности данного явления. Так, по данным МВД России с января по сентябрь 2017 года выявлено 18969 преступлений коррупционной направленности, из которых 5596 совершены в крупном и особо крупном размерах, что на 13,6 % больше, чем на 2016 год. Согласно этой же статистике с января по сентябрь 2017 года было выявлено 5298 преступлений, связанных со взяточничеством из которых 2730 –

получение взятки, 1900 – дача взятки и 668 – посредничество во взяточничестве [2]. С общим числом преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления растет и количество преступлений, предусмотренных статьями 285 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями.

Проблема злоупотребления полномочиями в уголовном законодательстве далеко не новая, и к большому сожалению, в будущем вряд ли будет полностью разрешена. Государственные и муниципальные служащие обязаны неуклонно соблюдать закон, государственную дисциплину и обеспечивать их соблюдение гражданами и организациями. Нарушение служащими закона и дисциплины, аморальное поведение наносят существенный вред обществу и государству, подрывают авторитет государственных органов.

Злоупотребление должностными полномочиями посягает на нормальное функционирование органов государственной власти, местного самоуправления и интересы государственной и муниципальной службы, а также порождает в обществе настроение вседозволенности, подрывает веру законопослушных граждан в то, что их права и интересы вообще могут быть защищены. Поэтому важной задачей перед государством выступает предупреждение и предотвращение должностных преступлений, в том числе и злоупотребления должностными полномочиями.

Закон о противодействии коррупции отмечает необходимость создания механизмов общественного контроля за деятельностью государственных органов, такие как:

- обеспечения доступа граждан к информации о деятельности федеральных органов государственной власти субъектов Российской Федерации;
- соблюдения принципа независимости судей и средств массовой информации;

Литература:

1. Конституция Каотчаврмилоач Ккок 1. Конституция РФ от 12.12.1993 г.
2. Корниленко Ю.А. Коррупция в статистике современной России // Молодой ученый. 2017. № 46. С. 203–205. URL: <https://moluch.ru/archive/180/46475/> (дата обращения: 18.04.2018).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».
4. Руководящие принципы для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Приняты 24.05.1989 Резолюцией 1989/61 на 15-ом пленарном заседании Экономического и Социального Совета.

– совершенствования организации деятельности правоохранительных и контролирующих органов;

– повышения уровня оплаты труда и социальной защищенности представителей власти и управления и ряд других мер[5].

К сожалению, многие из перечисленных выше мер борьбы с должностным злоупотреблением носят декларативный характер, так как практически трудно выполнимы без участия в этом самих органов государственной и муниципальной власти. Наиболее важной мерой предупреждения следует отнести неотвратимость наказания должностных лиц, злоупотребляющих своими служебными полномочиями и своим служебным положением, что не указано в законе о противодействии коррупции. Законодатель, видимо, посчитал, что данная мера сама собой разумеется, однако судебная практика показывает обратное. Должностные лица, злоупотребляя служебным положением, незаконно наживаясь в связи со своей должностью, уходят от уголовной ответственности и наказания в подавляющем большинстве случаев. Считаем, что основной мерой борьбы с должностными преступлениями является формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, а также предъявление законных требований к проверке квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей. Следующей мерой предупреждения – это создание механизма взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями по вопросам противодействия коррупционным преступлениям. Полагаем, что многие из перечисленных выше мер борьбы с должностными злоупотреблениями носят декларативный характер, так как практически трудно выполнимы без участия в этом самих органов власти и управления. Представляется, что наиболее действенной мерой предупреждения указанных выше преступлений может быть только контроль за деятельностью органов власти и управления специального контролирующего органа государственного уровня.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993.
2. *Kornilenko Yu.A.* Corruption in the statistics of modern Russia // Young Scientist. 2017. № 46. P. 203–205. URL: <https://moluch.ru/archive/180/46475/> (date of circulation: 18.04.2018).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 16, 2009, № 19 «On Judicial Practice on Abuse of Official Powers and Abuse of Official Powers».
4. Guidelines for the effective implementation of the Code of Conduct for Law Enforcement Officials. Adopted on May 24, 1989 by Resolution 1989/61 at the 15th plenary meeting of the Economic and Social Council.

5. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ .

7. Данные TransparencyInternational : [Электронный ресурс] URL: <https://transparency.org.ru/research/>

5. Federal Law of the Russian Federation of 25 December 2008 No. 273-FZ «On Countering Corruption».

6. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, № 63-FZ.

7. Transparency International data: [Electronic resource] URL: <https://transparency.org.ru/research/>

Хадисов Сайхан Вахаевич
магистрант 2 курса
юридического факультета,
Чеченский государственный университет
e-mail: saihanhadisov@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей процедуры объявления физического лица несостоятельным (банкротом), правовое регулирование которой осуществляется в соответствии с нормами и положениями, заключенными в главе X Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В статье проведен анализ и раскрыто содержание мер реабилитационного характера, применение которых происходит в ходе производства по делу о несостоятельности (банкротстве) должника – физического лица, а также выявлены положительные и негативные последствия применения таких мер в отношении финансово несостоятельного гражданина.

Ключевые слова: реструктуризация долга, мировое соглашение, должник-гражданин, добровольная и принудительная процедура банкротства, реализация имущества должника.

Концепция безусловного приоритета прав и свобод человека и гражданина над иными ценностями закреплена в тексте Основного закона Российской Федерации. Государство играет ведущую роль в правовом регулировании общественных отношений, возникающих в той или иной общественной сфере, в том числе в сфере банковского дела и кредитования [3].

Возникновение необходимости наличия правового механизма признания физического лица – должника несостоятельным и объявления его банкротом обусловлено повышением количества лиц, выступающих в качестве заемщиков у банков и иных кредитных организаций, которые по истечении оговоренного срока не в состоянии погасить имеющуюся перед кредиторами задолженность по принятым на себя обязательствам.

В связи с этим, с 1 октября 2015 года в результате вступления в силу поправок в Закон о несостоятельности (банкротстве) стало возможным возбуждение дела о банкротстве в отношении физических лиц [5].

Физическим лицом признается любой гражданин, не занимающийся предпринимательской деятель-

Saikhan V. Khadisov
2nd year master's degree student,
faculty of law,
Chechen State University
e-mail: saihanhadisov@gmail.com

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF BANKRUPTCY OF PHYSICAL PERSONS

Annotation. The article is devoted to research of features of the procedure Declaration of a natural person insolvent (bankrupt), the legal regulation which is carried out in accordance with the rules and regulations embodied in Chapter X of the Federal law from 26 October 2002 year № 127-FZ «On insolvency (bankruptcy)». In the article the analysis and the content of measures, rehabilitative measures, the application of which occurs in the course of the proceedings on insolvency (bankruptcy) of the debtor – physical person, and also positive and negative effects of the use of such measures in respect of the insolvent citizen.

Keywords: debt restructuring, the settlement agreement, the debtor-the citizen, voluntary and involuntary bankruptcy proceedings, sale of debtor's property.

ностью. Объявление его банкротом по решению арбитражного суда возможно на основании соответствующего заявления кредитора, уполномоченного органа или самого должника-гражданина.

В качестве оснований для инициации в отношении физического лица процедуры объявления его банкротом закон устанавливает совокупность следующих признаков:

- наличие задолженности по обязательствам перед кредиторами в размере, превышающем пятьсот тысяч рублей;
- истечение трех месяцев с даты наступления срока исполнения требований принятых на себя обязательств.

Рассмотрение дела о несостоятельности должника-гражданина может проходить через такие стадии в рамках общей процедуры банкротства, как реструктуризация долга, реализация конкурсного имущества или заключение мирового соглашения. В соответствии с принципом диспозитивности возможность заключения мирового соглашения предусматривается в ходе любой стадии инициированного процесса.

Содержание реструктуризации долгов гражданина сводится к применению к должнику реабилитационных мер в целях восстановления его платежеспособности и погашения образовавшихся долгов по обязательствам перед кредиторами [7, с. 35]. Процедура реструктуризации проходит в соответствии с разработанным собранием кредиторов или самим должником планом реструктуризации долгов гражданина, утвержденным арбитражным судом. Восстановительный характер данной стадии процедуры банкротства заключается также и в том, что с момента утверждения плана реструктуризации долгов начисление процентов по сумме задолженности, в частности, по обязательствам займа и кредита, приостанавливается.

Арбитражный суд, которым ведется производство по делу о несостоятельности должника-гражданина, утверждает представленный должником план реструктуризации даже в том случае, если он не одобрен собранием его кредиторов, при условии, что в ходе судебного производства будут представлены доказательства, свидетельствующие о возможности восстановления платежеспособности должника [4].

Представленный на утверждение план реструктуризации долгов может быть одобрен судом также и в том случае, если будет доказано, что реализация указанных в нем мер позволит погасить задолженность перед кредиторами и удовлетворить их требования в полном объеме, включая требования конкурсных кредиторов, кредиторов по обеспеченным залогом обязательствам, уполномоченных органов, а открытие конкурсного производства и реализация имущества гражданина с достаточной очевидностью не сможет привести к аналогичному удовлетворению требований кредиторов должника.

В случае, если план реструктуризации долгов разработан и представлен собранием кредиторов должника, основным условием его утверждения арбитражным судом выступает одобрение указанного плана самим гражданином-должником, которое может быть представлено в письменном виде или же выражено устно в ходе судебного разбирательства по делу о несостоятельности с отражением указанного факта в протоколе судебного заседания.

Закон устанавливает ограниченный перечень случаев, когда возможно утверждение плана реструктуризации долгов без согласия и одобрения его физическим лицом, одним из которых является представление кредиторами в суд доказательства того, что выражение несогласия с разработанным собранием кредиторов планом является злоупотреблением правом с целью избежать исполнения своих обязательств.

В качестве примера для иллюстрации можно привести случай, когда должник-гражданин, которому принадлежит имущество, обладающее пониженной ликвидностью, получает на протяжении продолжительного времени высокий уровень личного дохода, однако, желая уклониться от исполнения принятых на себя перед кредито-

рами обязательств, выражает неодобрение представленного на утверждение плана реструктуризации долгов и ходатайствует о переходе к конкурсному производству, окончание которого приведет к реализации имеющегося у него имущества и освобождению от долгов.

При вынесении решения об утверждении или отклонении плана реструктуризации долгов гражданина арбитражный суд, в первую очередь, проверяет наличие злоупотребления правом сторонами, участвующими в деле.

Исходя из этого, суд отказывает в утверждении плана в случае, если в ходе судебного заседания придет к выводу о том, что имеются достаточные основания полагать, что реализация представленного на утверждение плана не приведет к восстановлению платежеспособности должника.

Также в утверждении плана реструктуризации долгов может быть отказано, если им на должника возлагаются финансовые обременения в таком размере, который приводит к ущемлению прав самого должника или находящихся на его иждивении нетрудоспособных лиц, в частности, несовершеннолетних детей, например, если в результате исполнения указанных в плане мер размер остающихся у должника средств оказывается меньше размера прожиточного минимума, установленного субъектом РФ.

Применение процедуры реализации имущества гражданина-должника происходит в целях пропорционального удовлетворения требований по обязательствам перед кредиторами [8, с. 55]. Реализации на конкурсной основе посредством проведения торгов подлежит все имущество, принадлежащее должнику – физическому лицу, за исключением специально оговоренного в законодательстве.

В соответствии с положениями статьи 213.25 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве), сформулированной по остаточному принципу, конкурсная масса включает в себя все имущество гражданина, имеющееся у него на дату принятия решения суда о признании его банкротом, а также имущество, которое было выявлено или приобретено после принятия такого решения, за исключением имущества, на которое в соответствии с гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации не может быть обращено взыскание.

Для проведения процедуры реализации имущества должника проводится оценка принадлежащего должнику имущества в целях определения его стоимости. Проведение оценки имущества возлагается на назначенного судом финансового управляющего или привлекаемого последним независимого оценщика. В случае несогласия с выводами оценки заинтересованное лицо вправе оспорить ее результаты в судебном порядке.

В течение тридцати дней с момента окончания установления оценочной стоимости принадлежащего должнику имущества финансовый управляющий должен представить в арбитраж-

ный суд порядок, условия и сроки реализации имущества должника-гражданина с указанием стартовой цены продажи.

Вырученные в результате реализации принадлежащего должнику имущества денежные средства направляются на погашение задолженности должника-гражданина перед кредиторами [9, с. 28].

Удовлетворение требований конкурсных кредиторов происходит в порядке установленной статьей 213.27 Закона о несостоятельности (банкротстве) очередности.

В случае если стороны придут к компромиссу в вопросе о наиболее целесообразном способе обеспечения удовлетворения требований по обязательствам должника, возможно заключение мирового соглашения между сторонами [6, с. 80].

В соответствии со статьей 213.31 Закона о несостоятельности (банкротстве), мировое соглашение, заключенное в рамках процедуры банкротства должника-гражданина, в случае его утверждения арбитражным судом, является самостоятельным основанием для прекращения производства по делу.

Литература:

1. Борзунова О.А. Банкротство физических лиц // Банковское обозрение. 2015. № 2. С. 9–23.
2. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 года № 45 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (ред. от 07.03.2018 г.) // «Собрание законодательства Российской Федерации», 28 октября 2002 года, № 43, ст. 4190, «Парламентская газета», № 209-210, 02 ноября 2002 года, «Российская газета», № 209-210, 02 ноября 2002 года.
4. Попов А.В. Общие положения о несостоятельности в свете нового Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2003. № 12. С. 70–102.
5. Телиукина М.В. Финансовое оздоровление как пассивная оздоровительная процедура / М.В. Телиукина, В.Н. Ткачев, В.И. Тарасов // Адвокат. 2003. № 12. С. 28–41.
6. Трефилова Т.И. Банкротство это не крах // Закон. 2003. № 8. С. 46–59.
7. Федоров С.И. Некоторые особенности рассмотрения арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве) // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : 2001. С. 31.

В случае последующего неисполнения должником мирового соглашения или нарушения его отдельных условий арбитражный суд возобновляет по заявлению заинтересованного лица производство по делу и переходит к процедуре реализации имущества должника-гражданина.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что появление правового механизма, посредством которого возможно объявление физического лица финансово несостоятельным, отвечает современным тенденциям в области государственного регулирования общественных отношений, связанных с возникновением неплатежеспособности по принятым на себя обязательствам у граждан перед кредиторами и иными заинтересованными лицами, а также положительным образом сказывается на рыночной конъюнктуре, позволяя лицу в случае образования у него задолженности в размере, превосходящем стоимость принадлежащего ему имущества и невозможности погашения за его счет, позволить избавить должника от непосильного бремени посредством проведения в отношении него процедуры объявления его несостоятельным (банкротом).

Literature:

1. Borzunova O.A. Bankruptcy of individuals // Banking review. 2015. № 2. С. 9–23.
2. About some questions connected with introduction of the procedures applied in insolvency (bankruptcy) of citizens: the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2015 № 45 [Electronic resource]. Access from help.-legal system «ConsultantPlus».
3. On insolvency (bankruptcy): Federal law No. 127-FZ of 26 October 2002 (as amended on 07.03.2018) // «Assembly of the legislation of the Russian Federation», 28 October 2002, № 43, art.4190, «parliamentary Gazette», № 209–210, 02 November 2002, «Rossiyskaya Gazeta», № 209–210, 02 November 2002.
4. Popov A.V. General provisions on insolvency in light of the new Federal law «On insolvency (bankruptcy)» // Judicial-arbitration practice of the Moscow region. Issues of law enforcement. 2003. № 12. С. 70–102.
5. Teliukina M.V. Financial health as passive health procedure / M.V. Teliukina, V.N. Tkachev, V.I. Tarasov // the Lawyer. 2003. № 12. С. 28–41.
6. Trefilova T.I. Bankruptcy is not a collapse // Law. 2003. № 8. С. 46–59.
7. Fedorov S.I. Some features of consideration by arbitration courts of cases of insolvency (bankruptcy) // Avtoref. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Moscow : 2001. С. 31.

Хурум Мариет Аслановна
аспирантка кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОЛУЧЕНИЕМ И РАЗГЛАШЕНИЕМ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ, СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОММЕРЧЕСКУЮ ТАЙНУ

Аннотация. В статье отмечается, что посредством анализа показателей, видов, последствий и общественной опасности посягательства на конфиденциальную информацию, составляющую коммерческую тайну, в статье рассмотрены вопросы обоснованности их криминализации в ст. 183 и ст.185.6 УК РФ, а также обращено внимание на основные угрозы в сфере информационной безопасности бизнеса и необходимость расширения криминализации за счет включения в круг наказуемых такого деяния, как бенчмаркинг.

Ключевые слова: информационная безопасность, конфиденциальная информация, промышленный шпионаж, инсайдерская информация, криминализация, бенчмаркинг.

Обеспечение информационной безопасности в современном мире становится одной из наиболее актуальных проблем. Обусловлено это тем, что информация выступает в качестве одного из решающих ресурсов развития, она влияет на все сферы жизнедеятельности всего мирового сообщества. В п. 7 ч. II Доктрины информационной безопасности РФ 2016 г. указывается: «Информационные технологии приобрели глобальный трансграничный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства. Их эффективное применение является фактором ускорения экономического развития государства и формирования информационного общества. Информационная сфера играет важную роль в обеспечении реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [1]. Значительным потенциалом общественной опасности характеризуются чрезмерная капитализация информационного пространства; развитие возможностей манипуляции общественным сознанием в политической сфере; формирование сверхмощных баз персональных данных, представляющих опасность тотального контроля над личностью;

Mariette A. Hurum
graduate student of department of
criminal law and criminology,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

SOCIAL CONDITIONALITY OF CRIMINALIZATION OF ACTS CONNECTED WITH THE RECEIPT AND DISCLOSURE OF CONFIDENTIAL INFORMATION CONSTITUTING COMMERCIAL SECRET

Annotation. In the article the questions of the reasonableness of their criminalization in Art. 183 and art. 185.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as attention to the main threats in the field of information security of business and the need to expand criminalization by including in the circle of punishable acts such as benchmarking.

Keywords: information security, confidential information, industrial espionage, insider information, criminalization, benchmarking.

рост уровня идеологической уязвимости политических систем из-за наличия глубоких социальных конфликтов, которые могут быть задействованы путем использования информационных технологий; интеллектуальная и духовная деградация общества и т.д. [2].

Система криминальных угроз в сфере безопасности конфиденциальной информации, составляющей коммерческую тайну, может быть представлена следующим образом:

- 1) прямой и непосредственный шпионаж иностранных коммерческих конкурентов и иностранных спецслужб;
- 2) организованная преступная деятельность по хищению информации, составляющей банковскую, налоговую или коммерческую тайну;
- 3) промышленный шпионаж со стороны игроков внутреннего российского рынка в конкурентной борьбе;
- 4) коррупционная деятельность представителей государственных структур, осуществляющих

незаконную передачу сведений, составляющих коммерческую тайну.

Самыми опасными угрозами для своего бизнеса российские компании считают утечку информации и халатность персонала (73 и 70 % соответственно) [3]. Еще одна тенденция – компании стали больше опасаться краж оборудования (рост с 25 до 38 %), которые также непосредственно связаны с утечкой информации. Вместе с тем, лишь 40 % российских компаний заявляют о планах внедрения защиты от утечек в течение ближайших трех лет. Только 35 % организаций собираются внедрить криптографические системы для хранящихся данных, а еще 33 % – системы управления информационной безопасностью [4]. Именно поэтому защита информации является самым важным аспектом в области хранения данных.

Промышленный шпионаж используется на всех уровнях экономики, начиная с небольших предприятий и заканчивая государствами. Основная его составляющая – добывание сведений, представляющих коммерческую ценность, причем с использованием для этого запрещенных законом методов (подкупа, шантажа, подслушивания, воровства и т.п.) [5]. Кроме того, нередко имеет место дискредитация конкурента, дестабилизация его деятельности с целью дальнейшего вытеснения с рынка. Доктрина информационной безопасности РФ указывает, что возможности трансграничного оборота информации все чаще используются для достижения геополитических, противоречащих международному праву военнополитических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности. Следует подчеркнуть, что большую опасность таят в себе не только посягательства на информацию, составляющую военную тайну, но и, не в меньшей степени, коммерческую и промышленную тайну. В последнее время информационная безопасность выходит на принципиально иной уровень как по значению для бизнеса, так и по используемым технологиям [6, с. 41].

Промышленный шпионаж причиняет невосполнимый ущерб как частным компаниям, так и целым государствам. Так, по мнению П. Швейцера, специалиста в области экономической разведки, «коммерческие и промышленные секреты становятся более важными, чем военные ... и подсчет металлорежущих станков приобретает большую актуальность, чем выявление числа боевых машин» [7, с. 58]. Бывший директор Главного управления внешней безопасности Франции (DGSE) К. Сильберзан заявил, что «современный шпионаж является главным образом экономическим, научным, техническим и финансовым» [8, с. 221]. По мнению специалистов, утрата 20 % информации, составляющей коммерческую тайну, в 60 случаях из 100 приводит к банкротству фирмы [9]. Негативные последствия от шпионажа в кредитно-банковской сфере составляют 30 % от всего ущерба, причиняемого банкам [10, с. 13]. Ярким примером подобного выступает шпионаж в области технологий, в част-

ности, производства автомата Калашникова. Россия в результате его незаконного производства государствами, похитившими технологию, потеряла, по оценкам экспертов, более 90 млрд долл. Это прямое использование российских технологий, которые можно было получить только нелегальным путем, то есть в результате промышленного или, точнее, экономического шпионажа [11]. По данным Минэкономразвития РФ за 2012 г., российский бюджет ежегодно теряет более 100 млрд долл. от шпионской деятельности зарубежных корпораций.

По данным ФБР, объемы промышленного шпионажа в США выросли на 323 % за 4 последних года, ущерб от него оценивается уже в 100-110 млрд долл. В США за это преступление привлекается к судебной ответственности 500–700 чел. ежегодно. Под контролем ФБР находятся 250 тыс. специалистов в 20 тыс. компаний [12].

В настоящее время основной проблемой стали вопросы утечки критически важных данных и вопросы защиты от инсайдеров: злоумышленники начали зарабатывать деньги на использовании информации плохо защищаемых IT-ресурсов. При этом основными возможными злоумышленниками все больше становятся не внешние хакеры, а внутренние администраторы [13, с. 41]. Опасность внутренних угроз повышается еще и за счет того, что «халатные» инсайдеры в России, как правило, привлекаются не более чем к дисциплинарной ответственности [14].

Именно поэтому в странах как общего, так и континентальной систем права конфиденциальная информация экономического характера (коммерческая и банковская тайна) включена в систему интересов уголовно-правовой охраны [15]. Анализируя открытые и доверительные источники информации за 1996 г., С.Н. Гирин отмечает, что из всех фактов промышленного шпионажа 81 % – это непрофессиональные случаи и попытки получения информации о деятельности конкурентов. В 3 % случаев можно предполагать след преступных группировок. Оставшиеся 16 % – профессионально проведенные мероприятия, преследующие чисто экономические цели [16].

С учетом сказанного представляется обоснованной криминализация посягательств на конфиденциальную информацию, составляющую коммерческую тайну, в УК РФ: незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183) и неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185.6).

Криминализация представляет собой достаточно сложный процесс и не должна сводиться к механической штамповке уголовно-правовых норм. В теории отечественного уголовного права этой проблематике традиционно уделялось пристальное внимание [17]. Рассматривая вопрос о криминализации деяний, связанных с получением и разглашением конфиденциальной информации, следует, прежде всего, обратиться к ее основаниям. Основания криминализации – это то, что создает действительную общественную

потребность в уголовно-правовой новелле, внутренняя необходимость возникновения уголовно-правовой нормы [18].

Обоснованный вывод относительно оснований криминализации сформулирован М.В. Бавсуном. Среди них автор указывает следующие:

- 1) общественную опасность деяния, степень его влияния на общественные процессы и общественное сознание;
- 2) распространенность данного деяния и его удельного веса в общем состоянии преступности;
- 3) степень тяжести преступных последствий, характеризующихся размером причиненного вреда;
- 4) яркую антисоциальную направленность деяния и лица, противопоставляющего себя обществу [19].

Большинство отечественных авторов сходятся во мнении, что базовым основанием криминализации является общественная опасность деяния. По мнению Ю.И. Ляпунова, под общественной опасностью следует понимать определенное объективное, антисоциальное состояние преступления, обусловленное всей совокупностью его отрицательных свойств и признаков и заключающее в себе реальную возможность причинения вреда (ущерба) общественным отношениям, поставленным под охрану закона [20]. В работах последних лет прослеживается единство позиций авторов относительно обоснованности криминализации деяний, связанных с получением и разглашением конфиденциальной информации [21].

Н.В. Карчевский делит основания криминализации посягательств в сфере информационной безопасности на две группы:

- 1) процессы, имеющие существенное значение для позитивных трансформаций общества, обеспечивающие его развитие и стабильность;

Литература:

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>.
2. Карчевский Н.В. Основные направления совершенствования уголовного законодательства в контексте социальных тенденций информатизации // Вопросы права и политики. 2013. № 6 // URL: http://e-notabene.ru/lr/article_8317.html
3. Промышленный шпионаж или деловая разведка? // URL: <http://econbez.ru/journal/cat/244>
4. Промышленный шпионаж или деловая разведка? // URL: <http://econbez.ru/journal/cat/245>
5. В России процветает промышленный шпионаж. А жертвы кто? // URL: <http://www.aif.ru/money/business/11368>

- 2) процессы, имеющие опасный социальный потенциал [22].

Среди негативных последствий для предприятий, подвергающихся промышленному шпионажу, следует назвать потерю выгодных контрактов; сокращение или приостановку производства; отказ от разработанных новых технологий; потерю клиентской базы; увеличение издержек производства.

Основными источниками утечки информации в огромном своем большинстве являются, как ни странно, локальные пользователи информации. Сотрудники предприятия, имеющие корыстный умысел, в целях получения прибыли либо в иных целях способны пойти на такой шаг, как разглашение подобной информации [23]. Все это также подтверждает необходимость и эффективность уголовно-правовой превенции посягательств на конфиденциальную информацию, составляющую коммерческую тайну. Если учесть, что фактически каждое зарегистрированное юридическое лицо, так или иначе, соприкасается с конфиденциальной информацией, то масштабы данной проблемы представляются весьма внушительными.

Современное состояние рыночных отношений во многом зависит от стабильности и неприкосновенности конфиденциальной информации, составляющей коммерческую тайну. Значимость информационной безопасности как для отдельных «игроков» рынка, так и для суверенных государств; внушительные экономические и репутационные последствия, причиняемые посягательствами на указанную информацию; неблагоприятные тенденции их роста – все это свидетельствует о необходимости обеспечения защиты конфиденциальной информации, составляющей коммерческую тайну, путем детальной криминализации соответствующих деяний в уголовном законе. Вместе с тем, если в УК РФ уже введена ответственность за разглашение инсайдерской информации, то деятельность, составляющая бенчмаркинг [24], основного современного средства промышленного шпионажа, остается за рамками уголовно-правовой оценки.

Literature:

1. Doctrine of information security of the Russian Federation // URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>.
2. Karchevsky N.V. The main directions of improvement of the criminal legislation in the context of social tendencies of informatization // Matters of law and politicians. 2013. № 6 // URL: http://e-notabene.ru/lr/article_8317.html
3. Industrial espionage or business investigation? // URL: <http://econbez.ru/journal/cat/244>
4. Industrial espionage or business investigation? // URL: <http://econbez.ru/journal/cat/245>
5. In Russia industrial espionage prospers. And victims who? // URL: <http://www.aif.ru/money/business/11368>

6. *Задонский А.Ю.* Защита от утечек конфиденциальной информации в центрах обработки и хранилищах данных // Защита информации. INSIDE. 2007. № 5. С. 41.
7. *Шаваев А.Г.* Безопасность корпораций. М., 1998. С. 58.
8. *Цит. по: Доронин А.И.* Бизнес-разведка. М., 2002. С. 221.
9. Организация и современные методы защиты информации / под общ. ред. С.А. Диева, А.Г. Шаваева. М., 1998. С. 9.
10. *Сидоров Б.* Проблема общенациональная // Экономическая и банковская безопасность. М., 1998. С. 13.
11. Промышленный шпионаж – убытки для одних, доходы для других // URL: <http://www.d-kvadrat.ru/dk/info/16787.html>
12. Сколько стоит секрет фирмы // URL: <http://ppt.ru/news/31923>.
13. *Задонский А.Ю.* Указ. соч. С. 41.
14. Промышленный шпионаж или деловая разведка? // URL: <http://econbez.ru/journal/cat/244>
15. § 1905 раздела 18 Свода законов США Отдел 3 «О преступлениях, связанных с рынком и потребителями»; ст. 226-13 УК Франции; § 203 УК Германии.
16. Промышленный шпионаж // URL: <http://economics.studio/ekonomicheskie-voprosyi-obschiie/promyshlennyiy-shpionaj.html#>
17. *Карпец И.И.* Уголовное право и этика. М., 1985. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986; Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П.С. Дагель, Г.А. Злобин, С.Г. Келина, Г.Л. Кригер, и др.; под ред. В.Н. Кудрявцева и А.М. Яковлева. М. : Наука, 1982 и др.
18. *Коробеев А.И.* Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 58.
19. *Бавсун М.В.* Целесообразность в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 12.
20. *Ляпунов Ю.И.* Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989. С. 39.
21. *Дубровский Ю.В.* Коммерческая, налоговая и банковская тайна: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Ершов М.А. Ответственность за посягательства на конфиденциальную информацию по российскому уголовному праву: проблемы правоприменения и совершенствования законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2010; Юрченко И.А. Информация конфиденциального характера как предмет уголовно-
6. *Zadonsky A.Yu.* Protection against leakages of confidential information in the centers of processing and storages of data//Information security. INSIDE. 2007. № 5. P. 41.
7. *Shavayev A.G.* Safety of corporations. M., 1998. P. 58.
8. *Tsit. on: Doronin A.I.* Business investigation. M., 2002. P. 221.
9. The organization and modern methods of information security / under a general edition of S.A. Diyevev, A.G. Shavayev. M, 1998. P. 9.
10. *Sidorov B.* Problem nationwide//Economic and bank security. M, 1998. P. 13.
11. Industrial espionage – losses for one, income for others // URL: <http://www.d-kvadrat.ru/dk/info/16787.html>
12. How much for secret of firm // URL: <http://ppt.ru/news/31923>.
13. *Zadonsky A. Y.* Decree. соч. P. 41.
14. Industrial espionage or business investigation? // URL: <http://econbez.ru/journal/cat/244>
15. § 1905 section 18 of the Code of laws of the USA Department 3 «About the crimes connected with the market and consumers»; Art. 226-13 of UK of France; § 203 UK Germany.
16. Industrial espionage // URL: <http://economics.studio/ekonomicheskie-voprosyi-obschiie/promyshlennyiy-shpionaj.html#>
17. *Karpets I.I.* Criminal law and ethics. M., 1985. Belyaev N.A. Hugo-lovno-legal policy and ways of her realization. L., 1986; Bases of the criminal and legal ban. Criminalization and decriminalization / P.S. Dagel, G.A. Zlobin, S.G. Kelin, G.L. Krieger, etc.; under the editorship of V.N. Kudryavtsev and A.M. Yakovlev. M. : Science, 1982, etc.
18. *Korobeev A.I.* Soviet criminal and legal policy: problems of criminalization and penalization. Vladivostok, 1987. P. 58.
19. *Bavsun M.V.* Expediency in criminal law : автореф. yew. ... edging. law. sciences. Omsk, 2002. P. 12.
20. *Lyapunov Yu.I.* Public danger of act as universal category of the Soviet criminal law. M., 1989. P. 39.
21. *Dubrovsky Yu.V.* Trade, tax and bank secrecy: criminal and legal and criminological aspects : автореф. yew. ... edging. law. sciences. M., 2005; Yershov M.A. Otvetstvennost for infringement of confidential information on the Russian criminal law: problems of law enforcement and improvement of the legislation : autoref. yew. ... edging. law. sciences. N. Novgorod, 2010; Yurchenko I.A. Information of confidential character as subject of criminal legal protection : автореф. yew. ... edging. sci-

правовой охраны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Яковлева И.А. Информация с ограниченным доступом в предпринимательской деятельности: правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

22. *Karchevskiy N.V.* Указ. соч.

23. Лобачев Е. Защита информации от утечки из информационных систем // http://www.itsec.ru/articles2/Oborandteh/zasch_inform_ute4_inform_sist

24. Бенчмаркинг представляет собой способ изучения фирмой лучшей продукции и маркетингового процесса, используемого ее прямыми конкурентами и компаниями, работающими в подобных областях, для выявления фирмой возможных способов совершенствования ее собственных методов. По сути своей, он близок к маркетинговой разведке.

ences. М., 2013; Yakovleva I.A. Information with limited access in business activity : legal aspect : autoref. yew. ... edging. law. sciences. М, 2014.

22. *Karchevskiy N.V.* Decree. соч.

23. *Lobachev E.* Information security from leak from information systems // http://www.itsec.ru/articles2/Oborandteh/zasch_inform_ute4_inform_sist

24. The benchmarking represents a way of studying by firm of the best production and the marketing process used by her direct competitors and the companies working in similar areas for identification of possible ways of improvement of her own methods by firm. Inherently, he is close to marketing investigation.

Шарабанов Сергей Владимирович
Северо-Западный институт управления
(филиал),
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
scharabanov.sergej@yandex.ru

Sergey V. Sharabanov
North-West Institute of management
(branch),
Russian Academy of national economy and
public administration at
Russian Federation President
scharabanov.sergej@yandex.ru

ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОХРАНИТЕЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

THE FUNCTIONS OF LEGAL RESPONSIBILITY IN THE PROTECTIVE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

Аннотация. Данная статья посвящена теоретическому анализу функций юридической ответственности в охранительном механизме правового регулирования. Большой интерес у автора вызывает подробное монографическое исследование Трофимовой М.П. Особое внимание автором акцентируется на содержании каждой из функций юридической ответственности, на их признаках и отличительных особенностях. Приводятся позиции различных авторов на понимание данного понятия, а также подходы к выделению отдельных видов самих функций.

Annotation. This scientific article is devoted to the theoretical analysis of the functions of legal responsibility in the protective mechanism of legal regulation. Of great interest to the author is the detailed monographic study Trofimova M.P. The author focuses on the content of each of the functions of legal responsibility, on their characteristics and distinctive features. Positions of various authors on understanding of this concept, and also approaches to allocation of separate types of functions are resulted.

Ключевые слова: юридическая ответственность, функции юридической ответственности, охранительный механизм правового регулирования, правовосстановительная функция права, регулятивная функция права, функции правовой системы, воспитательная функция, охранительная функция, превентивная функция.

Keywords: legal responsibility, functions of legal responsibility, protective mechanism of legal regulation, legal function of law, regulatory function of law, functions of the legal system, educational function, protective function, preventive function.

Проблема функционирования юридической ответственности является одной из важнейших в теории государства и права.

профилактическую, воспитательную, а также отдельное место они отводят компенсационной функции, акцентируя внимание на том, что меры правового воздействия направлены на восстановление общественных отношений, нарушенных противоправным поведением гражданина [4, с. 507]. В.И. Шепелев, в свою очередь, не рассматривает функций юридической ответственности как таковых, однако он делает вывод из сущности и гражданско-правовой ответственности. Он утверждает, что санкции ответственности сводятся к возмещению делинквентом материального и морального вреда, восстановлению нарушенных прав.[16, с. 464; с. 466].

Согласно точке зрения В.М. Горшенева, проблема функций юридической ответственности вообще отсутствует в правовой науке. Он считает, что юридическая ответственность представляет собой качество индивида, соответственно, речь идёт о том, что нельзя признать правомерной постановку вопроса о так называемых «функциях ответственности» [12, с. 96]. С.Н. Кожевников считает, что функции юридической ответственности представляют собой ведущие направления её претворения в жизнь, через которые достигаются свойственные данному институту права цели и в которых проявляется его ключевая значимость [5, с. 83]. М.П. Трофимова под функциями юридической ответственности подразумевает важнейшие направления воздействия юридической ответственности на общественные отношения, благодаря которым происходит достижение установленных целей [14, с. 6]. Р.В. Енгибарян и Ю.К. Краснов в системе функций юридической ответственности выделяют карательную,

Теоретики права в отрасли гражданского права выделяют следующие функции юридической ответственности: воспитательную и восстановительную. [7, с. 59]. Некоторые исследователи выделяют такие функции как сигнализационная, информационная, контрольно – учётная [3, с. 86], а также совокупность двух функций как единое целое (предупредительная и воспитательная, компенсационная и восстановительная). Согласно позиции А.А. Файнштейна в сфе-

ре договорного права выделяют две важнейшие функции: компенсаторную и превентивную [15, с. 6–11]. Автору трудно согласиться с позицией В.Н. Протасова и Н.В. Протасовой, которые выделяют только две функции юридической ответственности: правосстановительную и карательную. Данное утверждение имеет место в отношении такой защитной меры, которой является восстановление прежнего правового положения с помощью применения к лицу мер принудительного воздействия с целью исполнения первоначально возложенной на него юридической обязанностью, но не выполненной по каким-либо причинам [10, с. 415, с. 417]. В уголовном праве С.А. Шлыков выделяет следующие функции юридической ответственности: карательную, превентивную, воспитательную, восстановительную и социального контроля [17, с. 195–199]. Лейст О.Э. разделяет функции ответственности в соответствии с характером правонарушения и санкцией правовой нормы на: штрафную и правосстановительную [8, с. 136–139]. С.С. Алексеев, Петелин А.И., В.М. Баранов подразделяют функции на репрессивную или штрафную, а также репарационную или компенсационную [1, с. 277–278; 2, с. 36–37; 9, с. 55].

Литература:

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права: Курс лекций в 2-х томах. М. : Юрид. лит. 1981. Т. 1. 360 с.
2. *Баранов В.М.* Теория юридической ответственности : Лекция. Н. Новгород : Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1998. 58 с.
3. *Васькин В.В.* Гражданско-правовая ответственность / В.В. Васькин, Н.И. Овчинников, Л.Н. Рогович. Владивосток, 1988. 182 с.
4. *Енгибарян Р.В.* Теория государства и права : учеб. пособие / Р.В. Енгибарян, Ю.К. Краснов. М., 2010. 576 с.
5. *Кожевников С.Н.* Правомерное поведение, правонарушения, юридическая ответственность. Н. Новгород, 2004. 99 с.
6. *Колосова Н.М.* Интегративная функция правовой системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 22 с.
7. *Константинов В.С.* Правовые вопросы материального стимулирования деятельности предприятий / В.С. Константинов, С.Т. Максименко. Саратов, 1981. 104 с.
8. *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву. М. : Изд-во Моск. ун-та. 1981. 240 с.
9. *Петелин А.И.* Проблемы правовой ответственности в социалистическом обществе. Омск, 1976. 120 с.
10. *Протасов В.Н.* Лекции по общей теории права и теории государства / В.Н. Протасов, Н.В. Протасова. М., 2010. 752 с.

В структурных компонентах регулятивной функции Т.Н. Радько выделяет следующие: установление правоспособности, дееспособности и деликтоспособности конкретного физического лица; закрепление правового статуса гражданина в нормативно-правовых актах; определение компетенции государственных служащих; определение правового статуса общественных организаций; установление юридических фактов, наличие правовой связи между субъектами права [11, с. 9–10]. Согласно точке зрения Н. М. Колосовой, в структуру функций правовой системы входят: цели, объекты правового воздействия, механизмы осуществления, важнейшие элементы правовой системы при применении конкретной функции [6, с. 12]. А.Н. Торопов к структурным компонентам правосстановительной функции права относит следующие: субъекты правоотношений; объекты, на которые непосредственно воздействует данная функция, цели и задачи, которые она преследует; правовые и фактические основания, действия, направленные на восстановление прав; приёмы и способы, с помощью которых осуществляют данный процесс; правовые и социально-полезные результаты [13, 9].

Literature:

1. *Alekseev S.S.* General theory of law: a course of lectures in 2 volumes. M. : Yurid. lit. 1981. Vol. 1. 360 p.
2. *Baranov V.M.* Theory of legal liability : Lecture. N. Novgorod : Nizhny Novgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs, 1998. 58 p.
3. *Vas'kin V.V.* Civil-law liability / V.V. Vas'kin, N.I. Ovchinnikov, L.N. Rogovych. Vladivostok, 1988. 182 p.
4. *Engibaryan R.V.* Theory of state and law : Studies. Benefit / R.V. Engibaryan, Yu.K. Krasnov. M., 2010. 576 p.
5. *Kozhevnikov S.N.* Lawful behavior, offenses, legal responsibility. N. Novgorod, 2004. 99 C.
6. *Kolosova N.M.* Integrative function of the legal system : author. dis ... kand. the faculty of law. sciences'. M., 1990. 22 p.
7. *Konstantinov V.S.* Legal issues of material stimulation of enterprises / V.S. Konstantinov, S.T. Maksimenko. Saratov, 1981. 104 p.
8. *Leist O.E.* Sanctions and responsibility by the Soviet right. Moscow : Moscow Publishing house. UN-TA.1981. 240 c.
9. *Petelin A.I.* problems of legal responsibility in the socialist society. Omsk, 1976. 120 C.
10. *Protasov V.N.* Lectures on General theory of law and state theory / V.N. Protasov, N.V. Protasova. M., 2010. 752 p.

11. *Радько Т.Н.* Функции социалистического общенародного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 1967. 20 с.
12. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М. : Издательская группа ИНФРА * М–НОРМА, 1997. 570 с.
13. *Торопов А.Н.* Восстановительная функция права (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. 25 с.
14. *Трофимова М.П.* Функции юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 26 с.
15. *Файнштейн А.А.* Договорная ответственность социалистических организаций (по праву зарубежных европейских стран – членов СЭВ). М., 1978. 168 с.
16. *Шепелев В.И.* Правовое поведение и юридическая ответственность : учеб. / В.И. Шепелев, В.Я. Любашиц, М.Б. Смоленский // Теория государства и права. Ростов н/Д, 2006. 512 с.
17. *Шлыков С.А.* Функции уголовной ответственности // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды ВНИИСЗ. Вып. 27. М., 1983. С. 192–203.
11. *Radko T.N.* Functions of the socialist national law : author. dis ... kand. the faculty of law. sciences'. 1967. 20 p.
12. Theory of state and law. The textbook for legal high schools and faculties. Ed. V.M. Korelsky and V.D. Perevalova. M. : Publishing group INFRA * M-NORMA, 1997. 570 p.
13. *Toropov A.N.* Restorative function of law (questions of theory and practice) : author. dis ... kand. the faculty of law. sciences'. N.N. Novgorod, 1998. 25 p.
14. *Trofimova M.P.* functions of legal responsibility : author. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Saratov, 2000. 26 p.
15. *Feinstein A.A.* Contractual responsibility of socialist organizations (under the law of foreign European countries – members of CMEA). M., 1978. 168 p.
16. *Shepelev V.I.* Legal behavior and legal liability : Textbook / V.I. Shepelev, V.J. Luboshits, M.B. Smolensky // Theory of state and law. Rostov n/D., 2006. 512 p.
17. *Shlykov S.A.* Functions of criminal liability // problems of improving Soviet legislation. Proceedings of VNISS. Vol. 27. M., 1983. P. 192–203.

Шипицина Виктория Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный университет
vivasi@yandex.ru

Victoria V. Shipitsina
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of Criminal Procedure,
Kuban State University
vivasi@yandex.ru

КРИТЕРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ: ПРАВОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

CRITERIA OF DIFFERENTIATION OF PROCEDURAL FORM: LEGAL AND SOCIAL SIGNIFICANCE

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам дифференциации уголовно-процессуальной формы, утверждается, что её понятие должно основываться на едином назначении уголовного судопроизводства и единой совокупности принципов. В современных условиях развития и совершенствования уголовного судопроизводства особенно остро встает вопрос о формировании критериев дифференциации процессуальной формы и одновременном и эффективном решении вопроса обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, законность, уголовное судопроизводство, процессуальная форма, дифференциация форм, критерии дифференциации, обеспечение прав участников.

Annotation. The article is devoted to topical problems of differentiation of criminal procedural form, it is argued that the concept should be based on a single criminal proceeding and a common set of principles. In modern conditions of development and improve the criminal justice system especially sharply there is a question about criteria of differentiation of the procedural forms and the simultaneous and effective solving the issue of ensuring the rights of participants in criminal proceedings.

Keywords: criminal procedural law, law, criminal procedure, procedural form, the differentiation of forms, the criteria of differentiation, ensuring the rights of participants.

На протяжении длительного времени одной из проблем, занимающих особое место и привлекающих внимание юристов, как ученых, так и практиков, является разработка альтернативных форм производства по уголовным делам, иначе говоря, дифференциация уголовно-процессуальной формы, изучение которой, определение ее критериев, условий, эффективности в российском уголовном судопроизводстве позволяет заключить, что научные исследования как на фундаментальном, так и прикладном уровнях в этом направлении осуществляются перманентно.

Так, согласно Уставу уголовного судопроизводства по делам частного обвинения органы государственного обвинения полностью устранялись от вмешательства в уголовное преследование, такие дела возбуждались вследствие жалобы потерпевшего и прекращались примирением, а обличение обвиняемых перед судом предоставлялось по делам частного обвинения исключительно потерпевшему (ст. 5). При этом примирение не было обусловлено возмещением вреда, кроме случая, когда потерпевший сохранял за собой право на гражданский иск (ст. 20). По делам частного-публичного обвинения потерпевшему предоставлялось только право возбуждения уголовного иска [1].

Анализируя данный закон его современник И.Я. Фойницкий отмечал, что Устав уголовного

судопроизводства придавал формальному следствию значение следствия судебного, разделив предварительное следствие на дознание и предварительное следствие в новом уже значении, где первая стадия – дознание, вторая – предварительное следствие, третья – судебное следствие. Дознание и предварительное следствие И.Я. Фойницкий относил к предварительному исследованию, осуществляемому полицией и судебными следователями. Предварительное исследование состояло из ряда действий частных и должностных лиц, направленных к собиранию материала для судебного разбирательства. В свою очередь, дознание включало в себя два вида [2].

В работе С.В. Познышева отмечено: «Судебное производство отличается от несудебного тем, что в нем самый порядок разбора дела, собирания и рассмотрения доказательств определена законом, не зависит от усмотрения, разбирающего дело лица и снабжен формами, гарантирующими обоснованное и беспристрастное решение» [3].

Согласно ст. 249–260 Устава уголовного судопроизводства, полиция была основным органом дознания, объем полномочий у должностных лиц органов дознания дифференцировался в зависимости от того, действовал он как обычный ор-

ган дознания, или как специальный, или заменял судебного следователя.

В различные исторические периоды, пишет О.В. Качалова, вопросы единства уголовно-процессуальной формы или ее дифференциации разрешались по-разному, с учетом потребностей общества на том или ином этапе его развития. Существование ряда упрощенных форм в советском уголовном процессе периода 20–30-х гг. XX в. (периода массовых репрессий) было обусловлено стремлением ... максимально упростить и ускорить производство по уголовным делам в отношении «врагов народа», имеющим политическую подоплеку ... Последствиями массовых репрессий по упрощенным схемам уголовного судопроизводства стали многочисленные предложения по усложнению процессуальной формы и укреплению гарантий законности [4].

М.С. Строгович категорически настаивал на необходимости сохранения единой уголовно-процессуальной формы по всем уголовным делам, выступая с решительной критикой введения в уголовный процесс ускоренного производства, утверждая, что «предложения о дифференциации форм уголовного процесса, имеют совершенно определенный характер, идут в определенном направлении: упростить различные процессуальные формы и институты, устранить те или иные предусмотренные действующим законом процессуальные действия, сократить те или иные процессуальные гарантии. Но дифференциация процессуальной формы возможна и в другом направлении: для большей полноты и объективности исследования обстоятельств по сложным делам усилить процессуальные гарантии, установить для них более сложные формы. Но это направление оставлено без внимания авторами предложений о дифференциации» [5].

Совершенствование уголовного судопроизводства в современных условиях осуществляется по различным направлениям, но цель их одна – разработка оптимальной процессуальной формы, позволяющей эффективно решать задачи, поставленные законодателем для этой отрасли права. Одним из способов рационального использования уголовно-процессуальных средств в борьбе с преступностью является разработка альтернативных форм производства по уголовным делам, иначе говоря, дифференциация уголовно-процессуальной формы.

Следует отметить, что в условиях современного дифференцированного подхода к реформированию уголовного судопроизводства особенно остро встает вопрос об обеспечении прав его участников. По этому поводу В.А. Семенцов пишет: неоправданное усложнение правил досудебного и судебного производства по категориям преступлений небольшой и средней тяжести и, как следствие этого, увеличение сроков расследования и рассмотрения уголовных дел по существу, обусловило объективную необходимость совершенствования процедуры уголовного преследования за счет разработки оптимальных условий скорейшего расследования преступлений и передачи дел в суд, но при неукоснитель-

ном соблюдении конституционных прав и свобод граждан, независимо от их процессуального положения [6].

В этой связи О.В. Гладышева справедливо считает, что «государственными приоритетами в регулировании уголовно-процессуальных отношений выступают создаваемые механизмы обеспечения законности, справедливости, равенства сторон, развития и усиления процессуальных гарантий прав и свобод человека и гражданина, его законных интересов» [7], а также, что «уголовное судопроизводство является важнейшим социально-правовым институтом. Как социальное явление уголовное судопроизводство должно отвечать всем значимым началам, определяющим построение соответствующего общества и заложенным в основу государственности. К числу таких начал относятся законность и справедливость» [8].

Конституция РФ предопределяет в качестве назначения всякой государственной деятельности признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека. Данное конституционное положение нашло развитие в ст. 6 УПК РФ, раскрывающей назначение уголовного судопроизводства. Исходя из этой нормы, можно сделать вывод, что в современных условиях придание уголовно-процессуальной деятельности определенной формы нацелено на создание такого порядка судопроизводства, который, будучи примененным на практике, обеспечивал бы защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В этом смысле процессуальная форма характеризует уголовный процесс с качественной стороны, предопределяя его способность реализовать собственное социальное предназначение.

Думается, что достижение по уголовному делу объективной истины выступает в качестве важнейшей предпосылки реализации назначения уголовного судопроизводства, поскольку только выяснив все юридически значимые обстоятельства дела и приняв по делу правильное решение, можно обеспечить защиту прав потерпевшего, привлечение к уголовной ответственности действительно виновного в совершении преступления и оградить невиновного от необоснованного обвинения, осуждения и наказания.

Соответственно, процессуальная форма может быть признана эффективной (т.е. дающей определенный эффект, действенной) только при условии, что она гарантирует установление по уголовному делу объективной истины и тем самым обеспечивает реализацию назначения уголовного судопроизводства [9].

Дифференциация современного уголовного судопроизводства как в досудебном, так и судебном производстве нашла закрепление в уголовно-процессуальном законе. Ее виды определяются в зависимости от различных оснований. В досудебном производстве к таким основаниям относятся: 1) форма уголовного преследования

(ст. 20 УПК РФ); 2) форма предварительного расследования (гл. 22, 32, 32.1, ст. 317.4 УПК РФ); 3) категория уголовного дела (гл. 50, 51 УПК РФ); 4) категория лиц (гл. 52 УПК РФ). В судебном производстве основаниями дифференциации уголовно- процессуальной формы являются:

- 1) процессуальный порядок производства (разд. IX, X, XI, XII, XIV УПК РФ);
- 2) категория уголовного дела (гл. 50, 51 УПК РФ);
- 3) процессуальный порядок пересмотра судебных решений (гл. 45.1, 47.1, 48.1, 49 УПК РФ).

Исследование дифференциации уголовно-процессуальной формы является одним из приоритетных направлений современной российской науки уголовного процесса. Учитывая активность законодателя, внедряющего в систему уголовного судопроизводства все новые дифференцированные процедуры, считаем, что задача науки состоит не только в том, чтобы следовать за решениями законодателя, но и определять их, оптимизируя как существующую уголовно-процессуальную форму, так и пути создания ее новых видов [10].

Заметим, что практическая реализация современной тенденции к дифференциации уголовного процесса направлена в большей степени в форме его упрощения: путем появления новых упрощенных производств, расширения сферы применения уже существующих, а также путем ограничения сферы применения производств с более сложными процессуальными формами.

За последние годы появились производства по делам, по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, делам с сокращенным дознанием, существенно изменена процессуальная форма производства по уголовным делам об экономических преступлениях (в том числе путем сокращения гарантий гласности судебного разбирательства) [11]. На рассмотрении Государственной Думы РФ находится законопроект о распространении особого порядка принятия судебного решения на уголовные дела о преступлениях, наказание за которые, предусмотренные УК РФ, не превышает 15 лет лишения свободы [12]. Верховным Судом РФ разработан законопроект, в рамках которого предусматривается возможность назначения наказания за уголовное преступление (именуемое в законопроекте применением иных мер уголовно-правового характера) без судебного разбирательства или даже по результатам рассмотрения материалов начальником органа дознания [13]. МВД РФ разработало законопроект, предусматривающий создание нового упрощенного порядка досудебного производства взамен сокращенного дознания [14].

Верховный Суд РФ, как стало известно, занял позицию, направленную на ликвидацию суда присяжных и создание вместо него суда шеффенов [15].

Тем не менее, в юридической науке до сих пор остаются дискуссии по поводу критериев дифференциации уголовно-процессуальной формы.

Обычно, в качестве критерия дифференциации уголовного судопроизводства, критерия разграничения всего уголовного процесса на самостоятельные уголовно-процессуальные производства используется только один - сложность процессуальной формы, и разграничивают по этому критерию только производства по уголовным делам. Однако кроме производств по уголовным делам, в уголовном процессе были и появляются новые производства, которые либо вовсе не имеют отношения к уголовному делу (производство по применению принудительных мер медицинского характера, производство по условно-досрочному освобождению и многие другие), либо, хотя и имеют отношение к уголовному делу, однако в них не решаются вопросы виновности и наказания, а направлены они на разрешение совершенно иных задач, например производства по судебному контролю.

По мнению Ю.К. Якимовича, главным критерием разграничения производств на различные виды служит их направленность, выражающаяся в предмете и задачах. По этому критерию все производства подразделяются на основные – производства по уголовным делам, дополнительные и особые. В рамках дополнительных производств (а это производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, гл. 47 УПК РФ), как и в основных, применяются нормы уголовного права. Особые производства потому так и называются, что их материально-правовой базой являются нормы не уголовного права, а административного и конституционного права [16].

Е.В. Мищенко, обобщая предлагаемые основания обособления уголовно-процессуальной формы, выделяет основные из них:

- 1) степень общественной опасности деяния, предусмотренного уголовным законом, и тяжесть меры наказания;
- 2) степень сложности расследования и рассмотрения дела;
- 3) статус лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом [17].

М.Л. Якуб в своих работах предлагал развернутую систему оснований дифференциации, называя их «свойствами». По его мнению, «для того, чтобы дифференцировать процессуальные формы, необходимо определить систему существенных в этом отношении свойств, по совокупности которых сгруппировать различные категории преступлений и дела о них на две-три группы» [18]. Он выделяет следующие критерии:

- 1) степень общественной опасности и тяжесть меры наказания, предусмотренной за него законом;
- 2) степень сложности дел данной категории в разрешении как их фактической, так и правовой стороны;
- 3) общественно-политическое значение дел данной категории;

4) значение, которое имеет преступление для интересов отдельных лиц, тех или иных ведомств, организаций, предприятий.

М.К. Свиридов разделяет основания на процессуальные и материальные [19].

Если сравнивать критерии, предлагаемые М.Л. Якубом и М.К. Свиридовым, можно отметить, что они взаимно дополняют друг друга и различаются в основном только по конкретизации оснований.

И.С. Дикарев выделяет объективные и субъективные факторы, обуславливающих необходимость и возможность дифференциации уголовно-процессуальной формы [20].

Таким образом, научно обоснованная дифференциация форм досудебного производства должна основываться на наиболее значимых для уголовного процесса критериях. В основе деления должны лежать две группы оснований:

- *первая группа* – уголовно-правовые;
- *вторая* – уголовно-процессуальные. Единственным критерием уголовно-правового основания является тяжесть совершенного преступления. И поскольку по степени тяжести все преступления разграничены на четыре группы в УК РФ, рассматриваемое основание имеет важнейшее значение при дифференциации форм предварительного расследования. К уголовно-процессуальным основаниям следует отнести следующие:

- 1) сложность установления фактических обстоятельств дела;
- 2) наличие определенных свойств у лица, в отношении которого ведется производство, или у лица, пострадавшего от преступления;
- 3) особую общественную значимость конкретного преступления;
- 4) мнение лица, пострадавшего от преступления, и интересы лица, в отношении которого ведется производство.

Зарубежное уголовное судопроизводство дифференцировано изначально и осуществляется в зависимости от классификации преступных деяний, что является исторической тенденцией и все современные государства стремятся к её расширению [21].

Английское судопроизводство осуществляется в формах производств по делам, преследуемым с обвинительным актом и суммарном, а во Франции порядок производства зависит от принадлежности деяний к преступлениям, проступкам, правонарушениям.

Существующая в Швейцарии в настоящее время дифференциация досудебного производства по целому ряду признаков выделяется среди других европейских право порядков и имеет существенную специфику, связанную с соотношением до-

знания и предварительного следствия. Например, если предварительное следствие по делу открыто, то это не препятствует одновременно производству по нему дознания. В УПК Швейцарии 2007 г. не дифференцирована процедура дознания [22].

В ряде штатов США в уголовном процессе порядок досудебных стадий производства по уголовному делу зависит от совершенного преступления, которые подразделяются на «фелонии» или «мисдиминоры». Если производство ведется по делу о фелонии, то судья назначает предварительное рассмотрение дела; дело о мисдиминоре может быть рассмотрено по существу без его предварительного рассмотрения. По уголовным делам в ряде случаев обвиняемые предпочитают отказаться от своего права оспорить в суде предъявленные ему обвинения и признать свою вину. Заявления о признании вины по делам о фелониях являются результатом «сделки о признании вины», которая заключается между обвинением и обвиняемым. При всем негативном отношении к такой «сделке» со стороны представителей российской науки уголовного процесса, зарубежные ученые считают, что они являются необходимым атрибутом правосудия по уголовным делам и не затрагивают, а даже согласуются с принципом состязательности [23].

В настоящее время общеевропейской тенденцией стало выделение в рамках дознания специальных упрощенных процедур.

Например, УПК Франции 1958 г. различает дознание очевидных преступлений и первоначальное дознание. Отдельные ученые выделяют и другие формы. Так, анализируя нормы названного Кодекса, процессуалисты Р. Мерль и А. Витю пишут о дознании по делам о посягательствах на безопасность государства, проф. М.Л. Расса разграничивает дознание сомнительной смерти и так называемую проверку личности как самостоятельные формы данной стадии процесса. Как справедливо отмечает Л.В. Головкин, по отношению друг к другу они находятся в состоянии конкуренции [24].

Вместе с тем, высказанные в отдельных работах мнения крайне противоречивы. Существующий в России в настоящее время подход к соотношению дознания и предварительного следствия является, скорее, исключением из основных моделей построения уголовного процесса в европейских романо-германских странах. В связи с этим заимствование отдельных западных уголовно-процессуальных институтов без понимания общего контекста едва ли может дать положительные результаты [25].

Следует отметить, что российское уголовное судопроизводство находится в процессе поиска оптимального соотношения между традиционными процессуальными институтами и новыми, внедряемыми для решения задач дифференциации процессуальной формы, увеличения диспозитивности уголовного судопроизводства, максимально полного восстановления прав потерпевшего.

Современный процесс дифференциации процессуальной формы ведет к созданию двух типов процессуальных форм: усложненных и упрощенных (ускоренных, сокращенных). Каждый из этих типов имеет свои недостатки: усложненные – дороговизна и длительность, упрощенные – несоответствие назначению и принципам уголовного судопроизводства.

В связи с этим требуется единая концепция дифференциации процессуальной формы, позволяющей создавать такие ее виды, которые в равной степени отвечают публичным и частным интересам. Полагаем, что в основе данной концепции должны находиться такие критерии как:

- обеспечение прав личности;
- быстрота и экономичность процедуры;
- полнота и всесторонность установления обстоятельств совершенного преступления.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) *дифференциация* процессуальных форм в российском уголовном судопроизводстве имеет многолетнюю историю и каждому историческому периоду развития российской государственности присуще свое видение и пути ее решения;

Литература:

1. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под ред. Б.В. Виленского. М. : Юрид. лит., 1991. Т. 8. С. 122–125.
2. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства / общ. ред. А.В. Смирнова. В 2-х т. СПб. : Альфа, 1996. Т. 2. С. 371–373.
3. *Познышев С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М. : Г.А. Леман, 1913. 313 с.
4. *Качалова О.В.* Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 141–149.
5. *Строгович М.С.* О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 50.
6. *Семенцов В.А.* Сокращенная форма расследования // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 2012. Вып. 9. С. 378–380.
7. *Гладышева О.В.* Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 3.

2) в современных условиях развития и совершенствования уголовного судопроизводства особенно остро встает вопрос об одновременном и эффективном решении вопроса дифференциации процессуальной формы и обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Разработка любой уголовно-процессуальной формы должна основываться на едином назначении уголовного судопроизводства и единой совокупности принципов для всех уголовно-процессуальных форм;

3) влияние дифференциации на обеспечение прав участников выражается в изменении содержания и совокупности процессуальных средств, предназначенных для реализации охраны, защиты и восстановления прав участников уголовного судопроизводства;

4) дифференциация процессуальной формы является объективным, закономерным и глобальным процессом, затрагивающим как отечественное уголовное судопроизводство, так и зарубежных государств;

5) процесс дифференциации не должен быть чрезмерным. Недопустимо безграничное дробление уголовно-процессуальной формы. Процесс дифференциации должен происходить по объективным критериям, при соблюдении принципов уголовного судопроизводства, и не может быть чрезмерным, т.е. дифференциация должна иметь свои пределы.

Literature:

1. Russian legislation of the 10–20th centuries. In 9 t. / under the editorship of B.V. Vilensky. M. : Yurid. litas., 1991. T. 8. P. 122–125.
2. *Foynitsky I.Ya.* Course of criminal legal proceedings / general edition of A.B. Smirnova. In 2 t. SPb. : Alpha, 1996. T. 2. P. 371–373.
3. *Poznyshhev S.V.* Elementary textbook of the Russian criminal trial. M. : G.A. Lehman, 1913. 313 p.
4. *Kachalova O.V.* The accelerated productions in criminal trial: whether there is a limit of differentiation of criminal legal proceedings? // Current problems of Russian law. 2016. № 1. P. 141–149.
5. *Strogovich M.S.* About a uniform form of criminal legal proceedings and limits of her differentiation // Socialist legality. 1974. № 9. P. 50.
6. *Sementsov V.A.* The reduced investigation form // Improvement of activities of law enforcement agencies for fight against crime in modern conditions : materials Mezhdunar. науч. – практ. конф. Tyumen, 2012. Issue 9. P. 378–380.
7. *Gladysheva O.V.* Theoretical model of mechanisms ensuring the rights and legitimate interests of the person and citizen in criminal legal proceedings : автореф. yew. ... Dr.s юрид. sciences. M., 2013. P. 3.

8. *Гладышева О.В.* Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография. Краснодар : Просвещение-Юг, 2008. С. 5.
9. *Дикарев И.С.* Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. М. : Юрист. 2013. № 12. С. 18–21.
10. *Гладышева О.В.* О понятии процессуальной формы, её сущности и значении в уголовном судопроизводстве / О.В. Гладышева, В.В. Шипицина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 4 (33). 2017. С. 46–55.
11. *Трубникова Т.В.* Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 131–139.
12. Законопроект № 321865-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части совершенствования особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением» // URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=321865-6&02> (дата обращения: 10 июня 2016 г.).
13. Законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=10240 (дата обращения: 10 июня 2016 г.).
14. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Departamenti/Dogovorno_pravovoj_departament/Publikacii_i_vistuplenija/item/3079668/?print=1 (дата обращения: 10 июня 2016 г.).
15. *Пашин С.* Суд присяжных у последней черты // URL: <https://slon.ru/posts/50271> (дата обращения: 10 июня 2016 г.).
16. *Якимович Ю.К.* Актуальные вопросы дифференциации российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 123–130.
17. *Мищенко Е.В.* Основания (критерии) дифференциации процессуальной формы по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и применения принудительных мер медицинского характера // Известия Оренбургского государственного университета. 2011. № 1 (29). Ч. 2. С. 249–252.
18. *Якуб М.Л.* Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М. : Юрид. лит., 1981. С. 103–104.
19. *Свиридов М.К.* О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса // Актуальные вопросы государства и права в период
8. *Gladysheva O.V.* Justice and legality in criminal legal proceedings of the Russian Federation: monograph. Krasnodar : Education South, 2008. P. 5.
9. *Dikarev I.S.* Differentiation of a criminal procedure form and factors, it causing // the Russian justice. M. : Lawyer. 2013. № 12. P. 18–21.
10. *Gladysheva O.V.* About a concept of a procedural form, her essence and value of criminal legal proceedings / O.V. Gladysheva, V.V. Shipitsina // Library of the criminalist. Scientific magazine. № 4 (33). 2017. P. 46–55.
11. *Trubnikova T.V.* Limits of simplification of criminal trial // Relevant problems of Russian law. 2015. № 12. P. 131–139.
12. The bill № 321865-6 «About introduction of amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (regarding improvement of a special order of judicial proceedings at the consent of the defendant with the brought charge» // URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=321865-6&02> (date of the address: On June 10, 2016).
13. Bill «About Introduction of Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation Concerning Improvement of the Bases and an Order of Release From Criminal Liability» // URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=10240 (date of the address: On June 10, 2016).
14. Draft federal law «About Introduction of Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (regarding Introduction of a Special Order of Pre-judicial Production)» URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Departamenti/Dogovorno_pravovoj_departament/Publikacii_i_vistuplenija/item/3079668/?print=1 (date of the address: On June 10, 2016).
15. *Pashin S.* Jury at the last line//URL: <https://slon.ru/posts/50271> (date of the address: On June 10, 2016).
16. *Yakimovich Yu.K.* Topical issues of differentiation of the Russian criminal legal proceedings // Current problems of Russian law. 2015. № 12. Page 123–130.
17. *Mishchenko E.V.* The bases (criteria) of differentiation of a procedural form on criminal cases concerning minors and application of coercive measures of medical character // News the Orenburg state. agrarian un-that. 2011. № 1 (29). Ч. 2. P. 249–252.
18. *Yaqub M.L.* A procedural form in the Soviet criminal legal proceedings. M. : Yurid. litas., 1981. P. 103–104.
19. *Sviridov M.K.* About essence and the bases of differentiation of criminal trial // Topical issues of the state and. the rights during improvement of socialist

совершенствования социалистического общества. Томск : Изд-во Томского гос. унт-та, 1987. С. 241–242.

20. *Дикарев И.С.* Указ. соч. С. 18–21.

21. *Гуценко К.Ф.* Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головки, В.А. Филимонов. М. : Зерцало-М, 2001. С. 26.

22. *Трефилов А.А.* Дифференциация досудебного производства в современном уголовном процессе Швейцарии // Закон. 2014. № 2. С. 146–155.

23. *Бернам У.* Правовая система США. 3-й вып. М. : РИО «Новая юстиция», 2007. С. 465.

24. *Головки Л.В.* Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М., 1995. С. 29, 39.

25. *Головки Л.В.* Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М., 1995. С. 146–155.

society. Tomsk : Publishing house the Tomsk state. unt-that, 1987. P. 241–242.

20. *Dikarev I.S.* Decree. соч. P. 18–21.

21. *Gutsenko K.F.* Criminal trial of the western states / K.F. Gutsenko, L.V. Golovko, V.A. Filimonov. M. : Zertsalo-M, 2001. P. 26.

22. *Trefilov A.A.* Differentiation of pre-judicial production in modern criminal trial of Switzerland // the Law. 2014. № 2. P. 146–155.

23. *Bernam U.* Legal system of the USA. 3rd issue of M. : RIO «New justice», 2007. P. 465.

24. *Golovko L.V.* Inquiry and preliminary investigation in criminal trial of France. M., 1995. P. 29, 39.

25. *Golovko L.V.* Inquiry and preliminary investigation in criminal trial of France. M., 1995. P. 146–155.

Шуренкова Светлана Сергеевна
кандидат социологических наук,
доцент, руководитель,
Юридическая компания «ЮрМедиа»
Milena.555@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАЦИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ В МУСУЛЬМАНСКИХ СЕМЬЯХ

Аннотация. В статье отмечается, что современном обществе одной из серьезных проблем становится разрешение конфликтных ситуаций, возникающих внутри семей. Основным регулятором взаимодействия между супругами выступают область морали, выраженная на уровне культуры общества и сфера права, закрепленная в законодательно определенных нормативных актах. В целом, можно судить о том, что право и мораль выступают как взаимодополняющие механизмы, при этом имеет место исторический процесс формирования их содержательного соответствия. Однако подобного рода ситуация становится возможной лишь при условии, если в культурном плане общество является однородным. Ситуация культурной неоднородности определяет не только конфликт мировоззрений.

Культурная неоднородность определяет неизбежное возникновение противоречий между социальными установками меньшинства и сформировавшейся исторически правовой сферой, что определяет возникновение осложнений в процессе правового регулирования, а также определяет рост социальной напряженности. Данный механизм рассматривается в контексте постановки вопроса об урегулировании конфликтных ситуаций в мусульманских семьях. В статье проводится анализ специфики ментальности представителей мусульманского вероисповедания, а также анализируются различия между западными представлениями об устройстве семьи и нормах взаимодействия в ней и присущими мусульманскому мировоззрению представлениям о нормах внутрисемейных отношений. Доказывается, что современная система правового регулирования обладает ограниченными возможностями по урегулированию конфликтов внутри мусульманских семей. Демонстрируется необходимость нахождения механизма социальной регуляции, обладающего повышенной гибкостью и способного разрешать внутрисемейные противоречия с учетом специфики религиозных установок членов общества. В качестве такого социального механизма рассматривается практика медиации. Проводится общий обзор специфики медиации, рассматриваются особенности и перспективы этого метода. Доказывается, что в современных условиях медиация не только обладает повышенными возможностями для правового урегулиро-

Svetlana S. Shurenkova
candidate of sociological sciences,
associate professor, head,
Law firm of «Yurmedia»
Milena.555@mail.ru

THE USE OF MEDIATION IN THE RESOLUTION OF CONFLICTS IN MUSLIM FAMILIES

Annotation. In modern society of one of serious problems there is permission of the conflict situations arising in families. Act as the main regulator of interaction between spouses the area of morals expressed at the level of the culture of society and the legal sphere fixed at the level of laws. In general it is possible to judge that the law and morals act as complementary mechanisms, at the same time historical process of formation of their substantial compliance takes place. However situation of this sort becomes possible only under a condition if in the cultural plan society is uniform. The situation of cultural heterogeneity defines not only the conflict of outlooks. Cultural heterogeneity defines inevitable emergence of contradictions between social installations of minority and the created historically legal sphere that defines emergence of complications in the course of legal regulation and also determines growth of social tension. This mechanism is considered in the context of formulation of the question about settlement of conflict situations in Muslim families. In article the analysis of specifics of mentality of representatives of Muslim religion is carried out and also differences between the western ideas of the device of family and norms of interaction in it and inherent in Muslim outlook ideas of norms of the intra family relations are analyzed. It is proved that the modern system of legal regulation has limited potential on settlement of the conflicts in Muslim families. Need finding of the mechanism of social regulation having the increased flexibility and capable to resolve intra family contradictions taking into account specifics of religious installations of members of society is shown. As such social mechanism practice of mediation is considered. The general review of specifics of mediation is carried out, features and prospects of this method are considered. It is proved that in modern conditions mediation not only has the raised potential for legal settlement of the intra family conflicts, but also promotes prevention of growth of tension in society connected with discrepancy of the western right and Muslim outlook.

вания внутрисемейных конфликтов, но и способствует недопущению роста напряженности в обществе, связанного с несоответствием западного права и мусульманского мировоззрения.

Ключевые слова: конфликт в мусульманской семье, общество, право, урегулирование внутрисемейных конфликтов, западное право, традиционное общество, ислам, медиация.

Одним из основополагающих аспектов современного социального знания является разделение культур Востока и Запада. Многие из закономерностей, подмечаемых авторитетными социологами, относятся к западному обществу, в качестве которого рассматриваются страны Европы и США. В частности, речь идет об обществе потребления, развитии индивидуализма, отходе от религии и становлении светского общества. На основании развитой социальной теории происходит формирование правовой базы, дух и ценностное наполнение которой отражает западные ценности [1]. Вместе с тем, реальная ситуация намного сложнее, нежели производимые теоретические идеализации: в рамках государств, общая ориентация которых укладывается в социальную парадигму западного мира, существуют многочисленные этнические группы, обладающие собственной культурой.

Не менее существенным является и то, что в современных государствах состав населения неоднороден по критерию вероисповедания. Западная культура и, в частности, западные законы во многом базируются на христианских ценностях, другим же полюсом в данном случае является детеологизированная традиция гуманистической мысли. Вместе с тем, в ряде стран существенную долю населения составляют представители мусульманского вероисповедания. И здесь неизбежным становится возникновение социокультурного конфликта, связанного с несовпадением ценностных установок, регламентируемых религией моделей поведения и форм выстраивания социальных отношений с одной стороны и принятых в обществе норм взаимодействия с другой. Одной из важных сторон данного вопроса становится сфера права и, в частности, та ее составляющая, которая регламентирует взаимоотношения внутри семейной группы.

Наиболее очевидным в данном отношении является вопрос о полигамности: для западных обществ многоженство является противозаконным, в то время как в мусульманских странах (и, в целом, с точки зрения ислама) подобная практика является нормой. Не менее проблематичным становится вопрос о принципах формирования семьи, как на процедурном уровне, так и на уровне законодательно закрепленных обязанностей и норм поведения. Наконец, серьезную проблему представляет противоречие между патриархальным по своей сути укладом ислама [2] и представлением о гендерном равенстве, развитым в западных странах.

Свод правил, которыми руководствуются представители мусульманской религии существенно

Keywords: conflict in Muslim family, society, right, settlement of the intra family conflicts, western right, traditional society, Islam, mediation.

отличается от набора современных законов. И если в ряде восточных государств имеет место содержательное соответствие между официальным правом и шариатом [3], то в западных странах подобного рода соответствия не наблюдается. Как результат – разрешение проблем, связанных с функционированием мусульманских семей, фактически, представляет собой отступление от веры, поскольку речь идет о предпочтении исламской нормативной системе мирской системы норм и закрепленных процедур.

В данном случае, с учетом приоритета религии в жизни мусульманина, светское право может быть рассмотрено как внешняя, навязанная система ограничений, запретов и процедур. И в этом смысле, обращение к светской судебной системе в рамках разрешения внутрисемейных конфликтов – это не просто вынесение внутренних проблем на уровень внешнего регулирования, это, фактически, признание неспособности самостоятельно разрешить проблемы, опираясь на предписания Корана. Таким образом, проблема разрешения конфликтов в мусульманских семьях имеет очень глубокий, основанный на культурных противоречиях и специфике мусульманского вероисповедания характер.

Здесь следует отметить, что правовая система представляет собой, фактически, понятийно выработанные предписания, направленные на регулирование социальной жизни. Одной из характеристик права, тем направлением, в котором оно развивается и, в частности – итоговой целью, является универсальность права. Общество в данном случае выступает как своеобразный механизм, в котором протекающие процессы реализуются хоть и вариативно, но в установленных рамках и по заранее определенным правилам. Однако вмешательство правовой системы в сферы жизни, регламентируемые религией – это само по себе явление, имеющее серьезный конфликтный потенциал.

В этих условиях возникает вопрос о том, каким образом может быть разрешена ситуация при условии явного расхождения между нормами религии и нормативными установлениями правовой сферы. Ответ на этот вопрос пролегал в области анализа альтернатив традиционным механизмам разрешения конфликтных ситуаций в правовой сфере.

Основной механизм разрешения конфликтов на правовом уровне – это судебная деятельность. В данном случае стороны, интересы которых вступают в конфликт, посредством вмешательства

государственной судебной структуры, обладающей правом принятия решения на основании существующего законодательства и оценки ситуации.

Подобного рода система хоть и обладает определенной степенью гибкости (решения принимают судьи, что предполагает вариативность конечных результатов судебного разбирательства в сложных ситуациях), в целом, можно судить о том, что рассмотренная выше тенденция стремления права к универсальности предполагает высокий уровень формализации отношений. При этом немаловажным является то, что факт выхода внутрисемейного конфликта на уровень судебного разбирательства уже сам по себе свидетельствует о том, что разрешение конфликта внутри семьи, средствами самих супругов, видится, как минимум, одной из сторон невозможным. Иными словами, в большинстве случаев, когда скоро дело доходит до судебного разбирательства, можно судить о нарушении целостности семьи, ее близости к распаду.

Неслучайно большинство вопросов, разрешаемых между супругами в судебном порядке – это осуществление бракоразводного процесса, раздел имущества, решение о праве воспитания детей и т. д. Данный момент – то, что обращение в суд представляет собой, фактически, констатацию несостоятельности семьи, является одним из сдерживающих факторов в разрешении конфликтов подобным путем. При этом, как показывает практика, страх внешнего осуждения или возникновения информационного резонанса в ближнем окружении выступает тем основанием, которое заставляет супругов претерпевать разлад, не предпринимая каких-либо радикальных действий. Что характерно – чем более общество смещено в сторону традиционной структуры взаимодействия, тем большее значение приобретают общественное мнение и, в частности, порицание тех или иных поступков.

Таким образом, не только расхождения в светском и религиозном направлениях регулирования, но и страх общественного порицания выступают теми основаниями, которые определяют проблематичность обращения в судебные инстанции. Вместе с тем, очевидно, что сохранение проблемы в неразрешенном виде ведет к дальнейшему накоплению противоречий. Именно поэтому обнаруживает свою необходимость такой метод разрешения конфликтов и противоречий в семейной среде, который мог бы способствовать разрешению проблем с учетом этнокультурной и религиозной определенности членов общества.

И здесь мы подходим к двум важным вопросам – специфики проблем, разрешение которых требует стороннего вмешательства и возможных механизмов их разрешения.

Специфика внутрисемейных проблем, разрешение которых производится средствами правовой системы в западном обществе уже была частично освещена нами. На общем уровне следует отметить, что практически все из рассмотренных

проблем – это проблемы нарушения целостности семьи.

Вместе с тем, помимо постановки вопроса о распаде семьи внутренние конфликты могут предполагать момент изменения характера взаимоотношений, как основание для сохранения семьи. И в данном случае существенное значение имеет то, каковы мировоззренческие и ценностные установки участников конфликта, а также их приоритеты в конфликтной ситуации.

Наконец, следует отметить, что закон действует безотносительно к тому, каковы мотивы и социальные установки действующих (точнее, они могут выступать в качестве сопутствующих, смягчающих или отягчающих обстоятельств, но, в целом, не затрагивают генеральное решение), в то время как для сферы морали эти моменты являются определяющими. Поэтому, говоря о разрешении конфликтов альтернативными методами, сохранении семьи как одной из значимых целей и, наконец, о противоречиях между моралью и правом, мы приходим к тому, что необходимая форма регуляции не должна быть жестко регламентирована сложившимися правовыми нормами, однако результат этой практики (когда скоро речь идет о выходе конфликта на правовой уровень) должен иметь юридическую силу.

В качестве такого механизма правового регулирования выступает медиация. Сущность медиации состоит в том, что конфликтующие стороны обращаются к посреднику, который, в процессе выяснения обстоятельств дела и, в частности, уточнения сущности конфликта, его причин и основных претензий, осуществляет действия по поиску компромисса между конфликтующими сторонами – такого решения, которое, в конечном счете, удовлетворит каждую из сторон конфликта. Специфика медиации состоит в том, что результатом становится, фактически, договор между конфликтующими сторонами, который обладает юридической силой и, что не менее важно – представляет собой результат нивелирования конфликта.

Практика медиации является относительно новым явлением в юридической сфере, однако она уже довольно серьезно зарекомендовала себя в ряде западных стран [4]. Основной особенностью медиации является то, что она ориентирована не на внешнее решение в конфликте, но на сближение позиций участвующих сторон [5]. Необходимым участником процесса медиации является медиатор – посредник в разрешении конфликтной ситуации. Его задачей является определение сущности противоречия, специфики принципиальных позиций оппонентов, их целей и установок, и, в дальнейшем – поиск альтернатив прямому разрешению конфликта (что в случае с внутрисемейными конфликтами представляет собой, зачастую, развод).

Поскольку юридическая сила решений, принятых в процессе практики медиации, основывается на формируемых между сторонами договоренностях и возможностях медиатора по урегулирова-

нию конфликта, в ход идут многочисленные инструменты и механизмы, не имеющие прямого отношения непосредственно к правовой сфере конкретного общества. И это открывает широкие перспективы для урегулирования ситуаций, когда участники конфликта обладают специфическими установками социального мировоззрения, основанными на их религиозной принадлежности.

Что немаловажно, одним из решающих аспектов в разрешении конфликтов является авторитет третьей стороны, к которой обращаются участники конфликта. И в данном случае имеет место возможность обращения к тем членам общества, чей авторитет имеет для участников конфликта преобладающий характер. В частности, в рамках этнических и религиозных групп в качестве медиаторов могут выступать старейшины или

Литература:

1. Волкова О.Е. Дихотомия правовой культуры цивилизаций Запада и Востока // Известия АлтГУ. 2014. № 2(82).
2. Алиева Б.Ш. Религиозно-педагогические аспекты семейного воспитания у мусульман / Б.Ш. Алиева, О.А. Омаров, Т.А. Омарова // Известия ВГПУ. 2009. № 4.
3. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2.
4. Турышева Н.В. Примирительные процедуры и мировое соглашение в гражданском процессе зарубежных стран // Вестник Московского университета. 1996. № 3. С. 74–84.
5. Шамликашвили Ц.А. Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров. Что необходимо знать судье, чтобы компетентно предложить сторонам обращение к процедуре медиации. М., 2010. 160 с.

представители духовенства, чье мировоззрение и опыт соответствуют социальным потребностям сторон.

Следует отметить, что медиация не только способствует реализации механизма сглаживания, нивелирования конфликта между супругами в мусульманских семьях, основанного на знании медиаторами специфики социокультурных установок сторон. Реализация практики медиации имеет существенное значение как основание недопущения роста конфликтности между представителями мусульманского вероисповедания с одной стороны и структурой западного общества с другой. Фактически, в данном случае речь идет о повышении гибкости общественной структуры и, соответственно, за счет снижения конфликтности – о повышении ее устойчивости.

Literature:

1. Volkova O.E. Dichotomy of legal culture of civilizations of the West and East // Izvestiya ALTGU. 2014. № 2(82).
2. Aliyeva B.Sh. Religious and pedagogical aspects of family education at Muslims / B.Sh. Aliyeva, O.A., Omarov T.A. Lobsters // VGPU News. 2009. № 4.
3. Syukiyaynen L.R. The Islamic right in the legal systems of the Muslim countries: from the doctrine to the legislation // the Right. Magazine of Higher School of Economics. 2008. № 2.
4. Turysheva N.V. Conciliatory procedures and the settlement agreement in civil process of foreign countries // the Bulletin of the Moscow university. 1996. № 3. P. 74–84.
5. Shamlkashvili Ts.A. Mediation as alternative procedure of settlement of disputes. What the judge needs to know competently to offer the parties the addressing the procedure of mediation. M., 2010. 160 p.

Яновский Антон Сергеевич
преподаватель кафедры
уголовного процесса,
юридического факультета,
Кубанский государственный университет
yanovichmeizu@gmail.com

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ПОЛУЧЕННЫХ С НАРУШЕНИЕМ УПК РФ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье анализируется порядок признания недопустимыми такого вида доказательств, как «иные документы». Автор обращает внимание на то, что действующий УПК РФ не содержит порядка получения и приобщения к материалам уголовного дела «иных документов», а признание их доказательствами зависит от стороны обвинения. При этом акцентируется внимание на том, что у стороны защиты фактически отсутствует возможность для оспаривания решений о включении либо не включении соответствующих материалов в перечень доказательств в качестве «иных документов». Одним из выводов является необходимость дополнительной проработки процедуры признания доказательств недопустимыми в целях соблюдения принципа законности и обеспечения реализации прав участниками процесса.

Ключевые слова: «Иные документы», доказательства, допустимость, досудебное производство, сторона обвинения, сторона защиты, перечень доказательств.

Часть 1 статьи 17 УПК РФ предоставляет прокурору, суду, следователю, дознавателю, а также присяжным заседателям право оценивать доказательства, руководствуясь законом, совестью и своим внутренним убеждением, основанном на совокупности доказательств, имеющих в уголовном деле. При этом кодекс возводит свободу оценки доказательств в один из основополагающих принципов судопроизводства. Наряду с этим, принцип законности уголовного судопроизводства подразумевает исключение из перечня доказательств тех из них, что являются недопустимыми.

Часть 3 ст. 7 УПК РФ требует признания недопустимыми тех доказательств, которые получены при нарушении следователем, дознавателем, органом дознания, начальником органа дознания либо подразделения

дознания, а также прокурором или судом норм процессуального законодательства. Аналогич-

Anton S. Yanovsky
lecturer of the department
criminal procedure,
Faculty of Law,
Kuban State University
yanovich@icloud.com

EXCLUSION OF OTHER DOCUMENTS OBTAINED AGAINST THE RF CODE OF CRIMINAL PROCEDURE DURING THE PRE-TRIAL PROCESS

Annotation. The article analyzes the procedure for declaring inadmissible such type of evidence as «other documents». The author draws attention to the fact that the current code of criminal procedure does not contain the order of receipt and attachment to the materials of the criminal case «other documents», and the recognition of their evidence depends on the prosecution. Thus attention is drawn to the fact that the party of protection actually has no opportunity for challenging of decisions on inclusion or not inclusion of the corresponding materials in the list of proofs as «other documents». One of the conclusions is the need for further elaboration of the procedure of recognition of evidence inadmissible in order to comply with the principle of legality and ensure the implementation of the rights of the participants in the process.

Keywords: «Other documents», evidence, admissibility, pre-trial process, prosecution, defense, list of evidence.

ная формула содержится в Конституции Российской Федерации. Так, ч. 2 ст. 50 Основного закона запрещает использование при осуществлении правосудия доказательств, которые были получены с нарушением законодательства.

Важное значение имеет постановление Пленума № 8 Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия». В 16 пункте названного постановления судам рекомендуется обращать внимание на соблюдение конституционных положений о недопустимости использования при осуществлении правосудия доказательств, которые были получены с нарушением федерального закона, а также на необходимость строгого выполнения требований ст. 75 УПК РФ, в силу которых не могут обладать юридической силой и быть положенными в основу обвинения те доказательства, что получены с нарушением уголовно-процессуального законодательства. Верховный Суд РФ также разъяснил, какие именно дока-

зательства подлежат признанию полученными с нарушением закона. К таковым, в частности, предложено относить доказательства, при собирании и закреплении которых:

- 1) нарушены права человека и гражданина, гарантированные Конституцией РФ;
- 2) не соблюден установленный уголовно-процессуальным законом порядок;
- 3) процессуальные действия осуществлены ненадлежащим лицом (органом);
- 4) осуществленные действия не предусмотрены процессуальными нормами [8, п. 16].

Действующий УПК РФ фактически не содержит порядка, как получения, так и приобщения к материалам уголовного дела иных документов. В ходе досудебного производства они могут быть изъяты при проведении осмотров, обысков, выемок, получены по результатам направления запросов, инициативно предоставлены оперативными службами, прокурором, подразделениями таких государственных структур, как Федеральная налоговая служба России, Счетная Палата РФ либо Федеральная антимонопольная служба России и т.п.

В ходе досудебного производства признание иных документов доказательствами зависит от решения органов уголовного преследования, представляющих сторону обвинения. При этом у стороны защиты фактически отсутствует возможность для оспаривания решений о включении либо не включении соответствующих материалов в перечень доказательств в качестве иных документов.

Исключением являются лишь случаи, когда в своих процессуальных документах следователи и дознаватели ссылаются на иные документы, как на доказательства обвинения и такие материалы предоставляются стороне защиты для ознакомления по тем либо иным причинам, будь то:

- реализация положений закона, закрепленных ст.ст. 42, 46, 47 УПК РФ;
- ознакомление подозреваемых, обвиняемых либо защитниками с материалами при рассмотрении судом ходатайств об аресте, залоге, домашнем аресте, отстранении от должности;
- участие в рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ;
- предоставление стороной обвинения доказательств для обозрения при проведении допросов, опознаний, очных ставок и других следственных действий.

В иных случаях выводы органов расследования о включении иных документов в перечень доказательств становятся известны уже после получения обвиняемым и его защитником, а также потерпевшим экземпляра обвинительного заключения (акта, постановления), то есть в момент, когда возможность для обжалования ре-

шений, а также действий и бездействий должностных лиц в порядке ст. ст. 119–122 УПК РФ практически исчерпана.

В настоящее время в науке сложились три основные точки зрения относительно порядка признания доказательств недопустимыми.

Первая из них, выдвигаемая Б.Т. Безлепкиным, заключается, по сути, в игнорировании недоброкачественного доказательства и не включении его в обвинительное заключение (акт, постановление) [1, с. 139]. Схожая точка зрения выражена С.В. Некрасовым, который вместе с тем настаивает на несоответствии конституции норм процессуального законодательства, позволяющих признавать доказательства недопустимыми до момента поступления дела в суд. Основной упор он делает на положения ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, запрещающей использовать недопустимые доказательства при осуществлении правосудия, резюмируя, что стадия досудебного разбирательства правосудием не является [3, с. 250].

Вторая точка зрения выражена В.А. Лазаревой, которая полагает, что признание доказательства недопустимым на стадии расследования должно оформляться отдельным постановлением, однако лишь тогда, когда такое решение принято по ходатайству заинтересованного лица [6, с. 174].

Третья точка зрения, встречающаяся в работах М.С. Белоковильского [2, с. 24–25] и В.В. Золотых [5, с. 230], состоит в обязательности вынесения следователем (дознавателем) постановления о признании доказательства недопустимым при наличии к тому оснований. В условиях действующего законодательства именно эта последняя позиция представляется автору наиболее жизнеспособной, прежде всего ввиду того, что подобный подход позволит защите понять причины, которыми руководствовалась сторона обвинения, предоставит возможность привести свои контраргументы и будет способствовать реализации принципа состязательности сторон.

Необходимо отметить, что данный вопрос остается неурегулированным не только в российском уголовном процессе. К примеру, ст. 105 УПК Республики Беларусь также требует признания недопустимыми доказательствами тех из них, что получены с нарушением требований кодекса, а также конституционных прав и свобод. Однако порядок реализации данных требований в кодексе отсутствует [7].

Сложным является вопрос исключения из объема доказательств иных документов, когда они являются доказательствами защиты. Так, принцип презумпции невиновности предполагает, что бремя доказывания лежит на стороне обвинения. Из этих положений отдельные процессуалисты выводят суждения, согласно которым, если «обвиняемый решил доказать свою невиновность, на что он имеет право, то, очевидно, доказательствами невиновности могут быть данные, обремененные в любую форму и полученные из любого источника. И уже дело обвинения оспорить достоверность представленных защитой доказательств» [4, с. 5–7].

Правомочна ли сторона обвинения в таких случаях делать вывод о допустимости доказательств? Представляется, что это все же не прерогатива следователя либо дознавателя и тем более прокурора. Соответствующие выводы должны быть сделаны по результатам рассмотрения дела по существу при вынесении судом итогового решения.

Литература:

1. *Безлепкин Б.Т.* Справочник адвоката по уголовному процессу. М., 2004.
2. *Белоковильский М.С.* Спорные вопросы проверки и оценки допустимости доказательств в ходе предварительного расследования // Журнал российского права. 2009. № 10.
3. *Власов А.А.* Особенности доказывания в судопроизводстве : научно-практическое пособие / А.А. Власов, И.Н. Лукьянов, С.В. Некрасов. М., 2004.
4. *Григорьева Н.* Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Российская юстиция. 1995. № 11.
5. *Золотых В.В.* Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д., 1999.
6. *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие. М., 2009.
7. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс] . URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty> (Дата обращения: 08.12.2017).
8. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. 28.12.1995. № 247.

Закрепленные в настоящее время в ч.ч. 2–4 ст. 88 УПК РФ положения хоть и содержат отрывочные сведения о порядке признания доказательств недопустимыми, но требуют дополнительной проработки в целях реализации принципов законности и состязательности, а также обеспечения полноценной реализации прав на доступ к правосудию.

Literature:

1. *Bezlepkin B.T.* Directory of lawyer in the criminal process. M., 2004.
2. *Belokobylskij M.S.* Controversial issues of testing and assessment of the admissibility of evidence during the preliminary investigation // Journal of Russian law. 2009. № 10.
3. *Vlasov A.A.* Peculiarities of proof in legal proceedings : scientific-practical manual / A.A. Vlasov, I.N. Lukyanov, S.V. Nekrasov. M., 2004.
4. *Grigorieva N.* Exclusion from trial inadmissible evidence // Russian justice. 1995. № 11.
5. *Zolotih V.V.* Verification of the admissibility of evidence in criminal proceedings. Rostov n/D., 1999.
6. *Lazarev V.A.* Proof in criminal process : textbook. M., 2009.
7. The national legal Internet portal of the Republic of Belarus. [Electronic resource]. URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty> (date accessed: 08.12.2017).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 31 October 1995, № 8 «About some questions of application by courts of the Russian Federation Constitution in the administration of justice» // the Russian newspaper. 28.12.1995. № 247.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Андреанова Юлия Викторовна

кандидат экономических наук, доцент,
департамент корпоративных финансов
и корпоративного управления,
Финансовый университет
при Правительстве РФ,
ajv15@mail.ru

Julia V. Andrianova

Candidate of economic Sciences,
Associate Professor,
Department of corporate Finance
and corporate governance,
Financial University under the
Government of the Russian Federation,
ajv15@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ И ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ ФИКСИРОВАННЫХ МАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ В СООТВЕТСТВИИ С МСФО

FEATURES OF CLASSIFICATION AND VALUATION OF FIXED ASSETS IN ACCORDANCE WITH IFRS

Аннотация. Автор рассматривает основные подходы и методы оценки справедливой стоимости материальных активов компании, применяемые при формировании финансовой отчетности в соответствии с международными стандартами. В статье проведен анализ методологических особенностей классификации и оценки стоимости фиксированных материальных активов для целей МСФО, связанных с отсутствием в российской системе нормативного регулирования законодательного определения понятия «справедливая стоимость», а также анализ применимости подходов и методов оценки справедливой стоимости материальных активов и инвестиционной недвижимости.

Annotation. The Author considers the main approaches and methods of assessment of the fair value of tangible assets of the company used in the formation of financial statements in accordance with international standards. The article analyzes the methodological features of classification and valuation of fixed tangible assets for the purposes of IFRS, associated with the absence in the Russian system of regulatory legal definition of «fair value», as well as the analysis of the applicability of approaches and methods for assessing the fair value of tangible assets and investment property.

Ключевые слова: материальные активы, основные средства, справедливая стоимость, рыночная стоимость, амортизированные затраты замещения.

Keywords: tangible assets, fixed assets, fair value, market value, amortized cost of replacement.

Основные принципы, заложенные в подходах к оценке стоимости материальных активов, основаны на ожиданиях пользователя, влиянии рыночной среды, наилучшем и наиболее эффективном использовании имущества и свойствах отдельных категорий активов.

1. Анализ и классификация материальных активов.

Для проведения оценки справедливой стоимости материальных активов соответствии с требованиями МСО, оценщик проводит классификацию активов на: операционные активы (активы, необходимые для деятельности предприятия) и внеоперационные активы (активы, находящиеся у предприятия для будущего развития и инвестиций и активы, избыточные для деятельности предприятия).

Важнейшими из них являются принципы полезности, замещения, ожидания будущих доходов, сбалансированности затрат и ожидаемых доходов, конкуренции, предложения и спроса и, собственно, наилучшего и наиболее эффективного использования. Справедливая стоимость материальных активов определяется на базе амортизированных затрат замещения (затрат воспроизводства или замещения актива) с учетом износа или на базе рыночной стоимости.

Для корректного определения расчетной базы для оценки справедливой стоимости, материальные активы подразделяются на специализированные и неспециализированные активы. Поскольку материальные активы компании могут различаться с точки зрения восприятия их рынком, Оценщик проводит классификацию операционных материальных активов на специализированные активы и неспециализированные.

Наиболее распространенными подходами к оценке стоимости активов являются затратный, сравнительный и доходный подходы.

Специализированные активы – это активы с ограниченным рынком или не имеющие рынка, в зависимости от степени специализации конструкции, конфигурации или назначения. Такие объекты, в силу своей специфики, обладают полезностью лишь в ограниченной сфере их использования и для ограниченного круга конкретных пользователей. Результатом является оценка стоимости собственности, используемой определенным образом при предположении ее дальнейшего функционирования.

Неспециализированные активы – это активы, свободно обращающиеся на рынке и обладающие полезностью для широкого круга пользователей. Специализированные активы оцениваются посредством метода амортизированных затрат замещения. Согласно этому методу рассчитываются текущие валовые затраты замещения или воспроизводства объектов оценки за вычетом скидок на износ. Выбор типа стоимости для каждого объекта материальных активов зависит от класса актива, имеющейся в распоряжении оценщика информации.

Типы стоимости для оценки различного класса материальных активов

Класс материальных активов	Тип стоимости
Специализированные активы	Стоимость затрат замещения или затрат воспроизводства
Неспециализированные активы	Рыночная стоимость
Инвестиционные активы	Рыночная стоимость
Активы, излишние для деятельности предприятия	Рыночная стоимость минус затраты на реализацию

Согласно Стандарту 16 МСФО «Основные средства» справедливая (переоцененная) стоимость материальных активов подлежит проверке на возможность ее изменения (снижения) в использовании этих активов конкретным собственником.

При этом необходимо руководствоваться Стандартом 36 МСФО «Обесценение активов» и определяет стоимость в использовании (возмещаемая стоимость).

Указанные выше виды стоимости корректируются на износ, который отражает потерю стоимости объекта в процессе эксплуатации, вследствие естественного старения и природных воздействий, а так же изменения методов строительства и технологий производства. Износ подразделяется на моральный, физический и экономический.

Переоцененная стоимость материальных активов подлежит проверке на возможность ее изменения (снижения) в использовании этих активов конкретным собственником. Существенные изменения внутренних и/или внешних экономических условий, в которых работает компания, произошедшие на дату составления отчетности или ожидаемые в ближайшем будущем, сопровождаются и изменением стоимости активов.

При оценке возможного уменьшения справедливой стоимости материальных активов, определяется стоимость в использовании, которая является базой стоимости, отличной от рыночной.

Стоимость в использовании – это стоимость конкретного имущества при конкретном использовании для конкретного пользователя, и поэтому не связанная с рынком. Этот тип стоимости основан на вкладе, вносимом данным имуществом в стоимость того предприятия, частью которого оно является, безотносительно к наиболее эффективному использованию этого имущества и к величине денежной суммы, которая могла бы быть получена от его продажи.

2. Подходы к оценке материальных активов.

В соответствии с МСО оценка любого типа стоимости, как рыночного, так и нерыночного, проводится с применением одного или нескольких подходов к оценке. Выбор подходов к оценке зависит от имеющейся в распоряжении оценщика информации.

Для определения справедливой стоимости материальных активов в целях формирования финансовой отчетности по международным стандартам, оценщик использует методы трех подходов к оценке: сравнительного, затратного и доходного.

Таблица 1

Методы оценки справедливой стоимости материальных активов и инвестиционной недвижимости

Объект оценки	Тип справедливой стоимости	Метод оценки
1	2	3
Земельные участки		
Земельный участок (развитый рынок земли)	Рыночная стоимость	Объекта-аналога
Земельный участок (рынка земли нет)	Стоимость затрат воспроизводства	Нормативный
Здания и помещения		
Коммерческая недвижимость (офисная, торговая, складская)	Рыночная стоимость	Объекта-аналога
Квартиры (используется как служебное помещение)	Рыночная стоимость	Объекта-аналога
Производственная недвижимость	Стоимость затрат воспроизводства	Базисно-индексный, Индексации балансовой стоимости

1	2	3
Сооружения		
Сооружения	Стоимость затрат воспроизводства	Базисно-индексный, Индексации балансовой стоимости
Машины и оборудование		
Основное производственное (банковское) оборудование	Стоимость затрат воспроизводства	Индексации балансовой стоимости.
Вспомогательное производственное оборудование	Рыночная стоимость	Метод объекта-аналога
Офисное оборудование (компьютеры и оргтехника)	Рыночная стоимость	Метод объекта-аналога
Легковые, грузовые автомобили и пр.	Рыночная стоимость	Метод объекта-аналога
Прочее		
Мебель, инвентарь, бытовая техника и пр.	Стоимость замещения	Метод объекта-аналога
Инвестиционные активы		
Коммерческая недвижимость	Рыночная стоимость	Метод объекта-аналога, Метод дисконтированных денежных потоков
Активы, излишние для деятельности предприятия		
	Рыночная стоимость минус затраты на реализацию	Метод объекта-аналога

Литература:

1. Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 16 «Основные средства» (введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 28.12.2015 N 217н) (ред. от 27.06.2016).

2. «Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 36 «Обесценение активов» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 28.12.2015 N 217н) (ред. от 27.06.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018).

3. «Международные стандарты оценки 2011» / Перевод с английского под ред. Г.И. Микерина, И.Л. Артеменкова. М. : Саморегулируемая общероссийская общественная организация «Российское общество оценщиков», 2013. 188 с. ISBN 978-5-93027-028-0.

Literature:

1. International financial reporting standard (IAS) 16 «fixed assets» (effective in the territory of the Russian Federation by the Ministry of Finance of Russia from 28.12.2015 N 217n) (ed. by 27.06.2016).

2. International financial reporting standard (IAS) 36 «Impairment of assets» (put into force in the territory of the Russian Federation by the Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 28.12.2015 N 217n) (ed. and extra. in force from 01.01.2018).

3. «International standards of evaluation 2011» / Translation from English edited by G.I. Mikerin, I.L. Artemenkova. M. : self-regulating all-Russian public organization «Russian society of appraisers», 2013. 188 S. ISBN 978-5-93027-028-0.

Волков Леонид Валерьевич

кандидат экономических наук,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
volk2000@mail.ru

Leonid V. Volkov

candidate of economic sciences,
Financial University under the Government of
the Russian Federation
volk2000@mail.ru

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

FOREIGN EXPERIENCE OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP

Аннотация. Государственно-частное партнерство как необходимый институт современной экономики сравнительно недавно стал использоваться в российской практике, в том числе, и в деятельности органов государственной власти российских регионов. Поэтому важным является использование зарубежного опыта для совершенствования российской практики. В статье рассматриваются опыт применения государственно-частного партнерства и практика государственного регулирования в зарубежных странах, особенности разных форм государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, модернизация, инфраструктура, социальная сфера, государственное управление.

Annotation. Public-private partnership as an essential institution of modern economy is used in Russian economy recently. So it is very important to use foreign experience for development of Russian practice of Public-private partnership. The article considers the study of foreign experience of Public-private partnership and government regulation of Public-private partnership in different countries, particular qualities of different forms of of Public-private partnership

Keywords: public-private partnership, modernization, infrastructure, social sector, public administration.

Зарубежная практика. Лидерами в области государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) являются страны с давно сложившимися рыночными отношениями: Великобритания, США, Франция и Германия.

Наиболее показательный опыт ГЧП до настоящего времени наработан в Великобритании [5]. Общая стоимость проектов ГЧП, которые были приняты после запуска в 1992 году программы ГЧП, составляет больше 60 млрд фунтов (100 млрд долл.). ГЧП также активно используется в Австралии, Канаде, Франции, Германии, ЮАР, странах Восточной Европы [6]. Наиболее распространенная область применения – дорожное строительство. На втором месте после дорожного строительства по объему инвестиций в ГЧП – медицина и образование (строительство больниц, госпиталей и последующее управление ими) [7].

За последние 20 лет в Европе реализовано более чем 1400 проектов ГЧП с оценочной стоимостью инвестиций около 260 млрд евро [1].

Диапазон возможных основных направлений применения ГЧП в Европе очень широк – строительство дорог, государственных зданий, оборонной инфраструктуры, школ и университетов и т.д.

В разных странах существуют абсолютно разные практики регулирования ГЧП. Так, в Германии, Польше, Румынии, Словении, Южной Корее, Литве, Кыргызстане, Молдове приняты специальные законы о ГЧП. Во многих странах СНГ действуют законодательные акты о концессиях, гос.закупах, разделе продукции и т.д. [4]. Кроме того, во многих странах созданы специальные институты развития ГЧП: агентства (США, Великобритания, Голландия), государственные корпорации (Италия, Новая Зеландия), ассоциации (Франция) [3].

При определенном сходстве практики ГЧП во многих странах имеются и определенные различия. Так, в странах англо-саксонской правовой системы при выборе частного партнера государство проводит три отдельных тендера: на проектирование, на строительство, на эксплуатацию (содержание, управление). А во Франции же существует один тендер на все виды работ.

В широком смысле к основным формам ГЧП можно отнести [2]: любые взаимовыгодные формы взаимодействия государства и бизнеса; государственные контракты; арендные отношения; финансовую аренду (лизинг); государственно-частные предприятия; соглашения о разделе продукции (СРП); совместные венчурные компании; концессионные соглашения.

Международной ассоциацией проектного финансирования (International Project Finance Association [8]) выделяются три разновидности ГЧП:

1) привлечение частного партнера в проекты под контролем государства путем продажи как миноритарного, так и контрольного пакета акций;

2) заключение долгосрочных контрактов, в соответствии с которыми государство обязуется на долгосрочной основе приобретать у бизнеса предоставляемые им высококачественные услуги.

Такие долгосрочные контракты могут быть заключены с использованием концессионных или франчайзинговых механизмов. При этом такие контракты содержат не только обязательства частного партнера по оказанию определенных услуг на долгосрочной основе, но и его ответственность за надлежащее поддержание и обновление имеющихся у него активов, а также необходимость создания новых активов для поддержания на достаточном уровне качества предоставляемых услуг;

3) партнерские соглашения, в которых определяющими для проекта являются накопленный опыт частного партнера, его инновационный, производственный, технологический и финансовый потенциал для максимально эффективного использования переданных ему по соглашению государственных активов.

В зависимости от формы ГЧП в обязанности частного бизнеса могут входить следующие функции: проектирование, строительство, эксплуатация, ремонт и другая подобная деятельность. Основные виды ГЧП, которые используются в международной практике, представлены в таблице 1.

Из широкого многообразия видов ГЧП, которые используются в международной практике, отечественный подход, предусмотренный ФЗ «О концессионных соглашениях», отдает предпочтение только одному виду (строительство, управление, передача – Build Operate Transfer). Тем самым значительно сужаются возможности как государства, так и частного бизнеса по оптимальному использованию ресурсов.

Таблица 1

Виды ГЧП, используемые в международной практике [9]

Тип	Описание	Передача прав собственности	Длительность партнерства	Соглашение
Эксплуатация и поддержка / (Operate and Maintain)	Данная схема предусматривает заключение контракта на эксплуатацию государственной собственности частной организацией и ее текущий ремонт на определенный период времени	В собственности государства на период действия контракта	На период действия контракта	Сервисное соглашение
Проектирование, строительство (поддержка) / Design and Build	Частная организация заключает контракт на проектирование и постройку проекта на собственные средства. Государство выплачивает определенную сумму после завершения строительных работ	После завершения строительства	До передачи права собственности	Соглашение об управлении
Проектирование, строительство, лизинг, передача / Build Lease Transfer	Частная организация на собственные средства проектирует и осуществляет постройку проекта, а затем передает имущество в собственность государству с помощью лизинга	После завершения лизинговых платежей	До передачи права собственности	Лизинг
Проектирование, строительство, финансирование, эксплуатация и поддержка / Design Build Finance Operate	Частная организация заключает контракт на проектирование, постройку, финансирование в течение определенного периода. Государство оплачивает предоставление услуг в течение периода, пока частная организация осуществляет эксплуатацию объекта.	В собственности государства на период действия контракта	На период действия контракта	Концессионное соглашение
Строительство, управление, передача / Build Operate Transfer или Реконструкция, управление, передача / Rehabilitate Operate Transfer	Частная организация заключает концессионный контракт на проектирование, строительство, финансирование и управление объектом в течение определенного периода. Организация получает выручку от вложенных средств в течение срока действия контракта на заранее оговоренных условиях. Срок действия концессии обычно заметно короче, чем срок эксплуатации объекта.	Перед окончанием действия контракта	До передачи права собственности	
Проектирование, строительство, владение, эксплуатация / Build Own Operate	Частная организация заключает концессионный контракт на проектирование, строительство, финансирование и управление объектом в течение всего срока эксплуатации объекта	В собственности частной организации в течение всего срока эксплуатации	В течение длительности контракта	Передача прав частной стороне

Литература:

1. *Kapellar A.* Public-Private Partnerships in Europe – European Investment Bank, Economic and Financial Report / A. Kapellar, M. Nemoz, 2010/4.
2. *Амунц Д.М.* Государственно-частное партнерство // Справочник руководителя учреждения культуры, 2005, № 12.
3. *Гладов А.В.* Зарубежный опыт реализации государственно-частного партнерства: общая характеристика и институциональные основы / А.В. Гладов и др. // Вестник СамГУ, 2008, № 7.
4. Государственно-частное партнерство и перспективы его развития в Беларуси. Минск, Исследовательский центр ИПМ, 2010.
5. *Кашин С.* Британия на хозрасчете // Секрет фирмы, 2005. № 30.
6. Развитие инфраструктуры в России: новые задачи, старые проблемы. Обзор центра макроэкономических исследований Сбербанка России. М. : 2010, апрель.
7. URL: <http://www.ifsl.org>
8. URL: <http://www.ipfa.org/>
9. URL: www.rspp.ru/

Literature:

1. *Kapellar A.* Public-Private Partnerships in Europe – European Investment Bank, Economic and Financial Report / A. Kapellar, M. Nemoz, 2010/4.
2. *Amuntz D.M.* Public-Private Partnership // Cultural organization manager's manual, 2005, № 12.
3. *Gladov A.V.* Foreign experience of Public-Private Partnership: common characteristics and institutional foundation / A.V. Gladov and others. // Bulletin of Samara State University, 2008, № 7.
4. Public-Private Partnership and its perspectives in Belarus. Minsk, Research Center IPM, 2010.
5. *Kashin S.* Britain runs on a self-supporting // Secrets Of firms, 2005, № 30.
6. Development of infrastructure in Russia: new goals and old problems. Review of Center of Macroeconomic research Center of Sberbank. M. : 2010, April.
7. URL: <http://www.ifsl.org>
8. URL: <http://www.ipfa.org/>
9. URL: www.rspp.ru/

Гольман Татьяна Ивановна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры экономики и менеджмента,
Новосибирский государственный
педагогический университет
apsite@mail.ru

Волкова Татьяна Валерьевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и менеджмента,
Новосибирский государственный
педагогический университет
apsite@mail.ru

Апсите Марина Александровна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
информационно-аналитического
обеспечения и бухгалтерского учета,
Новосибирский государственный
университет экономики и управления
apsite@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Как отмечается авторами, актуальность вопроса управления рисками в предпринимательской деятельности на сегодняшний день не вызывает сомнения, обуславливая все возрастающее внимание к данной проблеме. В условиях жесткой рыночной конкуренции теория риска получила свое развитие и применение. Так, исследование результативности деятельности современных предпринимательских структур на рынке свидетельствует о необходимости построения на предприятии любой формы собственности рациональной системы риск-менеджмента.

Ключевые слова: риск, риск-менеджмент, предпринимательский риск.

Управление рисками, снижение уровня их действия представляет собой приоритетное направление системы менеджмента организации в современных социально-экономических условиях.

Можно дать следующее категориальное определение хозяйственного риска в предпринимательской деятельности (предпринимательского риска). Риск – это «система экономических отношений по реализации способности предпринимателя творчески использовать элемент неопределенности в процессе воспроизводства или отдельных его моментах для получения добавочной прибыли (предпринимательского дохода)».

Tatiana I. Golman

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of
Economics and Management,
Novosibirsk state Pedagogical University
apsite@mail.ru

Tatiana V. Volkova

candidate of economic sciences,
Associate Professor of the Department of
Economics and Management,
Novosibirsk state Pedagogical University
apsite@mail.ru

Marina A. Apsite

candidate of economic sciences,
associate professor
information-analytical
maintenance and accounting,
Novosibirsk state
University of Economics and Management
apsite@mail.ru

RISK MANAGEMENT IN MODERN SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS

Annotation. The urgency of the issue of risk management in entrepreneurial activity is not in doubt today, causing ever-increasing attention to this issue. In the conditions of severe market competition, the theory of risk has developed and applied. Thus, the study of the effectiveness of the activities of modern entrepreneurial structures on the market testifies to the need to build any kind of ownership in the enterprise of a rational risk management system.

Keywords: risk, risk management, business risk.

Риск представляет собой определенное событие, в результате совершения которого возможны три варианта экономического результата: отрицательный, нулевой, положительный [4].

Управление рисками на предприятии начинается с постановки целей. При этом сочетают анализ и прогнозирование рынка и возможностей и потребностей организации на нем, планов развития.

В ходе организации системы риск-менеджмента разрабатываются экономико-математические модели функционирования организации, составляются прогнозы экономического развития.

Система риск-менеджмента на предприятии основана на следующих принципах [1, с. 44]:

- комплексности (необходимо взаимодействие всех подразделений предприятия для адекватной оценки угроз);
- непрерывности (требуется постоянное наблюдение и контроль рисков в условиях меняющейся рыночной конъюнктуры);
- интеграции (оценка интегрального риска на основе взвешенной оценки влияния на производственно-хозяйственную деятельность полного набора потенциальных рисков с учетом их взаимосвязей).

Методами управления рисками являются:

1. Избегание риска, предусматривающее отказ от мероприятий и процессов, которые могут стать причиной более существенных проблем (реализация проблемного актива, уход с рынка, отказ от работы в проекте с неясным результатом). Метод не имеет большой востребованности, поскольку предприятие теряет выгоду из-за отказа от исполнения некоторой деятельности.

2. Удержание риска путем самострахования (переводом на себя риска) – за счет создания резервов для покрытия потенциальных потерь (убытков).

3. Передача риска в форме:

- аутсорсинга (передачи компанией функций непрофильного типа сторонним организациям), позволяющего снизить уровень проблемы за счет уменьшения расходов по переданным видам работ и повысить эффективность работ в целом;

- страхования, при котором заключаются договора со страховыми организациями, покрывающими риски за счет выплаты возмещения при страховой ситуации;

- хеджирования или страхования от неблагоприятного колебания состояния на рынке в виде указания в договоре жестких критериев по проводимой сделке (по цене на продукцию, курсу приобретения валюты).

4. Уменьшение риска. Предприятие не избегает угрожающей ситуации, а пребывает в зоне ее действия и пытается влиять на ее купирование, используя диверсификацию деятельности, формирование провизий (резервов), установление ограничений (по производственным циклам).

Выбор метода управления рисками осуществляется на основе сопоставления различных методов и выбора оптимального.

При этом, предприятие должно учесть следующие факты:

- управление рисками должно сочетаться с корпоративной стратегией организации.

- опасность сделок в пределах, превышающих размер собственного капитала;

- для предугадывания возможных последствий проблемы необходим анализ рисков;

- принятый вариант управления риском должен быть экономически обоснован и основан на достоверной информации;

- принимаемые решения в области управления риском должны основываться на учете объективных показателей сферы, где ведется деятельность предприятия.

Содержание системы риск-менеджмента изображено на рисунке 1.

Содержание риск-менеджмента

Определение подходов к риск-менеджменту

- A. Создание стратегии риск-менеджмента
- B. Соответствие требованиям корпоративного управления

Деятельность риск-менеджмента

- C. Идентификация рисков
- D. Оценка рисков
- E. Определение уровня приемлемости рисков
- F. Уменьшение рисков
- G. Мониторинг рисков

Организация риск-менеджмента

- H. Инфраструктура
- I. Возможности риск-менеджмента (сотрудники и технологии)
- J. Корпоративная культура

Рисунок 1 – Содержание риск-менеджмента на предприятии [3, с. 29]

Укрепление корпоративной культуры является одним из направлений системы риск-менеджмента на предприятии.

Международные стандарты управления рисками, наиболее известные из которых перечислены в таблице 1 ниже, могут брать за основу при разработке внутрикорпоративных стандартов риск-менеджмента.

Подводя итоги, следует отметить основные направления управления рисками на предприятии:

- анализ рисков деятельности;
- определение уровня «риск-аппетита» (риска, на который готова идти организация в соответствии со стратегией развития);
- выбор метода управления риском (уклонение от риска, сокращение риска, принятие риска, перераспределение риска);
- сокращение числа непредвиденных событий и убытков в производственно-хозяйственной деятельности;
- использования благоприятных возможностей;
- рациональное использование капитала.

В заключение следует отметить, что процесс оценки и уменьшения риска предпринимательской деятельности должен подвергаться постоянному анализу и корректировке. Так, при ис-

полнении утвержденного комплекса мер следует накапливать всю информацию о недостатках и сбоях в программе, возникающих в ходе работы, с передачей в службу менеджмента. Данный

подход на базе использования возникающей новой информации обеспечивает разработку следующих программ по уменьшению угроз на более высоком качественном уровне.

Таблица 1

Наиболее известные международные стандарты управления рисками [2, с. 52]

Разработчик / издатель	Название
Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (COSO), USA. Комитет спонсорских организаций Комиссии Тредвея, США.	Enterprise Risk Management – Integrated Framework (ERM), 2004. Управление рисками организации – интегрированная схема.
The Institute of Risk Management (IRM), The Association of Insurance and Risk Managers (AIRMIC) and ALARM The National Forum for Risk Management in the Public Sector, UK. Adopted by Federation of European Risk Management Associations Институт риск-менеджмента, Ассоциация риск-менеджмента и страхования, Национальный форум риск-менеджмента в общественном секторе (Великобритания). Принят Федерацией европейских ассоциаций риск-менеджеров	A Risk Management Standard. 2002. Стандарт управления рисками.
Standards Australia	Australian/New Zealand Risk Management Standard [2] (AS/NZS 4360), 2004 Стандарт управления рисками Австралии и Новой Зеландии.
Basel Committee on Banking Supervision Базельский комитет по банковскому надзору	Basel II: International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards: a Revised Framework, 2004. Базель II: Международные стандарты измерения капитала – доработанное соглашение

Литература:

1. Черняк В.З. Управление предпринимательскими рисками в системе экономической безопасности. Теоретический аспект : монография / В.З. Черняк, Н.Д. Эриашвили, Е.Н. Барикаев. ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право. 2015. 159 с.
2. Сафина Г.Р. Введение в анализ предпринимательских рисков и проектный анализ : учебное пособие КГТУ. 2010 год. 80 с.
3. Фомичев А.Н. Риск-менеджмент : учебник. Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». 2016 год. 372 с.
4. URL: <https://investments.academic.ru/1354>

Literature:

1. Chernyak V.Z. Management of business risks in the system of economic security. Theoretical aspect : monograph / V.Z. Chernyak, N.D. Eriashvili, E.N. Barikaev. UNITY-DANA; Law and Law 2015. 159 p.
2. Safina G.R. Introduction to the analysis of entrepreneurial risks and project analysis : a training manual KSTU. 2010 year. 80 p.
3. Fomichev A.N. Risk management : a textbook. Publishing and trading corporation «Dashkov and Co». 2016 year. 372 sec.
4. URL: <https://investments.academic.ru/1354>

Джолдошева Динара Сабатбековна
кандидат экономических наук, докторант,
Киргизско-Российский славянский
университет имени Ельцина Б.Н.
ddjoldosheva@yahoo.com

ТРЕНДЫ НЕРАВЕНСТВА И БЕДНОСТИ В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И СОСЕДНИХ ГОСУДАРСТВАХ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу динамики уровней бедности и неравенства в Киргизской Республике и соседних государствах.

В 1990 году страна была самой бедной среди соседних государств, имея 234 долларов США на душу населения. К 2016 году данный показатель страны увеличился в 4,6 раза, достигнув 1077 долларов США на душу населения. В Казахстане и Китае экономический рост был ещё более значительным (соответственно в 6,3 раза и в 25,6 раза). В Таджикистане ВВП на душу населения увеличился в 1,8 раза, а в Узбекистане – в 3,2 раза. Стремительный и значительный экономический рост в Казахстане и Китае привел к резкому сокращению уровня бедности. В Киргизской Республике и Таджикистане, несмотря на снижение уровня бедности за последние десятилетия, данный показатель остается на высоком уровне, а в Узбекистане бедность была на относительно низком уровне. Индекс неравенства Джини был очень высоким в Киргизской Республике, но стабильно сокращался, что свидетельствует о значительном снижении неравенства в стране. В Китае, Таджикистане и Узбекистане отмечался высокий уровень неравенства. Динамика индекса восприятия коррупции указывает на некоторое уменьшение уровня коррупции в Киргизской Республике и Казахстане. Наиболее существенное снижение уровня коррупции отмечено в Китае. В то же время, в Таджикистане и Узбекистане зарегистрирован высокий уровень коррупции по сравнению с соседними странами. Итак, экономический рост в Киргизской Республике и соседних государствах сопровождался снижением уровня бедности, но не привел к сокращению неравенства. В анализируемых странах, за исключением Китая, наблюдается высокий уровень коррупции, что тормозит экономический рост и усугубляет бедность и неравенство.

Ключевые слова: Киргизская Республика, соседние государства, экономическое развитие, бедность, неравенство, коррупция.

В XXI веке бедность и неравенство остаются глобальной проблемой, несмотря на опре-

Dinara S. Djoldosheva
candidate of economic sciences,
doctoral candidate, Kyrgyz-Russian Slavic
University named after Elchin B.N.
ddjoldosheva@yahoo.com

TRENDS OF INEQUALITY AND POVERTY IN THE KYRGYZ REPUBLIC AND NEIGHBORING COUNTRIES

Annotation. The article is devoted to a comparative analysis of the dynamics of poverty levels and inequality in the Kyrgyz Republic and neighboring countries.

In 1990, the country was the poorest among neighboring countries, with \$ 234 per capita. By 2016 this indicator of the country increased 4.6 times, reaching 1077 US dollars per capita. In Kazakhstan and China, economic growth was even more significant (6.3 times and 25.6 times, respectively). In Tajikistan, per capita GDP increased by 1.8 times, and in Uzbekistan – by 3.2 times. Rapid and significant economic growth in Kazakhstan and China led to a sharp reduction in poverty. In the Kyrgyz Republic and Tajikistan, despite the decline in poverty rates in recent decades, this indicator remains at a high level, while in Uzbekistan poverty was relatively low. The Gini inequality index was very high in the Kyrgyz Republic, but declined steadily, indicating a significant reduction in inequality in the country. In China, Tajikistan and Uzbekistan, a high level of inequality was noted. The dynamics of the index of perception of corruption indicates a slight decrease in the level of corruption in the Kyrgyz Republic and Kazakhstan. The most significant decrease in the level of corruption was noted in China. At the same time, in Tajikistan and Uzbekistan a high level of corruption is recorded in comparison with neighboring countries. So, economic growth in the Kyrgyz Republic and neighboring states was accompanied by a reduction in poverty, but did not lead to a reduction in inequality. In the analyzed countries, with the exception of China, there is a high level of corruption, which inhibits economic growth and exacerbates poverty and inequality.

Keywords: the Kyrgyz Republic, neighboring countries, economic development, poverty, inequality, corruption.

деленные успехи в снижении уровня бедности в прошлом столетии. По данным Иванова Н. и со-

авт. (2010), на динамику бедности оказывают влияние как экономические, так и демографические факторы. В Южной Азии, включая Индию, в условиях быстрого роста численности населения относительно высокие темпы экономического роста за последние 25 лет (1990–2015 годы) оказались недостаточными для снижения количества бедных. В наименее бедных регионах мира, прежде всего в Африке ниже Сахары, где в 1981–2005 годах экономический рост был крайне низким, а рождаемость очень высокой поэтому ситуация с бедностью резко ухудшилась. Так, численность бедных выросла за эти годы соответственно от 303 до 575 млн человек, а крайне бедных – от 212 до 388 млн человек. Однако на глобальном уровне ситуация была лучше, а именно, число людей с доходами менее 1,9 долларов США в день сократилось от 1899 млн до 1370 млн, а с доходами менее 2,15 долларов США в день – от 2730 млн до 2607 млн. (Всемирный Банк, 2009). Установлена значительная разница неравенства доходов населения между развивающимися и развитыми странами. Например, если коэффициент Джини равен 34 в Европейском Союзе, то в Китае он составляет 41, Анголе – 59 и Латинской Америке в целом – 54 (Всемирный Банк, 2009). В странах Европы и Центральной Азии до переходного периода уровень неравенства был одним из самых низких в мире. Однако в последующем, во всех странах с переходной экономикой неравенство постоянно увеличивалось, а Армения, Киргизская Республика, Молдова и Россия вошли в число государств мира, в которых был отмечен самый высокий уровень неравенства в 1990-х годах. Ко-

эффициент Джини (стандартный показатель неравенства) почти вдвое превысил уровни, существовавшие в них до переходного периода (Всемирный Банк, 2002).

В связи с вышеизложенным, целью настоящей статьи является сравнительный анализ динамики бедности и неравенства в Киргизской Республике и соседних государствах за 1990–2016 годы. В таблице 1 представлена динамика ВВП на душу населения в долларах США за 1990–2016 годы в Киргизской Республике и соседних государствах, по данным Всемирного Банка (2017). Как видно, в 1990 году перед развалом СССР в Киргизской Республике ВВП на душу населения в долларах США был самым низким (234 долларов США) по сравнению с соседними государствами. Наибольшим данный показатель оказался в Казахстане (1647 долларов США). Далее следовали Узбекистан, Таджикистан и Китай (соответственно 651, 497 и 317 долларов США). В последующие 25 лет (1990–2015 годы) во всех анализируемых странах наблюдался рост ВВП на душу населения в долларах США, за исключением Таджикистана, где в 1995–2000 годах отмечалось резкое падение ВВП соответственно до 213 и 138 долларов США на душу населения в результате гражданской войны (1992–1997 годы). К 2016 году наиболее значительный рост ВВП на душу населения произошел в Казахстане и Китае (соответственно 8585 и 7714 долларов США). Более умеренное увеличение данного показателя было в Киргизской Республике, Таджикистане и Узбекистане (соответственно 1077, 795 и 2110 долларов США на душу населения).

Таблица 1

Динамика ВВП на душу населения в долларах США в Киргизской Республике и соседних государствах (1990–2016 годы) (Всемирный Банк, 2017)

	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016
Киргизия	234	325	279	377	880	1279	1077
Казахстан	1647	1288	1229	3771	9070	10509	8585
Китай	317	609	959	1753	4560	8123	7714
Таджикистан	497	213	138	337	738	918	795
Узбекистан	651	585	558	546	1377	2137	2110

Таблица 2

Динамика уровня бедности в процентах в Киргизской Республике и соседних государствах (1992–2016 годы) (Мировой атлас данных, 2017)

	1992	1995	2000	2005	2010	2015	2016
Киргизия	57,0	43,5	62,6	45,9	33,7	30,6	25,4
Казахстан	–	–	46,7	31,6	6,5	2,7	–
Китай	66,6 (1990)	42,0	32,0	18,8	11,2	1,9 (2013)	–
Таджикистан	54,4 (1999)	–	–	30,8 (2003)	–	34,3	31,3
Узбекистан	–	10,9 (1998)	16,8	17,1 (2003)	15,0 (2012)	14,1 (2013)	–

Мировой опыт свидетельствует о том, что экономический рост приводит к сокращению уровня бедности (Всемирный Банк, 2005). И, действительно, в Казахстане, где ВВП на душу населения возрос в 6,3 раза (от 1647 долларов США в 1990 году до 10509 долларов США в 2015 году), и в Китае – в 25,6 раза (от 317 долларов США в 1990 году до 8123 долларов США в 2015 году) резко сократился уровень бедности. Как видно из таблицы 2, в 2000 году данный показатель в

Казахстане составлял 46,7 %, а к 2015 году снизился до 2,7 %. В Китае в 1990 году уровень бедности был ещё выше (66,6 %), но в 2013 году он упал до 1,9 %. В Киргизской Республике и Таджикистане, несмотря на снижение уровня бедности за последние десятилетия, данный показатель остается на высоком уровне (соответственно 25,4 % и 31,3 %). В Узбекистане бедность была на относительно низком уровне – 10,9 % в 1998 году и 14,1 % в 2013 году. Крите-

рием бедности при данном анализе считался 1,9 долларов США в день на одного человека.

Сравнительный анализ индекса неравенства Джини показал, что в 1993 году данный показатель был очень высоким в Киргизской Республике (53,7), но стабильно сокращался в последующие годы, достигнув 29,0 в 2016 году, что свидетельствует о значительном снижении неравен-

ства в стране (табл. 3). В Казахстане индекс Джини в 1996 году равнялся 35,4 и постепенно уменьшился до 29,0 в 2015 году. Данный индекс в Китае, судя по имеющимся данным за 2005 и 2012 годы, составил соответственно 42,8 и 42,2. Следовательно, уровень неравенства в этой стране высокий, несмотря на стремительный и значительный экономический рост.

Таблица 3

Динамика индекса Джини в Киргизской Республике и соседних государствах (1993–2016 годы) (Мировой атлас данных, 2017)

	1993	1995	2000	2005	2010	2015	2016
Киргизия	53,7	46,4	31,0	32,6	30,1	26,8	29,0
Казахстан	–	35,4 (1996)	34,0 (2001)	29,6	28,6	28,8 (2013)	29,0 (2015)
Китай	–	–	–	42,8 (2008)	–	42,2 (2012)	–
Таджикистан	–	29,5 (1999)	32,7 (2003)	32,2 (2007)	30,8 (2009)	30,4 (2013)	34,0 (2015)
Узбекистан	–	44,7 (1998)	36,1	35,3 (2003)	–	–	–

В Узбекистане в 1998 году индекс Джини был также очень высоким (44,7), но в 2003 году он снизился до 35,3. И, напротив, в Таджикистане данный показатель повысился от 29,5 в 1999 году до 34,0 в 2015 году. Вышеизложенные данные свидетельствуют о том, что уровень неравенства снизился за последние 20 лет (1995–2015 годы) в Киргизской Республике и Казахстане, оставаясь на высоком уровне в Китае и Узбекистане, и увеличившись в Таджикистане. В «Докладе о мировом развитии 2000/2001» Всемирного Банка (2002) отмечено, что различия во взаимосвязи между экономическим ростом и

бедностью в различных странах являются следствием исходного неравенства распределения доходов, а также возможностей и изменений в распределении доходов, которыми сопровождается экономический рост. Как отмечают Николаев И.А., Марушкина Е.В., (2005), высокая дифференциация населения по доходам является одним из главных факторов социальной напряженности в обществе. В «Отчете о мировом развитии 2005» Всемирного Банка констатируется, что коррупция является тормозом не только экономического развития, но усугубляет бедность и неравенство в странах.

Таблица 4

Динамика индекса восприятия коррупции в Киргизской Республике и соседних государствах (2005–2017 годы) (The Corruption Perceptions Index, 2005–2017)

Страна	2005	2010	2013	2015	2017
Киргизия	22	20	24	28	29
Казахстан	26	29	28	28	31
Китай	32	35	40	37	41
Таджикистан	22	21	22	26	21
Узбекистан	21	16	17	19	22

В таблице 4 представлены данные о динамике индекса восприятия коррупции в Киргизской Республике и соседних странах. Как известно, чем меньше величина данного показателя, тем выше уровень коррупции в стране. В Киргизской Республике индекс восприятия коррупции повысился от 22 в 2005 году до 29 в 2017 году. Аналогичный тренд наблюдался в Казахстане (соответственно 26 и 31). Наиболее значимый позитивный тренд отмечен в Китае, где индекс восприятия коррупции, будучи высоким в 2005 году (32), повысился до 41 в 2017 году. Это свидетельствует о существенном снижении уровня коррупции в Китае. И, напротив, в Таджикистане и Узбекистане величина индекса восприятия коррупции за анализируемые годы была небольшой, составив в 2017 году соответственно 21 и 22, и, указывая на высокий уровень коррупции в этих государствах по сравнению с соседними странами.

Таким образом, результаты сравнительного анализа динамики бедности и неравенства в Киргизской Республике и соседних государствах свидетельствуют о том, что в 1990 году страна была самой бедной среди соседних государств, имея 234 долларов США на душу населения. К 2016 году данный показатель страны увеличился в 4,6 раза, достигнув 1077 долларов США на душу населения. В Казахстане и Китае рост был ещё более значительным, а именно, в 6,3 раза в Казахстане (от 1647 долларов США в 1990 году и до 10509 долларов США на душу населения в 2015 году) и в 25,6 раза в Китае (от 317 долларов США в 1990 году до 8123 долларов США на душу населения в 2015 году). В Таджикистане ВВП на душу населения увеличился в 1,8 раза (от 497 долларов США в 1990 году до 918 долларов США на душу населения в 2015 году). В Узбекистане данный показатель возрос в 3,2 раза (от 651 долларов США в 1990 году до 2137 долларов США на душу населения в 2015 году).

Стремительный и значительный экономический рост в Казахстане и Китае привел к резкому сокращению уровня бедности. В Казахстане данный показатель снизился от 46,7 % в 2001 году до 2,7 % в 2015 году, а в Китае – от 66,6 % в 1990 году до 1,9 % в 2013 году. В Киргизской Республике и Таджикистане, несмотря на снижение уровня бедности за последние десятилетия, данный показатель остается на высоком уровне (соответственно 25,4 % и 31,3 %). В Узбекистане бедность была на относительно низком уровне – 10,9 % в 1998 году и 14,1 % в 2013 году.

Индекс неравенства Джини в 1993 году был очень высоким в Киргизской Республике, но стабильно сокращался в последующие годы, достигнув минимального значения (29,0) в 2016 году, что свидетельствует о значительном снижении неравенства в стране. В Казахстане индекс Джини в 1996 году равнялся 35,4 и постепенно уменьшился до 29,0 в 2015 году. Данный индекс в Китае, по данным за 2005 и 2012 годы, составил соответственно 42,8 и 42,2, указывая на высокий уровень неравенства в этой стране. В Узбекистане в 1998 году индекс Джини был также очень высоким (44,7), но в 2003 году он снизился до 35,3. И, напротив, в Таджикистане данный показатель повысился от 29,5 в 1999 году до 34,0 в 2015 году. Вышеизложенные данные свидетельствуют о том, что уровень неравенства снизился за последние 20 лет (1995-2015 годы) в Киргизской Республике и Казахстане, оставаясь на высоком уровне в Китае и

Литература:

1. Доклад о мировом развитии 2000/2001. Наступление на бедность. Всемирный Банк / Пер. с англ. М: Издательство «Весь Мир», 2001. 283 с.
2. Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный Банк. Издательство «Весь мир», Москва, 2005. 288 с.
3. *Иванова Н.* Глобализация и бедность. Мировая экономика и международные отношения / Н. Иванова, Н. Гоффе, Г. Монусова. 2010, 9. С. 29–42.
4. Мировой атлас данных, 2017.
5. *Николаев И.А.* Бедность в России : экономический анализ. Аналитический доклад / И.А. Николаев, Е.В. Марушкина. Москва, июнь 2005.
6. Переходный период: анализ и уроки первого десятилетия для стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Исследование Всемирного банка/ Пер. с англ. М. : Издательство «Весь Мир», 2002. 296 с.
7. The Corruption Perceptions Index 2012.
8. The Corruption Perceptions Index 2017.
9. World Bank Data GDP per capita, 2017.

Узбекистане, и увеличившись в Таджикистане. В «Отчете о мировом развитии 2005» Всемирного Банка констатируется, что коррупция является тормозом не только экономического развития, но и углубляет бедность и неравенство в странах. Общепринятым в международной практике методом анализа уровня коррупции является индекс восприятия коррупции. Как известно, чем меньше величина данного показателя, тем выше уровень коррупции в стране. В Киргизской Республике индекс восприятия коррупции повысился от 22 в 2005 году до 29 в 2017 году. Аналогичный тренд наблюдался в Казахстане (соответственно 26 и 31). Эти данные указывают на некоторое уменьшение уровня коррупции в этих двух странах. Наиболее значимый позитивный тренд отмечен в Китае, где индекс восприятия коррупции, будучи высоким в 2005 году (32), повысился до 41 в 2017 году, что свидетельствует о существенном снижении уровня коррупции в Китае. И, напротив, в Таджикистане и Узбекистане величина индекса восприятия коррупции за анализируемые годы была небольшой, составив в 2017 году соответственно 21 и 22, и, указывая на высокий уровень коррупции в этих государствах по сравнению с соседними странами. Таким образом, экономический рост в Киргизской Республике и соседних государствах сопровождался снижением уровня бедности, но не привел к сокращению неравенства. В анализируемых странах, за исключением Китая, наблюдается высокий уровень коррупции, что тормозит экономический рост и усугубляет бедность и неравенство.

Literature:

1. Report on world development 2000/2001. Approach to poverty. The World Bank / Lane with English. M: Whole world publishing house, 2001. 283 pages.
2. Report on world development of 2005. How to make investment climate favorable for all. World Bank. Whole world publishing house, Moscow, 2005. 288 pages.
3. *Ivanova N.* Globalization and poverty. World economy and the international relations / N. Ivanova, N. Goffa, G. Monusova. 2010, 9. P. 29–42.
4. World atlas of data, 2017.
5. *Nikolaev I.A.* Bednost in Russia: economic analysis. Analytical report / I.A. Nikolaev, E.V. Marushkina. Moscow, June, 2005.
6. Transition period: the analysis and lessons of the first decade for countries of Eastern Europe and the former Soviet Union. A research of the World Bank / Lane with English. M. : Whole world publishing house, 2002. 296 pages.
7. The Corruption Perceptions Index 2012.
8. The Corruption Perceptions Index 2017.
9. World Bank Data GDP per capita, 2017.

Дружинин Андрей Евгеньевич

кандидат психологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Институт промышленного менеджмента,
экономики и торговли,
Высшая инженерно-экономическая школа
druzhinin_ae@spbstu

Andrey E. Druzhinin

candidate of psychological sciences,
associate professor,
St. Petersburg Polytechnic University
University of Peter the Great,
Institute of Industrial Management,
economy and trade,
Higher Engineering and Economics School
druzhinin_ae@spbstu

ЗАДАЧИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ И СОПРОВОЖДАЮЩЕГО ТРЕНИНГА В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ

THE OBJECTIVES OF ANTICIPATORY LEARNING AND FOLLOW-UP TRAINING IN ORGANIZATIONAL CHANGES

Аннотация. Следствием организационных изменений может являться структурная безработица, одним из методов снижения рисков которой является опережающее обучение. Наибольшее значение это имеет для быстро развивающихся высокотехнологичных отраслей. В статье рассматриваются особенности проектирования, планирования и реализации программ по опережающему обучению на примере предприятий – кластеров Санкт-Петербурга. Автором выделены проблемы и сложности, связанные с организацией процесса и внедрения результатов в практику, переноса на неё эффекта обучения. В этой связи рассматриваются противоречия между требованиями профессиональных стандартов и запросов рынка, а также недостаточного внимания к процессу проведения изменений со стороны менеджмента организаций, в том числе, отрыву внешнего обучения от внутреннего сопровождения и поддержки посредством адаптации, консультирования и тренинга её сотрудников.

Ключевые слова: структурная безработица, опережающее обучение, профессиональные стандарты, организационные изменения, тренинг, человеческий фактор, реинженеринг.

Annotation. The consequence of organizational changes may be structural unemployment, one of the methods of reducing risks is anticipatory learning. This is most important for the rapidly developing high-tech industries. In the article features of designing, planning and realization of programs on anticipatory learning are considered on an example of the enterprises of clusters of St. Petersburg. Problems and difficulties associated with the organization of the process and the introduction of results into practice, transferring the learning effect to it are highlighted. In this connection, the contradictions between the requirements of professional standards and market requests are considered, as well as insufficient attention to the process of implementing changes by management of organizations, including the separation of external learning from follow-up and internal support through the adaptation, counseling and training of its employees.

Keywords: Structural Unemployment, Anticipatory Learning, Professional Standards, Organizational Change, Training, Human Factor, Reengineering.

Количество рабочих мест в современной рыночной экономике ограничено, что усугубляется в кризисных ситуациях (в Санкт-Петербурге количество безработных в 2015 году выросло на треть по сравнению с 2014 годом), приводящих к организационным изменениям. В данной статье основное внимание уделяется структурной безработице, которая чаще возникает в случаях внедрения новых технологий, а рынок труда реагирует на структурные изменения относительно медленнее, чем они происходят. Важным фактором при этом является то, что такая безработица может переходить в постоянную форму.

Поэтому, основной способ борьбы с ней – повторное трудоустройство на том же предприятии, но с переходом на другое, либо на вновь открытое место работы путем смены специализации или переквалификации. Основным результатами обучения для работников организаций является: повышение их востребованности и конкурентоспособности на рынке труда, расширение обязанностей и должностная ротация. Однако, при этом помимо овладения требуемыми профессиональными компетенциями, сотрудникам необходимо адаптироваться как к новым условиям трудовой деятельности, так и к изменяющимся рабочим отношениям. Вторая задача

оказывается подчас не менее сложной, чем первая, реализуемая посредством формализованного обучения, так как упирается в известные трудности и сопротивления, типичные для процессов прохождения организационных изменений.

В программе опережающего обучения, целью которой является содействие формированию и рациональному использованию трудовых ресурсов могут принять участие различные организации Санкт-Петербурга [4], но в данной статье речь идёт о тех, которые реализуют программы развития, участвуют в реализации инвестиционных проектов и входят в кластеры Санкт-Петербурга.

Указанное направление считается приоритетным: средняя стоимость обучения работников организаций и граждан, ищущих работу в 2017 г. – 20,85 тыс. руб., а стоимость обучения работников предприятий входящих в инновационные кластеры Санкт-Петербурга (в соответствии с постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 316) – 56 тыс. руб.

Пять университетов Санкт-Петербурга, участвовавших в программе (помимо прочих десяти образовательных организаций), сотрудничали в этом направлении в период 2015–2017 годов с тридцатью пятью предприятиями (компаниями), осуществляющими реструктуризацию, модернизацию, реализующими проекты повышения производительности труда, развития персонала.

Существенная зависимость масштабов реализации программы от размеров её финансирования очевидна [2], но помимо этого существуют и организационные сложности, прежде всего, в механизме реализации мероприятия – взаимосвязанных последовательных действий, шагов (все-го их десять со всеми соответствующими необходимыми документами) со стороны работодателя, Агентств занятости населения и ГАУ «Центр занятости населения Санкт-Петербурга». Последний собственно и проводит процедуру закупки, заключает договор с образовательной организацией на обучение, по программам, представленным в заявке работодателя, а также осуществляет контроль его организации, разделяя тем самым ответственность за его качество.

При этом ответственность работодателя состоит не только в предоставлении возможности работникам пройти опережающее обучение в соответствии с графиком образовательной организации, но и в том, чтобы сохранить за ними их рабочие места или предоставить им новую должность. Разрыв между численностью прошедших обучение и трудоустроенных после него ведёт не только к неэффективному расходованию средств, но и создает неблагоприятный социальный эффект, выражающийся в частности в потенциальной дискредитации самой программы опережающего обучения.

Литература:

1. Батаковская М.П. статья «Разработка сравнительных критериев требований работодателей и

С 1 июля 2016 г. применение профессиональных стандартов работодателями стало обязательным в части требований к квалификации, необходимой работнику для выполнения трудовой функции, а работодатели и их сотрудники заинтересованы в получении конкретных компетенций соответствующих запросам рынка, при этом рынок Информационных технологий (ИТ), на который в значительной степени ориентированы программы опережающего обучения, все чаще полагается на собственные.

Так, профессиональный стандарт (ПС), «Программист» содержит следующие обобщённые трудовые функции (ОТФ), а также трудовые функции (ТФ), и сравнив их с запросами рынка по наименованию должности, обнаружился слишком различный список, включающий почти десяток описаний указанной вакансии. Более того, обобщённая «рыночная» вакансия состоит из обязанностей и требований, которых нет ни в ОТФ, ни в ТФ ПС (участие в изменении процессов компании, участие в проектах по внедрению бизнес-приложений в компании, работа на результат, способность быть самостоятельным и способность работать в коллективе и т.п.) [1].

Как и в ТФ, так и в обучении (повышении квалификации, переподготовки) основное внимание уделяется изучению собственно технологии и постановке навыков использования технологических приёмов, диктуемых этой технологией. Объём же внедрений информационных систем растёт и вместе с этим сильнее растёт убежденность, что «человеческий фактор» в большей степени определяет успешность инноваций, чем используемые инновационные технологические инструменты. «Hard skills» и «soft skills» не противостоят, а дополняют друг друга и модели организационных преобразований строятся именно на этом, однако сочетание этих двух видов профессиональной подготовки остается проблемным.

С момента введения «реинжиниринга корпораций» (1993 год) успешность проектов по внедрению изменений по-прежнему невысока. Обобщённый результат 10-летнего исследования около 250 компаний, в котором приняли участие более 8000 менеджеров, констатирует, что в 60–75 % случаев от общего числа организаций не удается эффективно реализовывать стратегию изменений [3].

Во многом это связано с недооценкой лицами, принимающими решения, субъективных факторов организационного поведения, в том числе конкретного поведения на рабочем месте в новых условиях. При том, что в теории управления изменениями выделены устойчивые закономерности этого процесса и существуют яркие примеры лучшей практики (большей частью в ИТ), которая, по-видимому, в силу ряда причин разделяется другими компаниями, прежде всего в государственном секторе, недостаточно успешно.

Literature:

1. Batakovskaya M.P. article «Development of comparative criteria of employers' and professional

профессиональных стандартов», сборник материалов Конференции XLVI «НЕДЕЛЯ НАУКИ СПбПУ» URL. 2017 г. / М.П. Батаковская, И.Ю. Брык // URL: <http://week-science.spbstu.ru/conf2017/>

2. Батаковская М.П. Опережающее обучение: задачи и препятствия / М.П. Батаковская, А.Е. Дружинин // сборник Международной молодежной конференции «Перспективы науки и образования», США, г. Нью-Йорк, 2018 г.

3. Сулл Д. Печальная судьба стратегий / Д. Сулл, Р. Хомкес, Ч. Сулл // Harvard Business Review Россия. 2015. Апрель. 154.

4. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17.06.2014 № 490 утверждена государственная программа Санкт-Петербурга «Содействие занятости населения в Санкт-Петербурге» на 2015–2020 годы.

standards requirements», proceeding of the conference XLVI «WEEK OF SCIENCE OF SPbPU» URL. 2017 / M.P. Batakovskaya, I.Y. Bryk // URL: <http://week-science.spbstu.ru/conf2017/>

2. Batakovskaya M.P. Anticipatory learning: objectives and obstacles / M.P. Batakovskaya, A.E. Druzhinin proceeding of the First International Youth Conference «Prospects for Science and Education», USA, New York, 2018.

3. Sull D. Sad Destiny of Strategies / D. Sull, R. Homkes, C.Sull // Harvard Business Review Россия. 2015. April. 154.

4. Decree of the Government of St. Petersburg from June 17, 2014 № 490 approved the state program of St. Petersburg «Promoting employment in St. Petersburg» for 2015–2020.

Кемайкин Павел Владимирович

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра финансов и кредита,
Поволжский государственный
университет сервиса
pavkem77@yandex.ru

Pavel V. Kemaikin

candidate of economic sciences,
associate professor,
Department of Finance and Credit,
Volga University of Service
pavkem77@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC POLICY OF THE SAMARA REGION

Аннотация. Социально-экономическая политика, проводимая на всех уровнях управления экономикой в значительной степени подлежит постоянной корректировке с учетом как внешних, так и внутренних воздействующих на нее факторов. Это связано с постоянными процессами учета новых тенденций экономической и социальной ситуации в стране, отдельных регионах, муниципалитетах. Кроме того, необходимо принимать во внимание и особенности развития отдельных отраслей промышленности, будь-то экспортной, или работающей на внутрисамарский рынок. Статья отражает дальнейшее развитие приоритетов социально-экономической политики Самарской области.

Ключевые слова: социально-экономическая политика, регион, региональный бюджет, инвестиции, бюджет, бюджетная политика, инновации.

Социально-экономические политики, проводимые в каждом из регионов страны, занимают важное место во всей финансово-экономической политике Российской Федерации и является ее основными составляющими. От степени развития каждого отдельного региона зависит и поддержка отдельных отраслей, и масштабы социального блока расходов, которые подлежат финансированию или со стороны федерального центра, или осуществляются субъектом РФ самостоятельно, или имеет место их софинансирование.

В частности, в структуре экономики Самарской области представлены практически все виды экономической деятельности. Основными направлениями экономической специализации региона являются производство автомобилей и автокомпонентов, авиакосмическое машиностроение, нефтедобыча и нефтепереработка, цветная металлургия, химия, электроэнергетика, сельское хозяйство.

В структуре ВРП Самарской области наибольший удельный вес занимают обрабатывающие производства, добыча полезных ископаемых, операции с недвижимым имуществом, транспорт и связь, строительство, сельское хозяйство и

Annotation. Socio-economic policy, conducted at all levels of economic management is largely subject to constant adjustment, taking into account both external, and internal factors affecting it. This is due to the constant processes of accounting for new trends in the economic and social situation in the country, individual regions, municipalities. In addition, it is necessary to take into account the specifics of the development of individual industries, be it export, or operating on the domestic market. The article reflects the further development of the priorities of the social and economic policy of the Samara region.

Keywords: socio-economic policy, region, regional budget, investments, budget, budget policy, innovations.

другие. Одним из ключевых направлений социально-экономической политики Самарской области является реализация кластерных инициатив. Наиболее значимыми являются автомобильно-строительный, аэрокосмический и нефтехимический кластеры.

Самарская область входит в состав 13 регионов, формирующих более 50 % доходов консолидированного бюджета Российской Федерации. Удельный вес поступлений налогов, сборов и иных обязательных платежей Самарской области в бюджетную систему Российской Федерации в 2015 году составил 2,2 %. По данному показателю область занимала 8-е место среди субъектов Российской Федерации и 2-е место среди регионов ПФО. Кроме того, регион обладает значительным инвестиционным потенциалом. По объему инвестиций в основной капитал область занимает 11-е место среди субъектов Российской Федерации и 3-е место среди регионов ПФО [1].

Диверсифицированная по отраслям экономика Самарской области формирует благоприятный кластерный портфель и направлена на рост разнообразия отраслей. Но, с другой стороны, в регионе

наблюдается низкая производительность труда, связанная с применением недостаточно эффективных технологий на значительной части производств, а также преобладающим выпуском продукции, уступающей внешним конкурентам. Также в регионе применяются и экологические ограничения, что затрудняет развитие промышленного сектора экономики. В социальной сфере региона наблюдается отставание по охвату услугами культурных и спортивных организаций.

Финансовой основой реализации социально-экономической политики любого региона является его бюджетная политика. Бюджет Самарской области весьма чувствителен к финансово-экономическому состоянию крупных промышленных предприятий. В основном это предприятия автомобилестроения, аэрокосмической, химической, нефтехимической и нефтегазовой отраслей.

За счет увеличения доходов регионального бюджета, в частности, доходов налоговых, и будет реализована перспективная социально-экономическая политика региона. Стратегическими целями в области увеличения налоговых поступлений являются:

- сохранение бюджетной устойчивости, увеличение доходной части бюджета;
- поддержка инвестиционной активности бизнеса;
- отмена части неэффективных льгот по налогу на имущество организаций, транспортному налогу и налогу, взимаемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения для отдельных категорий налогоплательщиков;
- упорядочивание механизма установления налоговых преференций отдельным категориям налогоплательщиков;
- изучение возможности комплексного изменения регионального инвестиционного налогового законодательства;
- проведение совместной с органами местного самоуправления работы по увеличению налоговой базы по имущественным налогам, поступление которых в меньшей степени зависит от экономической ситуации в стране и в регионе;
- формирование оптимальной структуры расходов бюджета, повышение их эффективности;
- реализация мер по социальной поддержке населения региона с применением критериев адресности и нуждаемости получателей;
- совершенствование системы межбюджетных отношений;
- повышение эффективности государственного финансового контроля;
- обеспечение открытости и прозрачности областного бюджета и бюджетного процесса для граждан [2].

Возможности улучшения социально-экономической ситуации в регионе будут определяться постоянным ростом объема рынков в географически наиболее приближенных регионах, возможностями увеличения объемов внешних инвестиций вследствие реализации потенциала высокой конкурентоспособности, развитием малого и среднего бизнеса. В частности, число резидентов территории опережающего социально-экономического развития «Тольятти» в апреле 2018 года возросло уже до 22 с общим объемом инвестиций 4,8 млрд руб. и планом создания более 3700 новых рабочих мест [3]

Среди факторов, препятствующих эффективной реализации социально-экономической политики региона такие как:

- конкуренция со стороны регионов России за привлечение инвестиций;
- снижение численности населения трудоспособного возраста;
- ухудшение общей институциональной среды в России;
- снижение притока инвестиций и срыв текущих проектов из-за негативной обстановки на международном уровне. В частности, в данном случае наблюдается зависимость экономики Самарской области от внешних факторов (цена на нефть, курс рубля по отношению к другим национальным валютам, внешний спрос на продукцию региональных производителей) на ситуацию в регионе.

Для построения сценариев развития внешней среды, влияющих на развитие Самарской области, выбраны два ключевых фактора – конъюнктура мирового рынка энергоресурсов и качество институциональной среды (уровень развития политических и социальных институтов) в Российской Федерации. В частности, на федеральном уровне конъюнктура рынка энергоресурсов определяет доходную часть бюджета и влияет на реализацию крупных инвестиционных проектов, потребительский спрос, объем гособоронзаказа и другое. Как следствие, стоимость энергоресурсов влияет на объем федеральных поступлений в региональный бюджет, а также с учетом отраслевой специфики региона – на доходную часть бюджета и себестоимость продукции, в первую очередь – выпускаемой нефтеперерабатывающими и нефтехимическими предприятиями.

Различные комбинации факторов определяют пять сценариев, по которым будет развиваться Самарская область и осуществляться региональная политика. По первому из них цены на энергоносители сохраняются на низком уровне, экономика Российской Федерации находится в состоянии кризиса. Значительно растет влияние государства на экономику. Развития институциональной среды не происходит. Приоритетом при данном сценарии должно стать сохранение промышленного потенциала региона, требуется адресная поддержка предприятий, важной задачей будет являться поиск новых точек роста в сложившейся ситуации.

По второму сценарию конъюнктура мировых рынков энергоносителей продолжает ухудшаться, но произойдет эффективное развитие институциональной среды, а структура экономики будет меняться в сторону «не сырьевых» отраслей. В данном случае усилия должны быть сфокусированы на поддержке развития обрабатывающих отраслей, поддержке экспорта продукции предприятий региона. Важной задачей в данном случае будет активное привлечение инвестиций и снижение административных барьеров для бизнеса.

По третьему сценарию произойдет улучшение конъюнктуры цен на нефть, что обеспечит умеренный рост экономики в долгосрочном периоде. Основной социально-экономического развития региона будут оставаться «сырьевые» отрасли. Важной задачей будет являться привлечение внешнего финансирования, развитие эффективных региональных институтов. В результате следует рассчитывать на умеренный рост экономики Самарской области в рамках ключевых кластеров: автомобилестроения, нефтедобычи, нефтепереработки, нефтехимии и химии, аграрного комплекса.

Четвертый сценарий предполагает установление высоких цен на нефть и переход на качественное повышение институциональной среды. Именно в данном случае в регионе будет проводиться самая активная социально-экономической политики. Одни из основных направлений действий в данном случае – активизация инвестиционных и инновационно-технологических факторов развития Самарской области. Приоритетное внимание – улучшению инвестиционного климата, созданию благоприятных условий для осуществления хозяйственной деятельности, поддержке традиционных и перспективных видов экономической деятельности. Притоку инвестиций будут также благоприятствовать наличие подготовленных и создание новых производственных площадок и индустриальных парков, относительно высокая обеспеченность квалифицированными трудовыми ресурсами.

Ещё по одному сценарию произойдет улучшение конъюнктуры рынка энергоресурсов, будет наблюдаться активный рост экономики. В случае реализации данного сценария появляются дополнительные возможности для более эффективных действий по развитию и продвижению региона. Благоприятная институциональная среда позволит более активно развивать инновационную инфраструктуру, малый и средний бизнес, привлекать инвестиции, использовать инструменты федерального финансирования для реализации проектов развития. Важным направлением будет развитие новых отраслей в экономике региона. В число приоритетных направлений войдет также активное продвижение Самарской

Литература:

1. Постановление Правительства Самарской области № 441 от 12.07.2017г. «Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года».

области в России и в мире для потенциальных инвесторов и высокопрофессиональных специалистов.

Активное развитие кластеров и новых отраслевых сегментов позволит в будущем существенно укрепить диверсификацию экономики Самарской области, повысить ее устойчивость. В условиях конкурентной борьбы регион должен стать конкурентоспособным, привлекательным для российских и иностранных компаний, обеспечив для них доступность современной производственной инфраструктуры, благоприятный инвестиционный климат, развитую инновационную среду и инфраструктуру поддержки. Также значительную роль будет играть усиление таких преимуществ региона, как развитые отраслевые кластеры, прогрессивный рынок труда, наличие всех ключевых видов транспорта, доступ к рынкам сбыта. Самарская область, обладая мощным потенциалом, может стать одной из точек роста экономики в Приволжском федеральном округе, опорным регионом России в развитии науки, образования и промышленности, важным центром в аэрокосмическом секторе и нефтехимии, а также крупнейшим транспортно-логистическим узлом.

Стратегические же целями социально-экономического развития Самарской области на перспективу следующие:

- обеспечение экономического роста и повышение конкурентоспособности экономики;
- улучшение качества жизни населения региона;
- повышение эффективности деятельности региональных органов власти;
- повышение производительности труда;
- повышение инвестиционной активности и привлечение новых инвесторов;
- поддержка экспортно-ориентированных предприятий, увеличение доли высокотехнологичного экспорта региона;
- поддержка инновационной активности;
- обеспечение доступа к профессиональным кадрам и финансовым ресурсам.

С течением времени цели социально-экономической политики региона будут непрерывно подвергаться корректировке с учетом изменения внешних условий (динамика роста мировой и российской экономики, цена на нефть, курс национальной валюты, состояние банковской системы, федеральная политика и другие) и внутренних процессов, участвующих в развитии области.

Literature:

1. Resolution of the government of the Samara region № 441 of 12.07.2017. «Strategy of social and economic development of the Samara region until 2030».

2. Постановление Правительства Самарской области № 104 от 17.02.2017г. «Об утверждении бюджетного прогноза Самарской области на долгосрочный период до 2030 года».

3. Сайт Министерства экономического развития, инвестиций и торговли Самарской области [Электронный ресурс]. URL: www.economy.samregion.ru

2. Resolution of the government of the Samara region № 104 of 17.02.2017. «About the approval of the budgetary forecast of the Samara region for the long-term period till 2030».

3. Website of the Ministry of Economic Development, investments and trade of the Samara region [An electronic resource]. URL: www.economy.samregion.ru

Махова Анна Владимировна

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры истории, обществознания
и педагогических технологий,
Кубанский государственный университет,
филиал в г. Славянск-на-Кубани
olesya.a123@mail.ru

Авакьян Олеся Аршаковна

студент,
Кубанский государственный университет,
филиал в г. Славянск-на-Кубани
olesya.a123@mail.ru

**Анализ доходов
и расходов населения
России за 2015–2016 гг.**

Аннотация. Материалы статьи включают в себя данные доходов и расходов населения как по России в целом, так и по Южному федеральному округу и Краснодарскому краю. На основании этого был сделан вывод о некоторых потребностях населения на основании трех децильных групп. Произведены расчеты и выделен ряд особенностей распределения доходов и объем расходов на некоторые виды товаров и услуг.

Ключевые слова: доходы и расходы населения, Южный федеральный округ, Краснодарский край, децильные группы, материальное положение, официальная заработная плата, потребительская способность.

Введение
Доходы и расходы населения являются одними из важнейших показателей, отражающих уровень жизни в стране, так же с их помощью можно оценить социальную обстановку и работу самого государства как института, заботящегося о благоустройстве и процветании народа.

По словам директора Института стратегического анализа компании ФБК Игоря Николаева: «При растущих зарплатах реальные доходы населения снижаются. Мы проваливаемся по другим источникам, в том числе социальным и иным выплатам, а также получению доходов от предпринимательской деятельности и собственности».

В 2015–2016 гг. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» был проведен опрос, по итогам которого в 2016 г. доля населения, негативно оценивающего свое материальное положение, составила 22 %, в то время как доля населения, оценива-

Anna V. Makhova

candidate of economic sciences,
associate professor, Associate Professor of
the Department of History, Social Studies
and pedagogical technologies,
Kuban State University,
branch in Slavyansk-on-Kuban
olesya.a123@mail.ru

Olesya A. Avakyan

student,
Kuban State University,
branch in Slavyansk-on-Kuban
olesya.a123@mail.ru

**The Analysis of Income and
Expenditure of
the Population in Russia
Between 2015 and 2016**

Annotation. The article includes the data of income and expenditure of the population both national wide and in Southern Federal District and Krasnodar Territory. On the ground of it the conclusion was made about some community needs on the basis of three decil groups. Calculations were produced and a number of income distribution features and increase of expenditure on some kind of goods and services distinguished.

Keywords: income and expenditure of the population, Southern Federal District, Krasnodar territory, decil group, financial situation, official wage, consumption capacity.

ющего его как хорошее или очень хорошее, – 11 %. В результате, с учетом крайне бедных, 41 % респондентов были отнесены к бедным по субъективной оценке потребительских возможностей.

Основными источниками денежных доходов населения, исходя из данных Федеральной службы государственной статистики, являются доходы от предпринимательской деятельности, оплата труда, социальные выплаты, доходы от собственности и иные доходы, включая скрытую заработную плату.

Анализируя структуру денежных доходов населения по основным источникам формирования в целом по России, Южному федеральному округу и Краснодарскому краю за 2015–2016 гг. (Рис. 1), можно отметить, что основной доход население страны получает от оплаты труда и от иных доходов, включая так называемую «черную» заработную плату. Стоит заметить, что последний

указанный показатель наиболее велик именно в Краснодарском крае: в 2015 году он составил 42,6 % денежных доходов населения в крае, в 2016 году – 42,4 %. Но со временем объем доходов из данного источника падает: по России на 2,7 %, по Южному федеральному округу на

2,8 %, по Краснодарскому краю на 0,2 %, в то время как оплата труда растет. Аналогичные изменения происходят и в росте доходов от предпринимательской деятельности: в Краснодарском крае данный показатель больше, чем в целом по Южному федеральному округу и России.

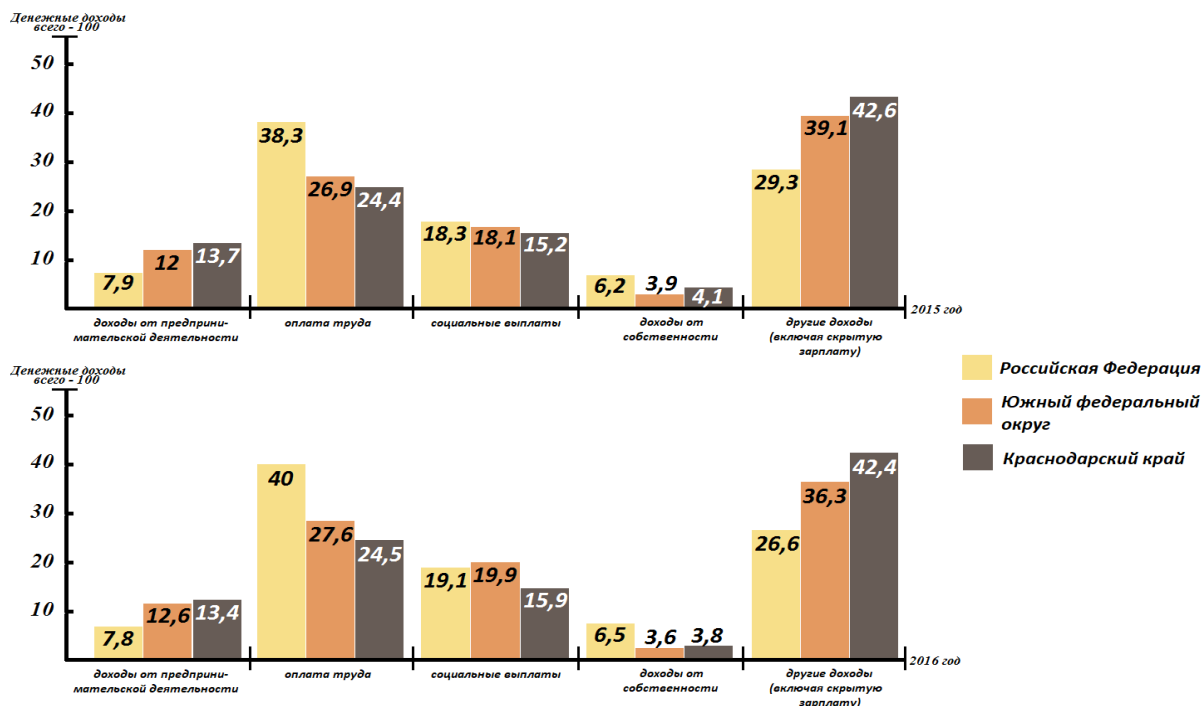

Рисунок 1 – Структура денежных доходов населения по основным источникам формирования в целом по России, Южному федеральному округу и Краснодарскому краю за 2015–2016 гг. * (*составлено автором на основе сайта Федеральной службы государственной статистики)

Так же следует, что собственность населения наименее развитый источник доходов. В целом за 2015–2016 гг. по России он растет на 0,3 %, но по Южному федеральному округу и по Краснодарскому краю – уменьшается на 0,3 %.

Исследуя динамику доходов от предпринимательской деятельности и социальных выплат, можно проследить тенденцию к росту за исследуемый период, но не везде. Так, в 2016 году по Южному федеральному округу прибыль предпринимателей на 0,6 % выше, чем в 2015 г., но относительно всей страны и Краснодарского края показатели падают: на 0,1 % и на 0,3 % соответственно. Размер социальных выплат хоть и увеличивается, но все же их процент очень мал. По данным Федеральной службы государственной статистики за 2016 год к числу экономически активного населения относятся 71,4 млн человек, в то время как часть населения, получающая социальные выплаты, составляет 10341,2 млн человек, что примерно в 144 % раза больше. Тем не менее, социальные выплаты на фоне заработной платы по официальной статистике меньше примерно в 2 раза. Следовательно, под чертой бедности находятся именно те люди, которые должны получать помощь в виде государственных субсидий.

Расходы на конечное потребление домашних хозяйств по 10-ти процентным группам населе-

ния (Рис. 2) отображают распределение расходов населения Российской Федерации по децильным группам, но для удобства взяты первая, пятая и десятая. Определенно, большая часть денежных доходов тратится домохозяйствами на наиболее важную потребность – домашнее питание, причем больше всех тратят первая группа (население с наименьшим доходом), что примерно в два раза больше, чем десятая группа (население с наибольшим доходом).

Самые низкие значения преобладают в здравоохранение и в тратах населения на алкоголь и табачные изделия. Интересно отметить, что затраты на последние два показателя примерно одинаковы относительно друг друга и изучаемого периода, то есть, население страны примерно на одинаковые суммы губит и восстанавливает свое здоровье, и, как видно из расходов на конечное потребление, на протяжении периода расходы первой группы на здравоохранение меньше: в 2015 г – 0,5 %, в 2016 г. – на 0,4 %. Так же интересна разница между расходами на здравоохранение среди трех групп, они составляют десятые доли процентов. В течении 2015–2016 гг. происходит незначительный, но все же рост расходов на здравоохранение – на 0,1 % у каждой группы. Ситуацию омрачает лишь неизменность расходов на алкогольную и табачную продукцию у первой и пятой групп, а так же их рост у десятой группы – на 0,3 %.

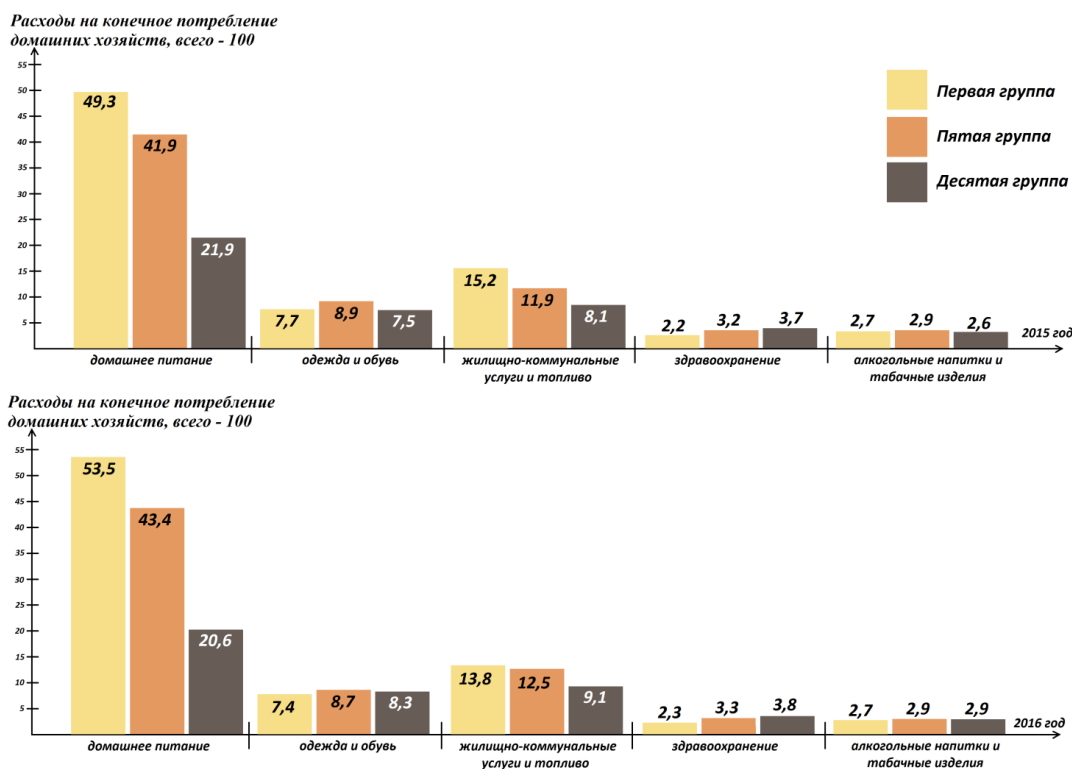

Рисунок 2 – Расходы на конечное потребление домашних хозяйств по 10-ти процентным группам населения за 2015–2016 гг. *
 (*составлено автором на основе сайта Федеральной службы государственной статистики)

В период 2015–2016 гг. расходы на домашнее питание растут только у первой и пятой групп – на 4,2 % и на 1,5 % соответственно, лишь у десятой группы они падают на 1,3 %. Данная ситуация притягивает внимание, т.к. десятая группа, население с наибольшими доходами, в рацион которой входят дорогие товары, в том числе деликатесы, тратит на домашнее питание меньше остальных. Вероятнее всего среди данной группы востребованы услуги ресторанов и иных заведений, не относящихся к домашнему питанию.

Так же можно проследить все меньшую заинтересованность первой и пятой групп в приобретении одежды и обуви. Величина их затрат на данные продукты падает на 0,3 % у первой и на 0,2 % у пятой группы. Зато затраты десятой группы в этом отношении растут на 0,8 %.

Изучая жилищно-коммунальные услуги и топливо, можно предположить, что уменьшение расходов первой группы на 1,4 % связано с экономией на ЖКХ и меньшем сосредоточении транспорта среди данного населения. Затраты пятой и десятой групп здесь наоборот растут – на 0,6 % у пятой группы и на 1 % у десятой.

Заключение

Наиболее значимым источником дохода населения Российской Федерации является официальная заработная плата, незначительный номинальный рост которой не влияет на структуру доходов населения. В связи с этим можно отметить уменьшение безработицы в стране: в 2015 г. она составила 5,5 % экономически ак-

тивного населения, в 2016 г. – 5,2 %. Следовательно, номинально оплата труда растет катастрофически медленно, а на практике увеличивается лишь число работающих, процент заработка которых повышает статистику.

Основной статьей расходов большинства домохозяйств в России являются расходы на домашнее питание. Второй по значимости показатель – одежда и обувь – в связи с увеличением налогов и цен на нефтепродукты, уступает расходам на жилищно-коммунальные услуги и на топливо, а так же привлекает особое внимание нахождение практически на одной планке трат населения на здравоохранение и на вредные для организма вещества – алкоголь и табак. И если расходы на последний показатель еще можно обосновать обыкновенными человеческими потребностями, то малые расходы на защиту здоровья связаны то ли с плачевным состоянием российского здравоохранения, то ли с бешеным ростом цен на данные услуги, то ли с пренебрежением гражданами своим здоровьем, что в принципе маловероятно, ведь если есть деньги, то они в большей мере будут тратиться на здоровье. Но отсюда может возникнуть вопрос о малых расходах в этой сфере десятой, самой денежно-обеспеченной группы, что легко можно обосновать, проследив тенденцию и популяризацию среди «богатых» вкладывать деньги в зарубежное здравоохранение, нежели в отечественное, что обусловлено, скорее всего, плачевным состоянием медицины.

Потребительская способность граждан России неуклонно падает и ограничивается тратами в

основном на домашнее питание, жилищно-коммунальные услуги и топливо. Под риск неплатежеспособности попадают пенсионеры, семьи с детьми, люди с ограниченными возможно-

Литература:

1. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>
2. «Доходы россиян: четыре года непрерывного падения» Евгения Петрова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/01/25/11625727.shtml?updated>
3. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Итоги года / под ред. Л.Н. Овчаровой. М. : НИУ ВШЭ, 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://isp.hse.ru/data/2017/01/11/1115545507/09_%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3_%D0%92%D0%A8%D0%AD_%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8.pdf

стями и т.д. Темпы увеличения объемов доходов населения явно не поспевают за ошеломительным ростом цен, ситуация с бедностью в стране сохраняется.

Literature:

1. The Russian Federal State Statistics Service. [Electronic resource]. URL: <http://www.gks.ru/>
2. «Russians incomes: four years of continuous decrease» by Evgeniya Petrova [Electronic resource]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/01/25/11625727.shtml?updated>
3. Russian population in 2016: income, expenditure and social state of health. Monitoring of National Research University The Higher School of Economics. Results for the year / under the editorship of L.N. Ovcharova. M. : NRU HSE, 2017. [Electronic resource]. URL: https://isp.hse.ru/data/2017/01/11/1115545507/09_%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3_%D0%92%D0%A8%D0%AD_%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8.pdf

Никитин Владимир Вячеславович

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра высшей математики
и информационных технологий,
Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова, Алатырский филиал
vladnikitin66@mail.ru

Vladimir V. Nikitin

candidate of economic sciences, associate
professor, Chair of Higher Mathematics
and information technology,
Chuvash State University
named after I.N. Ulyanova, Alatyr Branch
vladnikitin66@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПРОМЫШЛЕННОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

TOPICAL ISSUES OF INNOVATIVE PROCESSES IN THE INDUSTRIAL SECTOR OF THE ECONOMY AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. В данной научной статье описаны актуальные проблемы инновационного развития предприятий сектора промышленности РФ. Проанализированы результаты инновационной деятельности в данном секторе. Данная статья представляет интерес для ученых, изучающих проблемы инновационного развития, осуществления инвестиций в реальный сектор экономики России, для руководителей крупных промышленных структур, для студентов ВУЗов и прочих лиц.

Annotation. In the given scientific article actual problems of innovative development of enterprises of the industrial sector of the Russian Federation are described. The results of innovation activity in this sector are analyzed. This article is of interest to scholars studying the problems of innovative development, investing in the real sector of the Russian economy, for managers of large industrial structures, for university students and others.

Ключевые слова: инновации, инновационный процесс, инвестиции, высокие технологии, промышленность.

Keywords: innovation, innovation process, investments, high technologies, industry.

В современных условиях повышение уровня неопределенности внешней среды экономических агентов определяет необходимость разработки адаптивных стратегий развития [1, с. 186].

годом на 0,3 %. Это самый скромный показатель, начиная с 1999 г., когда он был оценен в 6,2 %. Все последующие годы данный индекс находился на более высоком уровне, продемонстрировав наиболее высокие значения в 2000, 2003 и 2004 гг. – 10,6 %, 10,3 % и 10,5 % соответственно. К таким выводам пришли в Институте статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) при ВШЭ. Невысокие показатели 2016 г. исследователи объясняют снижением интенсивности инновационных процессов в среднетехнологичных производствах – таких, например, как выпуск электрических машин и электрооборудования, металлургия.

Под термином «инновации» понимаются нововведения в области техники, технологии, организации труда или управления, которые основаны на использовании достижений науки и передового опыта.

Следует отметить, что по уровню и динамике инновационного развития отечественная промышленность в четыре – шесть раз отстает от ведущих индустриальных держав (Швейцария – 60,2 %, Бельгия – 59,7 %; Германия – 58,9 %; Австрия – 52,5 %, Финляндия – 52 %; Великобритания – 45,7 %) и в 2–3 раза от большей части государств Центральной и Восточной Европы. В то же время, исследователи отмечают, что существует целый ряд секторов, где уровень инновационной активности компаний достигает среднеевропейских значений. Это, в первую очередь, касается высокотехнологичных секторов промышленности (29,4 %) и отдельных видов экономической деятельности, включая производство автомобилей (20,9 %), хи-

В данной статье мы остановимся на инновациях в производственном секторе и причинах замедления их осуществления.

Следует отметить, что инновация представляет собой не просто объект, который внедрен в производство. Инновация – это объект, внедренный на предприятии и приносящий прибыль. Так, инновации представляют собой проявление двух миров – мира техники и мира бизнеса [2, с. 35].

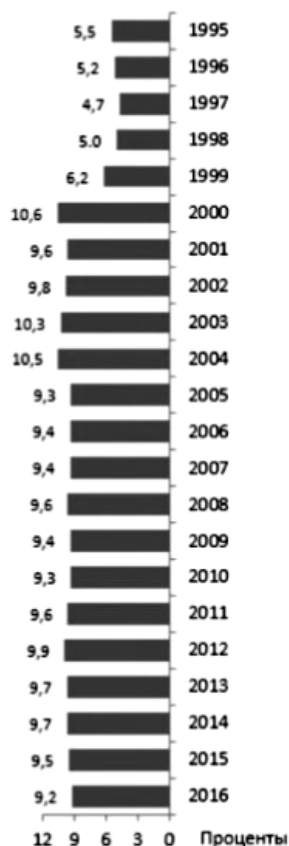
Уровень внедрения инноваций на промышленных предприятиях России сегодня достиг самого низкого значения с 1999 г. На данный момент страна в этом плане в четыре – шесть раз отстает от ведущих индустриальных держав мира.

В 2016 г. уровень инновационной активности в промышленном производстве России составил 9,2 %, снизившись по сравнению с предыдущим

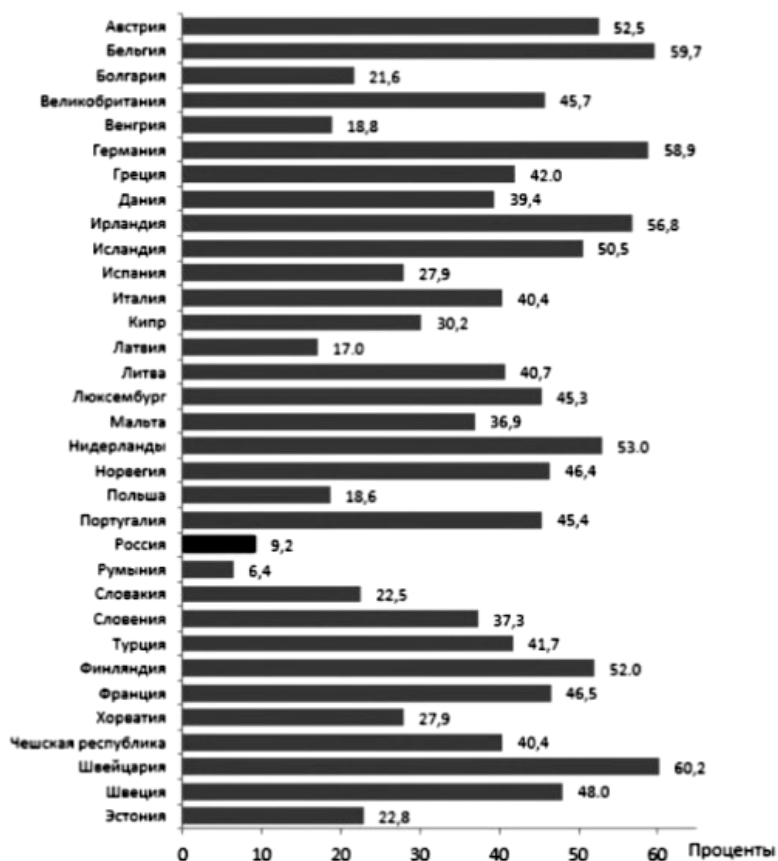
мическое производство (20,4 %), производство электрических машин и электрооборудования (20,0 %), кокса и нефтепродуктов (19,6 %), метал-

лургию (17,7 %), а также табачное производство, удерживающее на протяжении более 10 лет верхние позиции по данному индикатору.

Динамика уровня инновационной активности организаций промышленного производства

Уровень инновационной активности организаций промышленного производства по странам: 2016¹

¹ Или ближайшие годы, по которым имеются данные.

Рисунок 1 – Уровень инновационной активности организаций промышленного производства по странам и его динамика

В исследовании отмечается определенный рост активности предприятий в выполнении исследований и разработок, интенсивность которых, хоть и незначительными темпами, но возрастает. Положительная динамика отмечается с 2005 г. В 2016 г. исследования и разработки выполняли 37,6 % инновационно-активных предприятий (против 31,6 % в 2005 г.). Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций по видам экономической деятельности в 2016 году показан на рисунке 2.

Наблюдается стабилизация процессов технологического обмена: за последние три года доля организаций, приобретавших новые технологии, остановилась на уровне 9,5–0 % (в 2016 г. – 9,7 %). «Это явно недостаточно для реализации радикальных инноваций, – уверены в институте. – Уз-

ким местом остается также слабая заинтересованность организаций в приобретении прав на патенты и патентных лицензий (договоров) на использование изобретений, промышленных образцов (6,1 %)». Внутренние затраты на исследования и разработки и их динамика показаны на рисунке 3.

Так, инновационная активность предприятий сферы промышленности экономики РФ низка по причине отсутствия финансовой поддержки со стороны государства, отсутствия собственных средств на разработку и внедрение инноваций; низкого платежеспособного спроса на новую продукцию (услуги) на внутреннем рынке; высокой стоимости внедрения инноваций; высокого риска и недоступности кредитных ресурсов, необходимых для внедрения инноваций, а также низкого уровня развития инновационной инфраструктуры.

Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций по видам экономической деятельности: 2016

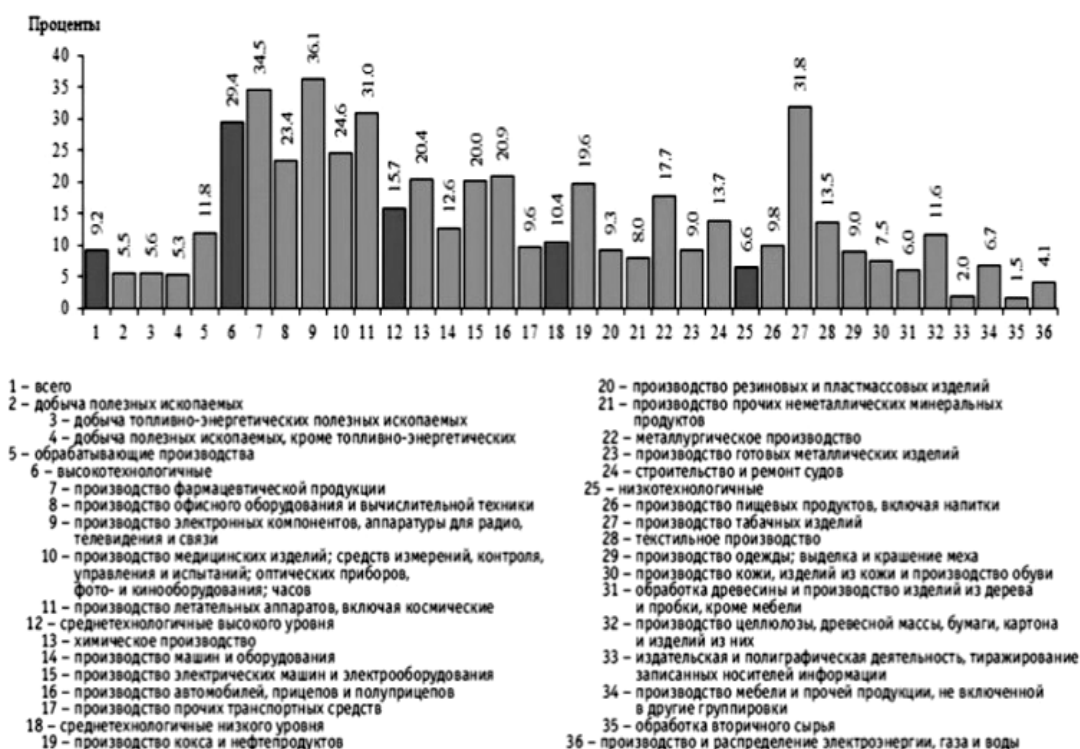

Рисунок 2 – Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций по видам деятельности в 2016 году

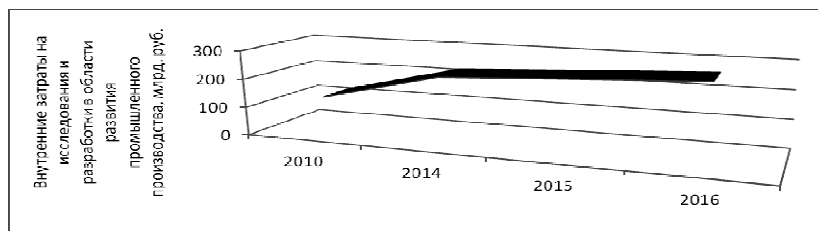

Рисунок 3 – Динамика осуществления внутренних затрат на исследования и разработки в области развития промышленного производства, млрд руб.

Литература:

1. *Никитин В.В.* Влияние инновационных процессов на конкурентоспособность региональной экономики (на примере Чувашской Республики) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 186–188.
2. *Никитин В.Н.* A comprehensive view of the quality assurance system of industrial production of the regional economy // Большая перемена: актуальные вопросы, достижения и инновации социально-гуманитарного и экономического развития. Сборник научных статей Региональной научно-практической конференции. 2017. С. 35–39.

Literature:

1. *Nikitin V.V.* Influence of innovative processes on competitiveness of regional economy (on the example of the Chuvash Republic) // Humanitarian, social and economic and social sciences. 2016. № 4. P. 186–188.
2. *Nikitin V.N.* A comprehensive view of the quality assurance system of industrial production of the regional economy // Big change: topical issues, achievements and innovations of social and humanitarian and economic development. Collection of scientific articles of the Regional scientific and practical conference. 2017. P. 35–39.

Павлова Ирина Михайловна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики,
Российский государственный
аграрный университет – МСХА
имени К.А. Тимирязева
pavlova.i.m@mail.ru

Акбаров Аброр Ахмаджанович

соискатель степени магистра,
кафедра экономики,
Российский государственный
аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева
mexanik93@list.ru

**УЧЕТ ЭКОЛОГО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЩЕРБА ОТ
ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОДНЫХ
ОБЪЕКТОВ В ПОКАЗАТЕЛЕ ВВП**

Аннотация. Статья посвящена одной из современных проблем устойчивого развития экономики России – экологически обоснованному исчислению показателя ВВП с целью реализации конституционного права человека и гражданина на жизнь в благоприятной окружающей среде. В ходе исследования выявлено, что стоимостная оценка ущерба, причиненного водным объектам страны вследствие сброса загрязненных стоков сопоставима с величиной валового внутреннего продукта.

Ключевые слова: устойчивое развитие, загрязнение водных объектов, эколого-экономический ущерб, валовой внутренний продукт.

«Начиная с 1992 года, за исключением стабилизации стратосферного озонового слоя, человечеству не удалось добиться достаточного прогресса, в целом, в решении экологических проблем» [1]. В документе, получившем название «Предупреждение ученых мира человечеству: уведомление второе» (подписан в ноябре 2017 г. 15364 учеными из 184 стран), помимо перечисления главных угроз существования разумной жизни на Земле, указан ряд «разнообразных и эффективных шагов, которые может предпринять человечество для перехода к устойчивому развитию», базирующихся, в том числе, на «чётком понимании» экономических инструментов. Согласно уведомлению ученых мира человечеству [1], необходим «пересмотр нашей экономики с целью < ... > гарантировать, что ценообразование, налогообложение и система материального поощрения будут принимать во внимание реальную себестоимость» модели потребления, влияющей на окружающую среду. «Повесткой дня в области устойчивого

Irina M. Pavlova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
The Department of Economics
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy
pavlova.i.m@mail.ru

Abror A. Akbarov

Candidate for a master's degree
The Department of Economics
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy
mexanik93@list.ru

**ACCOUNTING OF ECOLOGICAL
AND ECONOMIC DAMAGE FROM
POLLUTION OF WATER BODIES
IN THE GDP INDICATOR**

Annotation. The article is devoted to one of the modern problems of sustainable development of the Russian economy – environmentally valid calculation of GDP in order to realize the constitutional right to life in a favorable environment. The study revealed that the value of the damage caused to the country's water bodies due to the discharge of polluted wastewater is comparable to the value of the gross domestic product.

Keywords: sustainable development, pollution of water bodies, environmental and economic damage, Gross Domestic Product.

развития на период до 2030 года» (принята Генеральной Ассамблеей ООН в сентябре 2015 г.) также поставлена задача «разработать, в дополнение к показателю валового внутреннего продукта, и другие показатели измерения прогресса в деле обеспечения устойчивого развития» [2].

В нашей стране понимание того, что «природная среда должна быть включена в систему социально-экономических отношений как ценнейший компонент национального достояния» нашло отражение еще в «Экологической доктрине Российской Федерации» в 2002 году. Государственная политика в области экологии согласно [3] должна базироваться на принципе «устойчивого развития, предусматривающего равное внимание к его экономической, социальной и экологической составляющим, и признании невозможности развития человеческого общества при деградации природы». Для его успешной реализации необходимо «включение в экономические

показатели полной стоимости природных объектов с учетом их средообразующей функции».

В соответствии с «Основами государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» [4] стратегической целью «является решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики». Достижение заявленной цели предполагается с использованием, в числе прочих, механизма «учета < ... > негативного воздействия на окружающую среду < ... > при оценке эффективности экономики в целом и по отраслям».

Высокий уровень негативного антропогенного воздействия на водные объекты России все еще остается «проблемой, требующей особого внимания» [5], и нарастание её масштаба «может стать одним из сдерживающих факторов» на

пути экономического развития страны, достижения комфортных экологических условий и высоких стандартов жизни населения, обеспечения интересов будущих поколений жителей РФ».

Вышеизложенное определяет актуальность совершенствования методики исчисления валового внутреннего продукта на основе учета экологической деградации природных (и, в том числе, водных) ресурсов России. В предлагаемой работе приведены результаты сопоставления величины ВВП с показателем стоимостной оценки ущерба, причиняемого сбросом загрязненных стоков водным объектам страны [6–12]. Начиная с 2010 г., статистическая отчетность ежегодно представляет сведения о количестве поступающих в водоемы Российской Федерации загрязнителей для 34 видов веществ [7] (хотя контроль в области охраны водного бассейна проводится в отношении как минимум 159 видов ЗВ! [12; 13]).

Таблица 1

Структура эколого-экономического ущерба от сброса загрязняющих веществ в водные объекты Российской Федерации (2010 г., 2016 г.)

№ № п/п	Наименование загрязняющих веществ	Масса сброса загрязняющих веществ				Стоимостная оценка экологического ущерба от сброса загрязняющих веществ			
		2010 год		2016 год		2010 год		2016 год	
		тонн	в % к Σ	тонн	в % к Σ	млрд руб.	в % к Σ	млрд руб.	в % к Σ
1	Нитрат-анион	366430,0	1,96	423790,0	2,59	8,431	0,79	15,358	1,48
2	Сульфат анион (сульфаты)	1915400,0	10,24	1962800,0	11,99	22,036	2,06	35,565	3,43
3	Сухой остаток	9479600,0	50,69	6993900,0	42,73	109,060	10,18	126,726	12,22
4	Хлориды	5662450,0	30,28	5656110,0	34,55	65,145	6,08	102,486	9,88
5	Азот аммонийный	297218,1	1,59	65771,4	0,40	191,486	17,87	66,738	6,43
6	Азот общий	36452,8	0,19	35619,0	0,22	23,485	2,19	36,142	3,48
7	Алюминий	979,51	0,01	534,97	0,00	1,510	0,14	1,299	0,13
8	Взвешенные вещества	275725,0	1,47	191551,0	1,17	19,033	1,78	20,825	2,01
9	Железо (все растворимые в воде формы)	6482,8	0,03	2383,27	0,01	9,994	0,93	5,787	0,56
10	Жиры/масла	4098,9	0,02	2147,0	0,01	4,810	0,45	3,968	0,38
11	Калий	30126,4	0,16	69098,5	0,42	0,347	0,03	1,252	0,12
12	Кальций	215610,3	1,15	466814,0	2,85	2,481	0,23	8,458	0,82
13	Лигнин сульфатный	11945,7	0,06	10003,6	0,06	4,673	0,44	6,163	0,59
14	Лигносульфат аммония	7864,1	0,04	3392,3	0,02	5,067	0,47	3,442	0,33
15	Магний (все растворимые в воде формы)	37440,9	0,20	35140,4	0,21	0,861	0,08	1,273	0,12
16	Мочевина (карбамид)	4318,7	0,02	4950,8	0,03	0,050	0,00	0,090	0,01
17	Натрий	304150,0	1,63	414020,0	2,53	3,499	0,33	7,502	0,72
18	Нефть и нефтепродукты	2638,7	0,01	1918,8	0,01	4,068	0,38	4,659	0,45
19	Нитрит-анион	6537,8	0,03	6515,3	0,04	7,672	0,72	12,042	1,16
20	ОП-10, СПАВ, смесь моно- и диалкилфеноловых эфиров полиэтилен-гликоля	1841,9	0,01	1633,6	0,01	2,161	0,20	3,019	0,29
21	Фосфаты	28257,5	0,15	17584,1	0,11	565,662	52,80	554,390	53,44
22	Фтор	2505,6	0,01	2011,9	0,01	3,863	0,36	4,885	0,47
23	Бензол	0,8	0,00	0,0	0,00	0,000	0,00	0,000	0,00
24	Бор	106,2	0,00	107,1	0,00	0,068	0,01	0,109	0,01
25	Ванадий	6,8	0,00	2,8	0,00	0,189	0,02	0,122	0,01
26	Марганец	525,3	0,00	323,7	0,00	5,258	0,49	5,102	0,49
27	Медь	73,9	0,00	32,4	0,00	2,057	0,19	1,420	0,14
28	Никель	37,4	0,00	28,3	0,00	0,374	0,03	0,447	0,04
29	Ртуть	0,0	0,00	0,0	0,00	0,129	0,01	0,107	0,01
30	Свинец (все растворимые в воде формы)	9,0	0,00	5,1	0,00	0,090	0,01	0,080	0,01
31	Фенол	28,0	0,00	18,2	0,00	0,779	0,07	0,799	0,08
32	Формальдегид	105,8	0,00	82,9	0,00	1,059	0,10	1,307	0,13
33	Хром	24,8	0,00	13,6	0,00	0,038	0,00	0,033	0,00
34	Цинк	588,7	0,00	365,3	0,00	5,892	0,55	5,759	0,56
	Σ	18699581,3	100	16368669,5	100	1071,325	100	1037,354	100

Эколого-экономические показатели последствия данного негативного антропогенного воздействия по России в целом представлены в таблице 1. Масса сброса загрязняющих веществ за исследуемый период уменьшилась на 12,5 % (с 18699,6 тыс. т в 2010 г. до 16368,7 тыс. т в

2016 г.); при этом её структура практически не изменилась – основной удельный вес приходится всего на два загрязнителя: сухой остаток (50,7 % в 2010 г. и 42,7 % в 2016 г.) и хлориды (30,3 % в 2010 г. и 34,6 % в 2016 г.). Денежная оценка экологического ущерба от загрязнения

водных объектов за шесть лет снизилась незначительно – на 3,2 % (с 1071,33 млрд руб. в 2010 г. до 1037,35 млрд руб. в 2016 г.), но следует отметить, что эта величина рассчитана в текущих ценах. Более половины общей суммы эколого-экономического ущерба определяет сброс фосфатов (как в 2010 г. – 52,8 %, так и в 2016 г. – 53,4 %); структура показателя также достаточно стабильна.

Стоимостная оценка вреда от экологической деградации водных ресурсов России в результате попадания в них загрязняющих веществ, таким образом, составила: в 2010 г. – 2,31 % от валового внутреннего продукта, в 2016 г. – 1,21 % (см. табл. 2). Приведенные данные свидетельствуют, на наш взгляд, о достаточной сопоставимости рассматриваемых экономических параметров.

Таблица 2

Сравнение валового внутреннего продукта и эколого-экономического ущерба от сброса загрязняющих веществ в водные объекты Российской Федерации (2010 г., 2016 г.)

№ № п/п	Наименование показателей	2010 год	2016 год
1	Валовой внутренний продукт в текущих ценах, млрд руб.	46308,54	86043,65
2	Стоимостная оценка экологического ущерба от сброса загрязняющих веществ в водные объекты в текущих ценах, млрд руб.	1071,33	1037,35
3	Стоимостная оценка экологического ущерба от сброса загрязняющих веществ в водные объекты, % к ВВП	2,31	1,21

Настоятельная необходимость корректировки макроэкономических показателей (в частности, ВВП) с учетом издержек, возникающих в процессе хозяйственной деятельности экосистем, становится особенно очевидной, если принять во внимание

тот факт, что в представленных расчетах отражена стоимостная характеристика только одного (из девяти возможных для оценки [6]!) вида ущерба водным объектам, наносимого лишь одному компоненту окружающей среды нашей страны.

Литература:

1. Предупреждение ученых мира человечеству: уведомление второе [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.oup.com/bioscience/article/67/12/1026/4605229>
2. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года. A/70/L.1 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement>
3. Экологическая доктрина Российской Федерации (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=133908&print=Y>
4. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2012 г. № 2423-р) [Электронный ресурс]. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/265665>
5. Федеральная целевая программа «Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012 – 2020 годах» (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 апреля 2012 г. № 350) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=130089&print=Y>
6. Методика исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства (утв. Приказом

Literature:

1. World Scientists' Warning to Humanity: A Second Notice [Internet resource]. URL: <https://academic.oup.com/bioscience/article/67/12/1026/4605229>
2. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. A/70/L.1 [Internet resource]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement>
3. Ecological doctrine of Russian Federation (approved by the order of the Russian government № 1225-p (August 31, 2002)) [Internet resource]. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=133908&print=Y>
4. Fundamentals of the state policy in the field of ecological development of the Russian Federation for the period till 2030 (approved by the order of the Russian government № 2423-p (December 18, 2012)) [Internet resource]. URL: <http://zakonbase.ru/content/base/265665>
5. Federal target programme «Development of the water sector of the Russian Federation in 2012–2020» (approved by the resolution of the Russian government № 350 (April 19, 2012)) [Internet resource]. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=130089&print=Y>
6. Methods of calculating the amount of damage caused to water bodies due to violation of water legislation (approved by the order of the Ministry of

Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 13 апреля 2009 г. № 87) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12067365/>

7. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году». М. : Минприроды России; НИИ-Природа, 2016. 639 с.

8. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году». М. : Минприроды России; НИИ-Природа, 2017. 760 с.

9. Российский статистический ежегодник. 2010: стат. сб. / Росстат. М. : 2010. 813 с.

10. Российский статистический ежегодник. 2014: стат. сб. / Росстат. М. : 2014. 693 с.

11. Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. / Росстат. М. : 2017. 686 с.

12. Нормативы качества воды водных объектов рыбохозяйственного значения. Нормативы предельно допустимых концентраций вредных веществ в водах водных объектов рыбохозяйственного значения (утв. Приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 13 декабря 2016 г. № 552) [Электронный ресурс]. URL: <http://aquacultura.org/upload/files/pdf/552.pdf>

13. Ставки платы за негативное воздействие на окружающую среду (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2016 г. № 913) [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/zRLyZUq3mAhEk3A6NKumi84V580CForm.pdf>

Natural Resources and Environment of the Russian Federation № 87 (April 13, 2009)) [Internet resource]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12067365/>

7. State report «About the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2015». M. : Minprirody of Russia; NIA-Priroda, 2016. 639 p.

8. State report «About the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2016». M. : Minprirody of Russia; NIA-Priroda, 2017. 760 p.

9. Russian Statistical Yearbook 2010 : Stat. book / Rosstat. M. : 2010. 813 p.

10. Russian Statistical Yearbook 2014 : Stat. book / Rosstat. M. : 2014. 693 p.

11. Russian Statistical Yearbook 2017 : Stat. book / Rosstat. M. : 2017. 686 p.

12. Water quality standards for fishery water bodies. Standards of maximum permissible concentrations of harmful substances in waters of fishery water bodies (approved by the order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation № 552 (December 13, 2016)) [Internet resource]. URL: <http://aquacultura.org/upload/files/pdf/552.pdf>

13. Rates of payment for negative impact on the environment (approved by the resolution of the Russian government № 913 (September 13, 2016)) [Internet resource]. URL: <http://government.ru/media/files/zRLyZUq3mAhEk3A6NKumi84V580CForm.pdf>

Романова Анна Ильинична

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой
муниципального менеджмента,
Казанский государственный
архитектурно-строительный университет
aisofi@kgasu.ru

Anna I. Romanova

Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department
Municipal Management,
Kazan State University of
Architecture and Engineering
aisofi@kgasu.ru

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЛА КАК ГЛАВНЫЙ ИСТОЧНИК РОСТА КАЧЕСТВЕННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СФЕРЫ СТРОИТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

PERSONNEL DEVELOPMENT AS THE MAIN SOURCE OF QUALITATIVE COMPONENTS GROWTH OF THE CONSTRUCTION SERVICES SPHERE

Аннотация. В последнее время статистика отмечает рост количества аварийных ситуаций на не оконченных строительством объектах и уже на эксплуатируемых объектах, можно сделать предположение, что это происходит вследствие увеличения объемов городского строительства. В этой связи не может не встать вопрос безопасности и качества строительства, которые напрямую связаны с уровнем подготовки и квалификации строительных кадров. Именно поэтому проблема профессиональных знаний и умений кадров строительных организаций никогда не остается без внимания государства, что отражается в соответствующих регламентах и осуществлении надзорными органами мероприятий по контролю за образованием персонала организации.

Ключевые слова: качество образования, квалификация персонала, строительные услуги, саморегулирование.

Annotation. Recently, statistics indicate an increase in the number of emergencies on projects not completed by construction and already on operated facilities, it can be assumed that this is due to an increase in the volume of urban construction. In this connection, the issue of safety and quality of construction, which are directly related to the level of training and qualification of construction personnel, can not but arise. That is why the problem of professional knowledge and skills of construction organizations' personnel is never left without the attention of the state, which is reflected in the relevant regulations and the implementation by supervisory authorities of activities to monitor the education of staff of the organization.

Keywords: quality of education, qualification of personnel, construction services, self-regulation.

Развивающаяся экономика вынуждает человека на протяжении всей своей трудовой деятельности менять профессию, подстраиваясь под жизненную необходимость, обуславливая тем самым потребность во втором высшем образовании и периодической профессиональной переподготовке.

В настоящее время саморегулируемая строительная организация самостоятельно принимает решение о приеме той или иной организации в свои ряды, поэтому направление своих специалистов на курсы **повышения квалификации** по заявленным видам работ сегодня актуально, тем более что требования к квалификационному составу персонала высоки.

Современное законодательство требует от специалистов и руководителей, занятых в строительстве, проходить повышение квалификации 1 раз в 5 лет. Особенно актуален вопрос

повышения квалификации для получения разрешения на строительство при вступлении в СРО. «Потребность в образовании возникает у всех субъектов рынка труда: работника, работодателя, государства» – совершенно верно трактует принцип LongLifeLearning Цалко Т.В. [1]. Для организации подобных курсов **повышения квалификации** строителей необходимо организованное взаимодействие преподавателей ведущих ВУЗов, обладающих фундаментальными знаниями, с практиками, которые ежедневно сталкиваются с проблемами строителей.

Квалифицированные кадры представляют собой большое значение для успешного развития любой отрасли. Дефицит квалифицированных рабочих остается одним из главных барьеров для развития строительства в России. Между тем, в условиях членства России во Всемирной торговой организации строители просто обязаны научиться работать в современных реалиях и

стандартах, на новом оборудовании, с использованием передовых материалов и технологий.

Проведение специализированных семинаров и конференций позволяет строительным организациям получить разъяснения к произошедшим изменениям в нормативной базе, обсудить актуальные проблемы и пути их решения на конкретном случае какого-либо предприятия. Процесс повышения квалификации кадров строительной отрасли ориентирован на создание индивидуальных программ обучения и проверки знаний, адаптированных для различных должностей и категорий работников, с подтверждением профессиональной компетентности специалиста, прошедшего данные курсы, через именные квалификационные документы.

Рассмотрим зарубежный опыт повышения квалификации специалистов в строительстве.

Система профессионального образования и повышения квалификации в Германии организуется образовательными учреждениями и заочными институтами, ВУЗами и академиями, профессиональными союзами. Переподготовка для получения новых специалистов осуществляется только в том случае, если в этом существует необходимость рынка труда. Как правило, такие направления финансируются Федеральным агентством труда или организациями.

В Германии действует Дуальная система профессионального образования специалистов для строительной отрасли, ее особенность заключается в том, что в подготовке рабочих специалистов участвуют три стороны: профессиональные школы, предприятия и межзаводские образовательные учреждения. Профессиональные школы отвечают за теоретическую часть обучения, в которой на специальную теорию отводится около две трети учебного плана, а на общеобразовательные предметы – одна треть. Финансируются они за счёт государственного бюджета. Предприятия, которые предоставляют возможность по практическому обучению, несут связанные с этим расходы, в том числе, по ежемесячной платы обучающемуся. Для системы профессионального образования Германии участие работодателя в процессе подготовки рабочих кадров является большим преимуществом.

Третьим составляющим звеном в системе профессионального образования являются межзаводские образовательные центры, их финансирование осуществляется из фонда социальной кассы строительной промышленности (SOKA), который складывается из отчислений всех строительных предприятий на профессиональное образование.

Слушатель, после повышения квалификации в Дуальной системе, получает звание «мастер», которое дает ему право руководить предприятием и обучать учеников. Слушатель, который хочет стать мастером, должен иметь определенный стаж работы по профессии, сдать экзамен перед комиссией региональной ремесленной или торгово-промышленной палаты.

В российском образовании вопрос включения работодателя в профобразование остается открытым [2]. Российские предприятия и предприниматели бизнеса нуждаются в квалифицированных кадрах, но при этом, от участия в их подготовке зачастую отказываются. В такой ситуации немецкий опыт будет очень актуален, так как работодатели Германии активно принимают участие в подготовке кадров.

В американской системе профессионального образования повышение квалификации осуществляется в виде программ управления карьеры руководителей, в которых отражается:

- конкретный и детализированный учет руководящих должностей;

- обеспечение у работников стимулов к повышению эффективности труда (гибкая система оплаты, премирование по результатам работы, перспективы продвижения в должности);

- индивидуальное планирование карьеры каждого сотрудника (руководителя, специалиста), проводится в соответствии с возможностями фирмы и деловых качеств претендента.

В США школы делового администрирования разрабатывают учебные программы на основе конкретных заказов фирм-клиентов, после окончания учебы в такой школе слушателю присваивается степень магистра деловой администрации. Частные компании на переподготовку специалистов тратят около одной трети своего бюджета.

Активизация работы управленческого персонала связана с совершенствованием материального стимулирования, напрямую зависящего от показателей максимальной прибыли – конечного результата работы руководителей. Американские фирмы уделяют большое внимание разработкам и освоению новой продукции, поэтому в коллективах поддерживается заинтересованность к работе инициативных и склонных к экспериментированию работников.

В этой связи программы повышения квалификации управленцев промышленных фирм, планируют горизонтальные перемещения руководителей из одного подразделения (филиала) в другое (ротация) подразделения фирмы, даже в том случае, если оно территориально удалено от головного предприятия. Ротация – главный метод подготовки управляющих широкого профиля.

В Финляндии строительные компании участвуют не только в формировании учебных планов строительных учебных организаций, но и в процессе обучения специалистов, выступая в качестве заказчиков проектных и дипломных работ студентов, обеспечивая актуальность исследований и развитие у студентов необходимых навыков планирования работы. В связи с тем, что приобретение практических навыков на производстве является важным элементом в обучении строителей, строительные компании Финляндии разрабатывают свою систему практик и стажировок для студентов средних и высших

учебных заведений, которые длятся от 9 до 12 месяцев, организуют конкурсы профессионального мастерства среди строителей и среди студентов.

Созданная на базе СРО, обязательная персональная квалификационная сертификация управляющих менеджеров, главных инженеров и технологов, главных специалистов по различным видам работ, система адресной подготовки специалистов, ориентированных по профессиям новых производственных направлений, необходимых строительной отрасли.

Необходимо обратить внимание на Единую систему аттестации специалистов строительной отрасли (ЕСА), которая разработана Национальным объединением строителей и к ней могут присоединиться любые строительные СРО. Процедура аттестации организована в форме тестирования, чтобы ее пройти необходимо подать заявление. Результаты тестов автоматически попадают в единый реестр, который аккумулирует результаты проведения всех аттестационных испытаний. Решение о выдаче аттестата принимает аттестационная комиссия при конкретной саморегулируемой организации, в которую входит строительная организация. Информация о прохождении тестовых испытаний собирается в электронном реестре, с которой, при необходимости, можно ознакомиться. Специалист, который проходит тестирование, аттестуется как профессионал, поэтому он не привязан к конкретной организации и при смене места работы сохраняет подтверждение квалификации.

Для саморегулируемых организаций функция контроля качества предпринимательской деятельности является не только одной из основных, но и первичной, и осуществляется вне зависимости от добровольности или обязательности создания саморегулируемых организаций. В соответствии с российским законодательством под саморегулированием понимается инициативная деятельность субъектов предпринимательства, в результате которой разрабатываются и устанавливаются правила и стандарты предпринимательской или профессиональной деятельности и осуществляется контроль за их соблюдением. На строительных объектах проведение строительного надзора можно считать проблемой, так как часто используемые ведомственные нормативные документы не имеют регистрации в Минюсте России, следовательно, не имеют статус нормативно-правового акта. Стандарты, которые разрабатывают и утверждают саморегулируемые организации в соответствии с Градостроительным Кодексом, являются законным способом установления требований к проведению строительных работ и методов контроля за их проведением и результатами. Саморегулируемые организации также должны разрабатывать и утверждать систему мер дисциплинарного взыскания для своих членов за несоблюдение требований стандартов, выявленных при осуществлении контроля.

Закон предоставляет саморегулируемым организациям (СРО) все полномочия для повышения

безопасности и качества строительства, сочетая в себе право устанавливать требования, право контролировать исполнение требований и право наказывать за нарушения.

Контроль качества в строительстве должен отвечать принципу, который коротко имеет следующую формулировку [3; 4]: объект должен быть спроектирован, построен, и эксплуатироваться в соответствии с требованиями общей безопасности. В действующих требованиях федерального закона к качеству объектов отсутствуют «Нормы и критерии качества», поэтому требования к ведению строительных работ, согласно закону, устанавливаются и закрепляются в стандартах организации, в этой связи вопросы качества и безопасности строительства относятся к компетенции саморегулируемых организаций.

Национальным объединением строителей было разработана масса стандартов на правила выполнения работ, влияющих на безопасность объектов капитального строительства. Данные стандарты были приняты или готовы к принятию в качестве стандартов СРО 58 % саморегулируемых организаций. Развитие системы стандартов СРО и дальнейшее их внедрение позволит эффективнее осуществлять контроль за деятельностью организаций-членов СРО, что, в свою очередь, обеспечит качество и безопасность строительства. Весьма оправданно, так как «возросшие требования современного производства к уровню профессиональной подготовки персонала» [5].

Наличие отлаженной системы контроля за соблюдением стандартов СРО становится в настоящее время важнейшим условием, позволяющим строительным организациям, входящим в соответствующие СРО, рассчитывать на определенные преференции при заключении договоров страхования, участии в конкурсах на строительные подряды. Для организации контроля за членами СРО необходимо:

- составить ежегодный план-график проверок, позволяющий охватить всех членов СРО;
- разработать техническое задание, в котором определяется объем контроля: количество выборочно проверяемых видов работ;
- определить лиц, участвующих со стороны СРО в проведении проверки.
- использовать документы (акты, заключения) строительного контроля заказчика, государственного строительного надзора, сертификатов на выполняемые работы – в качестве документов подтверждения соответствия выполняемых работ стандартам;
- использовать карты контроля стандартов СРО, устанавливающие последовательность и требования к результатам определенных этапов работ.

Наряду с экспертами СРО, являющимися штатными работниками исполнительного органа СРО, к проверкам могут привлекаться на договорной основе профессиональные технические

эксперты центров по сертификации в строительной области.

Контроль со стороны СРО за соблюдением ее членами требований стандартов осуществляется в форме документарной и выездной проверки. Документарная проверка проводится без выезда контрольной инспекции на место осуществления строительной деятельности члена СРО. Для проведения документарной проверки строительная организация в подтверждение соблюдения требований стандартов предъявляет документы подтверждения соблюдения требований стандартов СРО.

Итак, одна из самых главных задач, которой занимается СРО, – это обеспечение безопасности строительства, однако, ее решение, как и решение других важных задач строительства, возможно

Литература:

1. Цалко Т.В. Маркетинговые аспекты взаимодействия субъектов рынка образовательных услуг // гуманитарные, социально-экономические и общественные науки 2018, № 1.
2. Романова А.И. Концепция продвижения образовательных услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Управление экономическими системами, Кисловодск, № 3, 2018.
3. Лукманова И.Г. Развитие и совершенствование интегрированной системы менеджмента / И.Г. Лукманова, Е.В. Нежникова // Вестник МГСУ. 2014. № 6. С. 158–164.
4. Лукманова И.Г. Создание системы менеджмента качества, охраны здоровья, безопасности и экологии в строительной отрасли : монография / И.Г. Лукманова, Е.В. Нежникова, А.А. Аксенова // М-во образования и науки Росс. Федерации, Моск. гос. строит. ун-т (Библиотека научных разработок и проектов МГСУ). М. : МГСУ, 2014.
5. Лаврикова В.Н. Профессиональная ориентация молодежи как фактор успешного трудоустройства // гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2017. № 3.

только в рамках профессиональных объединений, где тут же оголяется серьезная проблема – наличия квалифицированных строительных кадров в организациях строительного комплекса. Отсутствие специалистов со специальным строительным образованием в сочетании с опытом работы не может не отразиться на качестве строительства, следовательно, требуется пересмотреть позиции в отношении развития дальнейшего карьерного роста и оплаты труда, позиционируя строительные специальности, как очень важные, перспективные и хорошо оплачиваемые. Для того, чтобы эта система работала, необходимо распространить контроль саморегулируемых организаций на всех сотрудников компаний – членов СРО, так как они все несут коллективную ответственность за исполнение работ специалистами и за получение конечного результата работы в виде готовой строительной продукции и услуг.

Literature:

1. TSalko T.V. Marketing aspects of interaction of subjects of the market of educational services // humanitarian, social and economic and public sciences 2018, № 1.
2. Romanova A.I. The Concept of Promoting Educational Services in the Sphere of Housing and Communal Services // Management of Economic Systems, Kislovodsk, № 3, 2018.
3. Lukmanova I.G. Development and improvement of the integrated management system / I.G. Lukmanova, E.V. Nezhnikova // Vestnik MSSU. 2014. № 6. P. 158–164.
4. Lukmanova I.G. Creation of a quality management system, health protection, safety and ecology in the construction industry: monograph / I.G. Lukmanova, E.V. Nezhnikova, A.A. Aksenova // M-in education and science Ross. Federation, Moscow. state. builds. un-t (Library of Scientific Developments and Projects of MGSU). M. : MSSU, 2014.
5. Lavrikova V.N. Professional orientation of young people as a factor of successful employment // humanitarian, social and economic and public sciences, 2017, № 3.

Темижева Галимат Рауфовна

кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой финансов и кредита,
Северо-Кавказская государственная
гуманитарно-технологическая академия
anvas2010@ro.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА

Аннотация. В статье рассмотрены современные теоретические подходы к оптимизации финансово-экономической деятельности предприятий региона. Выявлены пути оптимизации финансовой политики и предложены направления ее развития в соответствии с целями и задачами. Представлены базисные основы построения классификаторов финансовой устойчивости предприятий региона. Раскрыта содержательная сущность потенциальных ресурсов предприятия, используемых для оптимизации финансово-экономической деятельности предприятия. Резервы сгруппированы по влиянию на оптимизацию, описаны их потенциалы и возможные результаты воздействия. Обозначены пути оптимизации финансово-экономической деятельности предприятий, сгруппированные по четырем основным направлениям. Рассмотрен ряд инвестиционных проектов, направленных на дальнейшее развитие экономики региона, защиту ее от импортозависимости.

Ключевые слова: эффективность экономической деятельности, системный анализ, финансы, ресурсы предприятия.

Базификация управления возможна при наличии системы, в рамках которой основной функции управления становится экономический анализ. Сравнительно малочисленный перечень показателей определяет эффективность экономической деятельности предприятий, хотя на каждый из них оказывает воздействие целая система факторов. Применение системного анализа отличается совокупной оценкой действия всех факторов и целевым характером их исследования. Владение методикой оценки действия факторов на выбранные показатели эффективности дает возможность построения механизма оптимизации финансово-хозяйственной деятельности предприятия.

Совокупный экономический анализ позволяет вычислить как общие, так и частные показатели, на каждый из которых влияет набор факторов.

Galimat R. Temizheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Head. Department of
Finance and Credit North-Caucasian state
humanitarian-technological academy
anvas2010@ro.ru

OPTIMIZATION OF FINANCIAL-ECONOMIC ACTIVITY OF ENTERPRISES OF THE REGION

Annotation. In the article the modern theoretical approaches to the optimization of financial and economic activity of enterprises in the region. The ways of optimizing the financial policies and directions of its development in accordance with the goals and objectives. It presents the basic fundamentals of building classifications of financial stability of enterprises in the region. Revealed substantial nature of the potential resources of the enterprise are used to optimize the financial and economic activity of the enterprise. Reserves are grouped on the effect on the optimization, described their potentials and possible feedbacks. The ways of optimizing the financial and economic activity of the enterprises, grouped in four main areas. Considered a number of investment projects aimed at further development of the region's economy, its protection from import dependence.

Keywords: efficiency of economic activity, system analysis, Finance, enterprise resources

Различие между понятиями «показатель» и «фактор» весьма условно, потому, что любой из показателей является, в некотором роде, фактором для показателя более высокого порядка, и наоборот.

В методике финансового анализа, предложенной Шереметом А.Д. и Сайфулиным Р.С. [5, 7], сформулированы задачи экономического анализа, служащие базисом классификации факторов. Именно эта классификация факторов, которые задают безусловно экономические показатели, служит ядром систематизации потенциальных ресурсов.

Потенциальные экономические ресурсы подразделяются на две категории:

– запасы ресурсов, таких, как материалы, сырье, востребованные при постоянном развитии предприятия;

– неиспользуемые ресурсы для возможного увеличения производства.

Средством для выявления этого потенциала служит анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия.

Термин «резерв» соответствует упущенным шансам экономии материальных, финансовых, трудовых затрат при определенной интенсивности производственных отношений.

Одно из направлений применения резервов заключается в максимальном снижении потерь и нецелесообразных затрат. В качестве другого направления может служить реализация перспектив научно-технического прогресса, т.е. рост авидитета производственной деятельности.

Таким образом, руптура потенциальной степени расходования ресурсов, соотносимых с имеющейся производственной возможностью предприятия, от фактического уровня – это и есть резерв конкретного предприятия.

Для упрощения процедуры отыскания резервов предназначена их классификация, которая возможна на основе различных признаков.

Здесь появляется неизбежность раскрытия термина «производственный потенциал» – это наиболее осуществимый объем выпускаемой продукции соответствующего качества при условии максимально эффективного применения средств производства предприятия.

Такие термины, как «производственная мощность» и «производственный потенциал», отражают наиболее полное употребление ресурсов предприятия всех типов.

Общий запас для роста экономической эффективности производственных процессов предприятия составляет несоответствие существующего уровня производства продукции производственному потенциалу предприятия.

В ракурсе предприятия резервы подразделяются на эндогенные (внутренние) и экзогенные (внешние), причем, экзогенные обладают большей эффективностью, но эндогенные, безусловно, являются более важными.

Надобность других подходов в классификации зависит непосредственно от поставленных исследовательских и аналитических задач.

Основными узлами конструкции выявления ресурсов стали передовой опыт, рационализация, привлечение резервов – условия этих действий и принципы их реализации. К ним можно отнести:

- нахождение основного элемента в повышении эффективности производства;
- определение мест в производстве, негативно влияющих на темпы роста производства;

– регистрация вида производственной деятельности (массовая, единичная);

– учет всех этапов жизненного цикла продукта производства при определении резервов;

– формирование резерва за счет одномоментной экономии труда, сырья, времени загрузки оборудования, что служит гарантией увеличения объема производимой продукции;

– методичность проведения анализа от предпроектной стадии до стадии производства, включая стадии проектирования и подготовки к производству;

– приемлемое комбинирование всех типов анализа.

Для оптимизации финансово-экономической деятельности предприятий необходимо определение резервов (по любому фактору), для чего обязательно проверить наполненность выбранного фактора тремя основными ресурсами: материалы, рабочая сила, загруженность оборудования.

Эксплуатация ресурсов предприятия, как производственных, так и финансовых, имеет либо экстенсивный, либо интенсивный характер.

Экстенсивная эксплуатация ресурсов и экстенсивный онтогенез производства нацелены на использование в производстве вспомогательных ресурсов.

Интенсификация производства подразумевает, прежде всего, увеличение производства при секвестировании ресурсов. Основой интенсификации производства служит научно-технический прогресс.

При анализе уровня интенсификации производственной деятельности предприятия учитывается классификация резервов экстенсивного и интенсивного развития и преимущество отдается одному из них.

В процессе практического выявления резервов существенную роль играет классификация по факторам и условиям интенсификации для оптимизации производственной деятельности предприятия (таблица 1).

Анализ финансово-экономической деятельности предприятий региона является внушительным инструментом повышения финансового процветания предприятия и его собственников. Уровень результативности реализации финансовой стратегии соответствует точности ее построения, глубины учета и оценки факторов, действующих на конечный результат производственной деятельности. Такой подход нуждается в полном раскрытии финансовой оценки производства: всех ее ступеней, функциональной наполненности, методических подходов и инструментария, факторов, влияющих на ее развитие.

Классификация резервов оптимизации финансово-экономической деятельности предприятия

Группы резервов	Виды резервов
1. Научно-технический уровень производства на предприятии	Рост качества продукции и применяемой техники за счет регулярного внедрения результатов Н-Т прогресса; уровень механизации, автоматизации производства, технической и энергетической вооруженности труда; внедрение новых технологий, техники и мероприятий научно-технического развития
2. Организация и структура производственной деятельности	Рост уровня концентрации, специализации и кооперирования; секвестирование производственного цикла; формирование ритмичного производства и прочих принципов научной организации производства; исключение производственного брака; внедрение научной организации труда; повышение квалификации работников в соответствии с инновациями в производстве
3. Рост уровня управления и оптимизация декрипитации производственной деятельности	Оптимизация производственной структуры; корректирование органов управления; совершенствование контрольно-учетной работы
4. Совершенствование социально-экономических условий производства	Инновации в области эстетики и культуры производства; экологичный подход к производству, рациональное расходование природных ресурсов; оптимизация внешнеэкономических связей

Основным инструментарием описываемых процессов представлены экономические показатели, каждый из которых несет в себе конкретный четкий смысл, качественное наполнение и раскрывает одну из сторон финансово-экономической деятельности предприятия, в совокупности позволяя диагностировать, исследовать и резюмировать анализируемые процессы. На рисунке 1 представ-

лены пути оптимизации финансово-экономической деятельности предприятий, сгруппированные по четырем основным направлениям.

Не смотря на большую значимость эндогенных резервов, предприятиям региона приходится рассчитывать на экзогенные резервы и для этого в республике делается не мало.

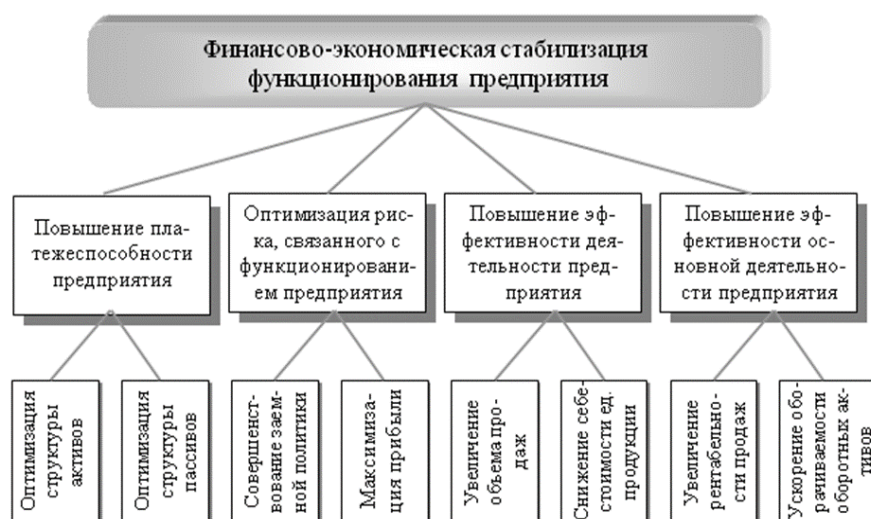

Рисунок 1 – Пути оптимизации финансово-экономической деятельности предприятия

В Карачаево-Черкесской Республике в течение ряда последних лет отмечается позитивная динамика по многим направлениям социально-экономического развития. За последние три года на развитие экономики и социальной сферы Карачаево-Черкесской Республики инвестировано 61,7 млрд. рублей, из которых около 50 % – внебюджетные. В структуре ВРП инвестиции составляют около 30 %. По данному показателю Карачаево-Черкесская Республика среди субъектов Российской Федерации в 2016 году находится на 75 месте, среди субъектов СКФО – на 7 месте. В первом полугодии 2017 года инвестиции в основной капитал выросли в 1,6 раза по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года.

Государственные инвестиции, предусмотренные в республиканском бюджете Карачаево-Черкес-

ской Республики, направлены на строительство объектов образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, транспорта, коммунального и жилищного строительства. Объемы инвестиций в республике в основной капитал представлены на рисунке 2.

Рисунок 2 – Динамика инвестиций в КЧР

В республике реализуется 21 инвестиционный проект, затрагивающий все сферы экономической деятельности на общую сумму 58,0 млрд рублей, среди которых инвестиционные проекты:

1. по созданию всесезонного туристско-рекреационного комплекса «Архыз». В будущем – это курорт мирового уровня, ориентированный на прием до 500 тысяч туристов в год. В 2017 году комплекс «Архыз» посетило более 200 тысяч человек;
2. по созданию предприятия полного цикла по переработке шерсти и производству изделий из нее с использованием инновационных технологий ООО «Квест-А». При выходе на проектную мощность предприятие будет выпускать 2 тыс. тонн продукции в год;
3. по строительству линии по производству цемента сухим способом с увеличением мощности до 6,2 тыс. тонн клинкера в сутки ЗАО «Кавказ-цемент» холдинга «Евроцементгруп»;
4. по закладке сада интенсивного типа на площади 263 га – реализуемый ООО «Сады Караево-Черкесии».

Ряд проектов, направленных на дальнейшее развитие экономики региона, защиту ее от импортозависимости, готовится в ближайшее время к реализации.

Литература:

1. *Беллендир М.В.* Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности. Хабаровск, НГАЭиУ, 2014. 166 с.
2. *Бороненкова С.А.* Управленческий анализ. М. : Финансы и статистика, 2014. 317 с.
3. *Савицкая Г.В.* Методика комплексного анализа хозяйственной деятельности: Краткий курс. 2-е изд., испр. М. : ИНФРА-М, 2014. 278 с.
4. *Федорова Г.В.* Финансовый анализ предприятий при угрозе банкротства. М. : Омега, 2014. 307 с.
5. *Шеремет А.Д.* Методика финансового анализа / А.Д. Шеремет, Р.С. Сайфулин. М. : Инфра-М, 2011. 332 с.
6. Экономический анализ хозяйственной деятельности; Под редакцией Шеремета А.Д. М. : Экономика, 2013. 249 с.
7. Экономический анализ: ситуации, тесты, примеры, задачи, выбор оптимальных решений, финансовое прогнозирование : Учеб. пособие / Под ред. М.И. Баканова, А.Д. Шеремета. М. : Финансы и статистика, 2011. 322 с.

Для роста эффективности инвестиционных проектов необходимо выстраивать гибкую финансовую политику предприятия.

Основным результатом моделирования такой политики предприятия является достижение «финансового равновесия», при котором соблюдается оптимальная соразмерность объема и состава источников финансирования и эффективности их использования, при достижении максимального уровня устойчивости финансовых отношений и рациональности и правомерности издержек образованных денежных фондов.

Формирование оптимизационных мероприятий должно сделать возможным не только нивелирование отрицательных последствий экзогенных факторов, но и обеспечить снижение уровня угроз в перспективе [7, 8]. Уровень эффективности применяемых мер зависит от того, как глубоко учтена специфика конкретного предприятия, насколько раскрыты социально-экономические условия его функционирования.

Таким образом, ход организации финансовой политики предприятия и оптимизация его финансово-экономической деятельности обязаны иметь индивидуальный характер и опираться на научно-обоснованные методики экономического анализа и ядро финансового управления.

Literature:

1. *Bellendir M.V.* Comprehensive economic analysis of economic Dey-faculty. Khabarovsk, NGAEiU, 2014. 166 p.
2. *Boronenkova S.A.* Management analysis. M. : Finance and Statistics, 2014. 317 p.
3. *Savitskaya G.V.* Methods of complex analysis of economic figure-ness: A Short Course. 2nd ed. M. : INFRA-M, 2014. 278 p.
4. *Fedorova G.V.* The financial analysis of the enterprises under the threat of bankruptcy. M. : Omega, 2014. 307 p.
5. *Sheremet A.D.* Methods of Financial Analysis / A.D. Sheremet, R.S. Saifulin. M. : In-Fra-M, 2011. 332 p.
6. The economic analysis of economic activity; Edited Chez Remeta A.D. M. : Economics, 2013. 249 p.
7. Economic analysis of the situation, tests, examples, tasks, choosing optimal solutions, financial forecasting : Proc. manual / Ed. M.I. Tank nova, A.D. Sheremet. M. : Finance and Statistics, 2011. 322 p.

Юрьева Ирина Владимировна
магистрант,
кафедра прикладной экономики,
Российский университет дружбы народов
rector@rudn.ru

Купрякова Марина Анатольевна
магистрант,
кафедра прикладной экономики,
Российский университет дружбы народов
rector@rudn.ru

Савкина Юлию Витальевна
магистрант,
кафедра прикладной экономики,
Российский университет дружбы народов
rector@rudn.ru

ИННОВАЦИИ В НАУКОЕМКИХ ОТРАСЛЯХ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ КОСМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ)

■ ■ ■

Аннотация. В настоящее время в космической отрасли в современных экономических условиях все острее встает вопрос о ее переводе на инновационный путь развития и более активном использовании в космической деятельности высоких технологий. Обеспечение инновационного развития является необходимым условием развития космической индустрии по основным ее направлениям.

В настоящее время существует огромное количество множество примеров, доказывающих, что инвестиции в космические технологии и исследования приносят колоссальную прибыль, если находят применение в экономике. Поэтому в настоящее время вопросы развития космической отрасли стали крайне актуальны. Так, для нее встает вопрос о переводе отрасли на инновационный путь развития. Поэтому, в данной статье рассматривается значение инноваций в развитии наукоемких отраслей (в частности в космической отрасли).

Ключевые слова: инновации, наука, наукоемкие отрасли, космическая отрасль.

■ ■ ■

Объем мирового рынка космических услуг сейчас составляет, по разным оценкам, \$ 300—400 млрд в год и ежегодно растет примерно на 5 %, причем собственно затраты на запуски ракет и спутников составляют около \$40 млрд, то есть на порядок меньше. К 2030 г. с появлением новых типов ракетносителей и внедрением новых технологий рост рынка космических продуктов и услуг может ускориться, а его объем — увеличиться примерно до \$1,5 трлн. Разве может

Irina V. Yureva
undergraduate,
department applied economy,
Peoples' Friendship University of Russia
rector@rudn.ru

Marina A. Kupryakova
undergraduate,
department applied economy,
Peoples' Friendship University of Russia
rector@rudn.ru

Yulia V. Savkina
undergraduate,
department applied economy,
Peoples' Friendship University of Russia
rector@rudn.ru

INNOVATIONS IN KNOWLEDGE-INTENSIVE INDUSTRIES AND THEIR IMPORTANCE (BY THE EXAMPLE OF THE SPACE INDUSTRY)

■ ■ ■

Annotation. Currently, in the space industry in the current economic conditions, the question of its transfer to the innovative way of development and more active use of high technologies in space activities is becoming more acute. Ensuring innovative development is a prerequisite for the development of the space industry in its main areas. Currently, there are a huge number of many examples that prove that investing in space technology and research bring a huge profit if find application in the economy. Therefore, at present, the issues of space development have become extremely relevant. So, the question arises about the translation industry to an innovative path of development. Therefore, this article discusses the importance of innovation in the development of knowledge-intensive industries (in particular in the space industry).

Keywords: innovations, science, science-intensive branches, space branch.

■ ■ ■

бизнес игнорировать такие перспективы? Поэтому в последние годы в мире наблюдается приток частных инвестиций в развитие космических технологий и освоение космоса [5].

Сегодняшняя практика показывает, что космические технологии — это инновационный бизнес, который могут успешно развивать не только государства, движимые амбициями или военно-политическими целями, но и частные компании

(например, SpaceX и Tesla Motors Илона Маска, Virgin Galactic Ричарда Брэнсона) [5].

Одним из основных показателей эффективности космической деятельности следует считать Futron's Space Competitiveness Index (SCI) – индекс космической конкурентоспособности. Имеющиеся аналитические данные позволяют отметить, что за период 2007–20014 гг. в РФ демонстрирует возрастающий тренд SCI, что показано в таблице 1.

Таблица 1

Динамика индекса космической конкурентоспособности SCI РФ за период 2007–20014 гг.

Годы:	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
SCI	36,4	34,29	37,99	39,55	39,29	40,55	43,76
Место в мире	3	3	3	3	3	3	3

Источник: составлено по материалам [6]

Важно отметить, что РКП РФ не только стабильно удерживает 3 место в мире, но демонстрирует рост SCI в 2014 году в условиях действия экономических санкций. По-видимому, рост индекса обусловлен повышенным вниманием Правительства РФ к РКП и приоритетностью отрасли в качестве стратегического целеполагания индустриальной и инновационной государственной экономической политики.

В конце 2017 года госкорпорация «Роскосмос», компания «ВЭБ Инновации» и Российская венчурная компания подписали трехстороннее соглашение о намерениях, предусматривающее создание совместного венчурного фонда. Новый фонд будет финансировать инновационные компании, создающие технологии для освоения практического использования космического пространства, а также во смежных областях [4].

Отметим, что не смотря на то, что объем мирового космического рынка достиг \$320 млрд, из них лишь 25 % приходится на госсектор. Мощный приток частных инвестиций связан с тем, что космические технологии все больше применяются не только в военных или государственных целях, а, что называется, бытовых: для навигации, спутникового ТВ, связи [3].

Литература:

1. *Авсянников Н.М.* Инновационный менеджмент : Учебное пособие. 2-е изд., испр.и доп. / Н.М. Авсянников. М. : РУДН, 2011. 189 с.
2. *Беленький А.Н.* Развитие современной ракетно-космической отрасли: роль научно-технических инноваций / А.Н. Беленький, Д.В. Карасев, Н.А. Тихонова // Молодой ученый. 2016. № 20. С. 124–127
3. Деньги в космос, 25 марта 2015 года (URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/upravlenie-innovatsiyami/a15563/>)

Таким образом, в России имеется серьезный задел для появления и развития частных космических проектов, однако реализовать их только посредством частных инвесторов сложно по причине высокой стоимости. Поэтому в основе таких проектов должен лежать принцип кооперации: например, государство может поддерживать их путем размещения заказов. Наконец, для того чтобы проект был успешен, лежащая в его основе бизнес-модель должна носить глобальный характер: продукт или технология должны быть интересны не только отечественным заказчикам, но и зарубежным [4].

В этом свете, можно выделить следующие причины инвестиционной привлекательности космической отрасли:

Во-первых, это бескрайняя вселенная для инноваций и научно-технического прогресса. Некоторые исследователи считают, что войны двигают вперед технологии и прогресс цивилизации в целом. Но космос стимулирует развитие человечества гораздо быстрее и эффективнее, чем войны, и обходится без массовых жертв и разрушений.

Во-вторых, космос – это использование реальной глобальной экономики высоких технологий навигации, мониторинга, телекоммуникаций, биомедицины, безопасности, энергетики, в том числе и солнечной [5].

Таким образом, отечественная космическая отрасль сегодня сохраняет достаточно высокий уровень конкурентоспособности на мировом рынке. Тем не менее, длительное функционирование в условиях недофинансирования и сокращение госзаказов явились существенными факторами для формирования устойчивой тенденции к отставанию от западных производителей по уровню технологии и росту зависимости от импортных комплектующих [2].

С целью устранения отставания и достижения технологического лидерства в данных сегментах рынка Российским космическим агентством была разработана стратегия развития ракетно-космической отрасли до 2030 года, которая «ориентирована на преодоление ситуации, сложившейся в 90-х годах прошлого века путем модернизация производства и внедрение новых инновационных технологий» [2].

Literature:

1. *Ovsyannikov N.M.* Innovation management: textbook. 2nd ed., Spanish and EXT / N.M. Ovsyannikov. Moscow : RUDN, 2011. 189 с.
2. *Belenky A.N.* Development of modern rocket and space industry: the role of scientific and technical innovations / A.N. Belenky, D.V. Karasev, N.A. Tikhonova // Young scientist. 2016. № 20. P. 124–127
3. Money in space, March 25, 2015 (URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/upravlenie-innovatsiyami/a15563/>)

4. Кирилл Булатов: венчурный фонд даст новый импульс частной космонавтике (URL: <https://ria.ru/interview/20180202/1513782198.html>)

5. Космос сегодня – это инновационный и прибыльный бизнес // Александр Лосев (URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2015/07/01/598770-kosmos-segodnya-eto-innovatsionnii-i-pribilnii-biznes>) от 1.07.2015.

6. FUTRON'S 2014 SPACE COMPETITIVENESS INDEX A Comparative Analysis of How Countries Invest In and Benefit from Space Industry URL: <http://www.comspacewatch.com/commercial-space/futron-releases-2014-space-competitiveness-index.html>

4. Kirill Bulatov: the venture Fund will give a new impetus to private cosmonautics (URL: <https://ria.ru/interview/20180202/1513782198.html>)

5. Space today is an innovative and profitable business // Alexander Losev (URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2015/07/01/598770-kosmos-segodnya-eto-innovatsionnii-i-pribilnii-biznes>) from 1.07.2015.

6. FUTRON'S 2014 SPACE COMPETITIVENESS INDEX A Comparative Analysis of Low Countries Invest in and Benefit from Space Industry URL: <http://www.comspacewatch.com/commercial-space/futron-releases-2014-space-competitiveness-index.html>

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 18.04.2018
Подписано в печать 23.04.2018
Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская №1
Печать riso. Уч.-изд. л. 12,5
Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом-Юг»
350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9, литер «Г», оф. 41/3
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 1884

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: <http://www.id-yug.com>